Учебное пособие
для вузов

Д.В. Ольшанский

ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Деловая книга»

2001

УДК 159.9
ББК 88
056

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Ольшанский Д.В.

056 Основы политической психологии. — Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — 496 с.

ISBN 5-88687-098-9

Данная книга представляет собой впервые осуществленное в России систематическое учебное изложение основных слагаемых новой науки, политической психологии. От ее предмета и задач, через психологию личности, малых и больших групп, а также психологии масс в политике, до исследовательских методов и прикладного использования, читателю предстает широкая панорама роли и потенциала «человеческого фактора» в политике. Книга написана на основе многолетнего опыта практической, исследовательской и преподавательской работы автора в нашей стране и за рубежом, в том числе чтение курсов политической психологии в Институте общественных наук, МГИМО МИД РФ, в ряде зарубежных университетов.

Для студентов, аспирантов, преподавателей психологических и политологических специальностей вузов; для специалистов-практиков в сфере политики, PR и проведения избирательных кампаний.

УДК 159.9 ББК 88

ISBN 5-88687-098-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политическая психология — практически, совершенно новая наука для нашей страны. Фактически, лишь с конца 80-х — начала 90-х годов появились работы, которые стали включать в свои названия эти слова: «Политическая психоло-

гия». Нужен был определенный уровень развития общества для того. что новая наука привлекла к себе интерес и завоевала место для достойного существования. Впрочем, этот процесс никак нельзя считать законченным. Он все еще продолжается, и будет продолжаться достаточно долго — пока не появится новое поколение политических психологов, исследователей и практиков.

Данная книга — попытка внести посильный вклад в эту работу. Она построена в жанре монографического учебного пособия. Это не научная монография, но и не просто курс лекций. Это особого типа учебник. В книге отобраны наиболее показавшие себя, «работающие» научные теории. Одновременно, они снабжены достаточным количеством практических иллюстраций, реальных политических и исторических примеров, облегчающих усвоение теоретического знания.

Это учебник для серьезной работы, для поэтапного изучения и усвоения политической психологии как капитальной науки. Соответственно, он снабжен необходимым для этого аппаратом. В книгу включена подробная программа курса "Политическая психология». Каждая глава начинается со своеобразного «программного конспекта» рассматриваемой темы, а завершается основными итогами, выводами данной главы. Естественно, каждая глава снабжена, по крайней мере, кратким списком дополнительно рекомендуемой литературы.

Обратим особое внимание на приводимые в конце каждой главы ее краткие основные итоги. В них дается своеобразное резюме прочитанного, делаются краткие основные выводы в виде готовых конспектов ответов на предстоящих на экзамене вопросы.

За этой книгой стоят вот уже почти 25 лет теоретической, преподавательской и практической работы автора в сфере политической психологии. Читателям известны книги, многочисленные специальные и популярные статьи на эти темы. Накопление и оформление изложенных в книге знаний происходило в процессе преподавательской и научной деятельности на факультете психологии МГУ, Института общественных наук при ЦК КПСС, МГиМО МИД РФ, Института проблем народонаселения РАН, Российской академии образования. Практическая апробация материала осуществлялась посредством работы политическим советником в Афганистане, Анголе, ряде других стран, а так же через участие практически во всех избирательных компаниях в экс-СССР и России, начиная с 1990 г., с выборов первого президента тогда еще РСФСР. Сплав теории и практики осуществлялся во многом благодаря работе в Центре стратегического анализа и прогноза.

За все хорошее — огромное спасибо данным структурам и работавшим в них вместе с автором людям,

Я искренне надеюсь на то, что эта книга найдет своего читателя, а читатель найдет для себя много нового в этой книге. Но еще больше хочется верить в то, что эта книга подвинет читателя на дальнейшее, еще более глубокое, уже самостоятельное изучение политической психологии и, возможно, на практическую работу в данной сфере.

С уважением,

Дмитрий Ольшанский,
доктор политических наук, профессор

ВВЕДЕНИЕ

Что Вы слышали о политической психологии?

Вы слышали, что Наполеон проиграл битву при Ватерлоо потому, что его замучил насморк? А битву при Бородине так и не смог выиграть потому, что в тот день его замучил геморрой?

А слышали ли Вы, что вообще-то добрый французский король Карл устроил резню гугенотов в Варфоломеевскую ночь потому, что его «достали» желудочные колики и, соответственно, он пребывал в самом скверном настроении?

Неужели вы не слышали и о том, что в ходе одного из зарубежных визитов престарелого Л.И. Брежнева вражеские спецслужбы сняли номер в отеле прямо под номером советского лидера, врезались в канализационную трубу, и в течение всех дней визита тщательно изучали его экскременты? На основании этих исследований враги получили полную информацию о состоянии его здоровья, настроении и даже о его психологии. Все это было использовано в ходе тех переговоров, которые шли во время визита.

Но уж, конечно, Вы точно слышали анекдотец о том, что у Ленина был сифилис, который разложил его Мозг, и потому вся октябрьская революция была полным бредом? Рассказывают, что однажды, в начале 90-х гг., директора крупных российских заводов на встрече с Ельциным долго жаловались на тогдашнего госсекретаря России Г. Бурбулиса. Вот тогда, вроде бы, недовольный Ельцин и буркнул: «Говорят, что Ленин умер от сифилиса, а я вот умру от Бурбулиса».

Если Вы слышали хоть что-нибудь подобное, значит, Вы уже знакомы с политической психологией. Правда, в ее самом худшем, анекдотическом варианте. Мы предлагаем познакомиться с этой наукой всерьез. Но чтобы последующее чтение не показалось сплошным занудством и наукообразием, давайте хотя бы начнем эту книгу короткой серией небольших историй о том, как конкретно иногда проявляет себя политическая психология.

История 1: психологическое моделирование

В один из декабрьских дней 1964 г. Дэвид Брюс, американский посол в Лондоне, был срочно вызван в Вашингтон. Брюс спускался по трапу самолета в глубокой задумчивости — еще бы! Ему предстояло принять участие в игре, правил которой он не знал...

Не знал их до конца и недавно ставший президентом США Линдон Джонсон. Однако перспективы эта игра сулила немалые, и попробовать стоило. Через несколько дней ожидался прилет британского премьера Гарольда Вильсона. Предстояли серьезные переговоры. Причем это должна была быть их первая встреча в президентской практике Л. Джонсона. И вот, готовясь к ней, президент решил воспользоваться советом консультантов-психологов. Он срочно вызвал своего посла в Лондоне для того, что тот «сыграл роль Вильсона» в игре, имитировавшей предстоящие переговоры. Л. Джонсон играл сам себя, а Брюс был именно тем самым нужным человеком, который мог «сыграть» Вильсона. Он досконально знал британский кабинет, его проблемы и трудности и был, вместе с тем, доверенным лицом президента. Больше двух часов они «проигры-

вали» могущие возникнуть в ходе переговоров ситуации. Играли, «чтобы таким образом можно было лучше ощутить ожидаемые проблемы»[1].

Д. Брюс должен был не только изложить социально-экономические и политические аспекты ситуации. Он должен был суметь перевоплотиться в Вильсона, учитывая его личную мотивацию, личные отношения и с американцами, и со своими министрами, личную склонность к тому или иному типу принятия решения, и т. д., и т. п. Он должен был учесть всю сложнейшую палитру психологических характеристик и британского премьера, и американского президента, и всей ситуации.

После окончания весьма успешных переговоров, Л. Джонсон публично выразил особую удовлетворенность «той большой подготовительной работой, которая весьма способствовала успешности этой встречи».

История 2: психология выбора

Вначале — без политики. В начале 60-х гг. психолог Ф.Д. Горбов создавал специальную психологическую службу работы с космонавтами. Дело было новое, многое приходилось придумывать «с нуля». И вот однажды Ф.Д. Горбову поручили отобрать наиболее вероятного кандидата в космонавты № 1. Он, как и многие другие специалисты, выбрал Ю.А. Гагарина. Спустя годы его много раз спрашивали: почему он сделал именно такой выбор? Ведь никто, никакой психолог еще не мог знать, какие качества понадобятся там, в космосе — отбирали первого в истории космонавта. Горбов признавал: он тоже не знал, по каким качествам надо выбирать. «Так за что же вы выбрали именно Гагарина?» — «За его улыбку. Я понимал, что психология будет важна не в полете, а после него. И задал себе вопрос: каким он должен быть, первый землянин, побывавший в космосе, символ прогресса человечества? Тогда я понял: он должен быть обаятельным и уметь здорово улыбаться».

А вот теперь — о политике. У нас не хватит бумаги на перечисление всех политических лидеров разных стран, которые были избраны лидерами за свои улыбки. Самый яркий пример — президент США Джимми Картер. Слабый президент, мало профессиональный политик. Число провалов в его деятельности (одна неудача с освобождением американских заложников в Иране чего стоит!) многократно превышало число удач. Но как же он умел улыбаться! Помните анекдот? После встречи с одним иностранным политиком, обсуждая ее итоги, Л.И. Брежнев признался помощникам: «Да, конечно, он большой мерзавец. Но как, мерзавец, целуется!».

На первой встрече с президентом США Дж. Кеннеди советский лидер Н.С. Хрущев так увлеченно расписывал преимущества социализма, что под конец не выдержал, и прямо-таки заявил, без всякой дипломатии: «Мы вас закопаем!». И тогда не выдержал Кеннеди: «Мистер Хрущев, вы хотите войну? 0'кей, вы ее получите!». И тут испугался Н.С. Хрущев. С трудом, ситуацию удалось успокоить. Но она не исчерпала себя. Разрядилась ситуация позднее, когда в ответ на выступление американского делегата в ООН Н.С. Хрущев снял башмак и начал, в знак протеста, стучать им по столу: дескать, мы вам не позволим!

После этого Хрущева... полюбила вся Америка. По данным социологических опросов, он сумел сломать стереотип восприятия прежних советских лидеров — «роботов в кителях». Он показал себя человеком, способным на живое,

---

[1] Нью-Йорк таймс. — 1965. — 19 декабря.

непосредственное, спонтанное поведение. Он умел пугать, но умел и бояться. Значит, с ним можно было разговаривать и договариваться. Вот почему удалось предотвратить и Карибский кризис, и многие другие политические сложности того времени. Потому, что психология умеет корректировать политику.

Много можно было бы рассказать историй подобного рода, однако, дело не в отдельных историях. Их собирает, изучает и обобщает наука, имя которой пока звучит привычно далеко не для всех — политическая психология. Однако дело и не в имени, не в названии науки. В порядке самого краткого введения в курс ее изучения, попробуем ответить всего лишь на три простых вопроса.

Первый вопрос: так чего ждать и чего не ждать от политической психологии? Известно: когда людям (классам, партиям, политическим деятелям) хорошо, они ждут от науки заверений, что им будет еще лучше. Когда плохо, они надеются услышать, что им не станет еще хуже. Так вот, от политической психологии прежде всего не надо ждать вранья. Слишком часто наши политики нанимают себе сотрудников, в том числе и психологов, лишь для того, чтобы каждый день слышать про свою гениальность. Политическая психология — это не политическая психотерапия. И те, кто этого не понимают, опасно заблуждаются. Особенно наглядно это видно у российских политиков в ходе предвыборной компаний. Почему-то каждый кандидат на выборный пост просто-таки уверен, что народ его любит.

Разочарование наступает для большинства наутро после голосования, когда выясняется, что до всенародной любви ой как далеко, а огромные деньги потрачены напрасно. И тогда... тогда нужны либо психотерапевты, либо «козлы отпущения». Так вот, от политической психологии не надо ждать ни того, ни другого. Это — наука. Ее задача — вооружить политика знаниями, дать ему конкретные и реальные рекомендации, А уж как он их реализует, это, в конечном счете, все-таки его, а не наши проблемы. Наука наукой, а политика политикой.

Не надо ждать и, тем более, требовать от политической психологии ответственности за судьбы общества. В конце концов, это всего лишь наука, а не панацея от всех политических бед и неприятностей. Поэтому нет даже смысла говорить о каких-то моральных кодексах, хартиях честности и подобных самоограничениях, которые должна, по мнению некоторых, накладывать на себя политическая психология. «Пояс верности» изжил себя еще в Средневековье. Да и толку от него, говорят, было мало. Наука должна быть честной и объективной — за это ее и называют наукой. И не надо ждать от нее ничего большего.

Второй вопрос тесно связан с первым: **чего хотелось бы избежать в политической психологии?** Нескольких вещей. Во-первых, откровенного вранья. К сожалению, слишком много вранья идет в последнее время от имени науки под видом так называемого «пи-ара». Во-вторых, шаманства — неуклюжих попыток ответить на те вопросы, ответа на которые наша наука пока еще просто не знает. И, наконец, в-третьих, хотелось бы избежать всякого рода неумелых, но претенциозных попыток предсказаний. Только не надо путать предсказания с прогнозами. Прогнозы политическая психология давать обязана, и чем больше, тем лучше. Прогностический смысл заложен в любой науке, а политическая психология отличается значительным прогностическим ресурсом.

Однако прогноз — никак не гадание на кофейной гуще. И не безудержное тупое, упрямое следование какой-то одной линии в угоду какому-то заказу или собственным заблуждениям. В последнее время, к сожалению, и в политической психологии возросло число странных сочинений двоякого рода, С одной стороны, слишком много ура-оптимистичных сочинений во славу действующей вла-

сти и ее лидера. С другой стороны, много сочинений-страшилок, рисующих политические перспективы в самых мрачных тонах и предвещающих всяческие беды, вплоть до осуществления апокалиптических пророчеств. Это по преимуществу голос тех псевдо-прогнозистов, кто умеет только экстраполировать, то есть прочерчивать вперед линию развития, как она сложилась за определенный период. Если такая линия идет вверх, они без колебания продолжат ее до самого неба. Если она поползла вниз, то те же люди столь же неумолимо дотянут ее до дна самой глубокой пропасти. Такие гадальщики на кофейной гуще — самые опасные люди для любой науки.

На этих экстраполяционных принципах было основано пресловутое советское планирование «от достигнутого». Сколько сделали + еще процентов 5—10. И это когда-то выродилось в знаменитое шуточное обращение к корове хрущевских времен: «Удвой удой, утрой удой, а то пойдешь ты на убой!». Вот этого и хотелось бы избежать как в самой политической психологии, так и по отношению к ней.

Наконец, последний, третий вопрос: **так кто же такой политический психолог?** Прежде всего, это человек, любящий наблюдать за политиками и тем, что они делают. Его девиз — название блестящей книги Ф. Дюрренматта: «Поручение, или О наблюдении наблюдателя за наблюдающими». В известной мере, хороший политический психолог — это, прежде всего, первоклассный наблюдатель. И, разумеется, это глубоко творческий человек, умеющий точно интерпретировать результаты своих наблюдений. Политический психолог — это, к тому же, еще и человек с открытым, не догматизированным мышлением. Это человек, помнящий, что процесс создания политической психологии как науки еще далеко не закончен. Значит, и он — один из строителей этой новой науки.

Это не только ученый. Это еще и, безусловно, практик. На данном этапе новое политико-психологическое знание получается непосредственно из практики. Более того, современная политическая действительность предоставляет огромную зону для практических экспериментов, дающих новое знание. И этим надо уметь пользоваться.

Однако, политическая психология — не курица, автоматически несущая золотые яйца. Мало получить звание «политического психолога», чтобы безбедно жить на ренту с профессии. За право заниматься политической психологией приходится бороться, и подчас это жестокая, конкурентная борьба.

Политическая психология — интереснейшая, хотя и тяжелейшая профессия, Политический психолог все время находится в политической игре или где-то рядом с ней. Одновременно, сам он не игрок. Уметь понимать игроков и «читать игру», при этом сохранять полное хладнокровие и быть абсолютно объективным, холодным аналитиком — нелегкая доля. Трудно сочетать обязательную искренность науки с естественным цинизмом практической политики. Но это и есть удел высококлассного политического психолога. Трудно работать с людьми, которых ты обязан понимать, причем делать это так, чтобы они не чувствовали этого и не раскусили тебя. Тяжело знать все, но не показывать, что ты слишком много знаешь (это может быть опасно). Но тот, кто сможет пройти через это, достигнет больших высот.

Глава 1
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

Политическая психология как междисциплинарная наука на стыке политологии и социальной психологии. Ее штоки и автономный статус. Психологические и политологические корни политической психологии. Поведенческий подход как методологическая платформа политической психологии. Основные вехи истории поведенческого подхода, его достоинства и недостатки.

Западная «политическая психология» и отечественная «психология политики» как относительно самостоятельные понятия, отражающие различные трактовки предмета и задач политической психологии.

Политика как особый вид деятельности людей. Психологическая структура такой деятельности. Понятие «психологических механизмов» этой деятельности и основные элементы этих механизмов. Возможности политологии и психологии в их понимании и практическом воздействии на них.

Предмет и задачи политической психологии. Психологические аспекты, факторы и «составляющие» политики как предмет политической психологии.. Анализ, прогнозирование и управленческое влияние на политическую деятельность со стороны ее психологического обеспечения как три основных задачи политической психологии.

Основные объекты изучения политической психологии. Политическая психология внутренней политики. Политическая психология внешней политики и международных отношений. Военно-политическая психология.

Основные принципы политической психологии. Основные проблемы и методы политической психологии. Междисциплинарные связи политической психологии.

Основные функционально-содержательные и структурно-функциональные проблемы политической психологии.

Многоуровневый объект политической психологии: 1) психология отдельной политической личности; 2) психология малых групп в политике; 3) психология больших групп в политике, 4} массовая психология и массовые настроения в политике. Теоретическая и прикладная политическая психология.

Начнем с самого общего определения, к которому будем еще не раз возвращаться дальше, по ходу книги, для его дальнейшего уточнения и развития. В самом первом приближении, политическая психология — междисциплинарная наука, родившаяся на стыке политологии и социальной психологии. Ее главная задача состоит в анализе психологических механизмов политики и выработке практических рекомендаций по оптимальному осуществлению политической деятельности на всех уровнях. Собственно говоря, именно для этого она и появилась, на этом и стал наращиваться ее ныне уже вполне самостоятельный статус.

Современную политическую психологию надо рассматривать, что называется, с двух концов. С одной стороны, существовала и развивается западная политическая психология, С другой стороны, в 80-е годы начала складываться отечественная психология политики. Сейчас, спустя годы, они естественным путем слились в единую политическую психологию. Однако история и предыстория каждого направления продолжают сказываться. Именно поэтому, для более полного понимания картины, мы рассмотрим и то общее, что сложилось в политической психологии как науке, и то особенное, что в отдельных деталях продолжает их различать между собой.

Формально датой рождения западной политической психологии считается 1968 г., когда при Американской ассоциации политических наук было учреждено отделение политической психологии, а в ряде Университетов США (преж-

де всего, в Йельском) начали читаться специальные курсы политической психологии. Однако предыстория политико-психологических идей, наблюдений, знаний и даже конкретных исследований имеет значительно более давние истоки, уходящие своими корнями в античность. На Западе и на Востоке, от Аристотеля до наших дней накоплено уже огромное количество теоретических и эмпирических разработок.

Политическая психология — новая и, вместе с тем, очень старая наука. От Аристотеля до наших дней и политики, и ученые интересуются субъективной стороной политических процессов. Их и изучает политическая психология — научная дисциплина, возникшая на пересечении интересов политологии и психологии. Согласно авторитетному мнению Дж. Кнутсон предметом политической психологии являются «психологические компоненты политического поведения человека», социальных групп и целых народов, исследование которых позволяет «применить психологические знания к объяснению политики»[2].

В современных развитых западных странах политическая психология прочно вошла в арсенал практической политики. Без специальной помощи и консультирования экспертов в этой сфере не обходится принятие практически ни одного важного политического решения. К этому привыкли президенты и сенаторы, электорат и кандидаты на выборах, средства массовой информации и общественное мнение. К сожалению, как уже говорилось во введении, и как мы увидим дальше, в нашей стране политическая психология как наука до сих пор делает все еще только первоначальные шаги. Задача данной главы, а затем и всей книги состоит в ознакомлении с достижениями мировой политической психологии, с намечающимися путями ее развития в нашей стране, а также с основными, необходимыми как исследователям, так и, в значительной мере, практикам, конкретными прикладными инструментами политико-психологического анализа.

В основе любой науки лежат некоторые методологические основания — та самая общая логика и метод мышления, которыми руководствуется эта наука, в рамках которой ее можно и нужно рассматривать. Для западной политической психологии такой основой стал поведенческий подход. Не поняв его, трудно понять, что представляет собой политическая психология как наука.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД - МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ - ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Главной методологической основой современной западной политической психологии принято считать поведенческий (иногда говорят прямо, бихевиористский) подход к пониманию политики. Его суть понятна из самого названия: это рассмотрение политики как особой сферы поведения людей.

История поведенческого подхода ведет отсчет времени его существования с середины 30-х годов XX века, когда стали появляться первые работы, в которых нащупывались иные возможности вместо принятых прежде подходов — в частности, вместо считавшихся «спекулятивно-историческими», в духе расхожих мифологем, «психологии народов», или психоаналитической интерпретации политической истории. В своем развитии поведенческий подход изначально

---

[2] *Knutson J.* Handbook of political psychology. San Francisco, 1973. — P. 438.

стремился к более «конструктивно-прагматическому» осмыслению политики на основе соединения политического и психологического знания.

Одним из первых необходимость этого понял и попытался осуществить американский исследователь Ч. Мерриам. Обосновав положение о политическом поведении как о центральной концепции политической науки, он предложил выявлять специфические черты политического поведения индивида, тех или иных социальных групп, а также массовых феноменов эмпирическим путем, количественными методами, соединяя в политической науке исследовательские приемы эмпирической социологии и социальной психологии. Однако не все эти абсолютно благие намерения удалось реализовать даже до сих пор. Хотя заслуги Ч. Мерриама в становлении политической психологии, разумеется, бесспорны.

Затем значительный вклад в развитие поведенческого подхода был внесен также американцем Г. Лассуэлом. После этого, под влиянием первых основополагающих работ названных исследователей, число сторонников поведенческого подхода стало стремительно расти. Фактом является то, что в течение долгих последующих лет понятие «поведенческий подход» стало вбирать в себя подавляющее большинство исследований в западной политической науке вообще. На сегодняшний день поведенческий подход к политике, в целом, представляет собой обширный конгломерат различающихся между собой исследовательских тенденций, объединяемых лишь общим вниманием к «человеческому фактору», к поведению людей в политике, которое, однако, трактуется в разных вариантах по-разному.

В содержательном отношении уже с самого начала поведенческий подход поставил в центр внимания не только внешне наблюдаемые аспекты человеческой деятельности (собственно «поведение») в политике, но и внутренние субъективные механизмы такого поведения, В частности, особое место в рамках поведенческого подхода занимали исследования социально-политических установок, сознания, самосознания и стереотипов субъекта политического поведения. Трактовались подобные механизмы, однако, достаточно узко, как производные от внешних условий, в соответствии с базовой схемой психологического бихевиоризма: «S (стимул) ==> R (реакция)». Кратким был и перечень таких механизмов — по сути дела, в большинстве западных исследований до сих пор все сводится к доминированию «установочного акцента», причем наибольшее внимание уделяется нормативным установкам, определяющим поведение, приемлемое с точки зрения господствующей политической системы, и формирующимся в сознании людей стереотипам.

В западной науке поведенческий подход к политике традиционно основывался на своего рода «идеальной» модели «политического человека» — гражданина, существующего внутри некоторой системы политических отношений. Постулировалось, что такой человек заведомо обладает минимально необходимым для жизни в такой системе набором социально-политических качеств. Это означало, что он является высоко моральным (с точки зрения принятых в данном обществе норм), что руководствуется рациональными мотивами поведения, положительно относится к «естественному» (привычному для данного общества) правопорядку. Постулировалось, что обычно он ставит перед собой достаточно четко определенные социально-политические цели, умеет выбирать эффективные средства их достижения, а также способен «правильно» [в соответствии с нормами и ценностями господствующей политической системы) оценивать политические силы и отдельных общественно-политических деятелей — разумеется, с точки зрения их соответствия сформулированным политическим задачам.

Традиции подобной модели, в разных вариантах, восходят еще к философским взглядам Дж. Локка, А. Смита, Ж,-Ж. Руссо, А. Фергюссона и др. В прикладном выражении, сторонники поведенческого подхода исходят из достаточно простых соображений: что у избирателя «есть определенные принципы», что он «в какой-то мере разумен», у него «есть собственные интересы», однако, осознает он их далеко не всегда, да и присутствуют они в его сознании далеко не в той «экстремальной и детализированной форме, в какую их унифицированно облекли политические философы». Задачей прикладного, эмпирически ориентированного поведенческого подхода и выступал поиск тех конкретных политико-психологических норм, в которых реально, поведенчески существуют и проявляются названные понятия и категории более высокого, философского порядка.

В других вариантах, поведенческий подход исходит из того, что центральным пунктом рассмотрения политической науки вообще являются любые формы участия человека или групп людей в осуществлении власти (или в противодействии ее осуществлению). Это формы, охватывающие участие в формальных организациях и массовых движениях, включенность в различные элементы политической системы или осознанную отстраненность от них, публичную манифестацию взглядов с целью воздействия на общественное мнение, политические институты и руководящие (правящие) политические группы. В этом варианте поведенческий подход ориентируется на анализ некоторых действий (или уклонение от таковых) некоего субъекта в отношении политической системы. Структура таких действий, как правило, включает субъекта действий, обстоятельства осуществления этого действия, объект действия и соответствующие целевые установки данного действия. Наиболее интересными для анализа при таком подходе с политико-психологической точки зрения являются субъект политического действия и те внутренние субъективные механизмы, которые им движут.

Важнейшим достоинством поведенческого подхода является акцент на субъективные аспекты и состояния политики, внимание к тем политико-психологическим составляющим данной сферы общественной жизни, которые до этого недооценивались, а подчас просто игнорировались иными направлениями политологии, нацеленными на рассмотрение более объективных компонентов политической жизни общества.

Недостатки упрощенных вариантов поведенческого подхода. Основными чертами поведенческого подхода, критически выделяемыми сторонниками иных направлений, считаются несколько основных моментов. *Во-первых,* это стремление анализировать политическое поведение прежде всего, а во многих случаях исключительно как поведение на выборах, т.е. абсолютизация без сомнения важной, но лишь одной формы политической жизни. Как правило, статистические и опросные исследования в рамках этого варианта поведенческого подхода дают лишь данные о возможном (вероятном) выборе электората, но не допускают проникновения в политико-психологические механизмы этого выбора. Таким образом, эти сведения не являются — хоть иногда и представляются некоторым политикам и политологам — самодостаточными. В дальнейшем рассмотрении, мы постараемся избежать данного уклона. С нашей точки зрения, содержательный анализ психологических механизмов политического поведения представляется значительно более продуктивным направлением.

Во-вторых, к недостаткам данного варианта часто относится тенденция рассматривать политическое поведение лишь в условиях стабильности политической системы, оставляя за рамками анализа политическое поведение в дестабилизированных ситуациях — например, в условиях разнообразных кризисов.

По сути дела, при таком варианте в рамках поведенческого подхода речь идет исключительно об институ-ционализированном политическом поведении. Это прежде всего косвенное изучение политических институтов на основе анализа результатов их влияния на людей и их поведение. При таком подходе исчезает другая сторона: влияние политических процессов, политического поведения людей на политические институты. Нам представляется, что и эта сторона критики вполне справедлива. Реально, возможности поведенческого подхода значительно шире. Более того, в отличие от статично-институционального, именно динамично-процессуальный вариант поведенческого подхода открывает перед политической психологией новые значительные перспективы. В этом, собственно, и состоит ее изюминка; это то, чего не могут делать другие политические науки.

В-третьих, частую критику вызывает некоторая склонность отдельных разновидностей поведенческого подхода к ограничению анализа лишь вербальными оценками поведения (обычно ответами на анкеты с «закрытыми» вопросами, подразумевающими лишь три — «да», «нет», «не знаю» — варианта ответов) без достаточного учета невербальных проявлений политического поведения. И это критическое замечание представляется справедливым. В нашем дальнейшем рассмотрении политической психологии мы будем исходить из прямо противоположного подхода, Главным в политической психологии является анализ невербального поведения людей,

В-четвертых, иногда не выдерживает критики само понимание субъекта политического поведения. Изначально, на первых этапах возникновения и развития, в рамках поведенческого подхода доминировали исследования не человеческих общностсй, а отдельных индивидов и той мотивация их поведения, которая побуждает либо принять участие в голосовании, либо воздержаться от него. Электорат для сторонников такой разновидности поведенческого подхода до сих пор иногда представляется простой совокупностью голосующих или не голосующих индивидов. Даже в тех, уже более современных разновидностях поведенческого подхода, которые сознают индивидуалистическую ограниченность данной традиции и хотят ее преодолеть, пока нет заметного движения дальше, за пределы попыток анализа малой группы в качестве субъекта политического поведения, или, тем более, еще дальше — за пределы проблематики внутри групповых и межгрупповых взаимоотношений.

Современные варианты поведенческого подхода исходят из того, что политическое поведение свойственно, как отдельным индивидам, так и различным социальным группам (так называемые «коллективные» или «групповые» формы» политического поведения), а также большим неструктурированным массам людей (так называемые «внеколлективные формы» или «стихийное поведение»). В рамках этой трактовки считается, что политическое поведение регулируется механизмами двоякого рода.

С одной стороны, оно регулируется объективными факторами, определяющими характер, причины, рамки и направленность политических действий. Эти факторы заданы социально-экономическими условиями жизни людей и политическими институтами. В конечном счете, это вопрос о том, каковы объективные условия производства, материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей. С другой стороны, существуют внутренние, субъективные, собственно психологические механизмы политического поведения. Поведение людей в отношении политической системы, как и всякое иное поведение человека, детерминировано их мыслями, чувствами, настроениями и т. п. — в целом, психикой.

В таком контексте, главной задачей поведенческого подхода является изучение диалектики и трансформаций влияния объективных условий на внутреннюю мотивацию и, в обратном порядке, внутренних побудительных сил, через человеческое поведение, на внешние условия.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

Психология политики — это направление исследований, достаточно искусственно сконструированное в отечественном, еще советской эпохи обществознании, также возникшее на стыке политологии и социальной психологии. Первоначально, под влиянием западной традиции и в силу неразвитости отечественной политической науки, «психология политики» развивалась как сравнительно автономная ветвь социальной психологии. Однако, с течением времени, постепенно она начала обретать статус особого, достаточно независимого научного направления — одной из ветвей политико-психологического анализа в рамках политологи[32].

Как это теперь уже очевидно, таким образом в отечественном обществознании была предпринята попытка «пойти другим путем» и исследовать близкий по содержанию круг объектов в рамках так называемой «психологии политики». Не стоит забывать о том, что само понятие «психология политики» возникло в качестве откровенного противовеса западной «политической психологии». Подразумевалось, что это будет марксистская наука, построенная на соответствующих методологических началах и принципах. В целом, эта попытка не увенчалась успехом — «придумывать велосипед» не потребовалось. Тем не менее, термин «психология политики» все еще имеет некоторое распространение. подчас внося путаницу в исследовательские работы.

На сегодняшний день психология политики сохраняет во многом маргинальный статус, связанный с ее междисциплинарным происхождением. С одной стороны, продолжается поток прежде всего эмпирических исследований, осуществляемых в русле «политического уклона» социально-психологической науки. С другой же стороны, идет поиск не только эмпирико-методиче-ского, но и, по возможности, теоретико-методологического самоопределения «психологии политики» в системе политологии. Подчеркнем принципиальное различие. Если западная политическая психология изначально претендует на самостоятельный научный статус, то психология политики долгие годы камуфлировалась под одно из направлений политологии, и не претендовала на такой статус.

Онтологические корни психологии политики, разумеется, были связаны с западной политической психологией. Они касались, в первую очередь, общего объекта изучения – психологических аспектов политики, однако с иных методологических позиций. Подчас именно это, наряду с невольным заимствованием исследовательского инструментария у более развитой западной науки, и вело к определенной путанице понятий: «политическая психология» и «психология политики» до сих пор иногда не различаются и, подчас, используются как синонимы.

Однако дело не в простой перестановке слов, а в различии гносеологических истоков этих двух путей изучения одной и той же реальности. В отличие от

---

[3] *Шестопал Е.Б.* Психология политики.— М,, 1989, Помимо этого, можно привести в качестве примера еще целый ряд статей Е.Б. Шестопал, опубликованных в 80-е годы в русле поиска предмета и специфики отечественной «психологии политики» в отличие от западной «политической психологии».

достаточно диффузного, эмпирически наполняемого, во многом субъективного и произвольно сужаемого или расширяемого круга объектов обобщенно трактуемой западной «политической психологии», «психология политики» пыталась исходить из необходимости более четкого и строгого в методологическом отношении конструирования предмета своего изучения. Предмет «психологии политики» понимался как системно-организованная совокупность особого рода факторов, влияющих на реальные политические институты и процессы со стороны «человеческого фактора» этих институтов и субъекта данных политических процессов. Как видим, вся разница была в методологии и базовом основании: «наша» или «не наша» эта наука. Представляется, что на нынешнем этапе исторического развития эти споры просто утратили всякий смысл.

«Психология политики» упирала на то, что, в конечном счете, у субъекта политики нет какой-то особой «политической психики», для изучения которой была бы необходима специальная дисциплина — «политическая психология». Такая методология, считали сторонники психологии политики, вольно или невольно, несет на себе традиционные недостатки психологизаторских традиций. Лишая, во многом, политику самостоятельного статуса, она как бы неявно настраивает на некоторую абсолютизацию психологических моментов в ней и, как показывает история развития поведенческого подхода к пониманию политики в западной науке, может претендовать на постепенное вытеснение политологии как науки и ее постепенную подмену «политической психологией».

В отличие от последней, «психология политики» пыталась выделять свой предмет внутри политологии как целостной и единой науки, изучающей такое сверхсложное явление, как политическая жизнь общества. Будучи подчиненной политике как генеральному объекту, и политологии как научной дисциплине более высокого порядка, «психология политики» не претендовала на абсолютизацию, а напротив, признавала рядоположенность и, как правило, вторичность, производность психологических факторов по отношению к другим моментам (в первую очередь, экономическим и социальным), более непосредственно влияющим на политику. Подобный, не только и не столько психологически, сколько политически центрированный методологический путь и был основой «психологии политики» и, вместе с тем, водоразделом, гносеологически как бы отделяющим ее от «политической психологии».

«Психология политики» при таком понимании выступала, в первую очередь, в качестве субдисциплины и одновременно, специфического метода анализа в рамках системно-организованной политологии. Постулировалось, что строение и составные части такой системной политологии конституируются политикой как мета-проблемой, как бы «организующей» подобную междисциплинарную, синтетическую науку путем соединения для решения этой мета-проблемы тех или иных отдельных, относительно конкретных и более частных отраслей традиционно существующих научных дисциплин и методов познания. Такое понимание снимало в марксистской науке острые споры о наличии или отсутствии права на существование «психологии политики» как отдельной «делянки» на общем поле общественных наук. Напротив, согласно такой логике, проблемно организованная политология неизбежно включала в себя «психологию политики» в качестве одного из своих уровней, задачей которого и являлось изучение, учет и предвидение субъективных, психологических факторов и механизмов политического развития.

В целом, политология как единая наука, представляющая собой метасистему познания политики, таким образом могла быть представлена в виде многоэтажного здания, где каждому этажу соответствовала та или иная конкретная

отрасль знания, находящаяся в положении субдисциплины и изучающая «свои» факторы и аспекты политики. Соответственно, среди многих этажей этого здания, наряду с такими признанными субдисциплинами как «социология политики», «философия политики» и т. п., достаточно правомерным было выделение «этажа», соответствующего «психологии политики». С «комнатами», соответствующими основным разделам этой отрасли знания. Надо признать, что в ту пору, данная трактовка была достаточно позитивной — она отстаивала, в удобных для общественной науки того времени терминах, специфику и право на существование политико-психологического познания.

Занимая определенное место в рамках политологии, в то же самое время, «психология политики» являлась одним из ответвлений социально-психологической науки. Если социальная психология в целом исследует наиболее общие законы и механизмы поведения людей в обществе, то «психология политики» пыталась заниматься той частью вопросов социальной психологии, которая казалась связанной с закономерностями и механизмами сугубо политического поведения людей. Если социальная психология выполняла роль «родовой науки», функцией которой являлось обобщенно-теоретическое рассмотрение наиболее общих зависимостей социального поведения, то «психология политики» выступала в качестве более частной, «видовой» ветви родовой науки, призванной приложить обобщенное знание к конкретно-практической сфере политических процессов и явлений.

«Психология политики» 80-х гг. имела **три главных теоретических основания**. **Первое основание** было связано с политической философией и, в отечественном звучании, восходило к основным положениям марксистской мысли, относящимся к роли человеческого фактора в политической жизни. В рамках материалистического понимания истории, политика, взятая не только в форме объекта или в форме созерцания, а как человеческая чувственная деятельность, практика, безусловно включает в себя влиятельный субъективный компонент. Деятельность же, как известно, немыслима без субъекта. Субъектом политики как особого вида человеческой деятельности являются люди — как отдельные индивиды, так и разнообразные социально-организованные человеческие общности, обладающие специфическими социально-психологическими особенностями. Опираясь на, в целом, весьма здравые положения, «психология политики» не смогла соединить их с давно известным и развиваемым на Западе поведенческим подходом. А именно на таком соединении и возникает понимание политики как деятельности, снимающее все методологические вопросы и кажущиеся противоречия.

Вторым основанием «психологии политики» были социология и социальная психология. Они дали «психологии политики» основные методические приемы исследования, а также конкретно-научную методологию аналитических подходов к политико-психологическим и социально-политическим процессам.

Третьим основанием «психологии политики» была сама марксистская политическая наука, неизбежно базировавшаяся на историческом материализме. Однако, переживая множественные внутренние кризисы, в 80-е гг. он уже был далек от претензий на монополизм и служил, в основном, в качестве своеобразной идеологической «крыши». Помимо определения основных точек приложения исследовательских сил «психологии политики» тогдашняя отечественная политология в целом предоставила ей достаточные возможности самоопределения в рамках комплексного, многомерного изучения политики и нахождения своего, специфического предмета исследования.

Базовым для «психологии политики» уже тогда являлся деятельностный подход, хотя присутствовал он как бы в скрытой форме. Несмотря на недостаточную разработанность деятельно стного понимания политики в то время, даже зачатки этого подхода позволяли соединить на основе единого рассмотрения и политику (как особую деятельность людей), и психологию участвующих в ней людей. Подобный подход, даже в зачаточной форме, позволял вычленить для политико-психологического анализа ряд опорных категорий. Это мотивы участия людей в политике и смысловая структура политической деятельности с точки зрения ее субъекта. Это также потребности, удовлетворяемые такой деятельностью. Это, безусловно, цели, ценности, нормы и идеалы, благодаря которым индивид или группа становятся частью некоего политического целого, идентифицируют себя с ним. Наконец, это человеческие чувства, эмоции и настроения, которые выражаются в такой деятельности. Это знания и мнения, которыми располагает и которые распространяет субъект, а также целый ряд вторичных, производных категорий.

Из всего сказанного понятно, что в конечном счете содержание понятий «психологии политики» и «политическая психология» никак не противоречит друг другу. Напротив, они очень во многом достаточно удачно взаимно дополняют друг друга. Хотя, безусловно, это не синонимы, а достаточно различающиеся термины, возникшие в разных методологических традициях. Имея это в виду, в дальнейшем мы будем использовать единый термин: «политическая психология». Наша методологическая основа в данном случае понятна: нет отдельно «западной» или «восточной» политической лсихологии. Нет политической психологии «марксисткой» и «антимарксистской». Есть единая мировая наука, развитие которой в разных обществах имело ределенные особенности и акценты. До определенной поры они казались непреодолимыми, однако это время прошло. Тем более, что у политической психологии и психологии политики есть скрытая общая методологическая основа. В западной политической психологии она называется «поведенческий подход». В отечественной «психологии политики» — теория социальной предметной деятельности.

ПОЛИТИКА КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Специальный методологический анализ показывает, что зачаточные формы деятельностного понимания политики, содержавшиеся в психологии политики, не противоречат поведенческому подходу, принятому в западной политической психологии. Более того, именно достаточно проработанный деятельностный подход в приложении к политике соединяет эти направления, превращая терминологические различия в малоосмысленную «игру в бисер». Центральной проблемой поведенческого подхода в данном разрезе оказывается проблема субъективных механизмов, обеспечивающих подобные трансформации, инициирующих и регулирующих политическое поведение. Вот тогда при таком понимании ведущими категориями поведенческого подхода становятся категории политического сознания и политической культуры, усваиваемые субъектом в процессе политической социализации, а также такие производные от внешних условий психические переменные, как эмоции, чувства и настроения в их не столько индивидуальном, сколько массовом, социально-типическом выражении. Они же, эти категории, оказываются центральными и для психологии политики.

Остановимся подробнее надеятельностном подходе к политике как на стержневом моменте для синтеза политической психологии и психологии политики, на выработке общей платформы для теперь уже единой политической психологии. Оттолкнемся от общепризнанного как на Западе, так и на Востоке.

Как известно, «главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме *созерцания,* а не как *человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно*»[4]. Отсюда и вытекает смысл трактовки политики именно как особой деятельности людей; *«История* не делает *ничего,* она не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается *ни в каких битвах*!» Не «история», а именно человек, действительно живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком для достижения своих целей. История — не *что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека»[5]. Можно по разному относиться к авторам приведенных высказываний, однако трудно отказать им в логике и убедительности проведенного анализа.

Отсюда, собственно, и вытекает предельно поведенческое (бихевиористское) понимание политики как определенной сферы человеческой деятельности, которую осуществляет и которой управляет человек. Деятельность немыслима без субъекта. Субъект же не может действовать без мотивационных факторов, то есть без психологических составляющих этой самой своей деятельности.

В свое время Г.В. Плеханов писал: «Нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы... и за которым не следовало бы известное состояние сознания... Отсюда — огромная важность общественной психологии... с нею надо считаться в истории права и политических учреждений»[6]. Прав он был, или не прав — трудно не считаться с такой убежденной позицией. Кроме того, трудно привести и убедительные противоположные примеры, опровергающие подобные утверждения — если, конечно, совсем не разувериться в способности человека влиять на происходящее вокруг него.

Реконструируя и обобщая прошлое, можно считать, что в истории существовало три основных подхода к роли психологии в изучении политики. *Во-первых,* максималистская позиция. Она проявлялась в разное время, однако наиболее яркий пример в научной литературе — труды профессора А. Этциони второй половины XX века, с его совершенно однозначным взглядом. Поскольку политику «делают» люди, считал А. Этциони, то возможности психологии в изучении политики и влиянии на нее «практически безграничны». Это, так сказать, супер-психологизаторский подход, которого иногда побаиваются даже сами психологи. И хотя классик психо- и социодрамы Дж. Морено когда-то запальчиво заявил, что дескать, пройдет время, и когда-нибудь, в следующем веке,»верховным ментором в белом доме» (имелся в виду президент США) должен будет стать «психолог или врач, хорошо знающий человеческую психологию», пока до этого еще далеко.

Во-вторых, позиция минималистов. Ее сторонники, а их до сих пор еще немало, напротив, на перь место ставили и продолжают ставить иные, значительно более объективные факторы: социальные, экономические и другие, не признавая за психологическими факторами практически никакого значения. Однако и эта позиция в политической истории также показала свою несостоятельность. Максимум, к чему она приводила — это к стремлению решать все политические вопросы с «позиции силы», используя исключительно объективист-

---

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т.3. — С.1.
[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — *Т. 3. — С. 102.*
[6] Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории, — Избр. филофские произведения. — М., 1956. — Т.2. С. 247—248.

ские силовые аргументы и «наращивание мускул». Однако в очень многих случаях это оказывалось достаточно плохой политикой. Возникали конфликты, для урегулирования которых, опять-таки требовались психологи. Что, безусловно, опровергало позиции «минималистов», но до сих пор не уменьшает число их рядов.

В-третьих, был, есть и продолжает развиваться компромиссный, синтетический подход. Его сторонники, осознавая и признавая серьезную роль психологии, однако, понимали, что психология — лишь один из голосов в общем хоре многих факторов влияния на политику. Политика представляет собой настолько сложный феномен общественной жизни, что нет и не может быть некой единой науки, которая будет в состоянии объяснить все аспекты политики — как, впрочем, и любой иной человеческой деятельности. Значит, возможно и необходимо построение сложных моделей политики, включая и политико-психологические модели.

В конечном счете, с этой точки зрения политика и есть, прежде всего, определенная человеческая деятельность с определенными мотивами, целями и, естественно, результатами. Главным мотивом и, в случае успеха, результатом этой деятельности является согласование интересов разных человеческих групп и отдельных индивидов. Обретая эти результаты и свой формы в тех или иных политических институтах, политика как особая деятельность наполняет собой политические процессы — как содержание, наполняя форму, как бы «застывает» в ней, принося определенные итоги.

Соответственно, можно говорить о двух базовых подходах к изучению политики как деятельности. Во-первых, об институциональном подходе — с его выраженным акцентом на политические институты, то есть, на результаты определенной деятельности людей. Во-вторых, о процессуальном подходе — с его не менее выраженным акцентом на политические процессы, то есть, на сам процесс этой деятельности. Согласно известному польскому социологу Я. Щепаньскому, социальные процессы, включая процессы политические — «это единые серии изменений в социальных системах, то есть в отношениях, институтах, группах и других видах социальных систем». Это «серия явлений взаимодействия людей друг с другом или серия явлений, происходящих в организации и структуре групп, изменяющих отношения между людьми или отношения между составными элементами общности»[7].

В конечном счете, каждый из выше обозначенных подходов к роли психологии в политике был хорош для своего времени, и для того состояния, в котором находилось то или иное общество. Иногда психология выходила на первое место — особенно это было характерно для кризисного и «смутного» времен, когда трансформируются или рушатся политические институты и, соответственно, на первое место выходят политические процессы. Тогда и повышается роль политической психологии по сравнению с достаточно стабильным, «институциональным» временем. Иногда, напротив, психология как бы «пряталась» внутрь общественной жизни, будучи жестко подавленной институциональными структурами, особенно в тоталитарных общественных системах и организациях. Тем не менее, общее понимание политики как особого вида человеческой деятельности, смыслом которой является управление людьми через согласование различных интересов групп и индивидов, позволяет соизмерять эти подходы,

---

[7] Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. — М., 1969. – С. 194, 196.

рассматривая их как разные стороны проявления политики, как особой человеческой деятельности.

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Таким образом, **предмет политической психологии** в целом — это политика как особая человеческая деятельность, обладающая собственной структурой, субъектом и побудительными силами. Как особая человеческая деятельность, с психологической точки зрения, политика поддается специальному анализу в рамках общей концепции социальной предметной деятельности, разработанной академиком А.Н. Леонтьевым. С точки зрения внутренней структуры, политика как деятельность разлагается на конкретные действия, а последние — на отдельные операции. Деятельности в целом соответствует мотив, действиям — отдельные конкретные цели, операциям — задачи, данные в определенных условиях. Соответственно, всей политике как деятельности соответствует обобщенный мотив управления человеческим поведением (его «оптимизации»). Конкретным политическим действиям соответствуют определенные цели согласования (или отстаивания) интересов групп или отдельных индивидов. Наконец, частным политическим операциям соответствуют отдельные акции разного типа, от переговоров до войн или восстаний.

Субъектом политики как деятельности могут выступать отдельные индивиды (отдельные политики), малые и большие социальные группы, а также стихийные массы. Политика как деятельность в целом, как и ее отдельные составляющие, может носить организованный или неорганизованный, структурированный или неструктурированный характер.

История, теория и практика применения политико-психологических знаний позволяет вычленить **три основные задачи**, решаемые политической психологией как наукой. В определенной степени, эти задачи развивались исторически, и соответствуют трем этапам развития политической психологии. *Первой задачей* был и до сих пор остается анализ психологических компонентов в политике, понимание роли «человеческого фактора» в политических процессах. *Второй основной задачей,* как бы надстроившейся над первой, стало и остается прогнозирование роли этого фактора и, в целом, психологических аспектов в политике. Наконец, третьей главной задачей, которая вытекала из первых двух, стало и остается управленческое влияние на политическую деятельность со стороны ее психологического обеспечения, т.е. со стороны субъективного фактора.

Как уже говорилось выше, политическая психология — достаточно молодая наука. Формально время ее конституирования датируется 1968 годом, — только тогда в рамках Американской ассоциации политической науки было создано отделение политической психологии и, одновременно, в ряде университетов ввели специальную программу углубленной подготовки политологов в области психологических знаний. До этого политическая психология в значительной мере представляла собой набор отдельных, подчас случайных, несистематизированных фактов, наблюдений, догадок, часто не имевших под собой общей основы. Соответственно, во многом случайными, часто несопоставимыми были ее конкретные задачи. Мешала нерешенность методологических проблем.

Хотя описанный выше деятельностно-поведенче-ский подход сейчас уже предоставляет достаточно удобные и широкие рамки для этого, его все-таки трудно считать адекватной методологической основой конкретной науки. Это слишком общая, слишком широкая основа. С конкретной же методологической точки зрения, политическая психология до сих пор отличается выраженным эк-

лектизмом прагматической направленности: особенности того или иного изучаемого политическим психологом объекта и соображения практического удобства исследователя (включая его субъективные предпочтения) диктуют выбор способа теоретической интерпретации получаемых результатов.

Будучи с самого начала своего развития лишена собственной адекватной концептуально-методологической базы, политическая психология, особенно в западном варианте, долгие годы шла по пути непрерывного самоформирования основ такого рода за счет синтетического соединения, а подчас и просто эклектического заимствования самых разных концепций и методов из разных школ и направлений западной психологии. Начиная от ортодоксального психоанализа и кончая самыми современными вариантами бихевиоризма и когнитивных теорий, все они на разных этапах легко обнаруживаются в западной политической психологии. С точки же зрения непосредственной конкретно-научной методологии, в современной западной политической психологии можно выделить две основные тенденции.

Первая тенденция представлена в исследованиях, исходящих из идей структурного функционализма и системной теории политики как одной из его разновидностей. Наиболее активно данная тенденция развертывалась в теориях «политической поддержки», с одной стороны, и в ролевых теориях — с другой стороны. Сюда же следует отнести также идеи критического рационализма и бихевиоризма (включая такие направления, которые исследовали политику с позиций «конвенционального», радикального и социального бихевиоризма), отражая запросы той части практической политики, которая стремится «отладить» современный западный политический механизм в целом, считая его достаточно гомогенным и вполне устойчивым. Психология участников политического процесса интересует их в связи с тем, что они стремятся оптимизировать адаптацию человека к наличному, существующему социально-политическому порядку. Для этого направления характерна определенная заданность исследовательских подходов и, соответственно, получаемых результатов — в частности, прежде всего в силу явной акцентировки социально-охранительной функции политической психологии. Политико-психологическое знание используется данным направлением исключительно для оправдания существующего политического устройства, подчас даже без учета перспектив его развития. Философские основания большинства частно-научных концепций этого рода относятся к сциентизму и технократизму, опираясь на веру в возможность чисто инженерного подхода к человеку в политике на основе применения новейших научных достижений («новых технологий») в плане управления им. Эти внешне новейшие, а на деле давно используемые модификации позитивистско-утилитаристской политической теории являются продолжением той классической традиции, у истоков которой стоял еще Т. Гоббс.

Вторая тенденция представлена антипозитивистским направлением, в русле которого активно разрабатываются теоретические конструкции когнитивизма, «гуманистической психологии», неофрейдизма и символического интеракционизма. Основой данных течений является антисциентистская, часто иррационалистическая философия антропологического толка. В эмпирические политико-психологические исследования эти идеи проникли из культурной антропологии, психоанализа и социального бихевиоризма Дж. Мида и Ч. Кули. В настоящее время в этой части политической психологии в качестве методологической основы достаточно серьезно укоренился инстинктивизм фрейдистского понимания человека, идеи подсознательной идентификации личности со «своей» политической партией, а также общее иррационалистическое видение природы чело-

века. Данные методологические постулаты дают неоднозначные результаты в зависимости от политических установок исследователей. Так, например, психоанализ в истории политической психологии представлен, как в откровенно правых идеях Г. Лассуэлла, так и в радикальных построениях «новых левых». В конечном счете, и здесь политические психологи часто поступают по принципу «что нашли, то и сгодилось». Увлеченность конкретными исследованиями и прикладными заказами часто как бы избавляет их от необходимости специальной проработки методологических задач. В соответствии с личными пристрастиями и симпатиями исследователя, выбирается та или иная, удобная лично ему теоретическая схема. Причина такой методологической «всеядности» все та же — это отсутствие собственной методологической базы, отсутствие собственного понимания политики и ее психологических механизмов. Именно поэтому методологические вопросы были и продолжают оставаться в центре внимания наиболее серьезных политических психологов. Хотя, безусловно, они никак не могут закрыть собой яркость и многообразие изучения конкретных объектов политической психологии.

В ПОИСКАХ «МЕНТАЛИТЕТА»

Обобщенно, предметом политической психологии часто называют политический «менталитет». Менталитет (от англ. Mentality — сознание) — обобщенное понятие отчасти образно-метафорического, политико-публицистического плана, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад разнообразных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений. Используется, главным образом, для обозначения своеобразного, оригинального способа мышления, склада ума или даже умонастроений. Например, иногда в литературе упоминается национальный менталитет — «грузинский», «русский», «немецкий» и др. Встречается и региональный менталитет— «скандинавский», «латиноамериканский» и др. Иногда говорят о менталитете социальной группы, слоя, класса — «мелкобуржуазный», «интеллигентский», «маргинальный» и др. Подчас это понятие несет в себе квалификационно-оценочный оттенок, отражая способности мышления и уровень интеллекта его носителей (особенно в сочетании с прилагательными типа «высокий», «низкий», «богатый», «бедный» и т. п.). Может нести и содержательно-идентификационную нагрузку политико-идеологического характера (например, «либеральный», «тоталитарный», «демократический», или же, скажем, «пролетарский», «революционный», а также, напротив, «контрреволюционный», «реакционный» и т. п. менталитет).

В свое время в обществознание понятие менталитет было введено представителями историко-психологического и культурно-антропологического направлений Л. Леви-Брюлем, Л. Февром, М. Блоком и некоторыми другими. В первоначально использовавшемся контексте менталитет означал наличие у представителей того или иного общества, трактуемого, прежде всего, как национально-этническая и социо-культурная общность людей, принадлежащих к одной и той же исторически сложившейся системе культуры, некоего определенного общего «умственного инструментария», своего рода «психологической оснастки», которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение, а также самих себя. Со временем понятие менталитет стало использоваться и для описания в обобщенном виде свойств и особенностей организации социальной и политической психологии людей, принадлежащих к такой общности, в частности, политического сознания и самосознания членов той или иной достаточно обособленной общности не только на-

ционально этнического и историко-культурного, но и социально-политического характера.

В узком политико-психологическом смысле менталитет представляет собой определенный, общий для членов социально-политической группы или организации своеобразный политико-психологический тезаурус («словарь», «лексикон», призму восприятия и осмысления мира). Именно он и позволяет достаточно единообразно воспринимать окружающую социально-политическую реальность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися в общности нормами и образцами поведения, гарантированно адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга. В этом случае общий менталитет сам по себе является организующим фактором, образующим особую политико-психологическую общность людей на основе такого единого для всех ее членов менталитета.

С функциональной социально-политической точки зрения, общий для той или иной группы менталитет способствует поддержанию преемственности ее существования и устойчивости поведения входящих в нее членов, прежде всего, в относительно стабильных, но особенно — в кризисных ситуациях. Главной особенностью последних является такое разрушающее воздействие на менталитет, которое подвергает опасности его целостность и сплачивающе-унифицирующий поведение людей характер, а в случае экстремального, критического воздействия может приводить к дестабилизации, расслоению и нарушению общности менталитета членов группы вплоть до полного разрушения такой политико-психологической общности. Возникающая в результате подобных ситуаций аномия ведет к появлению многочисленных форм девиантного поведения и острым психологическим кризисам у представителей данной общности, что влечет за собой и социально-политические последствия: в таких случаях общность становится способной прежде всего (а иногда и исключительно) к деструктивному в социально-политическом плане поведению, подчас чреватому не только разрушением социального окружения, но и саморазрушением такой общности.

В подобных случаях возникает особый, «кризисный менталитет» (или анемическое, «дезинтегрированное сознание») как выражение определенного этапа распада устойчивых прежде социально-политических образований, определявших поведение людей, в структуре сознания и психики в целом. Главными его особенностями являются своеобразная мозаичность (конфликтное сосуществование, с одной стороны, отмирающих, уже неадекватных прежних и, с другой стороны, нарождающихся, но еще не стойких новых компонентов), несистематизированность, отсутствие целостности и устойчивости, ситуативность и непрерывная изменчивость. В отличие от докризисного, достаточно устойчивого и структурированного менталитета, кризисный носит потокообразный, лабильный характер. Менталитет такого типа, например, появляется в ситуациях резкого перехода от тоталитаризма к демократии, характеризующихся появлением целого ряда новых форм общественной жизни — в частности, социально-политического плюрализма, многоукладной экономики, многопартийности и т. п. на этапе возникновения и становления этих явлений. Примером такого рода, в частности, служат попытки разнообразных реформ в советском обществе, связанных с периодом перестройки: главным фактором этих реформ должен был стать «человеческий фактор», то есть, новый, изменившийся менталитет всего общества. Развитие событий показало, однако, что трансформация менталитета является достаточно длительным и болезненным процессом. Это связано, во-первых, с трудностями отказа от прежней «психологической оснастки» — со

значительной инерционностью и особого рода «сопротивляемостью» прежнего менталитета. Во-вторых, с опасностью деструктивных последствий в результате его слишком быстрого разрушения. В-третьих, со сложностью формирования нового менталитета в процессе, по сути дела, принудительной адаптации людей не столько к новым условиям (их еще нет и не может быть на этапе начала реформ), сколько к предстоящему длительному периоду реформирования. Трудности такого рода ведут к тому, что общественные преобразования оказываются лишенными поддержки со стороны массового менталитета общества и, напротив, вынуждены преодолевать дополнительное сопротивление со стороны политической психологии членов общества.

ОСНОВНЫЕ ОБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Сфера конкретных объектов, изучением которых занимается политическая психология, крайне широка, если не сказать, безгранична. Практически, к ней относится все в политике, что так или иначе содержит хоть какие-то «психологические аспекты» и к чему причастен столь модный в последние десятилетия «человеческий фактор». От психологии лидерства до поведения толпы; от интриг в малой группе руководящего органа страны до стихийного панического поведения; от партийной принадлежности до полной аполитичности, и т. д., и т. п. Таков далеко не полный перечень только основных, наиболее ярких и известных объектов внимания политической психологии.

Многообразие объектов подразумевает обилие межпредметных и междисциплинарных связей политической психологии. По характеру целого ряда изучаемых объектов и своему конкретному содержанию политическая психология на конкретно-практическом уровне тесно смыкается с рядом близких психологических дисциплин — прежде всего, с психологией пропаганды и с психологией организации и управления. С первой ее объединяют проблемы социальных установок, общественного мнения, массового поведения и т. п. Со второй — теоретические и практические аспекты проблематики конфликтов и лидерства, особенностей психологии малых и больших социальных групп.

Политическая психология достаточно тесно связана с социологической наукой, в особенности с таким ее разделом, как политическая социология. Используя результаты, получаемые с помощью социологических методов (прежде всего, массовых социологических опросов, методов демоскопии и т.д.), политическая психология обеспечивает их более углубленную интерпретацию, качественный анализ. Это удачно взаимно обогащает обе научные дисциплины, хотя и не снимает извечных споров психологов и социологов о роли и значении каждой из этих наук.

Разумеется, политическая психология обладает и развитыми междисциплинарными связями с различными направлениями политологии. Так или иначе, в целом, они имеют общий объект изучения, политику, а значит, и общие корни. Несмотря на постоянно возрастающую, особенно в последнее время, самостоятельность политической психологии, во многих случаях политология выступает в качестве заказчика перед ней, выдвигая те или иные функциональные проблемы. Соответственно, происходит и взаимообмен методами, обогащающий обе науки. Обратим внимание, что между их представителями, в отличие от предыдущего случая, практически нет споров и противоречий. Это свидетельствует о достаточном разграничении предметов изучения и наличии достаточно различных собственных научных «языков» у каждой из этих дисциплин.

Задачи, выдвигаемые политологией и самой полической практикой, сказываются на динамике развития политической психологии, выдвигая на первое место то одну, то другую функциональную проблему. Соответственно, по функциональной направленности, заданной политологией и политической практикой, современную политическую психологию можно разделить на два основных раздела. Проблематику первого раздела составляют вопросы внутренней политики, проблематика второго раздела — сфера международных отношений и внешней политики. Помимо этих достаточно очевидных разделов, в последнее время за счет запросов практики и инвестирования очень серьезных средств, активно развивается еще один раздел — военно-политическая психология, в последние годы весьма активно претендующая на функциональную автономию.

В рамках политической психологии во внутренней политике стержнем исследований является психология личности «политического человека», а также проблемы политической социализации и социальных установок как психологических характеристик, через которые раскрывается личность в политике. Формы связи «интрапсихических детерминант с политическими процессами» прослеживаются путем анализа проблем лидерства, проявлений политического недовольства, антиправительственных выступлений, поведения на выборах, расовых волнений и т. д. Психология личности «политического человека» рассматривается в двух аспектах. В одном из них эпицентром выступает личность лидера — исследуются психологические особенности конкретных государственных, политических и общественных деятелей. Основоположником данной линии был, как известно, еще З.Фрейд, создавший первый в науке психобиографический портрет «28-го президента США» В. Вильсона. Трансформировавшись в психоисторию, эта линия обогатилась и иными, не только психоаналитическими подходами. В ее рамках активно исследуются механизмы мотивации политического поведения в широком плане; способы принятия политических решений; особенности политического мышления; политико-психологические механизмы влияния на различные социальные группы и слои населения; особенности «обаяния» лидеров и т. д.

В другом аспекте, личность рассматривается в качестве рядового участника политических процессов или члена определенных социальных групп. Таким образом исследуется целый ряд проблем. Сюда относится, в первую очередь, степень вовлеченности «среднего человека» в политику — например, «апатичность», «конформность» или, напротив, «политическая активность». Здесь же исследуются конкретные типы такой политической вовлеченности (например, «лидер», «присоединившийся», «принимающий решения» или простой «исполнитель»). Отдельные разделы — «качество» участия в политической деятельности (гибкость, ригидность позиций, творческий подход), ролевые ориентации личности, механизмы «привязанности» к политической системе (так, например, западными политическими психологами выделяются «сентиментальный» и «инструментальный» виды лояльности) и т. д.

Социальные установки и стереотипы изучаются политической психологией в качестве ведущих механизмов политического поведения и рассматриваются как организованная предрасположенность личности к определенному восприятию ситуации, ее оценке и последующим действиям. Установка включает в себя когнитивную ориентацию, эмоциональное отношение и готовность к некоему действию, т.е. активно-действенное отношение субъекта к политическим объектам — к партиям, движениям, деятелям, проблемам и т. д. Отличительной особенностью изучения установок в рамках политической психологии в последние годы стало стремление не просто описать их, но раскрыть механизмы их форми-

рования, предсказать направленность их изменений, и выработать методы целенаправленного воздействия на эти изменения.

Политическая психология во внешней политике и международных отношениях исходит из того, что психологическая наука имеет хотя и ограниченное, но достаточно важное значение в теории и практике международных отношений. Поскольку в наше время невозможно игнорировать или принижать роль в политике лидеров государств, общественного мнения разных стран, пропаганды, ситуативных факторов и вызываемых ими психологических последствий, все они в большей или меньшей степени стали объектами политико-психологического анализа. В центре данной проблематики находится изучение политической элиты разных стран (личностей и групп, принимающих решения, имеющих международное значение), а также «общественность», большие социальные и национально-этнические группы, массы в целом как силы, пособные оказать влияние на элиту. Детально исследуются проблемы конфликтов как в теоретическом, так и в прикладном планах, механизмы принятия внешнеполитических решений, процессы влияния тех или иных акций элиты на общественное мнение и, наоборот, воздействия общественного мнения на позиции элиты, психологические механизмы ведения переговоров и урегулирования противоречий и т. д, В общем виде, предметом этого направления является «человеческий фактор международных отношений».

Исследования данного рода носят прежде всего прикладной характер. Предполагается, что знание «п с ихо политических дисциплин» позволяет прогнозировать проявления человеческого фактора во внешней политике. Наиболее известным примером такого рода является работа группы американских психологов, удачно прогнозировавших в свое время поведение Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущева в период урегулирования «карибского кризиса» (в частности, ход прямых переговоров лидеров двух стран по так называемой «горячей линии» между московским Кремлем и вашингтонским Белым Домом) и давших ценные рекомендации, способствовавшие урегулированию ядерного противостояния между двумя сверхдержавами прежде всего на политико-психологическом уровне.

Помимо использования такого рода политико-психологического моделирования, часто используемым подходом является так называемая психологика. Это изучение искажений логического хода мысли, которые часто возникают под влиянием эмоциональных факторов, стереотипов, а также ситуативных факторов. В число последних может входить множество разных моментов — от межличностных отношений представителей элиты и обстановки в помещении, где ведутся, например, переговоры, до особенностей отношений между странами, вариантов «группового мышления» элиты, национальных особенностей в восприятии тех или иных ситуативных акций пропаганды и т. д. Практическая ценность данного направления состоит в возможности политико-психологического моделирования всех изучаемых моментов и учета их влияния во внешнеполитической деятельности.

В рамках военно-политического использования политической психологии акценты обычно делаются на вопросы борьбы с армиями реальных и потенциальных противников, с партизанами и «мятежниками». Это включает в себя изучение целого ряда моментов: например, особенностей личности их лидеров. Сюда же относится практическая разработка психологических механизмов предательства, отработка подрывных психологических мероприятий, разработка специальных операций, совершенствование тактики допросов, механизмов ведения психологической войны в разных форматах.

В целом, как мы видим на примере достаточно беглого обзора основных объектов нашей науки, современная западная политическая психология представляет собой разрозненный конгломераттеоретиче-ских представлений и разнообразных прикладных исследований, носящих, однако, достаточно спорадический характер, В отличие от более привычных нам подходов, когда складывающаяся наука сама предлагает своеобразный «прейскурант» своих возможностей и доступных ей объектов исследования, здесь мы видим иной подход. Для западной науки вообще более привычно, когда практика ставит некоторые конкретные задачи, а решающие их ученые, обобщая, формируют за счет этого новую науку.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Современная политическая психология вбирает в себя все лучшие достижения как западной науки, так и отечественной «психологии политики». В качестве самостоятельного, междисциплинарного по генезису, но достаточно автономного направления конкретных исследований, она исходит из пяти основных, теперь уже общепринятых, специфических для нее частно-научных принципов. Обратим на них особое внимание и подчеркнем их значение. Это, в первую очередь, не только и не столько собственно научные, исследовательские принципы, а некоторые этические постулаты, которые приняла на себя политическая психология. Опыт показывает, насколько велико практическое, прикладное значение политической психологии. Образно говоря, она может быть использована как особое, психологическое «оружие» в реальной политике. Подчас так и происходит. Однако именно в этот момент исчезает политическая психология как объективная наука, как набор знаний, которыми могут пользоваться все без исключения нуждающиеся в них люди и силы. Для того, чтобы этого не происходило, и был выработан набор следующих базовых принципов — своего рода «клятва Гиппократа» для политических психологов. Разумеется, не будем абсолютизировать их значение — и врачи не всегда свято соблюдают свою клятву. Данные принципы следует рассматривать, прежде всего, как некоторые рамки, которых желательно придерживаться политическому психологу в своей работе для того, чтобы политическая психология продолжала развиваться как серьезная объективная наука. Всего их пять, этих основных принципов.

Во-первых, это принцип взвешенности и научного объективизма. Считается, что эпицентром политико-психологического исследования должна быть «зона взаимодействия политических и психологических явлений». Попытки уклона в ту или иную стороны чреваты методологической опасностью редукционизма, то есть сведения сложных политико-психологических реалий либо к узкополитическому, либо к упрощенно-психологическому объяснению.

Во-вторых, принцип гласности и публичности. Утверждается, что центральное место в политико-психологических исследованиях должны занимать «наиболее значимые и актуальные политические проблемы», к которым «привлечено внимание общественности». Помимо того, что именно в решении таких проблем политическая психология оказывается наиболее полезной, гласность и публичность результатов таких исследований служит дополнительным препятствием для их использования в социально-эгоистических, антиобщественных, а иногда и просто криминальных целях.

В-третьих, принцип широкого учета социально-политического контекста политико-психологического исследования. Согласно этому принципу деклари-

руется необходимость уделять максимально возможное внимание политическому и социальному контексту анализируемых психологических явлений. Недооценка контекста ставит под угрозу надежность получаемых выводов и может породить опасные для общественно-политического развития рекомендации. Хотя, разумеется, переоценка контекста подчас тоже бывает опасной. Для разрешения данного противоречия экспертами предлагается использование максимально широкого набора методических процедур и приемов сбора данных, а также исследовательских процедур, в опоре на предположение, что методический плюрализм и разнообразие — не только подчас неизбежное, но иногда и весьма продуктивное дело. В конечном счете, такого рода плюрализм способствует содержательному расширению объяснительных возможностей политико-психологической науки за счет ее вначале методической, а затем и содержательной широты,

В-четвертых, принцип внимания к итоговому результату. Постулируется, что необходимо исследовать не только конкретные результаты влияния тех или иных психологических факторов на политику, но и сам процесс формирования тех или иных политических явлений и процессов, а также потенциальные тенденции их развития. Это, естественно, в еще большей степени обеспечивает содержательную широту политико-психологических исследований.

Наконец, *в-пятых,* принцип нейтрализма. Современная политическая психология весьма терпима в отношении оценок как внешней, так и внутренней политики, которые связаны с политической деятельностью, то есть, нейтрально характеризует поведение людей в условиях тех или иных политических ситуаций или их отношение к системе политических учреждений и организаций общества. Это политически и идеологически нейтральная наука.

В более же точном выражении, предметом анализа политической психологии являются прежде всего внутренние, психологические механизмы политического поведения людей — субъектов этого поведения, а тем самым, субъектов политики как таковой. При таком понимании определенные проявления человеческой психики, связанные с политической деятельностью, получают и определенный политологический ракурс изучения.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Идя по пути поиска психологических компонентов известных в реальной политике проблем, то есть, следуя привычной логике «подстраивания» психологической гносеологии к политической онтологии, в политической психологии выделяются пять основных достаточно самостоятельных групп содержательных проблем. Выстроим их в порядке актуальности — так, как она оценивается большинством экспертов.

Схематически, такой конкретно-конструируемый предмет изучения политической психологии, складывающийся из ряда основных конкретных объектов этой науки, можно изобразить в виде своеобразной «мишени», образованной несколькими концентрическими окружностями, в которую как бы «стреляет» политический психолог. Центр «мишени», своеобразное «яблочко» — проблема личности в политической психологии. Следующий круг — проблемы малых групп. Далее — проблемы больших групп. Наконец, завершающий, самый широкий круг — проблемы психологии масс в политике.

Таким образом выглядят основные проблемы и основные объекты изучения политической психологии, как бы расшифровывающие общее понимание ее предмета и основных методологических принципов.

Среди методических проблем, для начала, подчеркнем лишь самое важное. Наиболее распространенные исследовательские приемы и методы политической психологии пришли в нее из психологии. Это методы наблюдения, конкретно-ситуационного анализа, тестирования, психологического моделирования, сценарного поведенческого прогнозирования и т. д. Часть методов заимствована из социологии (в частности, разнообразные варианты опросных методов). Часть методов берется из политологии (например, метод сравнительного ис-торико-политологического анализа, метод сценарного моделирования и прогнозирования, в разных модификациях). Это создает особую группу проблем, которые будут специально рассмотрены дальше.

Главной процедурно-методической особенностью политической психологии является комплексный, синтетический подход к выбору приемов и созданию «кумулятивных» комплексных методических батарей для того или иного конкретного исследования, позволяющих в максимальной степени соединять достоинства и минимизировать недостатки отдельных процедур, заимствуемых из разных исследовательских сфер. Политическая психология исходит из того, что специфическим для политико-психологического анализа является не столько наличие какого-то конкретного методического приема, сколько специфической политико-психологической интерпретационной схемы. Такая схема позволяет осуществить не только «первичную», но и «вторичную» переработку информации, извлечь и переосмыслить именно те данные, которые укладываются в категориально-понятийную систему координат политической психологии и решают исследовательские задачи данного научного направления.

Из всего уже сказанного становится понятно, что практическое использование политической психологии связано, в первую очередь, с возможностями учета политико-психологического знания при краткосрочном и, в большей степени, долгосрочном прогнозировании политических процессов, а также при выработке политической стратегии и тактики, при принятии и осуществлении политических решений на различных уровнях. Помимо сугубо политического, практическое значение политической психологии связано со сферой массовых информационных процессов. Постепенное изучение политической психологии позволит более подробно узнать приемы и методы политико-психологического исследования, а также увидеть конкретные возможности их прикладного использования.

...Почти тридцать пять лет назад было очень красиво сформулировано: «Из всех междисциплинарных взаимоотношений, которые являются практически важными для политической науки, наиболее важна взаимосвязь между политикой и психологией. Для современного автора это является аксиомой»[8]. В следующем десятилетии было повторено: «политическая наука и политика не могут развиваться без психологии»[9]. Этот вывод ныне не оспаривается никем. Хотя прошли уже не годы, а десятилетия, и развитие событий могло бы носить более ускоренный характер.

NB

[8] *Catlin G.* Systematic politics. — Toronto, 1962. — С. 38.
[9] *Davies J.C.* Where from and where to? // Handbook of political psychology. - San Francisco, 1973. - С. 29.

1. Политическая психология— междисциплинарная наука, родившаяся на стыке политологии и социальной психологии. Ее главная задача состоит в анализе психологических механизмов политики и выработке практических рекомендаций по оптимальному осуществлению политической деятельности на всех уровнях. Развитие современной политической психологии надо рассматривать с двух сторон. С одной стороны, уже достаточно давно в западной науке исследовались психологические аспекты политики, а в 1968 г. политическая психология была официально «узаконена в правах». С другой стороны, с середины 80-х гг. началось строительство отечественной «психологии политики» как отдельного направления внутри системно организованной политологии. Постепенно идейно-терминологические противоречия, разграничивавшие эти два направления, сгладились, и сегодня мы имеем дело с единой политической психологией. Сглаживание противоречий и становление единой науки было обеспечено общими методологическими основаниями. Западная политическая психология давно развивалась в рамках достаточно широкого поведенческого подхода, у истоков которого в нашем контексте стояли Ч. Мерриам и Г. Лассуэлл. Обладая определенными недостатками, данный подход имел и целый ряд бесспорных достоинств. В частности, главной задачей поведенческого подхода стало изучение диалектики и трансформаций влияния объективных условий на внутреннюю мотивацию и обратное влияние, внутренних побудительных сил, через человеческое поведение на внешние условия. В отечественной психологии близким к поведенческому оказался деятельностный подход. С его точки зрения политика и есть, прежде всего, определенная человеческая деятельность с определенными мотивами, целями и, естественно, результатами. Главным мотивом и, в случае успеха, результатом этой деятельности является согласование интересов разных человеческих групп и отдельных индивидов. Обретая эти результаты и свои формы в тех или иных политических институтах, политика как особая деятельность наполняет собой политические процессы — как содержание, наполняя форму, как бы «застывает» в ней, принося определенные итоги. Исходя из этого, можно говорить о двух базовых подходах к изучению политики как деятельности. Во-первых, об институциональном подходе — с его выраженным акцентом на политические институты, то есть, на результаты определенной деятельности людей. Во-вторых, о процессуальном подходе — с его не менее выраженным акцентом на политические процессы, то есть, на сам процесс этой деятельности.
2. Таким образом, предмет политической психологии в целом — это политика как особая человеческая деятельность, обладающая собственной структурой, субъектом и побудительными силами. Как особая деятельность, с психологической точки зрения, политика поддается специальному анализу в рамках общей концепции социальной предметной деятельности А.Н. Леонтьева. С точки зрения внутренней структуры, политика, как деятельность, разлагается на конкретные действия, а последние — на отдельные операции. Деятельности в целом соответствует мотив, действиям — отдельные конкретные цели, операциям — задачи, данные в определенных условиях. Соответственно, всей политике как деятельности соответствует обобщенный мотив управления человеческим поведением (его «оптимизации»). Конкретным политическим действиям соответствуют определенные цели согласования интересов групп или отдельных индивидов. Наконец, частным политическим операциям соответствуют отдельные акции разного типа, от переговоров до войн или восстаний. Субъектом политики, как деятельности, могут выступать отдельные индивиды (отдельные политики), малые и большие социальные группы, а также массы. Политика, как деятельность в целом, как и ее отдельные составляющие, может носить организованный или неорганизованный, структурированный или неструктурированный характер. История, теория и практика приме-

нения политико-психологических знаний позволяет вычленить три основные задачи, решаемые политической психологией как наукой. Первая задача — анализ психологических компонентов в политике, понимание роли «человеческого фактора» в политических процессах. Второй задачей, как бы надстроившейся над первой, является прогнозирование роли этого фактора и, в целом, психологических аспектов в политике. Наконец, третьей задачей, вытекающей из первых двух, остается управленческое влияние на политическую деятельность со стороны ее психологического обеспечения, т.е. субъективного фактора.

3. Конкретные объекты политической психологии лежат в трех основных сферах. Во-первых, это политическая психология внутриполитических отношений. Во-вторых, политическая психология внешней политики и международных отношений. В-третьих, все больше набирающая самостоятельный статус военно-политическая психология. Каждая их перечисленных сфер включает огромное многообразие конкретных объектов — практически все политические явления, институты и процессы, включающие в себя тот или иной психологический аспект.
4. Как и любая наука, политическая психология основывается на вполне определенных принципах. Во-первых.. считается, что эпицентром исследования должна быть «зона взаимодействия политических и психологических явлений». Попытки уклона в ту или иную сторону опасны редукционизмом. Во-вторых, утверждается, что центральное место в исследованиях должны занимать наиболее значимые и актуальные проблемы, к которым «привлечено внимание общественности»: гласность результатов служит препятствием для их использования в антиобщественных целях. В-третьих, декларируется необходимость уделять максимальное внимание политическому и социальному контексту исследуемых явлений, используя для его понимания все возможное разнообразие методических процедур и приемов сбора данных. Такой плюрализм способствует расширению объяснительных возможностей науки. В-четвертых, постулируется, что необходимо исследовать не только результаты влияния психологических факторов на политику, но и сам процесс формирования тех или иных политических явлений и процессов, а также тенденции их развития. Это обеспечивает содержательную широту исследований. Наконец, в-пятых, современная политическая психология терпима в отношении оценок как внешней, так и внутренней политики, то есть, нейтрально характеризует поведение людей тех или иных политических ситуаций или их действия, направленные на систему политических учреждений и организаций общества.
5. Большинство исследователей выделяют в качестве приоритетных, наиболее важных и интересных следующие функционально-содержательные проблемы политической психологии. Первая группа проблем — вопросы методологии, методов и фундаментальных принципов науки. Вторая группа — исследование психологических механизмов массовых форм политического поведения. Третья группа — изучение психологии малых групп в качестве элемента политических процессов и явлений. Четвертая группа — исследование процессов становления личности как участника политических процессов: психологических закономерностей вовлечения человека в политику, механизмов политической социализации, ее этапов и факторов. Наконец, пятая группа проблем — психологические проблемы международных отношений, взаимоотношений на межнациональном уровне, психологические аспекты межрегиональных и глобальных проблем. Так выглядят приоритетные для науки проблемы с содержательно-функциональной точки зрения. В ином измерении, уже структурно-содержательном, политическая психология выстраивает генерализованный объект своего изучения на четырех основных уровнях, соот-

ветствующих основным уровням социальной организации субъекта политики как особой деятельности.

Первый уровень — анализ психологии личности в политике. С одной стороны, это анализ личности в социально-типическом выражении, с акцентом на тот или иной достаточно массово выраженный политико-психологический тип личности, выражающий психологию группы, слоя, класса или даже общества в целом, включая психологические механизмы возникновения и развития данного типа, а также прогнозирования его поведения. С другой стороны, это проблема политического лидерства уже в индивидуально-психологическом выражении. Это изучение личности конкретного политического деятеля.

Второй уровень — анализ психологии малой группы, включая психологические механизмы действий различного рода элитных групп, фракций, клик, групп давления и т. п. Сюда относятся формальные и неформальные отношения лидера с ближайшим окружением; психология взаимоотношений внутри малой группы и ее отношений с внешним окружением; психология принятия решений в группе и целый ряд связанных с этим проблем.

Третий уровень — анализ психологии больших социальных групп (классы, страты, группы и слои населения) и национально-этнических общностей (племена, нации, народности). Здесь речь идет о политико-психологических механизмах крупномасштабного давления больших «групп интересов» на принятие политических решений типа, скажем, политических забастовок, этнических и межэтнических конфликтов и т. п.

Четвертый уровень— анализ психологии масс и массовых политических настроений. Сюда же относятся проблемы массовых политических организаций и движений. Здесь же располагаются и массовые коммуникационные процессы (например, действующие в ходе избирательных кампаний). Важнейшая роль здесь принадлежит массовым психологическим явлениям. Сюда относится поведение толпы, «собранной» и «несобранной» публики, массовая паника и агрессия, а также другие проявления так называемого «стихийного» поведения.

Для семинаров и рефератов

1. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. — М., 1994,

2. *Ольшанский Д.В.* Политическая психология // Психологический журнал. — 1992.—№ 2. — С. 173—174

3. Политическая психология.—Л., 1992.

4. Политология: Энциклопедический словарь. — М., 1993.

5. *Рощин С.С.* Политическая психология // Психологический журнал. — 1981.— № 1.— С. 113—121.

6. *Шестопал Е.Б.* Психология политики. — М., 1989.

7. Handbook of political psychology. / Knutson J. (ed.) — San Francisco, 1973.

8. Political psychology: contemporary problems and issues. — San Francisco, 1986.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Основные понятия и категории, как логический и методологический аппарат политической психологи, ее собственный частно-научный «язык».

Политическое сознание: определение, содержание, междисциплинарная суть, связи с другими понятиями и категориями. История понятия и его изучения. Направления и методы исследования. Массовое, групповое и индивидуальное политическое сознание. Механизмы функционирования, динамика развития и функциональные формы политического сознания. Мотивациопные и познавательные компоненты. Обыденные и теоретико-идеологизированные формы политического сознания.

Политическое самосознание, его субъекты. Когнитивный, эмоциональный и оценочно-волевой компоненты политического самосознания как целостного образа самого себя. Истоки формирования; механизм социального сравнения как главный фактор формирования политического самосознания. Политическое самосознание и политическое самоопределение. Проблема адекватности политического самосознания.

Коллективное бессознательное в политике. История понятия: трактовки К. Юнга, Э. Дюркгейма, В. Бехтерева. Структура коллективного бессознательного и массовое поведение. Влияние коллективного бессознательного на индивидуальное сознание. Его роль на разных этапах истории политики.

Политическая культура. Содержание и история понятия. Основные определения политической культуры. Структура и базовая схема элементов: субъект — установка — действие — объект. Субъекты и основные характеристики политической культуры. Ее динамичность и инерционность. Механизмы передачи и обновления. Основные типы политической культуры.

Политическая психика. Политическое восприятие. Политическое мышление. Политические эмоции. Инерция психики в политике. «Эскалация упрямства» как феномен психологической инерции в политике: причины и факторы. Многоуровневый характер проявлений инерции психики.

Политические установки и стереотипы. Понятие установки: определение. Истоки и содержание понятия «стереотип». История понятия. Двойственная роль стереотипов в политике. Основные факторы формирования стереотипов. Внутреннее строение и структура. Механизмы действия стереотипов и их использование в манипулятивных целях. Стереотипы, тоталитаризм и демократия.

Как любая наука, политическая психология имеет своего рода «скелет». Это ее логический и методологический, понятийный и категориальный аппарат, в совокупности образующий «язык» данной науки. Основная категория политической психологии, которую мы уже рассмотрели в первой главе, это деятсльностное понимание политики. Данная категория развертывается в целом комплексе достаточно соотносимых между собой понятий. Ее конкретное выражение, также подробно рассмотренное в главе 1, представлено в поведенческом подходе, являющимся своего рода «разверткой» одной из базовых категорий современной политической психологии,

Деятельность немыслима без сознания. Соответственно, политическое сознание и самосознание — понятия, развертывающие суть политической деятельности и политического поведения. Их оборотная сторона — политическое бессознательное. В основе политической деятельности лежит политическая культура — также одна из ведущих категорий политической психологии.

Наконец, к числу основных понятий политической психологии относятся такие качества психики человека, как политическое восприятие и политическое

мышление и некоторые феномены, возникающие на их основе — например, политические стереотипы.

На самом деле, разумеется, набор основных понятий и категорий политической психологии гораздо шире. Однако объем любой книги имеет свои границы. Соответственно, поневоле и нам придется пока ограничить набор рассматриваемых понятий и категорий для того, чтобы потом, по ходу книги, постепенно возвращаться к новым понятиям, и увязывать их с уже рассмотренными ранее. Так, поэтапно, мы и постараемся представить всю панораму понятий и категорий, явлений и процессов, фактов и объяснений, представляющих в совокупности политическую психологию.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Политическое сознание — одна из безусловно центральных категорий современной политической психологии, входящая в систему ее понятийных координат и обозначающая результаты восприятия субъектом той части окружающей его действительности, которая связана с политикой и в которую включен он сам, а также его действия и состояния, связанные с политикой.

В содержательном отношении большинство исследователей рассматривает политическое сознание как многомерное, неоднородное, «пульсирующее», внутренне противоречивое, многоуровневое образование, в обобщенной форме отражающее степень знакомства субъекта с политикой и рационального к ней отношения (в противовес, скажем, коллективному бессознательному в политике).

В гносеологическом плане политическое сознание тесно связано с другими основополагающими политико-психологическими понятиями и категориями. В частности, оно тесно связано с политической культурой — генетически, политическое сознание является ее производным, высшим уровнем и, одновременно, в развитых формах политической культуры, ее стержневым компонентом. Политическое сознание тесно связано с политическим поведением — политическое сознание выступает в качестве рациональной основы субъективных механизмов такого поведения. Оно связано с политической системой — политическое сознание представляет собой ее субъективный фундамент, так сказать, «человеческую основу», и др.

В традиционном отечественном понимании политическое сознание трактовалось как вариант общественного сознания, возникающий как отражение, прежде всего, социально-экономических условий бытия людей. В общепринятой мировой традиции политическое сознание рассматривается в более широком контексте, как вся совокупность психического отражения политики, как ее субъективный компонент, проявляющий себя на разных уровнях, в различных ситуациях.

Понятие политического сознания имеет достаточно длительную историю употребления в различных областях обществознания, однако специально разрабатывается в основном в рамках поведенческого направления в политологии, о котором мы подробно говорили в предыдущей главе. Оно приобрело особую популярность к середине XX века, после того, как выявилась ограниченность ортодоксального бихевиористского течения и обнаружилось, что понимание политического поведения и, шире, динамики политических процессов вообще требует внимания к таким «независимым переменным», как политическое сознание и, шире, вся психическая сфера субъекта этого поведения. Категория политического сознания оказалась удобной за счет широты вкладываемого в нее

содержания, значительной объяснительной силы, а также благодаря тому, что стала своеобразным узловым понятием, аккумулировавшим разрозненные до того взгляды и данные разных научных дисциплин. Такое синтетическое свойство и позволило понятию политического сознания стать одним из основополагающих в новой, во многом синтетической по своему происхождению политико-психологической науке.

Политическое сознание даже в рамках политической психологии относится к числу междисциплинарных, комплексных категорий, с различных точек зрения исследуемых разными направлениями внутри различных направлений политической науки в целом. Так, в частности, как один из важнейших компонентов общественного сознания, политическое сознание рассматривается политической философией, в марксистском варианте соотносящей политическое сознание с материальными процессами бытия и трактующей его как теоретическое отражение политических отношений и политических реальностей, преломленных сквозь призму субъективной, прежде всего конкретно-исторической, «классовой» системы оценок, и обусловленных в конечном счете экономическим положением того или иного класса в классовом обществе. При такой трактовке внутри политического сознания выделяются два основных уровня: собственно «теоретический» и «государственно-бюрократический», то есть, уровень принятия политических решений.

Политическая социология выделяет в политическом сознании несколько иные, прежде всего, идеологический и массовый уровни, и сосредотачивает внимание на раскрытии содержательных характеристик консервативного, либерального, реформистского, революционного, тоталитарного, авторитарного, демократического и других конкретных типов политического сознания, трактуя его, прежде всего, как совокупность, с одной стороны, установок и стереотипов, сформировавшихся вне сферы политического сознания, и, с другой стороны, выводов, полученных в результате самостоятельного анализа индивидом или группой социально-политической действительности, выделяя в качестве особых факторов идеологические компоненты политического сознания, оказывающие на него значительное искажающее влияние.

Исследование политического сознания средствами политической психологии и психологии политики характеризуются стремлением соединить анализ его социально-политического содержания и индивидуальных механизмов его функционирования, используя обще- и социально-психологические понятия (потребности, интересы, ориентации, установки и т. п.), оценивая политическое сознание на основе данных, касающихся информированности людей в отношении политики, характера их мировоззрения, системы ценностей и т. п.

Целостное, собственно политико-психологическое изучение политического сознания в первую очередь включает исследование его субъектов-«носителей», динамики развития политического сознания и основных его функциональных форм. С точки зрения субъекта политического сознания, **в политической психологии подразделяются массовое, групповое и индивидуальное политическое сознание.**

В первом измерении политическое сознание определяется как массовое сознание (с ним мы столкнемся дальше) общества по отношению к вопросам, имеющим актуальное политическое содержание и чреватым определенными политическими последствиями, как особую, обладающую специфическими (политическими) механизмами детерминации и, следовательно, определенной относительной автономией подсистему системы «массовое сознание». В этом смысле политическое сознание — особый, политизированный сегмент массового

сознания. Структурно такое политическое сознание включает статичные (типа ценностей и «общих ориентации») и динамичные (типа массовых настроений, о которых речь также пойдет отдельно) компоненты.

В конкретном выражении это, во-первых, уровень ожиданий людей и оценка ими своих возможностей влиять на политическую систему в целях реализации имеющихся ожиданий. Во-вторых, это социально-политические ценности, лежащие в основе идеологического выбора (например, справедливость, демократия, равенство, стабильность, порядок и т.д.). В-третьих, это быстро меняющиеся мнения и настроения, связанные с оценками текущего положения, правительства, лидеров, конкретных политических акций и т. д.

Политическое сознание определяет тип и уровень политической культуры общества и обуславливает наиболее типичные, массовые варианты политического поведения. Наиболее распространенный способ выявления такого политического сознания — опросы общественного мнения по политическим вопросам.

Во втором измерении политическое сознание рассматривается как обобщенное сознание тех или иных более определенных и организованных, конкретных больших (социальные классы, национально-этнические образования, группы и слои населения) и малых (например, политическая элита, «правительственная военная хунта», политбюро правящей партии, разнообразные лоббистские образования типа «групп давления» и т. п.) групп, связанное с политикой. Исходя из объективного места группы в социально-политической системе и особенностей группового самосознания, такое политическое сознание трактуется как совокупность представлений, определяющих содержание, направленность и интенсивность политической активности группы. В структурном отношении особое внимание уделяется политическим позициям и идеологическим предпочтениям, доминирующим в групповом политическом сознании. Наиболее распространенный способ выявления такого политического сознания — анализ документов политического характера, исходящих от интересующих групп.

В третьем измерении политическое сознание трактуется как свойство и качество личности, «политического человека», способного так или иначе воспринимать политику, более или менее точно ее оценивать и относительно целеустремленно действовать в политическом плане. Здесь наибольший интерес представляют субъективно-психологические особенности, типовые характеристики и структурные компоненты сознания и поведения человека в политике как особой сфере человеческой деятельности. Важно, также, изучение процессов политической социализации личности, способов, используемых индивидом для овладения массовым и разными групповыми вариантами политического сознания, а также для выработки собственного политического сознания на индивидуальном уровне. Анализ механизмов, управляющих функционированием политического сознания на этом уровне, позволяет выделить в нем два блока компонентов. Это мотивационные (политические потребности, ценности, установки, чувства и эмоции) и познавательные (знания, информированность, интерес к политике, убеждения) слагаемые. Наиболее распространенный способ выявления такого политического сознания — личностно-психологическое исследование, а также выделение социально-политических типов личности в отношении политического сознания.

Помимо такого ракурса, прежде всего центрирующегося на субъекте политического сознания, выделяются направления, связанные с исследованием динамических аспектов политического сознания. Эти направления развиваются в двух сферах. С одной стороны, это изучение последовательных этапов и трансформаций политического сознания в рамках одного общества (например, лонги-

тудинальные исследования процессов перехода от тоталитаризма к авторитарному и, затем, к демократическому политическому сознанию в ряде развивающихся стран в рамках сравнительно-исторического политико-психологического направления). С другой стороны, это чисто сравнительные политико-психологические исследования, осуществляемые с помощью «метода срезов». Сюда относится анализ типов и видов политического сознания, существующих в разных обществах (например, сравнительные исследования такого рода в рамках кросс-культурного направления).

Динамика и характеристики разных этапов развития политического сознания обычно исследуются на всех доступных уровнях — массовом, групповом и индивидуальном, — что позволяет строить достаточно надежные прогнозы и оценивать вероятность конкретных вариантов модификации политических систем в исследуемых обществах. В целом, одним из ключевых в данном контексте является вопрос о связи политического сознания с функционированием политической системы.

Важным функциональным направлением изучения политического сознания является исследование его обыденных и теоретико-идеологизированных форм. **Обыденное политическое сознание** отличается целым рядом специфических свойств: содержательной диффузностью, размытостью, «смутностью», спутанностью и противоречивостью, отрывочностью, несистематизированностью, повышенной эмоциональностью, во многом случайностью образующих его компонентов, стихийностью становления и развития под влиянием бытовых представлений и суждений о политике в рамках так называемого «житейского здравого смысла». Одновременно, оно характеризуется устойчивостью и особого рода инерционностью влияния на политическое поведение. Даже вступая в противоречие с параметрами теоретического, идеологизированного политического сознания, обыденное политическое сознание может продолжать определять такое поведение.

В отличие от него, **теоретико-идеологизированное политическое сознание** исходит из строгих и стройных представлений, представляющих собой целостную рациональную систему взглядов и суждений, определенное мировоззрение, объясняющее окружающую человека политическую действительность на основе той или иной идеологической концепции и сводящееся к расширенной экспликации идеологии на подлежащие осознанию сферы жизни. Диалектика перехода тех или иных компонентов политического сознания из одной формы в другую представляет собой существенный показатель социально-политического развития.

Подавляющее большинство конкретных исследований политического сознания носит прикладной, практически ориентированный характер и, в основном, направлено на обслуживание целей и интересов организованных в политическом отношении групп и сил. В первую очередь, они нацелены на изучение внутренних, психологических причин и механизмов поведения электората. С другой стороны, она направлены на изучение и политического отчуждения, на возможности увеличения политической поддержки и повышения уровня политического участия граждан. Ориентированы они и на анализ различных аспектов общественного мнения (важный эмпирический показатель политического сознания) по тем или иным актуальным вопросам в контексте взаимоотношений правящих сил и оппозиции, массового, а также групповых вариантов политического сознания — и организацией власти и управления в политической системе. Не менее важными являются исследования политического сознания в контексте

его идеологической обработки с выходами на возможности управляющего воздействия на политическое сознание.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Еще одно важнейшее понятие и стержневая категория политической психологии — политическое самосознание. В науке под политическим самосознанием принято понимать процесс и результат выработки относительно устойчивой осознанной системы представлений субъекта политических отношений о самом себе в социально-политическом плане, на основе которой субъект целенаправленно строит свои взаимоотношения с другими субъектами и объектами политики как внутри социально-политической системы, так и за ее пределами, и относится к самому себе. Это осознание себя в политике как самостоятельного деятеля, целостная оценка своей роли, целей, интересов, идеалов и мотивов поведения.

Субъектом политического самосознания может выступать отдельная личность — тогда говорят об индивидуальном политическом самосознании как об осознании себя в качестве чувствующей, воспринимающей, мыслящей и сознательно действующей личности в политике. Таким субъектом может быть и социальная группа. В данном случае, речь идет о групповом политическом самосознании, подразумевающем наличие в большей или меньшей степени идеологизированных концепций, касающихся коллективного осознания Цзуппой особенностей свойственного ей политического восприятия, мышления, характера и направленности действий в соответствии с интересами и потребностями. Причем размер группы не имеет практического значения. В реальности встречаются проявления политического самосознания как в отношении малой группы — например, политическое сознание хотя бы родового клана, небольшой парламентской фракции или претендующей на власть политической клики, — так и в отношении большой социальной группы, нации или народности, социального слоя или класса.

Независимо от специфических особенностей субъекта, в целом **политическое самосознание включает три основных аспекта**: когнитивный, эмоциональный и оценочно-волевой. *Когнитивный аспект* (политическое самосознание в самом узком, буквальном смысле, как набор осознанных объективных знаний о своем месте в политике) подразумевает наличие определенного информационного уровня, позволяющего сопоставить имеющуюся информацию об устройстве окружающей социально-политической среды с представлениями о собственной роли, возможностях и способностях субъекта в этой среде. Так, в ходе политической социализации формируется политическое самосознание отдельной личности: усваивая социально-политические знания нормативного характера, индивид сопоставляет их с собственными возможностями влиять на политическую жизнь и уясняет, в частности, что эти возможности связаны с обретением права голоса и рядом иных атрибутов «политического гражданина». Соответственно, для него когнитивный аспект политического самосознания включает знания относительно как минимум двух больших этапов собственного развития: до и после обретения соответствующего статуса. Соответственно будет развиваться и политическое самосознание в целом,

Эмоциональный аспект политического самосознания выражается в определенном эмоционально окрашенном субъективном отношении к знанию своего объективного политического статуса. Последний может устраивать или не устраивать, восприниматься как высокий или низкий, благоприятный или неблаго-

приятный и т. п. С эмоциональным аспектом политического самосознания связаны такие явления, как политическое самоуважение (свойственное, например, представителям сил, господствующих в политической системе) или, напротив, политическое самоуничижение (отличающее обычно представителей смирившихся со своим угнетением групп и слоев), политическое себялюбие (особенно проявляющееся на уровне индивидуальных амбиций политических деятелей, стремящихся к личной власти), и т. п.

Оценочно-волевой аспект политического самосознания тесно связан с эмоциональным и проявляется, прежде всего, в стремлении повысить политическую самооценку, завоевать политическое уважение, обрести или укрепить политическое влияние, авторитет, а в конечном счете — политическую власть. Это может проявляться в разных формах. На уровне индивидуального субъекта политического самосознания — как борьба, например, за массовую поддержку того или иного кандидата на выборный пост. На групповом уровне — как те или иные лоббистские тенденции, связанные с продвижением к власти своих представителей. На социальном макро-уровне это может выражаться в массовом стремлении, например, угнетенного социального слоя к социальной революции, радикально изменяющей его положение в социально-политической системе.

В своей совокупности, три названных аспекта политического самосознания образуют целостный политический образ самого себя, существующий, хотя и на разных уровнях развития, практически у всех реальных или виртуальных, созданных идеологической пропагандой, субъектов социально-политической жизни. Такой образ представляет собой интегрированное сочетание нескольких компонентов, включая реальное политическое представление о себе в настоящее время; идеальное представление о том, каким субъект, по ого мнению, должен был бы стать и о том, какую роль он должен был бы играть в обществе в соответствии со своими способностями и возможностями; динамическое представление о том, каким субъект намерен стать в относительно ближайшее время (своего рода социально-политическая программа-минимум по сравнению с предыдущей — скорее, программой-максимум) и др. Названные компоненты отражают степень развитости и детализированности политического самосознания, его развернутости в социально-политическом времени (включая исторические проекции в прошлое и будущее, представления об «исторической миссии» и т. п.) и пространстве (например, представления о масштабах возможной и желательной социально-политической экспансии влияния данного субъекта, скажем, наиболее откровенно выраженные в концепции «мировой революции» и известном лозунге. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»).

Политическое самосознание выступает как предпосылка и, в то же время, как следствие социально-этического взаимодействия. Это деятельностное, а не умозрительное политико-психологическое образование, что в свое время было четко выражено в известном политическом лозунге начала XX века в России:

«В борьбе обретешь ты право свое!», и полностью соответствует известному положению о том, что права (в частности, политические) не даются — они завоевываются.

Генетические истоки формирования политического самосознания связаны с активной социально-политической деятельностью и социально-политическим общением субъекта политического самосознания с другими субъектами. На основе опыта, приобретаемого в ходе развертывания этих процессов, начинает действовать закон социально-политического сравнения, постепенно ведущий к формированию тех или иных компонентов политического самосознания. Становление целостного политического самосознания, будучи в конеч-

ном счете обусловлено широким социально-культурным контекстом (в частности, уровнем политической культуры общества, развитостью политического сознания в целом и т. д.) протекает в обстоятельствах широкого предметного, материального или духовного обмена социально-политической деятельностью и ее продуктами между участниками социально-политического взаимодействия, в ходе которого субъект «смотрится, как в зеркало, в другого человека» (К.Маркс} и тем самым формирует, развивает, уточняет, корректирует свое политическое самосознание.

Социальное сравнение связано с действием механизмов социально-политического противопоставления или, напротив, социально-политической идентификации. В первом случае политическое самосознание развивается по принципу «от противного», на основе противопоставления «Я» — «они» (в случае индивидуального субъекта) или «мы» — «они» (в случае субъекта группового). Во втором случае развитие идет по противоположной схеме: «Я» — «мы». И обособление, и отождествление являются необходимыми, хотя и противоположно направленными сторонами процесса формирования политического самосознания.

За счет выделения и обособления себя от окружающей социально-политической среды в ходе развития политического самосознания субъект формирует самостоятельное политическое мышление, обогащает политическое сознание в целом и вырабатывает собственное политическое мировоззрение в частности. Благодаря развитию политического самосознания он отделяет себя как субъекта социально-политической деятельности от самой этой деятельности и ее продуктов, сознательно направляет ее на достижение тех или иных целей, делает ее предметом воли и сознания. При наличии развитого политического самосознания политика становится концентрированным осуществлением воли того или иного субъекта политического самосознания, а при наличии нескольких субъектов превращается в арену столкновений и борьбы волевых устремлений.

Политическое самосознание проявляется в политической практике прежде всего как осознанное и выраженное в эксплицитной легитимизированной форме **политическое самоопределение** или как выраженное стремление к нему, а также затем как стремление к реальной социально-политической независимости и автономности для реализации определившего себя политического самосознания — в виде стремления к политической суверенизации субъекта политического самосознания. Примером такого рода стал известный «парад суверенитетов», деклараций о политической и др. независимости ряда субъектов государственно-политического устройства СССР, а затем и России на рубеже 80—90-х гг. Политико-психологической основой данного феномена было бурное развитие политического самосознания и преодоление доминировавшего прежде политического отчуждения. Последнее всегда является наиболее сильным препятствием на пути развития политического самосознания, что обычно используется в практике тоталитарных социально-политических систем, основывающихся на тотальной десубъективации и псевдообъективации политики, когда монопольные права на занятия ею придаются лишь высшим эшелонам власти, а в предельном выражении — одному лидеру (монарху, диктатору и т. п.), персонифицирующему все политическое самосознание данного общества (например, пресловутое «Государство — это я! » Людовика XIV), и получающего статус некоего надчеловеческого, объективного действия, соответствующего «воле небес», «слову пророка» или «проявлению объективно-исторических закономерностей» (хотя при этом, одновременно, может декорироваться даже возрастание роли массового социально-политического субъекта).

Проблема развития адекватного политического самосознания на всех уровнях субъектов социально-политического действия является одной из центральных в процессе перехода от тоталитарной к демократической социально-политической системе, на этапе становления правового государства и гражданского общества. Если в условиях тоталитаризма саморазвитие адекватного политического самосознания практически для всех потенциальных субъектов политики подменяется, по сути дела, принудительным формированием необходимых лишь для социально-политической системы и жестко контролируемых ею отдельных элементов идеологизированного и потому не всегда адекватного действительности, предельно зависимого от такой системы политического самосознания, то демократическое общество нуждается в ином типе политического самосознания и неизбежно создает условия для его развития. Плюрализм в политической жизни создает условия для сосуществования разнообразных вариантов ее осмысления. Получая возможности активного самостоятельного участия в политике, ее субъекты на всех уровнях попадают в ситуацию необходимости ускоренного становления своего политического самосознания в соответствии со своими собственными подлинными интересами и потребностями, различающимися в силу наличия различных форм собственности в обществе такого типа. После этого политические отношения превращаются в борьбу более и менее развитых политических самосознании, в которой побеждают те, кто быстрее и точнее осознает свои цели и овладевает политическими навыками их достижения. Именно эти процессы лежат в основе бурной политизации общества, обычно сопровождающей переход к демократии — они отражают обостренную реакцию людей (отдельных индивидов и целых групп), ранее лишенных собственного политического самосознания, на реальное или предвосхищаемое обретение, во-первых, собственности, во-вторых, ь соответствии с ней, своих отдельных интересов и, в-третьих, на этой основе, независимого политического самосознания. Резкая политизация неизбежно связана с конфликтами, условием минимизации которых является такой уровень развития политического самосознания, который позволяет большинству субъектов осознать взаимозависимость реализации интересов каждого и, одновременно, общую зависимость в достижении этого от некоторого базисного состояния стабильности общества. Как правило, со временем это становится распространенным, и эйфория от обретения собственного политического самосознания сменяется привычной реализацией интересов на основе вырабатывающихся демократических механизмов.

КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ О ПОЛИТИКЕ

Помимо политического сознания и самосознания, в политике играет огромную роль и то, что обычно называют иррациональным или бессознательным. Рассмотрим его роль на примере понятия «коллективное бессознательное». В широком смысле, это совокупность психических процессов, операций и состояний, не представленных в сознании индивидуального субъекта политического поведения (или представленных с недостаточной степенью осознанности), но оказывающих активное, а в некоторых ситуациях определяющее влияние на поведение значительных не структурированных конгломератов людей (например, типа толпы). Прилагательное «коллективное» в данном сочетании не совпадает с традиционной трактовкой, принятой в отечественной литературе и не только не связано с коллективом как сообществом сознательных индивидов, а прямо противоречит этому. Коллективное бессознательное вызывает специфические

формы поведения, обычно именуемые, для избегания путаницы, стихийным, «внеколлективным (массовым) поведением».

История понятия достаточно интересна. Термин «коллективное бессознательное» был введен в начале века последователем 3. Фрейда К. Юнгом для обозначения особого класса психических явлений, которые, в отличие от индивидуального (личного) бессознательного, являются носителями опыта филогенетического развития человечества. Главным содержанием коллективного бессознательного для Юнга были архетипы — всеобщие априорные схемы поведения, наполняющиеся конкретным содержанием в реальной жизни человека; особого рода надличностные (видовые, групповые) способы восприятия и реагирования на происходящее вокруг человека, определяющие схожесть поведения людей, относящихся к некоторому «коллективу» филогенетического толка (например, к — одному этносу).

В политической психологии трактовка коллективного бессознательного дополняется введенным Э. Дюркгеймом в конце XIX века понятием «коллективные представления», обозначающим неосознаваемую в силу привычности, автоматизированности совокупность знаний, мнений, норм поведения, сложившихся в социальном опыте у членов социальных групп и общностей. Подобные представления, подавляя индивидуальное сознание людей, могут вызывать стереотипные реакции, которые В.М. Бехтерев считал предметом «коллективной рефлексологии», специальной отрасли социальной и политической психологии, связанной с феноменами типа поведения толпы на митинге, массовыми истериями, паникой и т. п.

Структурно в рамках коллективного бессознательного выделяются коллективные эмоции, чувства, настроения, мнения, знания, оценки и суждения. Доминирующие роль играют эмоциональные компоненты. Рациональные элементы существуют в составе коллективного бессознательного лишь в виде устоявшихся стереотипов, традиционных воззрений и верований, играющих подчиненную, во многом обслуживающую роль по отношению к иррациональным моментам.

Коллективное бессознательное проявляется в массовом поведении двух различающихся видов, *Первый вид массового поведения* сводится к однородным единообразным оценкам и действиям, соединяющим индивидов в достаточно целостную монолитную массу на основе общего для всех ее членов коллективного бессознательного. Обычно это происходит в результате заражения значительного числа людей сходными эмоциональными состояниями и массовыми настроениями — например, толпа фанатиков, охваченная единым порывом экстаза при виде своего лидера, скандирующая приветствия в его адрес, лозунги и т. п.

Второй *вид массового поведения,* в котором важную роль играет коллективное бессознательное, напротив, связан с такими обстоятельствами, при которых эмоциональные потрясения не соединяют, а разобщают людей. Тогда в действие вступают не общие, а различные, но одинаковые для значительного числа людей поведенческие механизмы, и возникает поведение, главным содержанием которого являются спонтанные однородные реакции больших множеств людей на критические («пограничные») ситуации, возникающие объективно и внезапно. К таким ситуациям наравне со стихийными бедствиями относятся войны, революции и т. п. Основными характеристиками подобных обстоятельств являются их непредсказуемость, непривычность и новизна. В силу данных особенностей, индивидуальный опыт человека отказывается адекватно оценить и отреагировать на ситуации такого типа, и тогда индивидам приходится

опираться только на подсказываемые коллективным бессознательным, апробированные массовым биологическим или социальным опытом способы индивидуального поведения. Примером такого рода реакций является паника.

Поступки людей, вовлеченных во власть коллективного бессознательного, неизбежно становятся иррациональными. Рациональное сознание под влиянием коллективного бессознательного отключается, падает интеллект, снижается критичность по отношению к своим действиям. Стремительно исчезает практически всякая индивидуальная ответственность за свои поступки. Парализуется механизм принятия личных решений. Коллективное бессознательное усредняет, нивелирует личность — так, толпа всегда стоит за среднего, «простого» человека в его самом бессмысленном виде. Одновременно, коллективное бессознательное пробуждает самые примитивные и неуправляемые самим человеком, однако поддающиеся манипуляции извне инстинкты людей.

Коллективное бессознательное может быть опорой в том случае, когда оно стимулирует политическое единство больших масс людей, воодушевленных, например, истерической верой в харизматического лидера или, скажем, сплоченных необъяснимой враждебностью в отношении предполагаемых виновников тех или иных отрицательных событий. В этих случаях коллективное бессознательное может выступать в качестве основы организованного политического поведения.

Это используется в практике манипулятивного воздействия на значительные массы людей — например, на митингах. Напротив, коллективное бессознательное крайне опасно в тех случаях, когда разрушает социально-организованные формы поведения и противопоставляется политике: «В отношениях между слабым правительством и бунтарски настроенным народом Наступает момент, когда каждый акт власти доводит массы до отчаяния, а каждый отказ со стороны власти действовать вызывает презрение по ее адресу»[10]. В таких случаях доминирует хаотичное псевдо-политическое поведение, ведущее к социально-политической деструкции и требующее затем значительного времени для ликвидации своих разрушительных последствий.

В целом же коллективное бессознательное играло значительную роль на прежних этапах развития человечества. В современном цивилизованном обществе его значение снижается, проявляясь лишь в кризисных, экстремальных ситуациях, когда резко падает роль элементов сознательной регуляции политического поведения. В обычной жизни стабильной социально-политической системы коллективное бессознательное проявляется лишь в весьма стертых формах обыденного сознания. В отличие от развитых стран, роль коллективного бессознательного до сих пор достаточно высока в «третьем мире».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Политическая культура часто рассматривается как основа всей политической деятельности или, по крайней мере, как фактор, определяющий характер, особенности и уровень развития политической деятельности. **Содержание понятия** «политическая культура» включает исторический опыт, память социальных общностей и отдельных индивидов в сфере политики, их ориентации, навыки, влияющие на политическое поведение. Этот опыт содержит в обобщенном, преобразованном виде впечатлений и предпочтений в сфере внешней и внутренней политики.

[10] Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. — М., 1923.

История понятия начинается с 1956 г. Именно тогда термин «политическая культура» был введен в науку американским политологом Г. Алмондом. В его понимании, это особый тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику той или иной политической системы. С одной стороны, политическая культура является частью общей культуры общества. С другой стороны, она связана с определенной политической системой.

Наиболее известное исследование политической культуры было предпринято в классической работе Г. Алмонда и С. Вербы. Они определяли ее как «субъективный поток политики, который наделяет значением политические решения, упорядочивает институты и придает социальный смысл индивидуальным действиям»[11]. В другом месте, С. Верба в соавторстве с психологом Л. Паем писали еще более прямо: «Когда мы говорим о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему, интернализованную в знании, чувствах и оценках его членов»[12]. В конечном счете, понятие «политическая культура» оказалось настолько удобным, что в результате многих исследований сложилось масса ее определений.

Определения политической культуры делятся на 4 основные группы. *Во-первьгх,* психологические определения. Политическая культура рассматривается в них как набор ориентации на политические объекты. *Во-вторых,* определения обобщенные. В них политическая культура понимается и как установка, и как поведенческие акты. *В-третьих,* объективные политические определения. Культура обозначает в них объекты власти, санкционирующие поведение участников, приемлемое для данной системы. Особенности системы здесь важнее, чем состояния индивидов. *В-четвертых,* эвристические определения. Политическая культура рассматривается как гипотетический конструкт, созданный в аналитических целях.

Структурно, политическая культура представляется в виде трех уровней:

1) познавательной ориентации, включающей знания о политической системе, составляющих ее ролях, носителях этих ролей и особенностях функционирования системы;

2) эмоциональной ориентации, отражающей чувства по отношению к политической системе, ее функциям, участникам и их деятельности;

3) оценочной ориентации, выражающей личное отношение человека к политической системе и ее составляющим.

Детальный анализ элементов политической культуры предполагает выделение важнейших культурных тенденций и их операционализацию, что необходимо для эмпирического исследования различных ее типов. Вслед за классиками изучения политической культуры Г. Алмондом и С. Вербой, политическая психология использует следующую базовую схему элементов политической культуры: субъект — установка — действие — объект.

Субъектом политической культуры может быть индивид, группа, партия, регион, население страны в целом и т. д. Среди объектов, на которые направлена установка, принято выделять политическую систему в целом, текущий политический процесс, политический режим, отдельные партии, политических лидеров, политические ценности, наконец, самого субъекта.

Важнейшей характеристикой политической культуры конкретного общества является степень ее гомогенности. Неоднородность допускает существо-

---

[11] *Alrnond G., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitudes and Denmocracy in Five Nations. — Princeton, 1956.

[12] *Pye L., Verba S.* (eds.). Political Culture and Political Development. - Princeton, 1965. — P. 7.

вание ряда субкультур и даже контркультур в рамках (или наряду) с господствующей политической культурой. Однородность категорически препятствует этому, служа основой для тоталитаризма.

Политическая культура — динамичный и, одновременно достаточно инерционный феномен. Она развивается вместе со своими носителями, индивидами и политическими общностями, Политический опыт при передаче от поколения к поколению подвергается внешним воздействиям, которые либо укрепляют основы сложившейся политической культуры, либо видоизменяют ее. К таким воздействиям относятся ряд моментов. Во-первых, это динамика отношений в сфере производства и потребления, что ведет к перестройке социальной структуры, потребностей и интересов социальных групп. Во-вторых, обретение нового исторического опыта. Опыт передается следующим поколениям не в чистом, а превращенном виде. Трансформация первичного опыта происходит через закрепляющие его идеологические представления, нормы и ценности, а также за счет личных особенностей тех, кто передает этот опыт. Важнейшим средством консервации устоявшихся элементов политической культуры являются традиции.

Межпоколенческую передачу политической культуры можно представить как процесс закрепления в сознании граждан определенной системы ориентации на соответствующие ценности, нормы и образцы политического поведения, в рамках которой существует более устойчивое ядро, обеспечивающее преемственность политической культуры, и менее устойчивые, изменяющиеся ориентации. Необходимым условием существенных преобразований политической культуры является накопление в обществе мощных изменений, воздействие которых на сознание людей способно преодолеть их сопротивление внедрению новых образцов и норм политического поведения. Политическое сознание является одной из форм реализации политической культуры, наряду с неосознанными реакциями ориентировочного порядка и импульсивными поведенческими актами.

К факторам, формирующим политическую культуру, относятся внешнее окружение страны или общества, а также определенные события их внутренней жизни. Среди прочих факторов выделим традиции и ритуалы, а также действующие политические институты. К последним относятся государство, армия, церковь, деловые круги, университеты, средства массовой информации и т. д.

Ценность понятия «политическая культура» состоит в том, что оно позволяет выявить глубинные причины специфики политического поведения различных социальных общностей и индивидов при близких условиях их существования.

Поведение — это способ существования культуры, без которого она невозможна. Но воплощенная в поведении культура является еще и отношением к аналогичным воплощениям другого индивида или группы. В политике это и есть отношения власти, господства-подчинения, конфликта или согласия, совместных действий и др. Соответственно, при объяснении политического поведения различных субъектов политики необходимо учитывать специфику их политической культуры. Информация о политическом поведении тех или иных участников политики при соответствующей аналитической обработке может быть использована как индикатор их политической культуры для характеристики ее содержания, структуры и т. д.

Известны разные **типы политической культуры**. Еще Г. Алмонд и С. Верба на основании первых работ выделили три основных и несколько смешан-

ных типов. *Первый чистый тип* — патриархальный. Такая система единовластно управляется вождями и характеризуется полным отсутствием у граждан какого-либо интереса к политической системе и требует от них сплошного подчинения.

Второй чистый тип — подданический. Он отличается сильной ориентацией граждан на политическую систему и слабой степенью их личного участия в политике. Он сформировался в условиях феодального общества с выраженной иерархичностью отношений между разными уровнями политической системы, Нижестоящие подданные согласно традиции должны с почтением относиться к своему сеньору. «Почитательная» модель отношений до сих пор ощущается во многих политических культурах. Отметим, что почтительность к лидеру в данной культуре может сочетаться и с высоким гражданским сознанием и личным участием.

Третий чистый тип — активистский. Он отличается стремлением граждан играть существенную роль в политических делах и их компетентностью в делах государства, что предполагает и высокий интерес, и позитивное, активное отношение к политике.

В реальности чистые типы практически не встречаются. Их сочетания дают различные смешанные типы: патриархально-подданический, поддан ически-активистский и др. Один из таких смешанных типов, получивший название «гражданской культуры», претендует на роль основного и часто упоминается в их ряду как четвертый основной тип.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПСИХИКА

За неимением лучшего, мы используем здесь пока еще не общепринятое понятие «политической психики» для определения политико-психологических особенностей основных психических функций и процессов. Если не вдаваться в совсем уж глубинные психологические детали, в достаточно общем политико-психологическом виде, человеческая психика может быть представлена как состоящая из четырех основных блоков. *Во-первых* блок политического восприятия — восприятия политики как таковой и, в частности, восприятие политической информации. *Во-вторых,* блок политического мышления — переработки воспринятой политической информации, ее осмысления и принятия политического решения. *В-третьих,* блок политических эмоций, чувств и аффектов — эмоционального оценивания выводов политического мышления. *Четвертым,* итоговым, и уже выходящим за пределы собственно психики, является блок политического поведения —конкретных действий, основанных на воспринятой, переработанной и оцененной информации. Рассмотрим вкратце эти основные блоки с учетом того, что подробно они будут рассматриваться в последующих главах книги.

1. Политическое восприятие. Еще в 20-е — 30-е годы, в многочисленных экспериментальных исследованиях американской психологической школы «New Look» было однозначно доказано: наше восприятие зависит от установок и стереотипов нашего сознания, а в политическом аспекте — от политического сознания, самосознания и политической культуры. Причем проявляется это влияние на неосознанном уровне. Наложите друг на друга контурные изображения автомобиля и лошади, а потом покажите этот внешне бессмысленный набор линий американцам и мексиканцам. Абсолютное большинство американцев уверенно видят в этом наборе автомобиль. Не меньшее количество мексиканцев — мустанга. Сделайте то же самое с изображением автомата Калашникова и скрип-

ки. Большинство палестинцев (чеченцев, афганцев — любой воюющей общности) увидят только автомат Калашникова. Напротив, большинство европейцев увидят скрипку, и ничего больше.

Человеческое восприятие избирательно, селектив-но. Соответственно, избирательно и политическое восприятие. Такая избирательность формируется в процессе политической социализации — «врастания» подрастающих поколений во взрослый, политический мир. Сформировавшись, эти особенности восприятия оказываются связанными с политической культурой, политическим сознанием и самосознанием, а также с Другими психическими функциями и процессами.

2. Политическое мышление — это форма сознательного продуктивного отражения человеком процессов и явлений окружающей политической реальности в виде суждений, выводов, решений и умозаключений. Системообразующей функцией политического мышления является отражение политической реальности как особой деятельности. Политическое мышление включает в себя не только когнитивные, но и эмоционально-оценочные механизмы, имеющие собственный онтологический статус. Принципиально важной особенностью именно политического мышления является его крайняя нелогичность, а часто просто откровенная алогичность.

Еще в XIX веке Л. Кэррол блестяще подметил: «Общество было бы в гораздо меньшей степени подвержено панике и другим пагубным заблуждениям, а политическая жизнь выглядела совсем иначе, если бы аргументы (пусть даже не все, а хотя бы большинство), широко распространенные во всем мире, были правильными... На одну здравую пару посылок (под здравой я понимаю пару посылок, из которых, рассуждая логически, можно вывести заключение), встретившуюся вам при чтении газеты или журнала, приходится по крайней мере пять пар, из которых вообще нельзя вывести никаких заключений. Кроме того, даже исходя из здравых посылок, автор приходит к правильному заключению лишь в одном случае, в десяти же он выводит из правильных посылок неверное заключение»[13].

Рассматривая политическое мышление, М. Вебер отмечал «повсеместное использование терминов, которым крайне трудно придать определенный смысл», и даже таких, «которые вообще не допускают анализа». Анализируя общественно-политические дискуссии в послереволюционной России, логик С.И. Поварнин делал однозначный вывод о слабой логике политического мышления на всех стадиях — начиная от операций с понятиями, кончая связями суждений с умозаключениями. Специальный анализ современного политического мышления в России был осуществлен в 90-е гг. под нашим руководством А.А. Хвостовым[14].

Содержание политического мышления определяется не столько логическими механизмами, сколько установками, целями и ценностями, определяемыми политическим сознанием и политической культурой. С другой стороны, политическое мышление оперирует не только знаковыми моделями, сколько перцептивными категориями (образами, мифами, верованиями и т.п.), что в свою очередь влияет на политическую культуру и политическое сознание в целом.

3. Политические эмоции — это форма чувственного, обычно неосознанного, но достаточно продуктивного отражения человеком процессов и явлений

---

[13] *Кэрролл Л.* Логическая игра, — М., 1991, — С. 35.

[14] См.: *Хвостов А.А.* Психологические и логические основы политического мышления: Канд. дисс.— М., 1996.

окружающей политической реальности в виде аффективных оценок и реакций. В политической психике трудно переоценить аффективный, эмоциональный момент. Еще в 1954 г. К. Левин на основе многочисленных фактов констатировал, что подверженность познавательного материала влиянию эмоций определяется его структурированностью: чем более «расплывчатым» является поле восприятия, тем больше его подверженность влиянию эмоций. По мнению Я. Рейковского, «отношения между политическими событиями, причинные связи между факторами идеологической, социальной, экономической природы настолько сложны, что постижение их в целом превышает возможности дилетанта... Такое положение способствует доминирующему эмоциональному отношению к тем или иным событиям»[15].

Главной особенностью политической психики в целом является ее глубокая инерционность. Рассмотрим силу и влияние ее действия на наиболее понятном и очевидном примере инерции мышления (хотя все сказанное будет относиться и к политическому восприятию, и к политическим эмоциям, и к политическим действиям).

Инерция психики в политике — от лат. inertia, означающего неподвижность, бездеятельность. Это свойство психики, во-первых, сохранять свое состояние покоя или прямолинейного равномерного движения до тех пор, пока какая-либо внешняя причина (явление, процесс, ситуация) не выведет его из этого состояния. Во-вторых, это способность приобретать под действием какой-либо конечной внешней причины определенное конечное ускорение и продолжать реагировать на эту причину даже в том случае, когда ее реальное влияние исчезло.

Инерция восприятия и мышления проявляется в жесткости, ригидности и стереотипизированности внутри— или внешнеполитического курса, в нежелании и невозможности сменить систему взглядов и оценок происходящих событий, изменить направленность и характер политических действий, отказаться от уже принятого однозначного решения и самого привычного механизма принятия политических решений. В политическом выражении инерция мышления, связанная с его жесткостью, ригидностью является одним из имманентных свойств тоталитаризма как в его социально-политическом (монополизм принятия политических решений), так и социально-психологическом (свойство мышления и особенность сознания особого типа личности, порождаемой тоталитарным и авторитарным обществами — так называемой «авторитарной личности») выражениях.

Инерция мышления в политической психологии рассматривается как одна из основных детерминант так называемого «старого» политического мышления. В отличие от него, любое «новое» политическое мышление уже по определению направлено на преодоление всякой инерции мышления и опирается на гибкость, инициативность и творчество, как на свои центральные политико-психологические характеристики, проявляющиеся в принципиально иных способах принятия политических решений и их практической реализации.

На практике, инерция мышления наиболее демонстративно проявляется в феномене так называемой «**эскалации ситуации» или «эскалации упрямства** (упорства)». Суть данного феномена заключается в создании таких ситуаций, когда изначально (возможно, неосознанно) принимается ошибочное решение, влекущее за собой определенные потери (материальные, политические, нравственные и т. п.). Однако, несмотря на то, что ошибочность решения довольно

[15] *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. 1979. — с. 88.

скоро становится очевидной, принятый курс действий продолжает осуществляться (с дальнейшими потерями) вместо его кардинального пересмотра и изменения. Упорное следование ошибочному решению и составляет «эскалацию ситуации», то есть упрямое наращивание ущерба. Примерами эскалации такого рода могут служить война СССР в Афганистане, на прекращение которой потребовалось 9 лет; «борьбы с Б. Ельциным» в действиях центрального советского руководства в период 1987— 1991 гг. и т. д.

Данный феномен имеет подчас как объективные, так и, чаще, исключительно субъективные составляющие. К основным субъективным детерминантам и закономерностям инерции мышления (а также восприятия, оценок и, в итоге, действий) относятся, во-первых, доминирующая тенденция как-то компенсировать потери (в том числе и явно безвозвратные), понесенные в результате ошибочно принятого решения. Это стремление «отыграться», особенно ярко проявляющееся, когда речь идет о материальных потерях (например, феномен германского реваншизма за поражение и территориальный ущерб в итоге Первой мировой войны, что, как известно, в конечном счете привело к новому поражению и новому всплеску реваншизма), однако касающееся и стремления к компенсации политического, нравственного ущерба (например, в этом долгие годы проявлялась одна из детерминант политики Китая, сводящаяся к стремлению любой ценой «сохранить лицо»). *Во-вторых,* это стремление уйти от необходимости признания ошибок, заставляющее политиков, принявших изначально ошибочное решение, вкладывать новые усилия и средства в продолжение начатого курса вместо радикального его изменения. *В-третьих,* инерция связана с тем, что чем более общественно известно (распропагандировано) и значимо принятое решение, каким бы ошибочным оно ни было, тем сильнее тенденция продолжать его реализацию. *В-четвертых,* такая инерция усугубляется проблемой вероятной конкретной ответственности определенных лиц: чем выше возможная ответственность и жестче санкции за совершенную ошибку, тем упорнее их стремление продолжать ошибочную линию, надеясь на что-то, избавляющее от ответственности. Например, этому соответствовало поведение Гитлера на последнем этапе Второй мировой войны, когда ошибочность курса стала очевидной, однако прекратить его осуществление было невозможно. *В-пятых,* инерция связана с искаженным восприятием информации: стремление любой ценой оправдать ошибочный курс создает своего рода фильтр для восприятия адекватной информации, пропускающий все более или менее позитивное для принятого курса, «подтверждающее» этот курс, и отсеивающий то, что заставляет усомниться в нем. Примером такого рода является прямая фильтрация информации о намерениях Германии в 1940—1941 гг., которая осуществлялась в соответствии с избранным Сталиным и его окружением курсом в отношениях с гитлеровским режимом. *В-шестых,* инерция поддерживается и усугубляется временем: чем дольше продолжается ошибочная линия, тем труднее оказывается ее радикально изменить, ибо для ее реализации уже созданы как объективные, организационные, так и субъективные, психологические условия — изменен способ социально-политической организации, сформировано новое сознание людей и т. д.

Инерция психики в политике может проявляться на разных уровнях. На индивидуальном она выступает как особенность взглядов и оценок отдельного политического деятеля и оказывает серьезное влияние лишь в случае наделения этого деятеля значительной полнотой личной власти и минимизации контроля за принятием политических решений.

На групповом уровне такая инерция проявляется в виде известного в мировой литературе «групп-мышления» («groupthinking») сравнительно небольших группировок, причастных к принятию политических решений. В его основе лежат явления группового конформизма, особенно ярко проявляющееся при наличии в группе сильного лидера; стремление поддерживать принятое большинством решение, даже если отдельные члены группы с ним не согласны; тенденция игнорировать информацию и мнения, не разделяемые группой; склонность отвергать или исключать членов группы, несогласных с общим мнением и т. д. Классическими примерами «групп-мышления» считаются исторически важные, но, в итоге, ошибочные решения, начиная, скажем, от мюнхенских соглашений до решений администрации США о вторжении на Кубу и во Вьетнам и т. д.

На еще более обобщенном уровне речь идет об инерции психики социальных классов и слоев, этнических групп или общества в целом. Здесь инерция выступает как одно из главных проявлений тоталитаризма и авторитаризма.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И СТЕРЕОТИПЫ

Огромную роль в формировании политического мышления играют политические установки и стереотипы. Понятие «установка» относится к наиболее сложным и размытым в политической психологии. В общем виде, это предготовность субъекта реагировать тем или иным конкретным способом на то или иное политическое событие или явление. Установка — это внутреннее качество субъекта политики, базирующееся на его предшествующем опыте и политической культуре. Гораздо более ясным и разработанным является понятие «политического стереотипа».

Понятие «стереотип» происходит отдух греческих слов: stereos (твердый) + typos (отпечаток). Политологическая трактовка стереотипа исходит из синтеза двух его общепринятых значений. *Во-первых,* в полиграфии стереотип — монолитная печатная форма-копия с набора или клише, используемая при печатании многотиражных и повторных изданий. *Во-вторых,* в физиологии и психологии динамический стереотип — форма целостной деятельности мозга, отражающаяся в сознании и поведении в виде фиксированного (стереотипного) порядка условно-рефлекторных действий. На стыке этих значений появилось понятие стереотипа социального, определяющего понимание стереотипа в политике.

С политико-психологической точки зрения, стереотип — стандартизированный, схематизированный, упрощенный и уплощенный, обычно эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты. Иногда определяется как неточное, иррациональное, чрезмерно общее представление. В широком смысле, это традиционный, привычный канон мысли, восприятия и поведения, шаблонная манера поведения, способ осуществления действий в определенной последовательности, единообразие, тождество, инерция мышления, косность, ригидность и т. п.

Исторически, базовое понимание стереотипа для политической психологии впервые было введено американским исследователем средств массовой информации У. Липпманом в 1922 г. для обозначения распространенных в общественном мнении предвзятых представлений о членах разнообразных национально-этнических, социально-политических и профессиональных групп. Стереотипизированные формы мнений и суждений по социально-политическим вопросам трактовались им как своего рода «выжимки» из господствующего свода

общепринятых морально-нравственных правил доминирующей социальной философии и потока достаточно тенденциозной политической пропаганды и агитации.

Стереотипы имеют важное значение в процессе оценки человеком социально-политических явлений и процессов, но играют двойственную, как позитивную, так и негативную роль. С одной стороны, стереотипы «экономичны» для сознания и поведения, они содействуют известному «сокращению» процесса познания и понимания происходящего в мире и вокруг человека, а также принятию необходимых решений. Не способствуя точности и аналитичности познания, они ускоряют возможности поведенческой реакции на основе, прежде всего, эмоционального принятия или непринятия информации, ее «попадания» или «непопадания» в жестко определенные рамки стереотипа. В повседневной жизни человек, как правило, лишен возможности подвергать критическому сомнению «устои жизни» — традиции, нормы, ценности, правила социально-политического поведения и т. п. Он не располагает также полной информацией о событиях, по которым ему приходится высказывать собственное мнение и оценку. Поэтому в обыденной действительности люди часто и поступают шаблонно, в соответствии со сложившимися стереотипами— последние помогают ориентироваться в тех обстоятельствах, которые могут обойтись без специальной аналитической, мыслительной работы и не требуют особо ответственного индивидуального решения. Психика человека экономична — в этом отношении стереотип представляет собой своего рода «фиксированный момент», стабилизатор не могущей продолжаться непрерывно в шаблонных условиях мыслительно-аналитической деятельности.

С другой стороны, упрощая процесс социально-политического познания, стереотипы ведут к построению достаточно примитивного и плоскостного политического сознания — как правило, на основе многочисленных предубеждений, что подчас редуцирует социально-политическое поведение до набора простейших, часто неадекватных эмоциональных реакций. Безотчетные стандарты поведения играют негативную роль в ситуациях, где нужны полная и объективная информация, аналитическая ее оценка, принятие самостоятельного решения, осуществление сложного социально-политического выбора. За счет этого в массовом сознании обычно и складываются стереотипы, способствующие возникновению и закреплению предубеждений, неприязни к нововведениям, к самостоятельному мышлению и т. п.

В частности, это является большой проблемой прежде всего для межнациональных отношений, в сфере которых широко распространены этнические стереотипы, строящиеся на основе ограниченной информации об отдельных представителях той или иной этнической группы и ведущие к предвзятым выводам и заключениям относительно всей группы, к неадекватному поведению в отношении нее.

Известны **два основных истока формирования стереотипов.** С одной стороны, это достаточно ограниченный индивидуальный или групповой прошлый опыт и ограниченная информация, которыми располагают люди в повседневной обыденной жизни, а также некоторые специфические явления, возникающие в сфере межличностного общения и взаимодействия — субъективная избирательность, влияние установок, слухов, эффектов «ореола», первичности, новизны и т. п. Отсюда второстепенность, случайность некоторых аспектов стереотипов. В этом отношении стереотипы представляют собой аккумулированные сгустки разрозненного индивидуального и группового опыта, отражающие относительно общие, повторяющиеся в нем свойства и особенности социально-

политических явлений. Очевидная информационно-аналитическая недостаточность данного опыта является как бы вынужденной, необходимой основой для формирования и использования стереотипа, а также служит истоком их эмоционально-чувственного, «жизненного» насыщения.

С другой стороны, важным источником формирования стереотипа является целенаправленная деятельность средств массовой информации и политической пропаганды. Законы массовой коммуникации требуют усредненно-обобщенного, стереотипизированного общения: сам акт трансляции, например, некой политической идеи на массовое сознание возможен только в форме определенных стереотипов. Процесс тиражирования социально-политической информации, имеющий целью вызвать в сознании и политическом поведении людей сколько-нибудь однородную, стереотипную реакцию, возможен только посредством использования информационных стереотипов, вызывающих, в свою очередь, соответствующие психологические и поведенческие стереотипы у реципиентов.

С точки зрения **внутреннего строения**, стереотип представляет собой сложное, интегрированное образование, включающее единство двух основных элементов: знаний (когнитивно-информационный компонент) и отношений (эмоционально-чувственный и оценочный компоненты). Ряд стереотипов, кроме того, несут в себе непосредственно действенный компонент в виде мотивационного побуждения к немедленной, непосредственной поведенческой реакции. Как правило, доминирующими в структуре стереотипа являются эмоционально-чувственные и оценочные составляющее, диктующие определенное отношение к социально-политическим явлениям (например, стереотип «дружественного народа» никто никогда не спутает со стереотипом «правящей клики», «империю зла» — с «оплотом демократии» и т. д.). Когнитивные составляющие стереотипа обычно отличаются тем, что информация, на которой основаны последние, соотносится не с соответствующим объектом, а, главным образом, с другими знаниями, наличие которых предполагается у человека, но которые, в свою очередь, скорее всего оказываются ложными. Например, информационные составляющие стереотипа «типичного представителя» той или иной национально-этнической группы требуют соотнесения не с тем знанием, которое получает человек, знакомясь с реальным представителем этой группы, а с тем абстрактным знанием «о них вообще», которое заложено многими предыдущими стереотипами. Таким образом, степень истинности информации, которую выносит человек из стереотипа, прямо пропорциональна глубине и точности его личных познаний в данной сфере. Основу существования и распространения стереотипов в принципе составляет дефицит надежных, проверенных знаний из соответствующих областей социально-политической жизни.

Обычно **структура стереотипа** включает центр, «стержень» и «периферию». Как правило, в центре такого образа располагаются один-два наиболее заметных, ярких, эмоционально воспринимаемых признака (например, для этнополитических стереотипов это черты внешности — цвет кожи, форма глаз, размер носа, цвет волос, или одежды (тюбетейка, халат, кепи-«аэродром»); для социально-политических — символы: флаг, герб, значок, отлитый в лозунг девиз, афоризм, программная фраза, с которыми напрямую связывается «периферия» — те или иные черты характера и поведения (стереотип человека), свойства явления, истоки и последствия события или процесса.

Механизм действия стереотипа заключается в том, что «узнавая» по внешним приметам в реальной жизни объект или явление, люди автоматически домысливают, добавляя в своем восприятии в отношении них те характеристики

«периферии», которые им навязываются (услужливо «подсказываются») устоявшимся стереотипом. После этого следует вывод, определяющий социально-политическое поведение человека. Например, увидев субъекта определенной наружности, легко «вспоминается» манера поведения похожих личностей, скажем, на рынке, что ведет к «естественному» заключению: с ним надо «держать ухо востро». В социально-политическом отношении избирательные кампании в СССР 1989—1990 гг. отчетливо показали: достаточно кандидату было произнести своего рода «пароль», предъявить некий «опознавательный знак» в виде слова «демократ» или некоторых других ключевых для данного стереотипа слов (а подчас обходилось и без слов — достаточно было, скажем, появиться в майке с надписью «Вся власть советам!», «Перестройка» и т. п.), как почти автоматически вызывалось решение электората голосовать за данного кандидата. И наоборот: близость к официальным структурам и наличие соответствующих признаков приводили в действие стереотипы «стагната» и «партократа», гарантируя отрицательное голосование.

Стереотипы представляют собой мощнейшее средство манипулирования сознанием отдельных индивидов, групп и масс в политике. С этой точки зрения, содержательно стереотип можно определить как постоянно декларирующиеся и навязывающиеся людям стандартные единообразные способы осмысления и подходы к социально-политическим явлениям, объектам и проблемам, как общественно-политические каноны и «истины» — нормы, ценности и эталонные образцы политического поведения, постоянно повторяемые и используемые политической элитой, поддерживаемые и распространяемые массовыми информационно-пропагандистскими средствами, подкрепляемые карательными органами в целях удержания основной массы членов общества в единообразном нормативно-послушном состоянии. В содержательном отношении, совокупность подобных стереотипов составляет идеологию или идейно-политическую основу данного общества. Согласно манипулятивно-идеологической точки зрения, стереотипы делятся на «истинные» (обычно, «наши») и «ложные» (как правило, «не наши», поддерживающие противоположно ориентированную в идеологическом отношении социально-политическую систему).

Всякая социально-политическая система создает набор определенных стереотипов, следование которым необходимо для успешного функционирования данной системы. Обычно они существуют и поддерживаются на трех основных уровнях. Во-первых, стереотипы индивидуального политического сознания и поведения, подкрепляемые стереотипами соответствующих позитивных и негативных санкций — например, вкладываемые в содержание понятия «законопослушный» (добропорядочный, лояльный и т. п.) гражданин. Во-вторых, стереотипы группового политического сознания и поведения — например, традиции того или иного этноса, слагаемые «профессиональной чести», уставы политических партий и движений и т. п. В-третьих, стереотипы политического сознания и поведения члена общества (социально-политической системы) в целом.

Социально-политические системы различаются по степени стереотипизации сознания и поведения людей. Если в условиях тоталитарного общества набор стереотипов предельно узок, следование ему строго обязательно, а отклонения жестко и неотвратимо наказуемы, то в демократическом обществе допускается значительно большая степень свободы. В условиях последнего происходит своеобразная плюрализация стереотипов, за счет чего достигается значительное освобождение человека от необходимости и обязательности единообразного послушания. Тем самым, не избавляясь от стереотипов полностью (это практически невозможно, ибо противоречит человеческой природе и закономерностям

функционирования психики), достигается высвобождение творческих возможностей человеческого восприятия, мышления и, в конечном счете, всей деятельности. Проявляясь в плюрализации форм политической жизни и деятельности, это в свою очередь усиливает процесс дестереотипизации социально-политической системы и способствует ее дальнейшему развитию.

С политико-психологической точки зрения, процесс демократизации и перехода от тоталитарного общества к иным, более свободным формам социально-политической организации достигается двумя путями, Во-первых, это достигается посредством целенаправленного разрушения или самораспада единого стереотипа (например, «общенародного» или даже общегруппового — типа национально-этнического, классового, партийного и т. п.). Во-вторых, это достигается разрушением «общего» интереса, подчиняющего себе каждого отдельного человека, и укоренение ценности индивидуальных интересов и, соответственно, индивидуально-личных взглядов в политике. В результате этого распада, в идеале, возникает модель общества как действительно само организующегося сообщества индивидов, состоящего из людей с максимально высоким уровнем развития политического сознания и поведения, способных на самостоятельный осознанный социально-политический выбор.

NB

1. Как любая наука, политическая психология имеет своего рода «скелет» в виде логического и методологического, понятийного и категориального аппарата, образующий «язык» науки. Основная категория политической психологии — это политика в ее деятельной трактовке. Данная категория развертывается в целом комплексе достаточно соотносимых между собой понятий. Политическое сознание — одна из безусловно центральных категорий современной политической психологии, входящая в систему ее понятийных координат, и обозначающая результаты восприятия субъектом той части окружающей его действительности, которая связана с политикой, и в которую включен он сам, а также его действия и состояния, связанные с политикой. Еще одно важнейшее понятие и стержневая категория политической психологии — политическое самосознание. Под политическим самосознанием принято понимать процесс и результат выработки относительно устойчивой и осознанной системы представлений субъекта политических отношений о самом себе в социально-политическом плане, на основе которой такой субъект целенаправленно строит свои взаимоотношения с другими субъектами и объектами политики как внутри социально-политической системы, так и за ее пределами, и относится к самому себе. Это осознание себя в политике как самостоятельного деятеля, целостная оценка своей роли, целей, интересов, идеалов и мотивов поведения.
2. Помимо политического сознания и самосознания, в политике играет огромную роль и то, что обычно называют иррациональным или бессознательным. В широком смысле, это совокупность психических процессов, операций и состояний, не представленных в сознании индивидуального субъекта политического поведения (или представленных с недостаточной степенью осознанности), но оказывающих активное, а в некоторых ситуациях определяющее влияние на поведение значительных неструктурированных конгломератов людей (например, типа толпы). Коллективное бессознательное вызывает специфические формы поведения, именуемые стихийным, «вне коллективным (массовым) поведением».
3. Политическая культура часто рассматривается как основа всей политической деятельности или, по крайней мере, как фактор, определяющий характер, особенности и уровень развития политической деятельности. Содержание понятия «политическая культура» включает исторический опыт, память социаль-

ных общностей и отдельных индивидов в сфере политики, их ориентации, навыки, влияющие на политическое поведение. Этот опыт содержит в обобщенном, преобразованном виде впечатления и предпочтения в сфере внешней и внутренней политики. Известны три основных «чистых» и ряд смешанных типов политической культуры. Среди «чистых» — патриархальный, подданический, активистский. Среди смешанных наиболее известен тип «гражданской культуры».

4. В достаточно общем, политико-психологическом виде, человеческая психика может быть представлена как состоящая из четырех основных блоков. Во-первых, блок политического восприятия — восприятия политики как таковой и, в частности, восприятие политической информации. Во-вторых, блок политического мышления — переработки воспринятой политической информации, ее осмысления и принятия политического решения. В-третьих, блок политических эмоций, чувств и аффектов — эмоционального оценивания выводов политического мышления. Итоговым, и уже выходящим за пределы собственно психики, является блок политического поведения — конкретных действий, основанных на воспринятой, переработанной и оцененной информации. Одним из важнейших проявлений политической психики в реальной политики является инерция психики — восприятия, эмоций и, особенно, мышления.
5. Принципиально важную роль в формировании политической психики вообще и, особенно, политического мышления играют политические установки и стереотипы. Понятие «установка» относится к наиболее сложным в политической психологии. В общем видбг это предготовность субъекта реагировать тем или иным конкретным способом на то или иное политическое событие или явление. Установка — это внутреннее качество субъекта политики, базирующееся на его предшествующем опыте и политической культуре.

   С политико-психологической точки зрения, стереотип — стандартизированный, схематизированный, упрощенный и уплощенный, обычно ярко эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты. Иногда определяется как неточное, иррациональное, чрезмерно общее представление. В широком смысле, это традиционный, привычный канон мысли, восприятия и поведения, шаблонная манера поведения, стандартный способ осуществления действий в определенной последовательности. В целом, это обозначение единообразия, тождества, инерции мышления, косности, ригидности и т. п.

Для семинаров и рефератов

1. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. — Пг., 1921,

2. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан. — М., 1985.

3. *Ольшанский Д.В.* Социальная психология «винтиков». // Вопросы философии. — 1989. — № 8. — С. 91— 103.

4. *Шерковин Ю.А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. — М., 1973.

5. Юнг *К.* Психологические типы. — М., 1924.

6. *Eulau H.* Politics, self and society: A theme and varyation. — L., 1950.

6. *Himmelweit H. et al.* How voters decide. — L.,1985.

7. *Lane R.E.* Political thinking and consciousness: The private life of the political mind. — Chicago, 1968.

Глава 3
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ

ПСИХОЛОГИИ

Предыстория политико-психологических идей. Их место в трудах древнегреческих, римских и восточных авторов. Политико-психологические идеи Аристотеля.

«Государь» И. Макиавелли и его роль в развитии политической психологии Нового времени. Политико-психологические идеи эпохи Возрождения. Политическая психология эпохи Просвещения. Политическая психология масс и политических режимов; ее разработка в XIX веке. Психоанализ 3. Фрейда и политическая психология начала XX века.

Разработка политико-психологической линии в первой половине XX века. Опыты конструирования политической психоистории. Становление Чикагской школы — предтечи современной политической психологии. Труды Г. Лассуэлла как первые серьезные попытки прагматического соединения психологического и политического знания и формирования самостоятельного политико-психологического направления науки..

Развитие политико-психологических идей в XIX—XX веках в России. Работы И.К. Михайловского, В.М. Бехтерева и др. Всплеск внимания к политико-психологическим проблемам в 20-е гг. Политические причины свертывания политико-психологических исследований в последующие годы. Новый подъем интереса к политико-психологическим подходам во второй половине 80-х гг.

Этапы и признаки конституирования политической психологии как самостоятельной науки на Западе. Основные вехи и направления развития западной политической психологии. Современное состояние политико-психологических исследований и их основные направления в России и за рубежом.

Политическая психология как наука богата своей предысторией. Задолго до ее оформления в качестве самостоятельной науки политико-психологические идеи занимали умы исследователей, причем даже в большей мере, чем ныне. Можно говорить о своеобразном парадоксе: по мере развития промышленности, техники и технологии внимание к человеческому фактору падало. До этого, когда большая часть жизни людей была связана общением не с продуктами своей деятельности, а непосредственно друг с другом, роль человека и человеческих отношений в жизни и политике была значительно выше.

Главный вопрос, который постоянно и настойчиво был интересен людям во все времена (и чем раньше, тем больше) — это власть над себе подобными. Интриги и заговоры, убийства и перевороты — все это непрерывно сопровождает историю человечества, начиная с родоплеменного строя. Причем, согласимся, накал этих проблем со столетиями, все-таки, снижался. Утрируя, можно сказать, что вопрос о том, кто будет «старшим по пещере», был острее и драматичнее, чем сегодняшние вопросы о том, кого выберут президентом той или иной страны. Человек и власть — вот тот круг вопросов, который образует предысторию политической психологии.

В то далекое, донаучное время то, что мы сейчас называем политической психологией, было непосредственной повседневной практикой политической элиты. Многое из тех времен перекочевало и в современную жизнь, причем миновав сферу науки. «Тайны мадридского двора» присущи ныне не только «дворам», и далеко не только мадридским. История политических убийств, совершенных в результате неприязненных личных отношений и имевших под собой значительную психологическую основу, продолжается. Политическое убийство

К.Ю. Цезаря и физическое устранение С.М. Кирова или, тем более, Дж.Ф. Кеннеди — события практически одного ряда. Заговор Каталины в Древнем Риме и рылеевский кружок декабристов в России — тем более. В современной политике трудно найти какое-то событие, за которым не просвечивал бы свой аналог из более древних времен, и в котором не прочитывались бы свои политико-психологические слагаемые.

Будучи вынужденными к краткости, мы лишь бегло рассмотрим те основные моменты, в которых на протяжении веков уже фиксировалась роль политической психологии. То есть, мы рассмотрим историю тех фрагментов практической политической психологии, которые стали предметом размышлений тогдашних исследователей — по сути, объектом науки своего времени. Понятно, что это означает работу скорее с текстами, чем с фактами, но тем достовернее будут ее результаты.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

В Элладе, разумеется, практика была важнее науки. Но именно в Древней Греции, когда политиков, в сегодняшнем смысле, заменяли ораторы (ораторское искусство было обязательным и решающим компонентом деятельности политика), один из великих мастеров красноречия Демосфен стал, быть может, первым исследователем механизмов политического воздействия на массы: на их разум и эмоции. Демосфен, как известно, сам вошел в политику через практику. Известно, что он был косноязычен от рождения, и чтобы научиться ораторскому искусству, часами тренировался, набив рот камушками, у берега моря, стремясь перекричать шум морского прибоя. Так он сформировал громоподобный голос и, используя время тренировок для специальных размышлений, открыл некоторые особенности разных массовых аудиторий, перед которыми приходилось выступать.

В частности, Демосфен различал два типа масс. С одной стороны, это были массы, «податливые эмоциям». С ними, считал он, необходимо использовать механизмы психологического заражения для того, чтобы вызвать у этих людей эффект подражания выступающему перед ними политику, так как такие массы, как правило, некритически воспринимает то, что говорит оратор. В качестве примера таких «податливых масс» Демосфен приводил восточные, говоря сегодняшним языком, «тоталитарные» народы, привыкшие к благоговению перед «харизматическими вождями».

С другой стороны, — массы, «податливые разуму». С ними, считал Демосфен, политику необходимо принципиально по другому строить общение. В частности, политик обязан использовать в общении с ними механизмы логической аргументации для того, чтобы пробудить присущую им способность к самостоятельному размышлению и направить его в нужном оратору (то есть, политику) направлении. Например, утверждал наученный опытом Демосфен, «афиняне привыкли думать и судить самостоятельно, и потому с ними обращения к чувствам бесперспективны». Это, говоря сегодняшним языком, как бы «демократические народы», с которыми политик обязан общаться прежде всего рационально, учитывая их способность к самостоятельному принятию логичных решений.

Из политической практики Древней Греции в рассмотрении политико-психологической природы человека, в целом, в обобщенном виде можно выделить две традиции. С одной стороны, выделяется традиция «демократическая», предполагавшая равенство возможностей главных «политических участников»,

то есть, реальных субъектов политического процесса. С другой стороны, отчетливо существовала традиция «аристократическая» (элитарная), открыто подчеркивавшая превосходство тех или иных, вполне определенных типов людей, и их роли в политическом процессе.

Так, например, «аристократическая» политическая традиция достаточно откровенно была выражена уже во взглядах школы Платона. Этот греческий мыслитель считал, в частности, что идеальный тип властителя — это «философ на троне». Согласно его взглядам, получалось, что далеко не все, а лишь некоторые люди могут быть «подлинными правителями». Другие же люди (но тоже далеко не все), могут быть, скажем, «воинами». Большинство же населения вообще не способно к политической жизни[16]. Вот такая сословно-иерархическая «Республика» получалась у Платона, в которой высший, собственно «политический», то есть рационально-логический, интеллектуальный элемент «души» (сознания) преобладал только у представителей правящих классов.

Аристотель был одним из первых мыслителей, который попытался подойти к анализу проблемы власти и подчинения — на примере понимания природы массовых беспорядков и мятежей, направленных на свержение властей. Он связывал «настроения лиц, поднимающих восстание» (т. е. их психологическое состояние) с «политическими смутами и междоусобными войнами». Анализируя массовые выступления против властей, он писал: «Во-первых, нужно знать настроение лиц, поднимающих восстание, во-вторых, — цель, к которой они при этом стремятся, и, в-третьих, чем собственно начинаются политические смуты и междоусобные распри»[17].

Таким образом, для понимания реальной политики уже во времена Аристотеля требовалось анализировать изменения в массовой психологии, в частности, динамику перехода от послушного состояния — к бунтарскому.

Аристотель привнес многое в развитие различных наук, в том числе и политической психологии. Только сейчас, возвращаясь к нему на основе политических реалий современной жизни, мы вновь задумываемся, например, над политико-психологическим содержанием описанных им основных форм правления: тиранией, аристократией, олигархией, охлократией и демократией. Серьезные аналитики говорят, рассматривая новейшую историю России, что вслед за «тиранией» прежних советских вождей, за вольницей и «охлократией» конца 80-х — начала 90-х годов возник вполне «олигархический» режим Б. Ельцина, которому унаследовал «аристократический» режим В. Путина (имеется в виду назначение приближенных к себе «аристократов», которым передаются, делегируются отдельные элементы власти и управления). Таким получается сложный российский путь к демократии — почти по Аристотелю.

Древняя Греция дает много примеров уже почти теоретической политической психологии. Разумеется, понятен далекий от современных взглядов уровень анализа и язык античных мыслителей. Однако, гораздо важно другое: то, что ужо в античное время политико-психологические проблемы активно волновали людей.

ДРЕВНИЙ РИМ

Если древнегреческие мыслители, все-таки, лишь эпизодически фиксировали те или иные политико-психологические феномены, то в Древнем Риме появились уже значительно более развернутые исследования Плутарха и Светония

[16] Подробнее см.: Миф о металлах // *Plato.* The republic. N.Y., L., 1901.— Book 3. — Ch.XXI.
[17] Аристотель. Политика. — М., 1911. — С. 208.

в области политической психологии лидеров и самого феномена лидерства. По сути, это было началом того, что при дальнейшем развитии политический психологии, уже в XX веке стало называться методом психобиографий. Рассмотрим в качестве демонстрационного только один пример. Плутах в жизнеописании Кая Юлия Цезаря пишет: «Цезарь же, едва возвратившись из провинции, стал готовиться к соисканию консульской должности. Он видел, что Красе и Помпей снова не ладят друг с другом, и не хотел просьбами, обращенными к одному, сделать себя врагом другого, а вместе с тем не надеялся на успех без поддержки обоих. Тогда он занялся их примирением, постоянно внушая им, что, вредя друг другу, они лишь усиливают Цицеронов, Катуллов и Катонов, влияние которых обратится в ничто, если они, Красе и Помпеи, соединившись в дружеский союз (NB! отсюда затем в истории науки возникает понятие «дружеский союз» как своеобразное противопоставление «союзу недружескому», то есть, говоря политически, «фракции» —Д.0.), будут править совместными силами и по единому плану. Убедив и примирив их, Цезарь составил и слил из всех троих непреоборимую силу, лишившую власти и сенат, и народ, причем повел дело так, что те двое не стали сильнее один через другого, но сам он через них приобрел силу и вскоре при поддержке того и другого блистательно прошел в консулы»[18].

Все понятно: учитывай психологию врагов и друзей, действуй по принципу «разделяй и властвуй». Таким образом, уже Плутарх дает нам совершенно конкретную политико-психологическую модель поведения Цезаря. Он показывает его мотивацию и демонстрирует политическую стратегию, блистательную именно вследствие учета обозначенных выше психологических моментов.

Цицерон в своих трактатах по ораторскому искусству специально советовал «политическим ораторам» особенно тщательно учитывать психологические моменты. В частности, он писал в качестве наставления ораторам, желающим выиграть дело в суде (говоря современным языком, к адвокатам); «Желательно, чтобы судьи сами подходили к делу с тем душевным настроением, на которое рассчитывает оратор. Если такого «настроения» не будет, то надо прощупывать настроение судей и обратить все силы ума и мысли на то, чтобы как можно тоньше разнюхать, что они чувствуют, что думают, чего ждут, чего хотят и к чему их легче будет склонить»[19].

Большая часть речи оратора, согласно Цицерону, должна быть направлена на то, чтобы изменить настроение слушающих и всеми способами их увлечь за собой. Речь оратора-политика, считал он, должна быть особенно напряженной и страстной[20]. Причем политическая речь, которой такой оратор стремится возбудить других, по природе своей может и должна возбуждать его самого даже больше, чем любого из слушателей[21] — предупреждал Цицерон.

Общий вывод: политики Древнего Рима достаточно далеко продвинулись по части прикладной политической психологии — особенно, в сфере ораторского искусства. Еще более важно, что авторы того времени начали разрабатывать теоретические и методические (метод психобиографий) основы политической психологии.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

[18] *Плутарх.* Избранные жизнеописания. – Т. 2. – С. 209.
[19] Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.— С. 166.
[20] Там же – С. 172.
[21] Там же – С. 167.

Великий труд первого в истории полноправного политолога и политического психолога Н. Макиавелли «Государь» является одним из самых замечательных образцов политико-психологического анализа проблем политического лидерства и, одновременно, эффективным до сих пор руководством по политическому искусству управления людьми. Среди всего прочего, в этой работе прекрасно описаны и раскрыты закулисные психологические механизмы политического поведения монарха («тирана»), использование которых, по мнению автора, не просто оправдано, но даже часто необходимо в кризисные времена.

В целом, относительно природы людей Н. Макиавелли был невысокого мнения: «О людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива»[22]. Люди, считал Н. Макиавелли, по природе своей иррациональны и эгоистичны, и потому для достижения целей их, то есть, общественного, благополучия не может быть и речи о выборе средств: цель оправдывает любые средства. Н. Макиавелли был верным сыном своей эпохи и достойным учеником отцов-иезуитов. «Цель оправдывает средства» — этот известный девиз основателя ордена иезуитов Игнация Лойолы стал общепризнанным для политиков той эпохи. Н. Макиавелли так развивал этот принцип: «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков»[23].

Однако, при всем иезуитском цинизме своих наставлений, Н. Макиавелли не забывал и о простых людях — подданных государя: «Государь должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности»[24].

Макиавеллевские образы «льва» и «лисицы» не просто стали нарицательными в практической и теоретической политической психологии. Эти живые и крайне образные понятия не потеряли актуальности до сих пор. Они широко используются и в практической политике, и в имиджелогии — выстраивании выгодного образа политика.

Кроме, так сказать, «стандартных» вопросов, связанных с человеческой природой, психологией и, соответственно, с политическим поведением определенных типов людей, Н. Макиавелли касался и более сложных вопросов массовой психологии в политике, рассматривая «острые социальные схватки» в кризисном обществе. Более сложными эти вопросы надо признать хотя бы потому, что во времена Н. Макиавелли, как и его предшественников, еще не было «масс» в современном смысле слова. Плотность расселения людей была такова, что любая «масса» редко превосходила несколько десятков, максимум, сотен человек. Тем не менее, к примеру, он совершенно прозорливо писал: «Глубокая и вполне естественная вражда, ...порожденная стремлением одних властвовать и нежеланием других подчиняться, есть основная причина всех неурядиц, происходивших в государстве». И объяснял: «Ибо в этом различии умонастроений находят себе пищу все другие обстоятельства, вызывающие смуты в республиках»[25].

Иными словами, Н. Макиавелли противопоставлял кризисное общество (в котором одни стремятся властвовать, а другие не желают подчиняться — обра-

---

[22] *Макиавелли Н.* Государь. — М., 1990. — С. 50.
[23] Там же – С. 52.
[24] Там же. – С. 54.
[25] *Макиавелли Н.* История Флоренции. — Л., 1973. — С. 99.

тим внимание, как это похоже на ленинские признаки революционной ситуации, когда «верхи» не могут (хотя, безусловно, тоже стремятся), а «низы» не хотят) — обществу стабильному (в котором одни властвуют, а другие подчиняются), и искал корни их различий в разных психологических состояниях значительных масс людей, образующих общество. По его мнению, сам исторический процесс, включая смену форм государственности, обычно и происходит под влиянием «непреложных жизненных обстоятельств», под воздействием «непреложного хода вещей», в котором прежде всего и проявляются действия людей, в частности, «охваченных определенными настроениями»[26]. Обратим внимание, насколько анти фаталистична позиция Н. Макиавелли на фоне своей эпохи, насколько она, если можно так выразиться, «гуманистична» — разумеется, в политико-психологическом смысле. Отделив реальную политику от морали и религии, один из родоначальников всех политических наук первым начал исследовать собственно политические процессы и, естественно, не смог миновать политическую психологию.

Однако, разумеется, вследствие недостаточного развития общего уровня общественных наук того времени, даже такой гений как Н. Макиавелли смог только описать отдельные внешние стороны некоторого ряда политико-психологических явлений, до конца не объяснив действие их внутренних механизмов. Однако уже то, что он сделал, было для своего времени гениальным прорывом в политической науке.

«Государь» Н. Макиавелли не просто актуален поныне — он является настольной книгой для целого ряда политиков (особенно, из числа начинающих). Хотя надо иметь в виду и другое. По своей сути, макиавеллевский «Государь» был и остается руководством по совершенно реальному, конкретному и практическому политико-психологическому порабощению людей. И совершенно не случайно термин «макиавеллизм» до сих пор используется для обозначения всего самого хитрого, двуличного и неискреннего, что есть или хотя бы может быть в реальной политике. Он обозначает способ политической деятельности, не пренебрегающий никакими средствами ради достижения поставленной политиком перед собой цели — обычно, цели властвования над людьми.

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Эпоха Просвещения, как следует из самого ее называния, отличалась расцветом наук. Соответственно, и политико-психологическая природа человека оказалась, по сути дела, в самом центре внимания большинства обществоведов. Это касалось не только политической психологии отдельных индивидов, пусть даже лидеров, но и определенных социально-политических общностей — прежде всего, национально-этнических. Как отмечал, например, особенно увлекавшийся этими вопросами Дж. Вико: «Нации проходят...через три вида природы, из которых вытекают три вида нравов, три вида естественного права народов, а соответственно этим трем видам права устанавливаются три вида гражданского состояния, т.е. государств»[27].

Иными словами, говоря современным языком, государство соответствует природе управляемых граждан, и нельзя изучать политику в отрыве от их психологии. Относительно же самой человеческой природы Вико писал, что она «ра-

[26] *Machiavelli* N. II Principe. Opere complete.— Napoli, 1877.— P.332.
[27] *Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций.— М., 1940.— С. 377.

зумная, умеренная, благосклонная и рассудочная... и признает в качестве законов совесть, разум и долг»[28].

Т. Гоббс же, напротив, был не столь гуманного мнения о себе подобных. К примеру, он считал, что человек — это животное с животными страстями и страхами: «Основная страсть человека — стремление к власти ради достижения основных удовольствий»[29]. Главный конфликт человеческой природы, по Т. Гоббсу, это конфликт между естественным для человека стремлением к тщеславию и его же природным страхом.

Согласно взглядам философа-гуманиста Дж.Локка[30], напротив, человек по природе своей есть существо свободное, независимое и разумное. Именно поэтому любой человек, в принципе, «равен великим и неподвластен никому», так как подчиняется «только законам природы и в состоянии построить справедливое общество». Справедливое общество, согласно Дж. Локку, можно построить на основе некоего особого «общественного договора», заключаемого между представителями разных человеческих общностей. «Общественный договор», по Локку, и есть своего рода отражение разумного ответа человечества не необходимость. Напомним, что теория «общественного договора», пользовавшаяся популярностью в то время, так и не нашла подтверждения в реальной жизни. Фактически, только в XX веке она в некотором роде обогатилась реальным практическим политическим подтверждением — в частности, такого рода подтверждением можно считать «Пакт Монклоа», заключенный в Испании, в знаменитом дворце Монклоа, между представителями разных политических сил после смерти каудильо Франко, Этот пакт определил нормы социально-политической жизни и перспективы развития общества в кризисной ситуации смены политического режима, и действует до сих пор. Данный пример, среди прочего, служит неплохой иллюстрацией прогностической роли политической психологии.

В отличие от Т. Гоббса, еще более оптимистический взгляд на природу человека был присущ такому авторитету эпохи Просвещения, как Ж.-Ж. Руссо. Он считал, что практически все люди, в большей или меньшей степени, обладают «внутренним принципом справедливости и добродетели». Такое же психологическое качество, как «совесть является основным божественным инстинктом человека»[31]. Как отмечал Руссо, «люди рождаются свободными, но везде в цепях»[32]. То есть, развивал он эту мысль, люди рождаются в цепях коррумпированного общества, но по самой своей природе стремятся к свободе. «Как только человек становится социальным и (следовательно) рабом, он превращается в слабое, робкое и раболепное существо»[33], хотя «в потенциале естественного человека имелись общественные добродетели»[34].

Еще один известный мыслитель эпохи, Ш.Л. Монтескье, анализируя развитие политических институтов и процессов в «смутное» время, пришел к пониманию важнейшей роли массовой психологии и ее влияния на политические процессы. В отличие от большинства своих предшественников, он попытался уже не только дать описание различных явлений массовой политико-психо-

---

[28] Там же. — С. 379.
[29] *Hobbes T.* Leviathan. — Cambridge, 1991. — С. 53.
[30] *Locke J.* Two treatises on civil government. — L., 1888. — B. 2. — Ch. 2.
[31] *Rousseau J.J.* Emile. — L., 1933. — Book 4. — С. 253—255.
[32] *Rousseau J.J.* The social contract. — L., 1991. — С. 49.
[33] *Rousseau J.J.* A discourse on the origin of inequality. // The social contract and discourses. — L., 1910. — С. 182.
[34] Там же. — С. 205.

логической природы, но и указывал на наличие за ними тех или иных достаточно конкретных психологических причин. К примеру, с исторической точки зрения, интересно такое его описание поведения людей в толпе:

«В трудные времена всегда возникают брожения, которыми никто не предводительствует, и когда насильственная верховная власть бывает сметена, ни у кого уже не оказывается достаточно авторитета, чтобы восстановить ее;... само сознание безнаказанности толпы укрепляет и увеличивает беспорядок. ...Когда был свергнут с престола турецкий император Осман, никто из участников этого мятежа и не думал свергать его..., но чей-то навсегда оставшийся неизвестным голос раздался из толпы, имя Мустафы было произнесено, и Мустафа вдруг стал императором»[35]. Дальше мы увидим, насколько точно и заблаговременно сумел Ш.Л. Монтескье, имя которого, вообще-то говоря, редко связывается с политической психологией, предвидеть те особенности и конкретные политико-психологические характеристики массового поведения (в частности, поведения толпы), которые стали явственными гораздо позднее — практически, уже совсем в иную историческую эпоху.

Таким образом, эпоха Просвещения серьезно продвинула понимание не только общих, но, также совершенно конкретных психологических факторов в политических процессах. Кроме того, эпоха Просвещения стала родоначальницей жанра обширных книжных описании наблюдений и размышлений такого рода, а также их философско-методологического осмысления. По сути, именно эпоха Просвещения заложила философские основы тех уже вполне конкретных направлений политической психологии, которые стали развиваться практически сразу после этой эпохи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ XIX ВЕКА

Начиная с периода Великой Французской революции, в силу ее гигантских масштабов и огромного количества вовлеченных в нее людей с их политическими действиями, политическая психология уже просто никак не могла ускользать от специального внимания исследователей и быть всего лишь отдельным аспектом неких более общих описаний. Именно в этот период она начинает становиться самостоятельной наукой, хотя пока еще не обладающей соответствующим статусом. Соответственно, именно от этого времени ведут многие авторы отсчет реальной истории данной науки, несмотря на то, что формализация ее статуса произошла *только* во второй половине XX века.

Великая Французская революция и последовавшие за ней события (в частности, промышленная революция) привлекли внимание к двум огромным пластам политико-психологических проблем. С одной стороны, буквально-таки вырвавшаяся наружу психология масс особенно заинтересовала обществоведов. С другой стороны, предметом не меньшего интереса стала психология политических режимов.

Многие исследователи обращались в своих произведениях к вопросам массовой психологии, однако, с профессионально-психологической точки зрения, феномен «массы» и, в частности, поведение толпы были изучены лишь в конце XIX века. Это понятно: требовалось время для научного осмысления исторического опыта и гигантских исторических потрясений. Эти исследования были связаны с тремя теперь уже классическими именами Г. Тарда, Ш. Сигеле и Г. Лебона.

---

[35] *Монтескье Ш.Л.* Персидские письма. — Элиста, 1988.— Gисьмо LXXX. С. 148.

Г. Тард изучал толпу как «нечто одушевленное (звериное)»[36] и приписывал ей такие особенные черты, как «чрезмерная нетерпимость, ...ощущение своего всемогущества и взаимовозбудимость» людей, находящихся в толпе[37]. Он различал два основных встречающихся в политике типа толпы: а) толпа «внимательная и ожидающая», и б) толпа «действующая и выражающая определенные требования»[38]. Несколько преувеличивая, в соответствии с популярными тогда психологическими теориями, роль «массовых инстинктов», Г. Тард как бы демонизировал толпу и, прежде всего, через эти ее «зверино-демонические» свойства, определяющие массовое поведение, пытался понять роль психологии в политике вообще. Говоря современным языком, это была откровенно редукционистская позиция сведения сложного к слишком простому. Вот почему имя Г. Тарда хотя и упоминается обычно среди «отцов-основателей» политической психологии, но конкретные рефераты его работ и изложения его взглядов и позиций становятся с течением времени все короче.

Примерно та же судьба ждала в науке и Ш. Сигеле. Это парадоксально, но его имя известно практически всем социальным и политическим психологам, однако, конкретные его работы, фактически, неизвестны никому. Он же, между прочим, отличался крайне любопытными взглядами. Так, среди прочего, Ш. Сигеле считал, что «интеллектуальная вульгарность и нравственная посредственность массы могут трансформироваться в мысли и чувства»[39]. Он утверждал, что в толпе все политико-психологические процессы подчинены в первую очередь «влиянию количества людей, которое будоражит страсти и заставляет индивида подражать своему соседу»[40]. Он знали совершенно конкретные вещи — что, например, если «оратор попытается успокоить толпу, результат будет противоположным — те, кто удалены, не услышат слов, они увидят только жесты, а крик, жест, действие не могут быть интерпретированы правильно»[41]. Следовательно, рационально и целенаправленно контролировать поведение толпы невозможно, делал вывод III. Сигеле. В политике, заключал он, «с ней приходится просто мириться».

Обратим внимание на то, как много открытий в поведении толпы было сделано полузабытыми Г. Тардом и Ш. Сигеле. А ведь они сделали и описали их раньше, чем о них написал значительно более известный и популярный ныне Г. Лебон. Однако таков почти неумолимый закон истории науки: Г. Лебон опирался на находки Г. Тарда и Ш. Сигеле так же, как позднее на него самого оперся 3. Фрейд: отреферировал, кое-где процитировал, и использовал как фундамент для основания собственной пирамиды анализа психологии масс и человеческого «я» в политике.

Уже упомянутый Г. Лебон считал, что «с психологической точки зрения толпа формирует единый организм, который оказывается под влиянием закона ментального единства толпы; чувства и мысли составляющих толпу людей ориентированы в одном и том же направлении»[42]. Г. Лебон выделил отличительные признаки личности, включенной в толпу. Подробнее мы их рассмотрим в последующих главах. Пока же приведем лишь основной вывод Г. Лебона: «Таким образом, как составная часть толпы, человек опускается на несколько ступеней

---

[36] *Torde G.* L'opinion et la foule. — P., 1989. — С. 32.
[37] Там же – С. 54.
[38] Там же – С. 56 и далее.
[39] Sighele Sc. La foule criminelle. – P., 1898. – С. 62.
[40] Там же. — с. 79.
[41] Там же. — с. 77 76.
[42] Le Bon G. Psychologie des follies. — P., 1988.- С. 11, 9.

вниз по шкале цивилизации»[43]. Наиболее очевидно, считал Г. Лебон, это проявляется в политике, особенно в той политике, которая требует «коллективных действий», то есть предпочитает не отдельную личность, а «массового человека» — человека в толпе. В качестве примера Лебон обрушивался на «демократию» и, особенно, на социализм как на политический строй и течение политической мысли[44].

Пожалуй, именно этими своими работами Г. Лебон и заслужил свое совершенно особое место в истории политической психологии, фактически, он стал основоположником совершенно особенного и самостоятельного жанра: политико-психологического анализа политических режимов и течений политической мысли. К сожалению, этот жанр в дальнейшем оказался почти заброшен.

Г. Лебон не полюбил социализм. Не любил он и толпу, политическими услугами которой как раз и предпочитали пользоваться социалисты. Он откровенно стоял на позициях той элиты, которую мечтали свергнуть социалисты. Однако это совсем не мешало ему быть прозорливым и достаточно объективным (особенно это ясно теперь, задним числом, после краха социалистического эксперимента в мировом масштабе) исследователем.

Он писал почти предельно жестко: «Ненависть и зависть в низших слоях, безучастие, крайний эгоизм и исключительный культ богатства в правящих слоях, пессимизм мыслителей — таковы современные настроения. Общество должно быть очень твердым, чтобы противостоять таким причинам разрушения»[45], которое, естественно, готовят социалисты. И Г. Лебон точно знает, как это происходит именно с политико-психологической точки зрения: «Мы знаем, каково было в момент французской революции состояние умов...: трогательный гуманитаризм, который, начав идиллией и речами философов, кончил гильотиной. Это самое настроение, с виду столь безобидное, в действительности столь опасное, вскоре привело к расслаблению правящих классов. ....Народу оставалось лишь следовать по указанному ему социалистами пути»[46].

Согласно Г. Лебону, такая иррациональная заразительность социалистических идей, представляющих собой скорее «умственное настроение», чем ясную и логичную теорию, может увлечь массы на восстание против прежнего строя, однако не способна удержать их своей конструктивно-созидательной силой. Отсюда следует базовый парадокс социализма, который не миновал в свое время и СССР. Восстание толпы — это во многом именно взрыв эмоций и настроений, носящих недолговечный характер, считал Г. Лебон. И был абсолютно прав. Активный участник февральской революции 1917 г. в Петрограде С.Д. Мстиславский описывал: «Создавшееся на заседании Совета настроение не рассеялось и тогда, когда депутаты, окончательно утвердив резолюцию, толпою влились в заполнившую Екатерининский зал ожидавшую массу. В этот вечер Таврический дворец был переполнен в той же мере, как и в первый день восстания. Тем резче бросалось в глаза огромное различие настроений «тогда» и «теперь»[47].

Такие порывы, которые приводят к восстаниям толпы, иссякают по мере осуществления деструктивных действий, и тогда верх начинает брать консервативно-охранительная сущность массовой психологии. Любой разрушительный, ниспровергающий порыв рано или поздно оборачивается тягой к реставрации

[43] Там же. — С. 11—5.
[44] См.: Ольшанский Д.В. Густав Лебон: каким виделся социализм на рубеже XIX—XX веков. // Литературное обозрение. — 1991.— № 6.— С.76—78..
[45] *Лебон Г.* Психология социализма. — СПб., 1908. — С. VII.
[46] Там же.— С. 365.
[47] *Мстиславский С.Д.* Пять дней. Начало и конец февральской революции. — М., 1932. — С. 37.

хотя бы части того, что было недавно разрушено. Л.Д. Троцкий подтвердил правоту Г. Лебона. В 1926 г. он писал в дневнике: «Было бы неправильным игнорировать тот факт, что пролетариат сейчас гораздо менее восприимчив к револ. перспективам и широким обобщениям, чем во время октябрьского переворота, и в первые годы после него. Рев. партия не может пассивно равняться ко всякой смене массовых настроений. Но она не может также и игнорировать перемену, поскольку эта последняя вызвана причинами глубокого исторического порядка»[48]. Уточним оценку политика и политико-психологического порядка.

Анализируя политико-психологическую природу социализма, Г. Лебон объяснял его эмоциональную заразительность тем, что социализм представляет собой особую разновидность вероучения. Любое вероучение имеет своих «апостолов» — соответственно, Г. Лебон рисует и обобщенные политико-психологические портреты социалистических вождей. Из таких «вождей», в случае прихода социалистов к власти, образуются новые правящие касты, прикрывающиеся понятием «демократии». Г. Лебон жестко анализирует природу и следствия демократии. «На самом же деле демократический режим создает социальные неравенства в большей степени, чем какой либо другой... Демократические учреждения особенно выгодны для избранников всякого рода, и вот почему эти последние должны защищать эти учреждения, предпочитая их всякому другому режиму. ...демократия создает касты точно так же, как и аристократия. Единственная разница состоит в том, что в демократии эти касты не представляются замкнутыми. Каждый может туда войти или думать, что он может войти, ...демократические учреждения благоприятны лишь для групп избранников, которым остается лишь поздравить себя с тем, что эти учреждения с такою легкостью все забирают в свои руки»[49]. Так описывает Г. Лебон естественную мотивацию политического поведения, если говорить современным языком, «депутатов всех уровней».

Еще раз подчеркнем: Г. Лебон представил первый и практически единственный опыт политико-психологического анализа таких феноменов, как политический режим, способ организации политической жизни, и даже избирательное право. «Грустный пример показывает, какая судьба ожидает демократию у народов безвольных, безнравственных и неэнергичных. Самоуправство, нетерпимость, презрение к законности, невежество в практических вопросах, закоренелый вкус к грабежу тогда быстро развиваются. Затем вскоре наступает и анархия, за которой неизбежно следует диктатура»[50].

ПСИХОАНАЛИЗ XX ВЕКА

На развитие политической психологии значительное влияние оказала психоаналитическая теория 3. Фрейда и, позднее, его учеников. Напомним, что согласно психоаналитическому взгляду на поведение человека, большинство действий людей являются результатами борьбы бессознательных инстинктивных мотивов (Эрос и Танатос), а также конфликтов между человеческими Эго (Я), Супер-Эго (Сверх-Я) и Ид (Оно) — базовыми компонентами структуры личности человека по 3. Фрейду. Под влиянием взглядов Г. Лебона, а также ряда других его современников на «массовую душу», 3. Фрейд подошел к проблеме политического поведения личности и группы с точки зрения психоанализа.

[48] *Троцкий Л.Д.* Письма и дневники. - М., 1986.— С. 15.
[49] Цит. по: Литературное обозрение. -1991, - № 6. – С. 82.
[50] Цит. по: Литературное обозрение. — 1991. — № 6. — С.83.

З. Фрейд рассматривал феномен массы в социальной и, в частности, политической жизни как «состояние регресса к примитивной душевной деятельности», когда в человеке внезапно просыпаются определенные психологические характеристики, свойственные когда-то древним людям первобытной орды. Человек в толпе оказывается как бы в состояниии гипноза, а именно в гипнозе из глубин его психики вылезает тот самый первобытный Ид («Оно»), уже не сдерживаемый сознательным контролем Супер-Эго и не удерживаемый хрупким, балансирующим между ними Эго.

В этих случаях и происходит исчезновение сознательной обособленной личности, развивается переориентация мыслей и чувств в чужое, но одинаковое с другими людьми направление, возникает преобладание аффективности и других проявлений бессознательной душевной сферы, что, в итоге, формирует сильнейшую склонность к немедленному выполнению внезапных намерений[51].

Во всех типах масс, согласно З. Фрейду, в качестве главного связующего звена выступает «коллективное либидо»[52], имеющее в качестве своей опоры либидо индивидуальное, в основе которого лежит не что иное, как сексуальная энергия человека. В качестве примера Фрейд рассматривал две искусственные высокоорганизованные массы: церковь и армию. В каждой из этих структур отчетливо проявляется «фактор либидо»: любовь к Христу в первом случае, и любовь к военачальнику— во втором. «В искусственных массах каждый человек либидинозно связан, с одной стороны, с вождем..., а с другой стороны — с другими массовыми индивидами», которые «сделали своим идеальным Я один и тот же субъект и вследствие этого, в своем Я между собой идентифицировавшихся». З. Фрейд писал: «Если порывается связь с вождем, порываются и взаимные связи между массовыми индивидами, масса рассыпается». Таким образом, в результате общая идеализация лидера приводит к одинаковой самоидентификации членов массы и аналогичной идентификации себя с другими индивидами. «Вождь массы — ее праотец, к которому все преисполнены страхом. Масса хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета. ...Вождь— гипнотизер: применяя свои методы, он будит у субъекта часть его архаического наследия, которое проявлялось и по отношению к родителям — отношение человека первобытной орды — к праотцу».

Рассматривая психологическую природу человека, З. Фрейд[53] указывал на то, что цели индивида и общества в принципе никогда не совпадают. Целью Эроса (одного из базовых начал в человеке, благодаря которому, по З. Фрейду, и развивается цивилизация) является «соединение единичных человеческих индивидов, а потом семьи, расы, народы, нации соединяются в одно великое единство, единство человечества, в котором либидинальные отношения объединяют людей». Однако в человеке, по Фрейду, есть и другое начало — Танатос (по имени греческого «бога смерти»). Это значит, что природная агрессивность, деструктивность и враждебность индивидов противостоят возникновению цивилизации, влекут за собой ее дезинтеграцию, так как «инстинктивные страсти сильнее рациональных интересов». «Человеческие агрессивные инстинкты — производные основного смертельного инстинкта». С Танатосом, в меру своих сил, во внутренней структуре психики борется Эрос. Для прогресса цивилизации требуется, чтобы общество контролировало, а если это необходимо, то и ре-

---

[51] *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // «Я» и «Оно». — Тбилиси, 1991.— Кн. I.— С. 118.

[52] Либидо— «энергия тех первичных позывов, которые имеют дело со всем тем. что можно обобщить понятием любовь». — Там же. — С. 90.

[53] *Freud S.* Civilization and its discontents.— Vol. 12.— L., 1988.— P. 251—340.

прессировало агрессивные инстинкты человека, интер-нализируя их в форме «Супер-эго» и направляя их на «Эго». Это, разумеется, вызывает некоторую «ломку», деструкцию в психике человека.

Деструктивность человека как по отношению к другим, так и по отношению к себе проявляется через садизм и мазохизм, так как и то, и другое, в конечном счете, — лишь альтернативные проявления одной и той же, деструктивной мотивационной структуры. Интернализация внешних запретов ведет к появлению неврозов (подавленные либидозные инстинкты) и чувства вины (подавленные агрессивные инстинкты). Это— плата человечества за цивилизацию. И эта плата проявляется, прежде всего, в политике. Поэтому отец психоанализа в свое время и отказал А.Эйнштейну в просьбе подписать обращение ученых, протестующее против начинавшейся Второй мировой войны — потому, что был уверен: Танатос — в природе человека. Он ведет людей к войнам, и бороться против этого, к сожалению, бессмысленно.

Фрейд сделал еще один крупный вклад в политическую психологию: он основал новый жанр— психобиографию, взяв в качестве примера жизнь президента США Вудро Вильсона[54], которую подверг Детальному психоаналитическому исследованию, Изначально Фрейд не скрывал своей антипатии к этому президенту, считая, что претензия В. Вильсона «освободить мир от зла» обернулась лишь еще одним подтверждением той опасности, которую может принести людям фанатик. Исследование подняло проблему политико-психологического инфантилизма и его разрушительного воздействия как на самого его носителя, так и на общество в целом, а также показало новые возможности политической психологии.

Психоанализ заложил основы и для жанра психоистории[55], — направления, стремящегося с той поры использовать психоаналитические модели для описания динамики исторических процессов. Психоисторические исследования, в основном, фокусируются на отдельных индивидах и принимают форму психобиографий, однако иногда это нечто более широкое — типа «биографии эпохи». С одной стороны, психоанализ оказался вполне совместимым с реальной историей, так как их общей основной задачей является поиск уникального в каждом явлении. С другой стороны, они оказались парадоксально несовместимыми, так как психоанализ сам по себе содержит слишком сильный «проскриптивный компонент», который может частично исказить выводы историка, в то время как самоцелью истории является лишь описание прошедших событий. Тем не менее, и психоистория, и психобиография вполне прижились в западной политической психологии.

Следует, однако, иметь в виду, что, несмотря на безусловно позитивные попытки учесть роль «человеческого фактора», ортодоксальное психоаналитическое толкование истории может приводить и часто приводит к определенному искажению прошедшей реальности, к ее схематизации и откровенному стереотипизированию. Во всех таких случаях, результат оказывается одинаковым, хотя и выступает в двух разновидностях. Либо это будет сведение всех мотивов политического поведения субъекта к одной единственной причине и модели (типа Эдипова комплекса) — тогда это будет явный редукционизм внутри психоисторической модели. Либо это будет превращение всей истории в психоисторию.

---

[54] См.: Фрейд *3., Буллит У.* Т.В. Вильсон: 28-й президент США: Психологическое исследование. — М., 1992.

[55] *Cocks G.* Contributions of psychohistory to understanding politics. — In Political psychology: contemporary problems and issues — San Fr., 1986.— Ch. 5.

Такой редукционизм свойственен некоторым исследованиям с уже упоминавшимися выводами типа: «Наполеон проиграл битву при Ватерлоо из-за насморка», «Резня гугенотов в Варфоломеевскую ночь произошла вследствие приступа желудочных колик у короля Карла» и т. п.

«ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА» - ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

У 3. Фрейда было много учеников и последователей. В том числе, кстати, и лично, непосредственно занимавшихся реальной политикой. Один из его любимейших учеников А. Адлер, даже стал однажды министром труда в социал-демократическом правительстве Австрии. Он считал, что в политику люди идут для «гиперкомпенсации» каких-то своих «комплексов». Вначале это был «комплекс неполноценности», который и обеспечивал политику энергетику, необходимую для воздействия на других людей, затем — «комплекс различий» с другими людьми, ощущение которых как бы само выдвигало человека на политические роли. Однако подобная психоаналитическая образованность А. Адлера практически никак не помогла его личной политической карьере.

Тем не менее, учеников и сторонников всегда было много — соответственно, до сих пор велико число работ, продолжающих и развивающих идеи 3. Фрейда, в том числе и в политико-психологической сфере. Однако наиболее важным для развития теперь уже современной политической психологии стало имя Г.Д. Лассуэлла. Мы уже упоминали его в первых главах книги в качестве одного из основателей поведенческого подхода — широкого методологического основания политической психологии. Однако это была лишь часть его заслуг перед нашей наукой.

Г.Д. Лассуэлл, как и очень многие, тоже был совсем не чужд увлечению популярным в начале XX века фрейдизмом. Знал он и работы А. Адлера, связанные с идеями «гиперкомпенсации». Однако только он лервым попытался напрямую, со свойственным именно американцам рационализмом, соединить психоанализ (точнее, психопатологию как направление психологических исследований) и прикладную политологию. Основная гипотеза возникавшей таким образом новой теории состояла в следующем: политик стремится к власти как к «средству компенсации депривации». Он почему-то неосознанно предполагает, что «власть лучше, чем какая-либо альтернативная ценность, сможет преодолеть заниженную самооценку»[56]. То есть, согласно ранним взглядам Г.Д. Лассуэлла, именно низкая самооценка чаще всего приводит к своеобразным «защитным реакциям» индивида, прежде всего проявляющимся в потребности во власти и, шире, в потребности доминировании над другими людьми.

Индивид, избирающий политику в качестве символа реализации своих потребностей, тем самым, обычно, и пытается скорректировать свои внутренние расстройства совершенно неадекватными способами[57]. Политические символы избираются им в качестве объекта переноса аффекта не по каким-либо рациональным причинам, а часто просто вследствие их широкого распространения и неопределенной рсферентности[58].

Согласно Г.Д. Лассуэллу, именно политика оказывается наиболее легким и эффективным «объектом-заместителем» для людей, страдающих подобными внутренними проблемами. Соответственно, именно такие люди, в основном, и

---

[56] *Lasswell H.D.* Power and personality. — N. Y., 1948. — P. 39-40.
[57] *LassweH H.D.* Psychopathology and politics. — N. Y., 1960. — P. 194.
[58] Ibid. — P. 203.

составляют своеобразный «политический тип» человечества. В полном соответствии со сказанным, «политическим типом» Г.Д. Лассуэлл называл такой «тип развития, при котором властные возможности в каждой ситуации кажутся предпочтительнее всех остальных»[59]. Резюмируя свои теоретические конструкции, он заключал, что, конечно, «все люди рождаются политиками, но большинство перерастает этот период»[60]. Обостренное стремление человека к власти, по Г.Д. Ласссуэллу, — это своеобразное затянувшееся детство.

Суть теории «политического типа» Г.Д. Лассуэлла выражается следующей формулой[61]:

p f d f r = P

где **p** — личные мотивы;
d — перенос на общественный объект;
r — рационализация через общественный интерес;
P — политический человек;
f — процесс трансформации.

Из приведенной формулы следует довольно простой вывод. «Политический человек», согласно Г.Д. Лассуэллу, как и все другие люди, обладает **p** (личными мотивами) и **d** (способностью направить эти мотивы на общественный объект), но отличительным качеством homo politicus является именно **r** — рационализация собственных политических мотивов через общественный интерес.

Далее мы еще вернемся к подробному рассмотрению «политических типов», выделенных Г.Д. Лассуэллом — прежде всего, в контексте проблем политического лидерства. Однако политическая психология лидеров — далеко не единственный вклад этого виднейшего представителя Чикагской школы в нашу науку. Значительная часть его работ была посвящена проблемам массовой психологии в политике.

Относительно массовых действий Г.Д. Лассуэлл откровенно писал: «Политические движения жизнеспособны благодаря переносу личных аффектов на общество... в них происходит реактивизация специфических примитивных мотивов, которые были заложены в человеке ранее»[62]. Исследуя поведение людей в «смутные» времена, Г.Д. Лассуэлл пришел к своеобразному выводу: именно в эти времена в людях обостряется «регрессивная тенденция, пробуждаются примитивный садизм и страсти»[63], т. е. проявляются самые иррациональные основы как общества, так и самого человека. Впоследствии, эти и другие идеи Г.Д. Лассуэлла были активно развиты его учениками и сторонниками. Как уже говорилось, на этой сложной, местами просто эклектичной основе и развивалась западная политическая психология. Г.Д. Лассуэлл для нашей науки — фигура особого масштаба. Фактически, он был первым исследователем, целиком посвятившим себя именно проблемам политической психологии — как бы она тогда еще не называлась. Г.Д. Лассуэлл — автор многих любопытных идей в истории политической психологии. Однако главным стало то, что именно он постепенно стал основоположником всей современной политической психологии как самостоятельного направления исследований.

---

[59] *LassweII H.D.* Power and personality. — P. 21—22.
[60] Ibid. — P. 160.
[61] *Lasswell H.D.* Psychopathology and politics. — P. 75-76.
[62] *Lasswell H.D.* Ibid. — P. 183.
[63] Ibid. - P. 265.

ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ

В России в истории науки также были определенные политико-психологические традиции, хотя не слишком сильные и многочисленные. Случилось так, что круг подобных проблем, в силу особенностей национального менталитета и, соответственно, особенностей национальной науки, не относился к сфере последней. Вообще, гуманитарная наука как таковая отсутствовала в России практически до XX века (если, конечно, вообще можно считать гуманитарной наукой то, что появилось и развивалось в рамках ортодоксального марксизма-ленинизма). В подобных случаях принципиально важные для общества функции осмысления гуманитарных проблем принимает на себя художественная литература. Действительно, если внимательно посмотреть, то мы обнаружим огромное количество политико-психологических проблем у Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, даже у А.С. Пушкина в его «Борисе Годунове» или «Капитанской дочке». Разумеется, это представляет собой совершенно отдельный пласт проблем, заслуживающий совершенно особого внимания и тщательного рассмотрения. Пока же мы можем лишь бегло обратить внимание на то, что политико-психологические проблемы активнейшим образом развивались, начиная от А.С. Пушкина, в русской литературе — причем не только в прозе, а даже в русской поэзии. Причем не только в тенденциозных поэмах В.В. Маяковского типа «Владимир Ильич Ленин», но и, скажем, в совершенно иной по складу поэме С.И. Есенина «Пугачев».

На фоне такого мощного интеллектуального слоя значительно менее убедительно выглядели попытки рассмотрения политико-психологических проблем в собственно научных рамках. Внимательнейший анализ позволяет назвать всего лишь несколько достойных имен. Так, Н.К. Михайловский в своей теории «героя» и «толпы» объяснял взаимоотношения лидера и масс своеобразными «рефлексами подражания» — в целом, следуя в данном вопросе за Г. Тардом, Ш. Сигеле и Г. Лебоном. Здесь Н.К. Михайловский был мало оригинален. Вождь-гипнотизер, согласно Н.К. Михайловскому, как бы превращает толпу в «человеческие автоматы», готовые следовать за ним, куда бы то ни было[64].

В противоположность этим взглядам, жестко споря с ними, известный русский врач-физиолог, исследователь мозговых процессов В.М. Бехтерев отмечал, что во времена смут и потрясений совсем не «герой» определяет политическое поведение масс. В такие периоды ими движут особые «коллективные рефлексы». Именно в толпе, считал Бехтерев, люди уподобляются животным и действуют рефлекторно[65]. Так или иначе, но рефлексологическая политическая психология представляла собой нечто по крайней мере новое даже на фоне значительно более развитой западной науки.

Подчеркнем значительный вклад российских медиков и физиологов в изучение психологических проблем политики. Они внесли и свой вклад в развитие жанра политического портрета. Так, в России начала XX века широкой популярностью пользовалась книга психиатра П.И. Ковалевского «Психиатрические этюды из истории». В ней была представлена целая серия портретов политических деятелей от царя Давида до Петра I, от А.В. Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны д'Арк до Наполеона[66], Учитывая сильный психиатрический ук-

---

[64] См.: *Михайловский Н.К.* Соч.— СПб., 1896.— Т. 2.— С. 97-189; *Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской истории. — М., 1983.

[65] *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология.— Пг., 1921.

[66] Подробнее см.: Ковалевский *П.И.* Психиатрические этюды из истории. // Диалог.— 1991—1993.

лон в анализе автора, мы не будем подробно анализировать здесь эту книгу, хотя и от метим ее определенный интерес. Как и интерес книги автора того же времени Г.И. Чулкова о русских императорах, где приведена целая серия талантливых уже сугубо психологических портретов ряда российских правителей[67].

Некоторые достижения можно отметить и в российской исторической науке. Так, в частности, В.0. Ключевский первым дал сравнительно развернутый анализ влияния массовой психологии — в частности, феномена массовых настроений, на развитие динамичных политических процессов и кризисных ситуаций. Тем самым, он заложил основы политико-психологического понимания российской истории. Психологические факторы и их роль были особенно очевидны В.О. Ключевскому в ходе серьезных политических сдвигов и потрясений. Например, по В.О. Ключевскому, знаменитая «смута» начала XVII века создала особые предпосылки для жизни общества. «Во-первых, прервалось политическое предание, старый обычай, на котором держался порядок в Московском государстве». Во-вторых, «Смута поставила государство в такие отношения к соседям, которые требовали еще большего напряжения народных сил для внешней борьбы», чем раньше. «Отсюда, из этих двух перемен, вышел ряд новых политических понятий, утвердившихся в московских умах, и ряд новых политических фактов...». Говоря современным языком, произошел серьезный сдвиг в политической культуре тогдашнего российского общества. «Прежде всего, из потрясения, пережитого в Смутное время, люди Московского государства вынесли обильный запас новых политических понятий, с которыми не были знакомы их отцы... Это и есть начало политического размышления». Одним из таких вновь появившихся понятий, например, было «настроение общества»: «...внутренние затруднения правительства усиливались еще глубокой переменой в настроении народа. Новой династии приходилось иметь дело с иным обществом»[68]. Это общество, по убеждению В.О. Ключевского, за четырнадцать лет Смуты осознало главное: «Государство может быть и без государя».

На рубеже XIX—XX веков отдельные политико-психологические проблемы рассматривал в своих трудах Г.В. Плеханов. Затем наступило время участников февральской революции 1917 г. Развитие российской политической культуры и, в частности, особенности русского политического сознания пытался проследить в своих работах П.И. Милюков[69]. Примерно тот же исторический опыт анализировал с психологической точки зрения известный больше как социолог П.А. Сорокин.

В дальнейшем, значительный набор политико-психологических идей был не только высказан, но и реализован на практике В.И. Лениным и его соратниками в ходе революции 1917 г., а также предшествовавшего ей и, главное, последовавшего после нее периода. Можно по разному относиться к идеологическим взглядам В.И. Ленина (в частности, выше мы уже приводили пример достаточно убедительной критики социализма и его «апостолов» Г. Лебоном), однако нельзя закрывать глаза на главное. В.И. Ленин и элита большевистской партии сумели в сложнейших условиях показать себя исключительными политологами-практиками. В частности, сам В.И. Ленин, будучи политиком значительной силы, успевал еще и своевременно рефлексировать свои политические действия. В этом, аналитическом плане, серьезное изучение практического по-

---

[67] См.: *Чулков Г.* Императоры: Психологические портреты. — М., 1991.
[68] *Ключевский В.0.* Сочинения, — Т. 2. — М., 1988. — С. 62, 83.
[69] См.: Милюков ГГ. Очерки по истории русской культуры. - СПб., 1901.

литико-психологического наследия В.И. Ленина еще впереди — после того, как спадет идеологический ажиотаж вокруг его имени.

Однако уже к концу 20-х гг. прошлого века, через десяток лет после октябрьской (1917 г.) революции все российские исследования по политической психологии практически были свернуты. Они практически прекратились и были возрождены лишь в начале 80-х годов. Причины этого понятны: тоталитарный режим не нуждался ни в знании, ни в учете человеческой психологии — ее заменяла единообразная идеология. Обратим внимание на ряд любопытных фактов. Во-первых, все современники, описывая события 1917 г., используют термины «восстание» и «переворот». Термин «революция» встречается в единичных, чисто пропагандистских случаях (публичные выступления самого В.И. Ленина). Он появляется в сравнительно широком употреблении новой элиты только с 1920 г. Во-вторых, официально до середины 20-х годов, отмечались две даты: годовщина февральской демократической революции и октябрьского вооруженного восстания. Затем отмечать годовщины февральских событий перестали, а слово «революция» в сочетании с прилагательным «социалистическая» стало относиться исключительно к октябрьским событиям. Наконец, в-третьих, в конце 20-х годов появился эпитет «Великая». Так и возникла «Великая октябрьская социалистическая революция» — уже не как реальное событие, а как феномен массового политического сознания. Это всего лишь один пример вполне эффективного практического использования политической психологии правящими кругами России того времени.

Как уже говорилось в одной из предыдущих глав, следующий этап развития политической психологии в России начался только во второй половине 80-х гг. Это было связано с ревизией монополии марксистских взглядов на социально-политическое развитие, а также с нараставшей потребностью общества узнать побольше о самом себе. Так начала развиваться уже рассматривавшаяся выше «психология политики».

На современном этапе, российская политическая психология постепенно становится частью мировой политической психологии. Опыт психологического осмысления последних лет российской истории, тех крупномасштабных социально-политических реформ, которые пережило и продолжает переживать российское общество, представляют собой уникальный материал. Уже началось и, видимо, будет продолжаться в дальнейшем его совместное освоение российскими и западными исследователями — в частности, в рамках концепций модернизации политической культуры, политического сознания и самосознания, а также модели «политического человека» в целом.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Фундаментальные теоретические разработки непосредственно в сфере политической психологии, уже отличные от отдельных политико-психологических фрагментов неких более общих конструкций, начались в США в 60-ые гг. под влиянием усилившегося тогда во всей западной гуманитарной науке так называемого «поведенческого движения». Бихевиоризм тогда превзошел по популярности даже вытесненный им психоанализ. Соответственно, во всех науках чуть ли не все феномены пытались объяснять «повсденчески». Для развития политической психологии это оказалось удивительно кстати.

Именно тогда сочетание слов «политическая психология» приобрело отдельный и вполне самостоятельный смысл. Соответственно, именно тогда при

Американской психиатрической ассоциации была создана вначале просто специальная группа по изучению психологических проблем международной политики. В 1970 г. эта группа переросла в Институт психиатрии и внешней политики при данной Ассоциации, Наконец, как уже говорилось выше, в 1968 г. в Американской ассоциации политических наук возникло вполне самостоятельное отделение политической психологии, а в 1978—79 гг. на его основе было организовано Международное общество политической психологии (ISPP).

Данное общество объединяет ныне около 1000 исследователей — психологов, социологов, политологов, психиатров и других специалистов из разных стран, целенаправленно исследующих психологические аспекты внутренней и внешней политики. С 1979 г. это общество выпускает свой специализированный печатный орган — журнал «Политическая психология» («Political Psychology»). С конца 60-х гг. вначале в Йельском университете, а затем и в других ведущих университетах США стали читаться специализированные курсы политической психологии. В 90-е гг. в 78 университетах США и Канады читалось более 100 курсов политической психологии. Лекции и семинары по политической психологии слушало более 2300 студентов только младших курсов[70].

В 1973 г. вышла в свет первая фундаментальная коллективная монография под редакцией Дж. Кнутсон, в которой подводились некоторые итоги развития политической психологии и определялись направления дальнейших исследований[71]. После этого монографии стали выходить десятками. В 1986 г. под редакцией М- Германн вышла новая фундаментальная книга по политической психологии[72]. В этой книге с наибольшей полнотой анализируется практически весь сегодняшний день западной политической психологии. На подходе и новые книги, уже с учетом опыта последних десятилетий.

Как уже всем очевидно, современная политическая психология предстает как широкая сфера исследований со своим предметом, объектом, крутом специалистов, объединенных общим пониманием задач и направлений дальнейших поисков. Наиболее важными проблемами этой области науки являются, прежде всего, наиболее актуальные аспекты внешней и внутренней политики: терроризм, охрана окружающей среды, кризис общественных отношений, субкультуры протеста, недоверие граждан правительству, этнические конфликты, дискриминация отдельных социальных групп и т. п. Хотя, разумеется, в каждой стране, в каждом обществе существуют свои наиболее важные и актуальные политико-психологические проблемы.

В целом же, актуальные проблемы всей политической психологии группируются вокруг пяти крупных вопросов. Во-первых, это вопрос о том, как конкретно происходит закрепление и развитие политических взглядов людей — то есть, вопрос о механизмах политической социализации. Во-вторых, вопрос о том, какое воздействие и как именно оказывают политические взгляды на политическое поведение — вопрос о связи политического сознания с политическим действием. В-третьих, это вопрос о том, как принимаются политические решения — вопрос о механизмах власти и влияния на нее. В-четвертых, вопрос о том, как формируется личность политического деятеля — вопрос о механизмах политического лидерства. Наконец, в-пятых, это вопрос о том, как зависит политический процесс от культурного контекста — вопрос о связи конкретной поли-

---

[70] *Funk C., Sears D.* Are we Reaching Undergraduates? A Survey of Course Offering in Political Psychology. // Political Psychology/ - 1991.- Vol.12. - № 3.
[71] Handbook of Political Psychology/ / G.N.Knutson, ed. —San Fr., 1973.
[72] Political Psychology: Contemporary Problems and Issues. / M. Hermann, ed. — San Fr., 1986.

тики с политической культурой общества в целом. Хотя, разумеется, и этот круг проблем отражает далеко не все приоритеты современной политической психологии.

Безусловно, сами западные политические психологи прекрасно осознают недостаточность существующих исследований даже по наиболее важным политическим проблемам, как и необходимость построения такой общей политико-психологической теории, в которой объектом психологического исследования был бы политический процесс в целом, а не отдельные его части, аспекты и компоненты. Однако пока максимум, на что претендует реально существующая политическая психология, это создание «карт», на которые наносятся уже известные материки и острова знания о политической психологии[73].

В этой связи, стоит обратить внимание на то, что в западных странах политической психологией всерьез занимаются и некоторые политики-практики. Наверное, за этим как раз и стоит определенная неудовлетворенность теми знаниями, которые может дать наука. Политик берется за то или иное дело самостоятельно обычно только и именно тогда, когда его явно не удовлетворяют материалы, предоставляемые консультантами, советниками и экспертами. Хорошо это или плохо — покажет время. Однако трудно не согласиться с тем, что включение самих политиков в регулярные занятия политической психологией придает ей дополнительные стимулы для дальнейшего развития.

Так, один из кандидатов в президенты США на выборах 1988 г. М. Дукакис активно работает в области политико-психологической теории. Пытались психологически осмыслить свой политический опыт такие известные политики, как Р. Никсон и Д. Локард. Частично, в ряде книг, это попытались сделать и российские политики М, Горбачев и Б. Ельцин. Говоря в целом, занятия политической психологией становятся все более престижным занятием.

NB

1. Политико-психологические идеи получили широкое распространение задолго до оформления политической психологии в качестве самостоятельной науки. Более того, в ранней истории человечества проблемы «субъективного фактора» были даже более значимы, чем теперь — просто в силу меньшей развитости фактора «объективного». Великие ораторы Древней Греции (Демосфен) первыми открыли механизмы воздействия на разные типы народов. Древний Рим (Плутарх, Светоний) открыл и описал механизмы осуществления личной власти, прихода к ней и борьбы за нее. Огромную роль в развитии политико-психологических идей сыграл Аристотель, описавший прежде всего человеческое содержание разных форм политической организации власти. Однако все это были отдельные находки, догадки, размышления, Политическая психология древности не могла стать самостоятельной наукой потому, что была еще слишком непосредственной практикой.
2. Появление работы Н. Макиавеллли «Государь» в эпоху Возрождения сыграло принципиально важную роль в развитии всех направлений политической науки, и политической психологии в частности. Значительно расширился набор политико-психологических факторов, которые осознавались как важные в организации власти и управления. Искусство психологической игры, учет психологии подданных, умение улаживать конфликты и, главное, руководствоваться базовым принципом «цель оправдывает средства» — вот моменты, которые Н. Макиавелли считал важнейшими для удачливого правителя. Нераз-

[73] *Smith M.B.* A map for Analysis of Personality in Politics // Journal of Social Issues. — 1968. — № 24. — P. 15—28.

борчивость в средствах достижения цели считается самым уязвимым пунктом в позиции Н. Макиавелли. Именно поэтому термин «макиавеллизм» в политике и стал нарицательным. Однако именно по этой же причине «Государь» до сих пор считается лучшим практическим наставлением для правителей. Эпоха Просвещения обогатила политическую психологию взглядами ряда философов — Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и, особенно, Ш.Л. Монтескье. В целом, данная эпоха серьезно продвинула понимание не только общих, но даже совершенно конкретных психологических факторов в политических процессах. Кроме того, эпоха Просвещения стала родоначальницей жанра книжных описаний наблюдений и размышлений такого рода, а также их философско-методологического осмысления. По сути, именно эпоха Просвещения и заложила базовые философские основы для тех уже вполне конкретные направлений политической психологии, которые уже были как бы намечены предшествующей историей, но стали активно развиваться практически сразу после этой эпохи.

3. XIX и XX века в истории политико-психологических идей знаменательны доминированием двух школ. Во-первых, это исследования толпы, которая показала свою силу в политических событиях XIX века (Г. Тард, Ш. Сигеле, Г. Лебон). Толпа обычно несла социалистические идеи — соответственно) анализ политической психологии социализма стал продолжением исследований массовой психологии). Г. Лебон заложил основы политико-психологического анализа политических режимов и идеологий. К сожалению, в дальнейшем это направление не получило распространения. Во-вторых, на рубеже двух столетий в самостоятельную школу развился психоанализ 3. Фрейда, проявивший свою экспансию и в политико-психологической сфере. Помимо исследований все той же психологии масс (3. Фрейд считал, что поведение человека в толпе сравнимо с гипнотическим поведением), психоанализ ввел в обиход зарождающейся политической психологии ряд методических приемов. Важнейшим его вкладом стал метод создания психобиографий отдельных политических лидеров, а также психоистория как своего рода «психобиография» той или иной эпохи. Своеобразным следствием психоанализа стало появление Чикагской научной школы. Ее виднейший представитель Г.Д. Лассуэлл попытался соединить психоанализ с политической наукой, причем сделал все это в рамках приходящего на смену психоанализу «поведенческого движения». Такой сложный синтез привел к неожиданному успеху. Фактически, именно от работ Г.Д. Лассуэлла и начинается реальный отсчет существования западной политической психологии.
4. Развитие политико-психологических идей в России заметно отставало от мирового развития. В значительной мере это компенсировалось тем, что в российской культуре функции гуманитарного знания вообще, и политической психологии в частности, при отсутствии соответствующих наук, брала на себя художественная литература. А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский внесли многое в коллекцию политико-психологических наблюдений и размышлений на соответствующие темы. В чисто научных рамках следует выделить работы Н.К. Михайловского — автора теории «героя» и «толпы». В историческом плане много политико-психологических размышлений встречается в трудах В.О. Ключевского. С рефлекторно-физиологических позиций объяснял политическое поведение значительных общностей людей В.М. Бехтерев. Значительный вклад в практическую реализацию политико-психологических идей, а также в рефлексию реальных политических событий внесли лидеры и участники вначале февральской, а затем и октябрьской (1917г.) российских революций.
5. Во второй половине XX века политическая психология, наконец, смогла оформить свой официальный научный статус: появились соответствующие корпоративные организации, университетские курсы, периодические издания,

монографии и т. д. В профессиональных политических психологах все больше стали нуждаться политики, а отдельные политики сами занялись политической психологией. Однако вместе с повышением статуса и престижа, перед политическои психологией стали появляться и новые, ранее неведомые проблемы. Возникла необходимость разработки ближайших, тактических, и стратегических перспектив развития, проблемы саморефлексии самой науки. Современное состояние политической психологии — это вполне динамичное состояние постепенно нарастающего развития. Главное, что нарастают сами темпы этого развития, что особенно характерно для российской политической психологии. После периода своего полуподпольного существования, она вошла в качестве составной части в мировую политическую психологию. С учетом же того, что в последнее десятилетие как раз Россия поставляет наибольшее количество эмпирического материала именно политико-психологического характера, можно смело прогнозировать дальнейшую, причем все более тесную интеграцию российской политической психологии в мировую науку.

Для семинаров к рефератов:

1. *Лебон Г.* Психология социализма. — СПб. - 1908.
2. *Макиавелли Н.* Государь. — М., 1990.
3. Ольшанский *Д.В.* Политическая психология. // Психологический журнал. — 1992. — № 2. — С. 173—174.
4. Политическая психология. / Под ред. Юрьева А.Д. — Л.,1992.
5. *Фрейд 3., Буллит У.* Т.Е. Вильсон: 28-й президент США. Психологическое исследование. — М., 1992.
6. Handbook of political psychology. — San Fr., 1973.
7. *Lasswell H.D.* Psychopathology and politics. — Chicago, 1931.
8. Political psychology: contemporary problems and issues. — San Francisco, 1986.

Глава 4
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Человек и политика. Объектное и субъектное отношение к индивиду. Подчинение и интерес как основные понятия данных позиций.

Политическая социализация: становление личности. Индивид, индивидуальность, личность. Механизмы политической социализации на общесоциальном, социально-психологическом и индивидуально-психологическом уровнях. Основные возрастные стадии политической социализации и их особенности.

Генезис политического сознания и политического мышления по Дж. Адельсону: восемь основных новообразований 11—18 лет. Основные системы политической социализации: система целенаправленной социализации; стихийной социализации; самовоспитание и самообразование. Политическая активность. Политическая пассивность. Политическое отчуждение.

Политическое участие: позиции гражданина. Некоторые особенности политического участия в авторитарном, тоталитарном и демократическом обществах. Основные мотивы политического участия или неучастия граждан.

Политическая организация: появление лидера. Политический лидер и политическое лидерство: общие представления. Авторитет как условие лидерства. Авторитет ложный и истинный. Политический «образ» мира как стер-

жень политической психологии лидера. Доминирование и подчинение как психологические факторы лидерства. Психологические механизмы воздействия лидера на ведомых. Типы лидеров. Личностно-психологические черты лидера. Многоуровневая структура личности лидера.

Психология политической элиты.

В последние годы проблема личности в политике привлекает к себе все большее внимание исследователей. Хотя это — черта совсем недавнего времени. До этого политические психологи, находившиеся под излишнем влиянием политологии, стремились построить «объективную науку». Да и политическая психология не сразу овладела арсеналом качественных методов исследования, позволяющих подступиться к слишком субъективному объекту — отдельному индивиду[74].

Однако даже признавая теперь необходимость серьезной постановки вопроса о политической психологии личности, наука делает это как бы наполовину. Нет вопросов в отношении «выдающихся личностей», личностей политиков, особенно лидеров, оказывающих решающее влияние на политику. Это подвергается тщательному и скрупулезному изучению. Однако в тени до сих пор остается личность отдельного человека, обычного, рядового индивида в политике. Он продолжает рассматриваться как всего лишь некая, пусть отдельная, но все же часть в принципе обезличенной «массы». Однако представляется, что это — временное явление. Сама по себе общая тенденция демократизации общественной жизни, вовлечение в политику новых, ранее пассивных слоев населения диктует необходимость заниматься конкретными представителями этих слоев.

Однако и их можно рассматривать по разному. В науке известны два метаподхода к проблеме личности в политике: «объектный» и «субъектный». Когда-то на обложке первого издания книги Т. Гоббса «Левиафан» был изображен большой человек, составленный из множества маленьких человеческих фигурок. Подразумевалось, что «большой человек» — это общество, состоящее из «маленьких людей», но воспроизводящее все свойственные им качества и функции. Это был определенный символ, за которым стояло сразу много смыслов. В частности, подразумевалось, что мы, «маленькие люди», подчиняем себя «большому человеку», обществу.

Этот взгляд получил развитие в многочисленных трудах Т. Гоббса, Г. Спенсера с его «организмической» теорией, А. де Токвиля, Ж.-Ж. Руссо и других мыслителей. В разных формах, они отстаивали позицию подчинения человека государству. Необходимость подчинения Т. Гоббс мотивировал неразумной, эгоистической и потому нуждающейся в контроле природой человека. Современные приверженцы этой позиции оправдывают ее управленческими задачами (Д. Белл, С. Липсет, У. Мур), необходимостью «обеспечения устойчивой демократии» (Р. Даль, У. Корн-хаузер), или даже важностью «достижения большего равенства» (Дж. Роулз, Г. Гэнс и др.). Для этих и других сторонников данного подхода человек выступает в качестве объекта политики, нуждающегося в контроле и подчинении со стороны надличностных образований.

Противоположный взгляд базировался на идущем от А. Смита, У. Годвина и др. понятии «интереса». Именно в личном интересе людей видели они основной механизм, приводящий в движение политику. Модель «интереса» предполагает, что социальный и политический порядок складывается как результат сочетания интересов разных людей. Поэтому нужно не подавление, а согласование

---

[74] См.: *Greenstein F.* Personality and Politics. — Princeton, 1985. - P. 4.

интересов свободных индивидов. На такой либеральной позиции ныне основывается все больше ученых.

Однако ситуации в истории политики бывают различными. Результируя разные подходы и позиции, Ф. Гринстайн выделила три основных фактора, определяющих роль отдельной личности в политике. Во-первых, это ситуации появления новых политических обстоятельств, не имевших аналогов в истории. Во-вторых, появление сложных и противоречивых ситуаций с большой степенью неопределенности. Наконец, в-третьих, возникновение ситуаций с выбором между разными силами, предлагающими разные политические решения. В целом же, роль личности в политике тем выше, чем более восприимчива среда к тому, что ей предлагает личность, чем сильнее позиции человека в политической системе, и чем ярче «Я» конкретного политика.

Однако и здесь главным является вопрос об отдельных, «ярких», выдающихся политиках. Нас же, для начала, будет интересовать вопрос иного плана. Откуда вообще берутся люди в политике? Как простой, «рядовой человек» становится личностью в политическом смысле — личностью гражданина?

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ:СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Разумеется, человек не рождается политиком, как не рождается он ни личностью, ни, тем более, гражданином. И гражданином, и личностью его признают государство или общество, воспитав у него соответствующие качества. Для гражданина это законопослушность и лояльность к государству, его политической системе и господствующей политической культуре. Для личности это соответствие тем требованиям-ожиданиям, предъявляемым человеку группой или всем социальным окружением, включая цели и ценности группы, умение верно исполнять социальные роли, быть адекватным принятым нормам и не нарываться на санкции за их отклонение.

В понимании политической социализации принято отталкиваться от общего понятия «социализация» личности, используемого в социологии и социальной психологии. Социализация, в широком смысле, означает включение индивида в общество через оснащение его опытом предыдущих поколений, закрепленных в культуре, его превращение в личность через усвоение принятой системы социальных ролей. В конечном счете, не случайно принятое в русском языке слово «личность» имеет корни в понятии «личина», а аналогичное понятие в романских культурах (например, personality в английском языке) — от греческого слова «персона», означавшего маску в древнегреческом театре. Умеет человек менять маски и играть социальные роли — признается личностью. Не умеет — значит, еще не дорос. Значит, процесс социализации личности еще не закончен,

Хотим мы того или не хотим, но «личность» — оценочное понятие. «Личностью» признает человека то или иное окружение, группа, общество — как бы награждая этим титулом за верность себе и своим интересам. ценностям, нормам. Был ли В.Ленин настоящей личностью? Безусловно, да — для миллионов его сторонников в России XX века. Но, безусловно, нет — для миллионов его противников во всем мире. Был ли настоящей личностью А. Гитлер ? И здесь два ответа. Он, безусловно, был такой личностью для миллионов немецких бюргеров, чьи интересы выражал, затевая мировую войну. И наоборот, он был преступником, сумасшедшим, антиличностью для большинства человечества, создавшего антигитлеровскую коалицию. Все ответы здесь относительны. Дальше

же все зависит от самого человека и его выбора. Нравится ему данная группа, является она для него референтной — он постарается стать в ней личностью. Не нравится — найдет что-то иное, возможно, в другой политической системе.

А.Н. Леонтьев[75] разделял три понятия: индивид, индивидуальность, личность. Индивид — любой человек по праву рождения, как представитель биологического вида Homo sapiens. Индивидуальность— это индивид, показавший свою особенность, чем-то (не важно, чем) выделившийся из строя биологически равных индивидов. Наконец, личность — это индивидуальность, поставившая себя на службу определенной социальной среде, включая ее политическую культуру, и как бы награжденная этим званием. Говоря философским языком, сущность человека есть богатство всех общественных отношений. Понятие «личность» отражает стремление к этой сущности. Чем больше социальности (все тех же ценностей, норм, образцов поведения) «впитает» в себя человек, тем для большего числа людей станет личностью. Чем более полити-зированной будет эта социальность, тем больше он станет политической личностью.

Соответственно, **политическая социализация** — это процесс включения индивида в политическую систему посредством оснащения его опытом данной системы и возникшего на ее основе государства, закрепленном в политической культуре. То есть, это такой процесс взаимодействия индивида и политической системы, целью которого является адаптация индивида к данной системе, превращение его в личность гражданина.

В процессе взаимодействия индивида с политической системой происходят два ряда процессов. С одной стороны, система воспроизводит себя, рекрутируя и обучая, приспосабливая к себе все новых членов. Политическая система в этом процессе играет роль механизма сохранения политических ценностей и целей системы, дает возможность сохранить преемственность поколений в политике. С другой стороны, требования политической системы переводятся в структуры индивидуальной психики, становятся политическими свойствами личности или, иными словами, свойствами личности как политической ипостаси индивида. В результате, политическая социализация формирует политическое сознание личности и ее политическое поведение, а в целом, в процессе политической социализации происходит становление личности гражданина — члена данной политической системы[76].

Понятие «политическая социализация» шире, чем понятия политического воспитания, образования или просвещения. Оно включает в себя не только целенаправленное воздействие форм (политических институтов) и содержания (политических процессов) господствующей политико-идеологической системы на человека, но и стихийные («внесистемные») влияния, а также собственную активность человека, направленную на освоение окружающего его политического мира. Человек обладает способностью выбирать из предлагаемого ему набора политических позиций те, которые отвечают его внутренним предпочтениям и убеждениям, причем не только осознанным, но и неосознанным. Более того, человек обладает возможностью встречного воздействия на социализирующую его систему и ее агентов, что превращает этот процесс из механического «воздействия» системы на пассивного индивида, во взаимную адаптацию индивида и системы друг к другу.

---

[75] *См. Леонтьев. А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.

[76] См. об этом, например: *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. — Ростов-н/Д., 1986. — Гл. 6.

Механизмы политической социализации функционируют на нескольких уровнях. Обобщенно, принято выделять общесоциальный, социально-психологический и индивидуальный или внутриличностный уровни действия этих механизмов. **На общесоциальном уровне** общества в целом и образующих его больших групп, на человека действует огромное число макросоциальных и макрополитических факторов, подлежащих человеческой оценке и, на основе этой оценки, выработке соответствующего отношения к данному обществу и его политической системе. **На социально-психологическом уровне**, политические цели и ценности транслируются системой как через большие, так и через малые группы, членом которых является индивид. На основе непосредственного общения и взаимодействия, человек приобщается к элементам политической системы на житейском уровне, вырабатывая эмоциональное к ним отношение. **На индивидуальном уровне**, в качестве механизмов политической социализации выступают индивидуально-психологические структуры, на основе которых постепенно и формируются те потребности, мотивы, установки и стереотипы, которые затем управляют сознанием и поведением человека в политике.

Политическая социализация включает несколько основных стадий. Стадии или этапы политической социализации прежде всего связаны с возрастными изменениями в ходе созревания человека, становления его личности. На первых стадиях его развития происходят основные изменения, закладываются основы политической социализации и становления личности гражданина. В современном обществе это начинается достаточно рано. Уже в 3—4 года ребенок приобретает, в доступных для него формах, первые сведения о политике через семью, средства массовой информации, ближайшее социальное окружение. Такая вполне доступная информация дает свои результаты, действуя на детское подсознание.

В специальных экспериментах американским детям этого возраста предлагался набор «разноцветных картинок» — флагов государств-членов ООН. Экспериментатор просил выбрать из всего большого набора только две «картинки» — «самую приятную» и «самую противную». Подавляющее большинство американских детсадовцев в качестве «самой приятной» такой картинки совершенно неосознанно выбирало свой, американский флаг. Соответственно, наоборот: в качестве наиболее «противной» картинки фигурировал «серпасто-молоткастый» красный флаг теперь уже экс-СССР.

Можно долго обсуждать специфические особенности детского зрительного восприятия, однако, дело совсем не в нем. Дело в той системе политической пропаганды, которая активно и с пользует политическую символику для обозначения позитивных, с ее точки зрения, и негативных ценностей. Причем, символика эта используется настолько автоматически, что действует практически бессознательно. Поверьте, рядовые американцы не создают особых церемоний вокруг поднятия и спуска национального флага перед своими домами — это просто въелось в кровь, вошло в привычку, стало обязательным элементом образа жизни. Вот дети и видят эту «картинку» над головой, ползая по лужайке, и запоминают ее, ассоциируя с чистым небом и ясным солнцем. Они еще не знают слова «флаг», но уже убеждены, что свой флаг — самый лучший.

Позже, когда ребенок идет в школу, начинается новая стадия политической социализации. Под влиянием специальных социализирующих институтов происходит не только количественное накопление знаний о политике, но и их качественное изменение. В школьном возрасте начинает формироваться сознательное отношение к политике. Следующий, юношеский этап, характеризуется включением новых элементов перо-дачи политических ценностей. Здесь появ-

ляются новые инструменты политической социализации — неформальные молодежные группы, вся молодежная субкультура в целом. Подчас они могут играть альтернативную роль по отношению к прежним институтам политической социализации, активно знакомя индивида с альтернативными политическими (или аполитичными) представлениями.

Генезис политического сознания — сложный процесс. Не менее сложно развивалось и его изучение. В целом, восприятие психологических моделей когни-тивизма политической наукой шло крайне неравномерно. В нем выделяются два основных этапа. В начале, в 60-е гг., политические исследователи ухватились за прямой перенос схемы формирования умственных действий и операций от младенчества до юности, созданной известным психологом Ж. Пиаже, на процесс созревания политического сознания детей, их представлений о мире, политике, правительстве и т.д. Были продолжены и начатые самим Ж. Пиаже исследования усвоения детьми внешнеполитических знаний.

На втором этапе, в 70—80-е годы прошлого века, когнитивистски ориентированная политическая наука больше, чем детской социализацией, занималась политической социализацией и ресоциализацией взрослых, становлением их политического сознания, идеологических компонентов личности, их влиянием на политические решения и предпочтения избирателей.[77]

Рассмотрим генезис политического мышления, как основного элемента политического сознания, на примере классических работ Дж. Адельсона. Он, одним из первых, проверил в 60-е гг. идеи Ж. Пиаже относительно изменений детского сознания, связанных с возрастом, на образцах собственно политического мышления, то есть, мышления детей о правительстве, законах, индивидуальных правах граждан и общественном благе[78]. Его группа не только отслеживала изменения в политическом мышлении молодых людей (11—18 лет) в ФРГ, Англии и США, но и пыталась сравнивать национальные модели.

Оказалось, что политические структуры личности развиваются на разных этапах социализации неравномерно. Так, в возрасте 11—13 лет происходит быстрое развитие политических представлений. Напротив, в 16—18 лет прогресс гораздо скромнее. При этом мышление 11-летних конкретно, персонализованно и эгоцентрично. Если с ними говорят об образовании, то они имеют в виду учителя, директора школы. Когда говорят о законе — видят перед собой полицейского, преступника, суд. Упомянут о правительстве — представляют себе королеву, министра или мэра. 15-летний уже способен к абстрактному, обобщенному, формальнологическому мышлению. Он пользуется понятиями власть, индивидуальные права, свобода, равенство и т. п. Вывод: по мере общего когнитивного развития происходит первое важное изменение политического мышления — оно достигает абстрактного уровня.

Вторая особенность развития политического мышления — расширение временной перспективы. По мере созревания подросток, в отличие от ребенка, начинает осознавать ближайшие и более отдаленные воздействия прошлых политических событий на события настоящие и будущие.

Третий момент когнитивного развития — социо-центризм. В раннем подростковом возрасте индивид оценивает политические события по их последствиям Для отдельных людей, не будучи способе увидеть их значение для групп и

---

[77] В качестве примеров таких работ можно рассматривать труды: *Himmeweit H.* et. all. How Voiters Decide. — L., 1981; *Jennings* K., *Niemi R.* Generations and Politics. — Pcinceton, 1981.
[78] См.: *Adelson J., Green B., O'Neil R,* Grouth of idea of law in adolescence. // Developmental Psychology.— №1.— 1969.— P. 327—332; *Adelson J., Green B., O'Neil R.* Grouwth of political ideas in adolescense. // J. of Personality and Social Psychology. — № 4.- 1966.- P.295-306.

общества в целом. К среднему подростковому возрасту достигается понимание некоторых действий политических организаций и институтов, направленных на коллективные цели, ставящие интересы общества над интересами отдельного человека.

Четвертая особенность — смена характера рассуждений. В предподростковом возрасте мышление носит характер немедленного, чувственного, очевидного и прагматического постижения реальности. Ему недостает сложности, детализации. В раннем подростковом возрасте появляется способность к дедукции, к предвидению возможных последствий тех или иных действий.

Пятая особенность касается самого знания. Отрочество отличается особенно быстрым накоплением политических знаний, включая усвоение традиционных политических взглядов, условностей и стереотипов.

Шестое — сила принципов. В середине отроческого периода формируется автономная система этико-политических принципов. С возрастом влияние этих принципов на политические суждения укрепляется, часто оказываясь сильнее немедленного и узко понятого интереса.

Седьмой особенностью Дж. Адельсон считал снижение детского авторитаризма. Для 11—12 лет естественно подчинение закону, правительству, которые ребенок не может представить иррациональными, ошибающимися или бесчестными. Более старший ребенок понимает зависимость между неподчинением и наказанием. Дети считают справедливым суровое наказание преступника. В 14 лет представления этого рода резко меняются. Подросток становится критичным в отношении власти, он принимает во внимание конкуренцию интересов, привилегии, ценности и принципы, а также объективные препятствия, создаваемые силой или привычкой.

Восьмая *особенность* подростковой социализации по Дж. Адельсону — появление социальных целей. Большинство подростков критично по отношению к утопическим и идеалистическим целям. Они хорошо представляют «пределы» человеческой природы и социальных изменений, подчеркивая такие негативные качества, как эгоизм, честолюбие и т. п. Лишь немногие подростки всерьез размышляют о радикальной переделке общества. Большинство, считая социальные изменения желательными, принимают существующую политическую систему, требуя ее совершенствования лишь по следующим основным направлениям:

1) сочетание социального мира с законом и порядком;
2) уменьшение неравенства;
3) рост материальных возможностей и уничтожение бедности.

В целом, исследователи характеризуют взгляды 11 — 18-летних как «ортодоксальные» и «консервативные»: они находятся на пути превращения «или в пассивных зрителей, или в интеллигентных потребителей».

Симптоматичен общий вывод исследований социализации подростков: у них гораздо шире распространено стремление к реальной взрослой перспективе, чем к юношеским идеалам. «Идеализм» встречается гораздо реже, чем осмотрительность, осторожность, скептицизм и трезвость. Дж. Адельсон пересмотрел выводы Ж. Пиаже и А. Кольберга, которые в 50—60-е гг. считали наоборот: по мере морального и когнитивного созревания у подростков нарастает неприятие политических условностей. По их мнению, чем выше интеллект, тем критичнее подростки к существующему обществу и его политической системе.

Вывод Дж. Адельсона звучал неожиданно даже по меркам житейских понятий о юности как времени порывов, мечтаний, романтического видения действительности вообще и политики в частности. Однако вывод Дж. Адельсона оказался удивительно верным в стратегическом отношении. Вот почему он со-

храняет свое значение и в новом веке, с компьютерными средствами гиперсоциализации, с виртуальными мирами, в которые погружены нынешние подростки, с их качественно иной когнитивной природой, а выводы Ж. Пиаже и А. Кольберга остались в прошлом столетии.

Политическая социализация не завершается подростковым или отроческим возрастом. Не завершается она и получением паспорта гражданина — это только формальная фиксация появления минимальных гражданских прав и обязанностей подросшего человека. Политическая социализация продолжается, в разных формах, всю жизнь. Однако, с течением времени, ее этапы и стадии определяются уже не возрастными изменениями, связанными со структурой личности, а с освоением нового социально-политического опыта, усвоением новых социальных и политических ролей, личным участием в политической деятельности. Политическая картина мира, складывающаяся у человека, с годами в значительной степени меняется, однако, ее основные, «ядерные» параметры фиксируются в структуре личности. В случаях дисфункций политической системы, затрудняющих передачу политических ценностей новым поколениям и дезориентирующих уже сформировавшихся граждан, в случае ее реформирования или даже полного краха, у зрелых граждан происходит возврат к ранним базовым представлениям, полученным в ходе ранней, первичной социализации[79]. Но этим ли объясняется неугасающая популярность социа диетических представлений в постсоветском российском обществе?

В целом, принято разделять **три основные системы политической социализации**. *Во-первых,* это система прямой, целенаправленной социализации. К ней относятся непосредственно связанные с человеком элементы государственного устройства, политические институты, партии, организации и движения. В наиболее важном для политической социализации, молодом возрасте, это детские, подростковые и молодежные политические организации. *Во-вторых,* система стихийной социализации. Это неформальные объединения, несущие элементы контркультуры по отношению к господствующей политической культуре. Как правило, сюда входят специфические группировки в рамках молодежной субкультуры, самодеятельные молодежные объединения, кружки, клубы и т. д. Часто это представители иных, не просто субдоминантных, а даже оппозиционных политических культур. *В-третьих,* это самовоспитание и самообразование, выполняющие функции системы политической аутосоциализации. Она отражает самостоятельный, активный, творческий выбор самосоциализирующегося субъекта, и может включать различные источники политической информации (книги, средства массовой информации, интернети т. д.). Элементы названных выше основных систем политической социализации и включенные в них люди выступают в качестве специфических агентов социализации.

Отдельно фигурируют механизмы, агенты и особые системы **ресоциализации**, необходимость в которой иногда возникает при резких сменах политической системы, связанных со сменами политического строя, режима и т. д.

В современном мире активно развиваются две основные тенденции, в борьбе которых происходит процесс политической социализации. С одной стороны, во всем мире усиливаются общественные потребности в политическом развитии личности, ее активном включении в политическую жизнь, росте ее политического самосознания. Особенно ярко эта тенденция проявляется в процессах демократизации. С другой стороны, существует и противоположная тенден-

[79] См. *Easton D., Dennis J.* Children in the Political System. - N. Y., 1969, Handbook of Political Socialization. Theory and Research. — N. Y., 1977.

ция, проявляющаяся в разных формах отчуждения человека от государства, политических институтов и процессов принятия политических решений. О первой тенденции говорит рост активности и информированности людей в отношении политики, приход в политику новых слоев населения, которые ранее были выключены из нее. Вторая, противоположная тенденция отражается в добровольном или насильственном политическом отчуждении граждан, апатии и цинизме, недоверии к власти и официальной политике, в падении поддержки политических институтов, партий, государства со стороны населения. Рассмотрим три основных, хотя и самых крайних варианта, к которым могут приводить изложенные тенденции.

Политическая активность — деятельность политических групп или индивидов, связанная со стремлением изменить политический или социально-экономический порядок и соответствующие институты. В наиболее широком смысле проявляется в революционных изменениях общества или его реформировании. На индивидуальном уровне — это совокупность проявлений тех форм жизнедеятельности человека, в которых выражается его стремление активно участвовать в политике, отстаивая свои права и интересы. Этот вариант — цель и идеал так называемой «активистской» политической культуры, распространенной в западных демократиях.

Политическая пассивность (индифферентность или индифферентизм, от лат. понятия indifferens — безразличный) — безразличие к политике и нежелание принимать участие в политической жизни. От индивидуальных позиций, может развиваться до масштабов массовых настроений. Помимо внутренних, чисто психологических проявлений, поведенчески политическая пассивность выражается в отказе от выполнения гражданско-fo долга— например, от участия в выборах. Обычно «хроническая» политическая пассивность служит признаком неразвитой политической культуры тех или иных слоев общества или общества в целом. В случае развития политической пассивности в случаях, когда ранее она отсутствовала, это говорит о росте отрицательного отношения к действиям властей или их представителей. Обычно, политическая пассивность — это начальная форма протеста против политики властей.

Политическое отчуждение — политико-психологическое следствие чрезмерной бюрократизации политической жизни. Следствием бюрократизации, как показал еще М. Вебер, является обезличивание человека, утрата им индивидуальной инициативы и свободы действий, превращение его в простого исполнителя воли организации или государства. В современном обществе политическая власть немыслима без капитальных организационной и институциональной основ. Эти основы, маскируясь демократическими процедурами формирования властных структур, выступают на первое место, часто скрывая от объектов власти ее реальный источник (например, обладание собственностью). В итоге, объекты власти оказываются лишены возможности стать субъектами властных отношений и влиять на характер принимаемых решений, почему и воспринимают власть как отчужденный от себя феномен. Таким образом, человек лишается своих политических характеристик, утрачивает всякое, далее критическое отношение к политическому строю, превращается в «одномерного человека» (выражение Г. Маркузе).

В диалектической борьбе политической активности и пассивности происходит развитие новых механизмов регуляции политического поведения и нового субъекта политики — личности активного, информированного, принимающего самостоятельные решения и несущего за них ответственность гражданина. Общий вектор развития процессов политической социализации ведет к постепен-

ной замене традиционных механизмов жесткого внешнего контроля за человеком на его собственные, внутриличностные саморегуляторы политического поведения. В конечном счете, именно они являются главным результатом политической социализации как таковой.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ПОЗИЦИИ ГРАЖДАНИНА

В конечном счете, политическое участие — это как бы «выход», реальное поведенческое следствие, отражение и выражение процессов политической социализации. Если в процессе политической социализации происходит в основном когнитивное и, отчасти, эмоциональное взаимодействие индивида с политической системой, то процессы политического участия (или неучастия) показывают эффективность политической социализации индивида. По сути, политическое участие показывает, удалось ли политической системе «овладеть» индивидом или же у него остались некоторые ресурсы индивидуального сопротивления, связанные с осознанием личных интересов.

Под политическим участием понимается неотъемлемое свойство политической или иной управляющей (или самоуправляемой) деятельности людей, которое служит одним из средств выражения и достижения их интересов. Политическим участие становится тогда, когда индивид или группа вовлекаются во властные политические отношения, в процесс принятия решений и управления, носящих политический характер. Наиболее развитым типом такой политической общности является государственно-организованное общество.

Свободное, добровольное участие граждан в политике является одним из важнейших индикаторов качественных особенностей политических систем, степени их демократизма. **В демократическом обществе**, теоретически, такое участие — всеобщее, равноправное, инициативное и действенное, особенно в решении вопросов, затрагивающих существенные интересы граждан и находящихся в их непосредственной компетенции. Оно выступает для них средством достижения своих целей и интересов, реализации потребностей в самовыражении и самоутверждении, чувства гражданственности. Такое участие обеспечивается соответствующими государственно-правовыми институтами, нормами и процедурами, в совокупности составляющими основы правового государства, демократического политического режима. Другим необходимым условием демократического участия является относительно равномерное распределение среди различных членов общества таких ресурсов реального политического участия, как деньги, образование, знание механизмов лринятия решений и лиц, принимающих эти решения, свободное время, реальный доступ к средствам массовой информации и т. п.

В зависимости от характера политического режима, традиций, размеров территории и численности населения, развитости коммуникаций и ряда других факторов, возможно разное сочетание прямого (непосредственного) и опосредованного (представительного) политического участия граждан. Важнейшими агентами и, одновременно, посредниками участия в современной обществе выступают политические партии, общественно-политические организации и движения. Основная форма политического участия — выборы и, шире, избирательные кампании. Если целью демократического общества является максимизация политического участия граждан, то другие типы политических режимов имеют свои особенности.

В авторитарном обществе часть населения полностью или частично отстраняется от участия в политике. Там торжествует «власть немногих», которые совершенно не заинтересованы в том, чтобы делиться этой властью.

Тоталитарное же общество парадоксальным образом стремится к мобилизационному вовлечению населения в своеобразные формы квази-участия. Прежде всего, это массовые ритуальные действия поддержки правящего режима. Именно поэтому при реально минимальной или просто номинальной возможности политического участия, при тоталитаризме создается иллюзия всеобщей политизации общества. В этом случае, политическое участие играет преимущественную роль инструмента индоктринации и контроля над политическим сознанием и поведением населения со стороны тоталитарного режима.

В демократическом обществе политическое участие выполняет функции политической социализации и воспитания. Если в тоталитарном обществе запрещены все формы политического протеста, несогласия, и даже несанкционированного согласия с политикой властей, то демократическое общество допускает определенные формы протеста. Они служат инструментами политического обучения граждан.

В истории политической науки, еще Платон и Аристотель специально рассматривали участие и неучастие граждан в делах полиса для выявления причин смен форм государственного устройства. Их интересовала роль участия в становлении идеального государства. Затем интерес к данным вопросам возродился в Новое время. Однако вначале его рассматривали лишь как субсидиарное средство описания и создания идеальной политической стратегии для правителя (Н. Макиавелли), носителей суверенитета и различных образов правления (Ш. Боден), форм и принципов правления (Ш. Монтескье), природы общественного договора, форм правительства и «народного суверенитета». Только в XX веке политическое участие стало не просто индикатором развития демократических процессов, но еще и мерилом развитости уровня политической самоорганизации личности.

Это связано с проблемой **мотивов политического участия**. Само по себе внешне наблюдаемое политическое участие еще не позволяет судить о степени собственной, внутренней активности граждан и их добровольности в этом участии. Реально понимать все это дает только знание внутренних психологических мотивов участия граждан в политике. Согласно данным многочисленных исследований мотивационной сферы рядовых участников политического процесса, выделяются следующие основные виды мотивов политического участия. Разумеется, это далеко не полный список, В реальной жизни присутствует множество различных конкретных мотивов. Мы приводим ниже лишь основные, наиболее распространенные:

1. Мотив интереса и привлекательности политики как сферы деятельности. Для определенного типа людей политика просто интересна как сфера занятий, Соответственно, они и избирают ее в качестве сферы приложения сил.
2. Познавательные мотивы. Политическая система дает человеку устойчивую картину мира. Это удобная объяснительная схема, к тому лее доступная далеко не всем. Соответственно, она и привлекает любознательные умы, особенно в детском и подростковом возрасте. Политические знания дают им преимущество над сверстниками, хуже ориентированными в политике.
3. Мотив власти над людьми. Один из наиболее древних, глубинных, и потому, не требующих подробных комментариев.

4. Идеологические мотивы. Это устойчивые мотивы, основанные на совпадении собственных ценностей человека, его идейных позиций с идеологическими ценностями политической системы.
5. Мотивы преобразования мира. Это очень сильные мотивы, связанные с пониманием несовершенства существующего мира и настойчивым стремлением улучшить, преобразовать его. Как правило, мотивы этого рода свойственны для людей, настраивающихся на профессиональные занятия политикой. Для них политика и есть инструмент преобразования мира.
6. Традиционные мотивы. Очень часто люди участвуют в политике потому, что так просто принято в их местности, среди родственников, друзей и знакомых.
7. Меркантильные мотивы. Политика, как и иная сфера деятельности, представляет собой, на определенном уровне, оплачиваемый труд. Соответственно, для определенных людей занятия политикой — просто способ заработать, начиная от расклейки предвыборных листовок, кончая постом партийного функционера.
8. Ложные псевдомотивы. Это те квази-мотивы, которые активно формирует пропаганда любой политической системы — начиная от «За Родину, за Сталина!» до требований «отстоять ценности истинной демократии».

Разные мотивы побуждают к **разным вариантам политического участия**. Обычно принято выделять «мобильные» (активные) и «иммобильные» (пассивные) формы политического участия. Среди активных форм выделяется, как минимум, шесть основных вариантов. *Во-первых,* это простейшие реакции (позитивные или негативные) на импульсы, исходящие от политической системы, ее институтов и их представителей, не связанные с необходимостью высокой личной активности человека. Грубо говоря, это реакция зрителя в театре или перед телевизором, воспринимающим некоторые новости. *Во-вторых,* участие в действия, связанных с делегированием собственных полномочий. Наиболее яркий пример — электоральное поведение. *В-третьих,* личное участие в деятельности политических организациях, посещение собраний и других мероприятий. *В-четвертых,* выполнение не разовых поручений, а уже постоянных конкретных политических функций в рамках институтов политической системы или оппозиционных ей. *В-пятых,* прямое действие — выход с товарищами на митинг, помощь в строительстве баррикады, участие в политических столкновениях и т. п. *В-шестых,* активная, в том числе руководящая деятельность во внеинституциональных политических движениях, направленных против существующей политической системы, добивающихся ее смены или конечной перестройки. Часто это участие (лидерство) в толпе, идущей на слом политической системы.

Среди «иммобильных» (пассивных) форм политического участия выделяются четыре основные формы. *Во-первых,* это полная выключенность из политических отношений, обусловленная низким уровнем общественного развития. *Во-вторых,* политическая выключенность как результат излишней бюрократизярованности самой господствующей политической системы, низкой эффективности обратной связи между этой политической системой и гражданским обществом в целом, разочарование людей в политических институтах, *В-третьих,* политическая апатия как форма неприятия политической системы, навязанной людям извне — например, в результате проигрыша войны и завоевания страны

неприятелем. *В-четвертых,* политический бойкот как выражение активной враждебности к политической системе и ее институтам[80].

Политическое участие — многоуровневая система рекрутирования граждан в политику. Она начинается с простейших, элементарных форм участия, и развивается до высших уровней — политических лидеров.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ПОЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРА

Процесс политической социализации приводит к своеобразному расслоению индивидов. Часть из них становится активными гражданами, часть предпочитает более пассивное существование. На активных держится государство, существует и развивается политическая система, строится политическая организация общества. Самые активные становятся ее руководителями — лидерами. В следующей главе мы подробно рассмотрим, как происходит взаимодействие лидера с другими людьми, и что представляет из себя феномен лидерства в целом. Пока же нас интересует лидер просто как человек, психологически выросший в результате описанных выше процессов политической социализации.

Политический лидер — это глава, формальный или неформальный руководитель («вождь») государства, политической группы (группировок), общественно-политической организации или движения. Как правило, это ведущее лицо политического процесса, осуществляющее объединение и сплочение политических сил, задающее направление деятельности государственным и общественно-политическим институтам, партиям, политическим движениям. Это лицо, во многом определяющее особенности политического курса — например, на реформу или на революционные преобразования или, напротив, на консервацию существующего положения дел.

В рамках поведенческого направления, бихевиористы выделяют следующие основные функции политического лидера:

1) определение целей,
2} обеспечение ведомых средствами достижения этих целей,
3) помощь ведомым в их действиях и взаимных отношениях,
4) сохранение целостности группы.

Другими словами, лидер планирует, делегирует, координирует и контролирует, т. е. выполняет законодательную, исполнительную и судебную функции.

Потенциал лидерства, с психологической точки зрения, представляет собой совокупность качеств, которые указывают на способность личности (или, реже, группы) побуждать других действовать, воодушевляя и уверяя людей в том, что избранный курс действий является правильным. Соответственно, для политической науки лидерство — это совокупность правил и процедур, в рамках которых осуществляется лидерская деятельность и которые могут носить либо рутинный характер (в стабильных политических системах) или отличаться спонтанностью в нестабильных ситуациях. Для политической психологии лидерство — это особая деятельность, требующая наличия определенных психологических свойств, характеризующих человека как лидера.

Основной политико-психологической характеристикой лидера является авторитет, т.е. влияние, значение, которым он пользуется в силу опреде-

---

[80] Подробнее см.: Рабочий класс а странах Западной Европы. М., 1982. — С. 64—65.

ленных заслуг, качеств или обстоятельств. **Авторитет** — это форма отношений власти, которая необходима любому руководителю для того, чтобы он мог руководить другими людьми. Отсутствие авторитета равносильно утрате руководства и лидерства, исчезновению управления. У авторитета, как и у власти вообще, выделяются две стороны:

1) влияние руководителя на подчиненных людей,
2) подчинение людей этому влиянию.

В свое время Ф. Энгельс писал: «Всякая сложная деятельность нуждается в организации. Последняя же невозможна без авторитета, т. е. 1) без навязывания чужой воли, 2) без подчинения этой воле»[81].

Авторитет подразделяется на истинный и ложный. Основными видами ложного авторитета считаются:

1) авторитет подавления подчиненных,
2) авторитет специально создаваемого «расстояния», дистанции с подчиненными,
3) авторитет высокомерия лидера,
4) авторитет постоянных поучений и резонерства,
5) авторитет подкупа,
6) авторитет «своего парня» и панибратства,
7) авторитет псевдодоброты и либерализма в отношениях с подчиненными.

Ложный авторитет всегда основан на несовпадении интересов того, кто руководит людьми, и самих этих людей. Преследуя свои личные цели, такой руководитель идет на откровенный обман, используя перечисленные выше психологические приемы для насильственного (в буквальном или переносном, психологическом смысле) навязывания своей воли людям. Причем воли, противоречащей их подлинным интересам.

Истинный авторитет — такое влияние на людей, такая власть над ними, которые соответствуют подлинным интересам этих людей, и которые именно поэтому добровольно принимаются этими людьми. Истинный авторитет — это соединение влияния руководителя с собственными интересами людей. Влияние руководителя, обладающего таким авторитетом, обычно состоит из двух моментов:

1) формальное (официальное) влияние, связанное с авторитетом организации и поста, занимаемого руководителем в организации,
2) неформальное (неофициальное), человеческое влияние, связанное с личными качествами руководителя.

Только оптимальное соединение этих моментов является основой истинного авторитета. Упор лишь на один из этих двух взаимосвязанных моментов опасен, так как игнорирует другой аспект.

Здесь, разумеется, возникает естественный вопрос: а реально ли одинаково успешно сочетать и то, и другое? Может ли один и тот же руководитель обладать достаточно высокими деловыми (обеспечивающими инструментальное, обычно формализованное влияние) и человеческими (обеспечивающими эмоциональное, обычно неофициальное влияние) качествами? Человек, желающий быть эффективным лидером, должен к этому стремиться. Если этого нет, то обычно возникают компромиссные варианты — например, так называемое

---

[81] Маркс *К., Энгельс Ф.* Сочинения. — Т. 18. — С. 304.

«коллективное руководство», которое включает людей и с теми, и с другими качествами.

Что же является главным: первая или вторая группа качеств? Все зависит от сферы деятельности руководителя. Естественно, что в производственной, скажем, сфере — первая. В политике же — вторая: ведь это работа с людьми. Авторитет политика складывается в процессе общения и связан с формированием доверия людей к его носителю, признанием превосходства его психологических качеств, правильности и справедливости его действий. Это и обуславливает добровольное подчинение ему людей.

Стержнем политической психологии лидера является политический «образ» («схема», «модель») мира, который присутствует, в принципе, у любого человека, начиная с определенного возраста, однако выражен по-разному. Для политического лидера наиболее характерно наличие необычно яркого и детализированного образа («схемы») мира наряду с сильным стремлением осуществить, утвердить этот образ в реальности — реализовать его. Последнее стремление является наиболее сильным мотивом участия человека с лидерскими качествами в политике. Включаясь в нее, он неизбежно стремится к властным рычагам, как раз и дающим возможность в наибольшей степени овеществить свой образ-схему мира.

В структуре этого образа-схемы центральное место занимает образ самого себя, своего Я вообще, и в политике, в частности. Анализ данного образования представляет собой пока что мало разработанную проблему. Можно допустить, вслед за рядом исследователей, что этот образ самого себя центрирован на собственном имени человека. Определенным подтверждением этому может служить то подчас навязчивое стремление к увековечению своего имени, которое свойственно большинству политиков во всем мире, а также то внимание к имени-псевдониму, «кличке», которое отличает особый, наиболее экзальтированный и потому демонстративный тип политических лидеров — революционеров.

Ясно, что в структуре образа самого себя у политика присутствуют представления о личном пространстве и времени, в котором действует данный персонаж, а также то стремление к признанию и одобрению, без которого вообще не может состояться политик. Что касается первого фактора, то едва ли случайно западные исследователи в поисках психологических объяснений событий октября 1917 года в России придают большое значение наследственным сердечно-сосудистым болезням В.И. Ульянова. То самое «вчера было рано», а «завтра будет поздно» поддается любопытной психологической трактовке. Зная о причинах смерти отца и деда, Ленин не мог не задумываться над своим самочувствием и тем, что он вступал в возраст повышенного риска инсульта. Говоря же о стремлении к признанию и одобрению, иллюстрацией является биография любого политического деятеля.

Особое место в психологии политического лидера занимают индивидуальные нормы и ценности, которые, как правило, не до конца соответствуют общепринятым и потому выделяют лидера. Лидер обязан внутренне быть инноватором, «преступником» в буквальном смысле слова — человеком, преступающим старые, привычные нормы, ценности и даже законы. Хотя внешне лидер обычно должен быть традиционалистом — это явление представляет собой одну из разновидностей так называемого «парадокса лидера», и будет подробно исследовано дальше.

Пока выделим главное: данный парадокс состоит в том, что настоящий лидер обязан совмещать несовместимое. С точки зрения эмоционального одобрения людей, он не должен ломать ничего привычного: ведь любые перемены

оборачиваются утратой чего-то, а люди не любят утрат. Лидер обязан быть консерватором и «охранителем», достойным порождением своей политической системы, группы, общества. Но, с другой бороны, для развития того же общества, для достижения нового уровня жизни он обязан быть инноватором, должен уметь ставить и достигать необычные, новые Цели. А это значит, неизбежно разрушать что-то привычное. Чтобы стать лидером, надо быть идеальным детищем политической социализации. Но чтобы оставаться им, надо уметь вступить в своеобразный конфликт «отцов и детей» и победить в нем.

Г. Холландер прямо указывал, что лидер обладает у членов группы «кредитом идеосинкразии» («что можно Юпитеру, то нельзя быку»}, однако этот кредит не безграничен, как у вождя. Согласно Дж. Джонсу и X. Джерарду, одна из обязанностей лидера — инновация, проверка новых способов взаимодействия с внешним миром, установление новых стандартов жизни. Для этого лидер и имеет кредит доверия — он не должен быть конформистом, иначе следует потеря статуса. Однако — еще один парадокс — право на этот нонконформизм вырастает из всего предыдущего конформистского поведения этого человека. Согласно Дж. Картраиту, члены группы приобретают статус конформностью, а статус позволяет быть нонконформизмом.

Проблема в том, что это трудно совместить. Поэтому и не бывает «вечных» лидеров: рано или поздно любой из них нарушает баланс между эмоциональной привязанностью людей к старому и рациональным пониманием неизбежности нового, склоняется в какую-то одну сторону и, в результате, неизбежно умножает число своих недоброжелателей. У всех перед глазами еще недавние примеры М. Горбачева, с одной стороны, и Б. Ельцина — с другой.

В психологии политического лидера образ-схема мира, центрированная на образе самого себя, включает представления о других людях, различных существующих в жизни объектах и явлениях. Эти представления структурированы и иерархизированы, выстроены «по приоритетам» в образе-схеме в соответствии со значимостью людей, объектов и явлений. Значимость определяется ролью этих вещей в реализации главного мотива поведения — стремления к власти ради овеществления этого образа-схемы. В соответствии со значимостью одни представления ближе к системообразующему центру, образу самого себя, другие же удалены и находятся как бы на периферии.

Мировая политика дает массу примеров наличия у ярких лидеров собственных «образов», «схем» и «моделей» мира. Так, хорошо известна несколько шаржированная «карта мира» по Р. Рейгану (см. рис. 1). Нарицательными стали «модель мира» имама Р. Хомейни; «мировой план» Мао Цзэдуна; схемы переустройства, описанные в «Майн Кампф» А. Гитлера и др.

Такие образы мира, определяющие политическое поведение лидеров, имеют два истока. С одной стороны, психология личности лидера. С другой — влияние среды, культуры, факторов социализации. Главная проблема, с которой сталкиваются все лидеры и их ведомые, состоит в том, чтобы быть уверенными в адекватности лидера и его образа мира.

а) реальной ситуации;

б) объективным интересам группы, сообщества и мира в целом;

в) самому себе.

Фактически, все упирается в три главных вопроса:

а) нужен ли данный лидер и его «образ мира» в данной конкретной ситуации?

б) не вреден ли он с точки зрения интересов оптимального развития?

в) может ли он реализовать свой образ, соответствуют ли его «амбиции» его же «амуниции»?

Американский карикатурист весьма своеобразно передал некоторые черты рейгановской геопсихополитики — того личностного образа мира, который можно реконструировать, исходя прежде всего из высказываний, а также конретных политических акций Р. Рейгана. Пройдемся вместе с ним по этой любопытной карте.

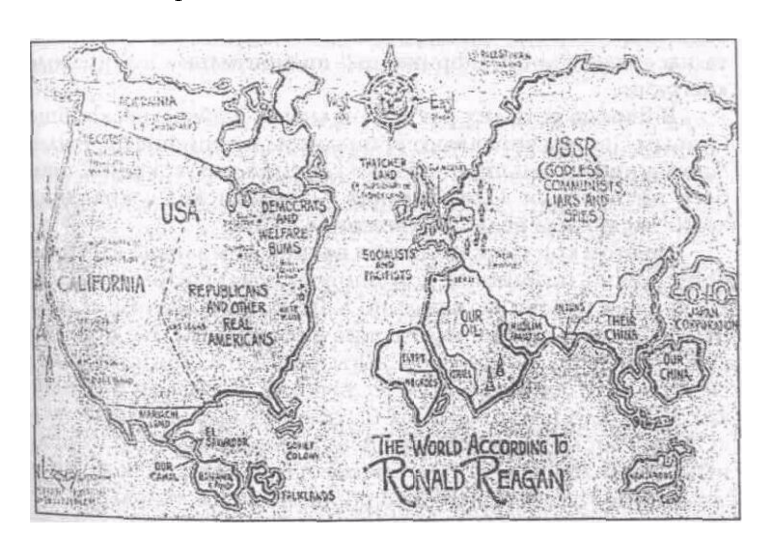

Рис. 1 Земной шар по Рональду Рейгану

Начать надо с розы ветров: на запад— США, на восток – «они». «Они» — это, конечно же, СССР. «безбожники», коммунисты. В воображении Рейгана «они» непременно лжецы и шпионы. Далее на восток— «их Китай», а на месте китайского острова Тайвань — равноликий «наш (т.е. американский) Китай». Страна восходящего солнца предстает в виде гигантского автомобиля с технократической подписью «Японская корпорация». Австралия просто переименована в «Кенгуру».

Вся Азия поделена с ковбойской прямотой: к «их Китаю» примыкает невзрачный Индостан, населенный какими-то «индеями». Средний Восток населяют некие «мусульманские фанатики». Обратим особое внимание на Ближний Восток. Это уже грезы, но весьма примечательные: кроме «Великого Израиля», в состав которого входят Бейрут и значительная часть Арайского полуострова, все остальное названо просто и ясно — «наша нефть». Карикатурист изобразил, как выглядит рейгановский план «урегулирования» палестинской проблемы: на карте «родина палестинцев» вынесена чуть ли не на Северный полюс.

Под боком у Израиля — «Египет». Он, как и положено, занимает северо-восток Африки. Остальную часть континента населяют просто африканцы, презрительно именуемые «неграми».

В Европе есть «их ракеты» и «наши ракеты». А вообще Старым Светом управляют социалисты и пацифисты. Выделяются лишь Польша — объект санкций, провокаций, особого интереса, и «Тэтчерлэнд» — британская «железная леди» заслужила большое уважение США.

На этом кончается восток и начинается запад — на нем, естественно, по Рейгану, доминируют исключительно США. Их лучшая половина, конечно, Калифорния. Затем — республиканцы и другие настоящие американцы. Не повезло северо-востоку — там демократы и бродяги, примазавшиеся к корыту социального обеспечения. К северу от Великих озер, где надлежало бы быть Канаде, расположилась «Страна кислых дождей» (конечно, владение США). Мрачный юмор здесь в том, что выбросы американской промышленности действительно оборачивается «кислыми дождями» над Канадой. Небольшая резервация Экотопия —экологическая утопия — отведена «придуркам, поме-

шавшимся на охране окружающей среды». На карте, среди прочих пунктов, помечены Белый дом, Голливуд, Лас-Вегас, Дисней-лэнд — места, президенту известные и любимые.

К югу от США все предельно просто. Вместо Мексики— «страна марьячос», уличных музыкантов. Вместо Кубы — «советская колония». Плюс Сальвадор, Фолкленды и «наш Панамский канал», который отделяет территорию, названную «землей бананов».

Страна и регионы в «мире Рейгана», и географические названия, по мнению американского карикатуриста, сходятся один к одному, как с уровнем представлений президента (например, Латинская Америка – «бананы», Австралия – «кенгуру»), так и с его желаниями – например, размеры Израиля, «нашей нефти», «нашего Китая» и т.п.).

Психологическое лидерство (в отличие, скажем лидерства институционального) всегда существует в системе тех или иных субъект-субъектных отношений (взаимодействий). В качестве субъектов таких отношений могут выступать как отдельные индивиды, так и группы или даже все общество, а взаимодействия могут разворачиваться как между индивидами, группами, обществами, так и между индивидами и группами, индивидами и обществами, группами и обществами. Таким образом, получается, что лидерство — это процесс неравного взаимодействия между субъектами (индивидами, группами, обществами, индивидами и группами, индивидами и обществами, группами и обществами), характеризующийся отношениями доминирования и подчинения.

Определяя понятие «лидер» политике-психологически, будем исходить, во-первых, из того, что он является субъектом процесса лидерства (неравного взаимодействия). Во-вторых, лидер выполняет в силу своего положения определенные функции. Мы считаем, что лидерская функция регуляции взаимоотношений через различные формы доминирования-подчинения является наиболее существенной характеристикой лидера. Таким образом, возникает следующее психологическое определение лидера: это субъект процесса взаимодействия, выполняющий функцию регуляции взаимоотношений через различные формы доминирования-подчинения, ради достижения тех или иных целей личности, группы или общества.

Лидер немыслим в одиночку, поэтому должен существовать еще один элемент данной диадической субъект-субъектной структуры. Бытуют разные обозначения этого второго элемента структуры. Чаще всего встречаются следующие определения: лидер и остальные члены группы, лидер и последователи, лидер и ведомые. Ведомый является, также как и лидер, субъек том процесса взаимодействия. Однако, на этом их сходство заканчивается: ведомый — это тот, кого ведут. Таким образом, существенной характеристикой ведомого является то, что он позволяет себя вести. Иными словами, он делегирует другому человеку (лидеру) права и обязанности регуляции их взаимоотношений. Итак, ведомый — это субъект процесса взаимодействия, делегирующий лидеру права и обязанности регуляции взаимоотношений через различные формы доминирования-подчинения.

Во всех приведенных выше определениях, для уточнения характера отношений, способов реализации лидерских функций используются понятия **«доминирование» и «подчинение»**. Доминирование представляет собой прежде всего отношения неравенства, навязанные лидером. Важно, что это — отношения очевидного неравенства, которые навязывает лидер. Доминирование реализуется по четырем основным сферам. Во-первых, как влияние, авторитет — это варианты психологического доминирования. *Во-вторых,* как насилие в тех или иных формах — это варианты силового доминирования. В-третьих, как подкуп — вариан-

ты экономического доминирования. В-*четвертых,* как политическая власть — соответственно, это варианты политического доминирования.

Подчинение также является отношением очевидного неравенства, однако главным субъектом этих отношений выступают ведомые. Таким образом, подчинение — это отношения очевидного неравенства, в которых ведомые принимают или требуют доминирования от лидера.

В системе отношений, фиксируемой понятиями доминирование-подчинение, находят определение и такие понятия, как власть и воздействие. Власть, с политико-психологической точки зрения — это система отношений доминирования-подчинения в той или иной сфере, реализуемая тремя основными способами:

а) регулированием норм;

б) определением ценностей;

в) демонстрацией образцов поведения.

Приведенные в данном определении три способа реализации отношений доминирования-подчинения охватывают практически весь спектр способов и возможностей реализации этих отношений. Так, регулирование норм лидером предполагает нормирование поведения ведомых. Определение лидером ценностей связано с вовлечением ведомых в определенную систему ценностей. Демонстрация лидером образцов поведения означает практически неизбежное принятие их, подражание им.

Воздействие представляет собой фиксированный момент в отношении доминирования-подчинения, выражающий определенные усилия лидера в направлении достижения целей личности, группы, общества. Совокупность особых способов воздействия составляет суть психологических механизмов лидерства. Эти способы воздействия реализуются в формах заражения, внушения, убеждения и подражания. Таким образом, психологические механизмы лидерства реализуются в четырех основных формах.

Во-первых, это *заражение*— эмоциональное воздействие, осуществляемое через передачу определенного психического состояния и предполагающее бессознательное усвоение данного состояния. Во-вторых, это *внушение* — эмоционально-волевое, целенаправленное, неаргументированное воздействие, осуществляемое через передачу некритически воспринимаемой информации и подразумевающее ее принятие. В-третьих, это *убеждение* — вербальное воздействие, осуществляемое в рациональных или псевдорациональных формах через предлагаемую информацию и подразумевающее достижения сознательного согласия с ней. В-четвертых, - это *подражание* —воздействие, осуществляемое через демонстрацию конкретных, наглядных образцов поведения и подразумевающее их принятие и воспроизведение.

По смыслу изложения, здесь логично определить и такое понятие, как «манипуляция», которое в широком смысле означает определенную систему способов воздействия. Более точно, с нашей точки зрения, определить *манипуляцию* как осознанное использование этой системы способов воздействия. Таким образом, манипуляция — это осознанное создание лидером определенных условий, стимулирующих необходимое поведение ведомых.

Лидер, естественно, должен обладать способностью создавать определенные условия и таким образом влиять на поведение ведомых. Это умение, способность означает понятие способа (стиля) лидерства. Способ (стиль) лидерства определяется как совокупность форм, приемов, методов структурирования отношений доминирования-подчинения.

Термины, приведенные выше, не вызывают особых вопросов и трудностей осмысления. Более подробного анализа требуют такие понятия, как «тип лидера» и «личностно-психологические черты лидера».

Определив лидера как субъекта процесса взаимодействия, выполняющего функции регуляции взаимоотношений через различные формы доминирования-подчинения, логично говорить о различных типах лидера. Определим тип лидера как разновидность субъекта, доминирующего в процессе взаимодействия и регулирующего отношения доминирования-подчинения специфическим способом. Несколько выше, определяя понятие «власть», мы зафиксировали, что отношения доминирования-подчинения могут быть реализованы тремя основными способами: регулированием норм, определением ценностей и демонстрацией образцов поведения. Соответственно этому, мы выделяем три основных типа лидера: 1) лидер-«организатор»; 2) лидер-«демонстратор» и 3) лидер-«аксиолог»,

«Организатор» — тип лидера, регулирующий отношения доминирования-подчинения на основе нормирования поведения субъектов взаимодействия. *«Демонстратор»* — тип лидера, регулирующего отношения доминирования-подчинения на основе демонстрации тех или иных образцов поведения. Наконец, «аксиолог» — тип лидера, регулирующий отношения доминирования-подчинения на основе вовлечения ведомых в определенную систему ценностей.

Необходимо отметить, что проделанный анализ правомерности выделения этих типов показывает: практически все исследования лидерства изучали какой-либо) из этих трех аспектов. Одни исследователи делали объектом своего внимания организаторскую, управленческую функцию лидера. Другие предпочитали изучать ценностную составляющую лидерства. Третьи изучали лидера как объект для подражания и следования ему. а таком случае, совершенно правомерно выделять и промежуточные типы, которые представляют собой совокупность качеств организатора, аксиолога и демонстратора, либо организатора и аксиолога, организатора и демонстратора, аксиолога и демонстратора.

Описанные типы лидерства хорошо коррелируют с совершенно определенными способами воздействия) которые составляют психологические механизмы лидерства. Подражание как способ воздействия более соответствует типу «демонстратора», убеждение — «организатору», заражение — «аксиологу».

Говоря о **личностно-психологических чертах лидера**, будем исходить из того, что традиционно в психоло-) гии выделяют три основные подструктуры или уровни структуры личности: биологический, психологический) социально-психологический и/или социальный уровни. В отношении политического лидера эти уровни могут быть дополнены политико-психологическим уровнем. Более подробно, однако, можно говорить о пяти-уровневой структуре свойств и качеств (черт) лидера.

1. Биологический уровень предполагает анализ таких компонентов как наследственность, темперамент, пол, состояние здоровья лидера. Эти качества выступают детерминантами поведения и определяют некоторые личностные черты. Темперамент, например, придает индивидуальное своеобразие поведению, поступкам, сказывается на особенностях эмоционального выражения своих взглядов. Возрастные характеристики также играют роль в проявлении различных черт и психических функций. Среди биологических характеристик играют роль и чисто физические данные, определяющие выносливость, силу, энергичность, работоспособность.

2. Психологический уровень личности включает прежде всего такие факторы как эмоции, волю, память, способности, интеллект, характер.

3. Социально-психологический уровень предполагает анализтаких компонентов какцели, ценности, интересы, мотивы, мировоззрение, установки, отношения и т.д.

4. Политико-психологический уровень требует рассмотрения вопросов политической социализации, политических ценностей, политического выбора, политических норм, образцов политического поведения и т. д.

5. Социальный уровень отражает общесоциалъные позиции и взгляды лидера.

Таким образом, мы определили основные уровни, на которых проявляется главное качество личности лидера — образ его Я. Что же и как проявляется конкретно? Как уже говорилось выше, прежде всего проявляются особенности образа самого себя, «психологического образа» жизни человека и имеющегося у него психологического образа мира и жизни в этом мире.

То есть, основные личностно-психологические черты лидера — это особенности образа самого себя и «психологического образа» жизни как способа структурирования психологического пространства личности, требующие и/или позволяющие регулировать отношения доминирования-подчинения. Они проявляются на пяти основных уровнях:

1) биологическом;
2) психологическом;
3) социально-психологическом;
4) политико-психологическом;
5) социальном.

Так выглядят основные понятия и параметры, позволяющие рассматривать политическую психологию лидера как, прежде всего, наиболее «продвинутого» гражданина, преуспевшего в процессах политической социализации и выдвинувшегося в процессах политического участия. В последующих главах мы еще к ним вернемся для того, чтобы подробнее рассмотреть их конкретное содержание.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Процессы политической социализации и политического участия выдвигают не только отдельных лидеров. В совокупности, они формируют целый слой политически активных людей, который со временем, так или иначе, становится лидирующим (правящим, руководящим) для данного общества. Такой слой обычно именуется элитой или «правящим», «руководящим», «рулящим классом» (от английского «ruling class»).

Понятие «правящий класс» впервые было введено югославским исследователем М. Джиласом для обозначения бюрократической номенклатуры советского общества сталинского образца. Понятие «элита» происходит от латинского eligere и французского elite, что означает лучшее, отборное, избранное. Начиная с XVII века, это понятие употребляется для обозначения товаров наивысшего качества. С XIX века применяется к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. В социально-политических науках термин получил распространение в XX веке.

«Элита» — центральное понятие так называемых элитарных теорий общественно-политического развития, считающих, что любая социальная структура включает высший, привилегированный слой или слои, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры (творческие функции), и остальную массу населения, выполняющую нетворческие, репродуктивные функции. Пред-

течами современных теорий элит были Платон, Т. Карлейль, Ф. Ницше и др. В качестве относительно целостной системы взглядов, теории элиты были сформулированы в начале XX века такими авторами как В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс и др. Общая суть теорий элит заключалась в том, что они пытались свести все политические процессы к взаимодействию элит. Тогда понятие элиты становилось самодостаточным, и подменяло все прочие (типа классов, групп и т. д.). Как верно писали американские исследователи: «Если «Манифест коммунистической партии» провозглашает, что история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, то кредо элитаристов заключается в том, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы элит»[82].

Определения элиты в разных концепциях достаточно неоднозначны. В. Парето называл элитой людей, получивших «наивысший индекс» в сфере своей деятельности. Г. Моска считал элитой наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть— «организованное меньшинство общества». Х. Ортега-и-Гассет подразумевал под элитой людей, пользующихся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством, а также обладающих интеллектуальным или моральным превосходством над массой, «наивысшим чувством ответственности». А. Этциони имел в виду людей, обладающих «позициями власти». Т. Дай называл элитой лиц, обладающих формальной властью в организациях и политических институтах, чем и определяющих социальную жизнь. Л. Фройнд — «бого вдохновленных личностей», обладающих харизмой. А. Тойнби — «творческое меньшинство» общества, в противоположность «нетворческому большинству», то есть сравнительно небольшие группы, состоящие из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества. Соответственно, он подразделял политическую, экономическую, культурную и др. элиты.

Наиболее психологичным представляется понимание политической элиты, предложенное Дж. Хигли. С его точки зрения, главное заключается не в постах и должностях, занимаемых людьми, относимыми к элите. Ее сущность — возможность влиять на принятие политических решений, даже не занимая таких формальных постов, и критиковать правящий режим, не слишком рискуя при этом быть репрессированными. То есть, это неформальный слой членов общества, обладающих таким авторитетом, который вынуждает власти считаться с их мнением даже тогда, когда это мнение противоречит позициям властей. В этом смысле, элита — не то же самое, что «рулящий класс». В последний попадают, выдвигаясь на те или иные посты, занимая некоторые формальные позиции, прежде всего, в бюрократической иерархии. В элиту же попадают на основании личных достоинств, неформальных связей и лидерских качеств, проявляющихся в социально-политически значимых сферах. Образно говоря, «правящий класс» — это иерархия «кресел», тогда как элита — это собрание имен.

В значительной степени, принадлежность к элите определяется не столько общественным признанием, сколько основанным на таком признании личном самоощущении входящих в элиту людей. Это своего рода «кадровый резерв» политических лидеров для общества (или, иногда, ее еще именуют «политическим отстойником», что в принципе означает почти одно и то же). Формально, элите противостоит «контрэлита» (лидеры оппозиционных движений), хотя психологически между ними существует немало общего, что периодически мо-

[82] *Prewitt K., Stone A.* The Rulling Elites. Elite Theory, Power and American Democracy. — N. Y., 1973. — P. 4.

жет порождать миграционные процессы, когда те или иные персоны перемещаются из элиты в контрэлиту и наоборот.

Представителей элиты в таком понимании характеризует высокий уровень личной политической культуры, глобальность восприятия и оценок происходящего, способность к быстрому и глубокому осмыслению, включая предвидение последствий, динамизм политического поведения, а также развитое чувство ответственности за происходящее в социально-политической сфере. Как правило, элита подчеркнуто «личностна» и не «индивидуалистична», ей свойственен корпоративный дух, хотя, одновременно, присущи и достаточно выраженные, а подчас просто жесткие межличностные конкурентные отношения. Каждый отдельный представитель элиты — реальный или потенциальный лидер, однако всех их соединяет понимание того, что собственный лидерский потенциал можно реализовать только при общем сохранении определенных «правил игры» и, главное, существующей социально-политической системы в целом. Элита — это, в определенной степени, неформальный коллективный лидер общества и его политического строя.

Политическая элита — это те самые «гладиаторы», о которых Л.В. Милбрайт писал: «...Это люди, особенно хорошо подготовленные для того, чтобы управлять окружающими. Они чувствуют свою компетентность, знают себя и доверяют своим знаниям и способностям, их «я» достаточно сильно, чтобы выдерживать удары, они не отягощены грузом сомнений и внутренних конфликтов, умеют контролировать свои импульсы, они сообразительны, общительны, склонны проявлять свою индивидуальность, ответственны. Хотя у них может появиться желание доминировать над другими и манипулировать ими, но такие склонности не проявляются у них сильнее, чем у людей, выступающих в других ролях. Гладиаторы способны добиться славы в политической борьбе и достаточно уверены в себе, чтобы выдерживать хитросплетения партийной политики. Политическая жизнь далеко не гостеприимное место для индивидов, неуверенных в себе, робких и замкнутых, для людей, не обладающих сильной верой в свои возможности успешно справляться с собственным окружением»[83].

Элита — образование, операционально не фиксируемое. Это, в значительной мере, виртуальная группа. Тем не менее, по косвенным проявлениям элиты подразделяются на консолидированные и неконсолидированные, ответственные и безответственные, эгоистичные и неэгоистичные. Политическая психология элит, в значительной мере, определяет политическую психологию всего общества, однако, безусловно, не подменяет ее полностью. Всякий политический строй пытается формировать собственную элиту, необходимую ему для более эффективного осуществления власти. Однако подчеркнем: политическая элита не является ситуационным образованием. Это совокупное порождение всех рассмотренных выше процессов политической социализации и политического участия.

NB

1. Политическая психология отдельной личности — одна из ключевых и, вместе с тем, мало разработанных проблем. Это связано с долгим доминированием объектного подхода, подчинявшего личность политическим институтам и стремившегося строить «объективную», то есть, надличностную политическую науку — науку о «Левиафане». Однако последние десятилетия убедительно показали роль отдельной личности в политике на всех ее уровнях, что вызвало возрождение субъектного подхода, опирающегося на понятие «ин-

---

[83] *Miibrath L.W.* Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? — Chicago, 1965.— P. 88.

тереса», которым руководствуются люди, вступая или не вступая в политические отношения.

2. Политическая социализация — это процесс включения индивида в политическую систему посредством оснащения его опытом данной системы и возникшего на ее основе государства, закрепленными в политической культуре. Это такой процесс взаимодействия индивида и политической системы, целью которого является адаптация индивида к данной системе, превращение его в личность гражданина. В процессе взаимодействия индивида с политической системой происходят два ряда процессов. С одной стороны, система воспроизводит себя. рекрутируя и обучая, приспосабливая к себе новых членов. Политическая система в этом процессе играет роль механизма сохранения политических ценностей и целей системы, сохраняет преемственность поколений в политике. С другой стороны, требования политической системы переводятся в структуры индивидуальной психики, становятся политическими свойствами личности. В результате, политическая социализация формирует политическое сознание и поведение личности. В процессе политической социализации происходит становление личности гражданина — члена данной политической системы. Механизмы политической социализации функциопи руют на общесоциальном, социально-психологическом и индивидуальном (внутриличностном) уровнях Политическая социализация включает ряд возрастных этапов и стадий, причем политические структурь личности развиваются на разных стадиях неравномерно. Принято разделять три основные системы политической социализации: 1) прямая целенаправленная социализация, 2) стихийная социализация, 3) самовоспитание и самообразование. Особый случай представляет собой ресоциализация при кризисах политической системы. Возможны три основных варианта политической социализации: политическая активность, политическая пассивность и политическое от чуждение.
3. Достигаемая в ходе политической социализации политическая активность реализуется в политическом участии граждан. Под политическим участием понимается неотъемлемое свойство политической или иной управляющей (или самоуправляемой) деятельности людей, которое служит одним из средств выражения и достижения их интересов. Политическим участие становится тогда, когда индивид или группа вовлекаются во властные политические отношения. в процесс принятия решений и управления, носящих политический характер. Наиболее развитым типом такой политической общности является государственно-организованное общество. В основе политического участия могут лежать разные психологические мотивы. В целом, выделяются мотивы интереса и привлекательности политики как сферы деятельности; познавательные мотивы; мотив достижения власти над людьми; идеологические мотивы; мотивы преобразования мира; традиционные мотивы; меркантильные мотивы; а также ложные псевдомотивы. Разные мотивы побуждают к разным вариантам политического участия. Обычно принято выделять «мобильные» (активные) и «иммобильные» (пассивные) формы политического участия.
4. Наиболее активные формы политического участия свойственны лидерам. Политический лидер — это глава, формальный или неформальный руководитель («вождь») государства, политической группы (группировок), общественно-политической организации или движения. Как правило, это ведущее лицо политического процесса, осуществляющее объединение и сплочение политических сил, задающее направление деятельности государственным и общественно-политическим институтам, политическим движениям. Это лицо, во многом определяющее особенности политического курса. Политический лидер осуществляет следующие основные функции: 1) определение целей, 2) обеспечение ведомых средствами достижения этих целей, 3) помощь ведомым в их действиях и взаимных отношениях, 4) сохранение целостности

группы. То есть, лидер планирует, делегирует, координирует и контролирует — выполняет законодательную, исполнительную и судебную функции. Основной политико-психологической характеристикой лидера является авторитет — влияние, которым он пользуется в силу определенных качеств или обстоятельств. Стержнем политической психологии лидера является свой политический «образ» («схема», «модель») мира, связанный с сильным волевым стремлением утвердить этот образ в реальности. В структуре этого образа центральное место занимает образ самого себя, представления о личном пространстве и времени, индивидуальные нормы и ценности, а также представления о других людях, объектах и явлениях, иерархически выстроенные в соответствии с их личностной значимостью для лидера и достижения его главного мотива — реализации своего образа мира. Отношения лидера с ведомыми строятся по схеме «доминирование — подчинение». Психологическое доминирование осуществляется за счет особых механизмов, среди которых выделяются заражение, внушение, убеждение и подражание. Основные личностно-психологические черты лидера, в целом, — это особенности образа самого себя и «психологического образа» жизни как способа структурирования психологического пространства личности, требующие и/или позволяющие регулировать отношения доминирования-подчинения. Они проявляются на пяти основных уровнях: 1) биологическом (пол, возраст, состояние здоровья, особенности темперамента и т. д.), 2) психологическом (особенности эмоционально-волевой сферы, памяти, способностей, характера), 3) социально-психологическом (цели, ценности, интересы, мотивы, мировоззрение, установки, отношения и т.д.), 4) политико-психологическом (политическая социализация, политические ценности, политический выбор, политические нормы, образцы политического поведения), 5) социальном (основные общесоциальные позиции и взгляды лидера).

5. Процессы политической социализации и политического участия выдвигают не только отдельных лидеров. В совокупности, они формируют целый слой политически активных людей, который со временем становится лидирующим (правящим, руководящим) для данного общества. Такой слой обычно именуется политической элитой. С психологической точки зрения, главное заключается не в постах и должностях, занимаемых людьми, относимыми к элите. Ее сущность — возможности влиять на принятие политических решений, даже не занимая таких формальных постов, и критиковать правящий режим, не слишком рискуя при этом быть репрессированной. То есть. это неформальный слой обладающий таким авторитетом, который вынуждает власти считаться с его мнением, даже когда это мнение противоречит позициям властей. Элита — ни синоним «правящего класса». В последний попадают, занимая формальные позиции в бюрократической иерархии. В элиту попадают на основании личных достоинств, неформальных связей и лидерских качеств. Если «правящий класс» — это иерархия «кресел», то элита — собрание имен. В значительной степени, принадлежность к элите определяется не столько общественным признанием, сколько основанным на таком признании личном самоощущении входящих в нее людей. Это своего рода «кадровый резерв» лидеров для общества. Представителей элиты характеризует высокий уровень личной политической культуры, глобальность восприятия и оценок происходящего, способность к быстрому и глубокому осмыслению происходящего, включая предвидение последствий, динамизм политического поведения, а также развитое чувство ответственности за происходящее в социально-политической сфере. Элиты подразделяются на консолидированные и неконсолидированные, ответственные и безответственные, эгоистичные и неэгоистичные.

Для семинаров и рефератов.

1. *Ашин Г.К.* Современные теории элиты. — М., 1985.
2. *Вятр Е.* Социология политических отношений. — М., 1979.
3. *Гозман Л.П., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. — Ростов-н/Д, 1996.
4. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. — М., 1994.
5. *Шестопал Е.Б.* Личность и политика. — М., 1988.
6. *Field G.L, Higley J.* Elitism. — L., 1980.
7. *Greenstein F.* Personality and Politics. — Princeton, 1985.
8. Handbook of Political Socialization. Theory and Research. — N. Y., 1977.

Глава 5
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИДЕРСТВА

Феномен лидерства как особая проблема политической психологии. Феномен лидерства как «человеческое измерение» проблемы власти.

Ранние теории политического лидерства. Теории «героев» и «теории черт». Теории среды. Личностно-ситуационные теории. Теории взаимодействия-ожидания. «Гуманистические» теории. Теории обмена. Мотивационные теории.

Общие типологии и типы лидерства.

Политико-психологические типологии лидерства. Психопатологическая типология Г. Лассуэлла. Типология политических типов Д. Рисмана. Теория «макиавеллистской личности». Типология президентов Дж.Д. Барбера. Типология Д.М. Бернса; «трансформационное» и «трансдейственное» лидерство. Отечественные типологии политического лидерства.

Современные подходы к проблеме лидерства. Стили лидерства и психологический климат в группе (авторитарный, демократический и попустительский). Анализ лидерства через четыре переменных Д. Катца. Обобщенные конструкции М. Германн {«дудочник в пестром костюме», «торговец», «марионетка», «пожарник»). Культурологическая теория А. Вилдавского. Типология В.Д. Джоунса.

Феномен лидерства — нечто совершенно особенное в политической психологии. Во-первых, это безусловно одна из наиболее ярких, и потому заметных и ведущих проблем. Если для политической науки в целом главной проблемой является власть, то для политической психологии — конкретное выражение этой власти в том самом «человеческом факторе» политики, который она изучает. Это конкретное выражение имеет две ипостаси. С одной стороны, власть в политико-психологическом измерении — это способность властвующего («верхов») заставить себе подчиняться, то есть некоторая потенция лидера, политического института или режима. С другой стороны, власть в том же самом политико-психологическом измерении — это готовность «низов» подчиняться «верхам». Так возникают две стороны одной медали феномена лидерства: способность «верхов» и готовность «низов». И каков «удельный вес» каждого из этих компонентов, зависит от многих обстоятельств, а точнее, от каждого конкретного случая. Изучение феномена лидерства позволяет рассматривать названные компоненты в единстве и взаимовлиянии.

Во-вторых, феномен лидерства — наиболее активно изучаемая проблема политической психологии. Именно здесь накоплен основной массив исследова-

ний, концепций и попыток теоретического обобщения. Именно здесь наиболее полезно и продуктивно постоянное обращение к истории проблемы, углубленный исторический экскурс в проведенные ранее исследования. В изучении феномена лидерства, в отличие от ряда других разделов политической психологии, пока еще нет «окончательного диагноза», который позволил бы кратко суммировать и обобщить имеющиеся достижения, отбросив заведомо неверные концепции.

В-третьих, это наиболее продуктивная и благодарная для политических психологов проблема. Занятие ею обеспечивает интерес широкой публики и, одновременно, спрос со стороны самих политиков. То есть, одновременно приносит редкое сочетание — и славы, и денег. Все сказанное и объясняет то повышенное внимание, которое проявляется к данной проблеме как во всей науке, так и в данной книге.

РАННИЕ ТЕОРИИ ЛИДЕРСТВА

Пропустим, по причине чистой описательности и отсутствия серьезного анализа, предысторию изучения феномена лидерства. Попытки его политико-психологического анализа являются достоянием всей письменной истории человечества. Однако до конца XIX — начала XX веков основные подходы к проблеме лидерства носили сугубо описательный характер. Анализ стал достоянием XX века. Различные теории и теоретики вплотную попытались объяснить природу лидерства и выявить факторы, влияющие на появление этого феномена. В обобщенном виде можно выделить несколько групп подобных теорий[84].

Теории «героев» и «теории черт»

Теории данной группы — из разряда древнейших. Только кратко упомянем некоторые их истоки. Как известно[85], значительная часть политико-психологических черт лидерства детерминирована культурой. Древние египтяне приписывали следующие «божественные черты» своему императору: «властное высказывание» в устах, «понимание в сердце», а «язык его — усыпальница справедливости». Гомеровская Илиада раскрыла четыре необходимых, по мнению древних греков, качества: справедливость (Агамемнон), мудрость (Нестор), хитрость (Одиссей), доблесть (Ахилл). Однако модели поведения лидеров и «наборы» лидерских «черт» многократно менялись со временем.

Относительно поздние представители «героической» теории (Т. Карлайл, Е.Е. Дженнингс, Дж. Дауд и др.) рассматривали героев (по их мнению, история — это творение «героев», великих людей) для выделения качеств, «передающихся по наследству» и «способствующих завлечению масс». Возникшая вслед за развитием «героической»? «теория черт» пыталась дать ответ на вопрос, какими же чертами должен обладать лидер как особый тип деятельности. Сторонники этой теории (Л.Л. Бернард, В.В. Бинхам, О. Тэд, С.Е. Килбоурн и др.) считали, что лидером человека делают определенные психологические качества и свойства («черты»). Лидер рассматривался через призму ряда факторов. Во-первых, «способности» — умственные, вербальные т.д. Во-вторых, «достижения» — образование и спорт. В-третьих, «ответственность» — зависимость, инициатива, упорство, желание и т. д. В-четвертых, «участие» — активность, кооперация и т.д. В-пятых, «статус» — социально-экономическое положение, популярность. Наконец, в-шестых, «ситуативные черты» личности.

---

[84] См.: *Stogdill R.* Handbook of leadership: a survey of theory and research. — N.Y., 1974.
[85] Ibid. — P. 82.

Отметим основные качества, необходимые лидеру в рамках этого подхода:

1) сильное стремление к ответственности и завершению дела;
2) энергия и упорство в достижении цели; рискованность и оригинальность в решении проблем;
3) инициативность;
4) самоуверенность;
5) способность влиять на поведение окружающих, структурировать социальные взаимоотношения;
6) желание принять «на себя» все последствия действий и решений;
7) способность противостоять фрустрации и распаду группы.

Любопытно, что комплексное исследование лидерского поведения, предпринятое в прикладных целях в Госдепартаменте США в 1979 г. показало, что наиболее важные черты современного политического лидера — это неформальные организаторские навыки, избегание бюрократических подходов, терпимость к фрустрации, прямота суждений, способность выслушать чужое мнение, энергичность, ресурс роста и юмор. Забавно, что интеллектуальные способности не считаются решающими для лидера.

М. Вебер считал, что «три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности и глазомер... Страсть в смысле ориентации на существо дела, страстной самоотдачи делу... Глазомер способный с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей... требуется дистанция по отношению к вещам и людям... Проблема состоит в том, чтобы втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть и холодный глазомер»[86].

Впрочем, теории «героев» и «черт» продолжают итожить число своих сторонников и списков необходимых лидерам качеств. В определенной мере, это инерция прежних, описательных подходов. Научное же изучение феномена пошло дальше.

Теории среды

Основное положение теорий среды гласит: лидерство является функцией окружения, т.е. определенного времени, места и обстоятельств, в том числе культурных. Эта теория полностью игнорировала индивидуальные различия людей, приписывая их требованиям среды. Так, по Е.С. Богардусу, тип лидерства в группе зависит от природы группы и проблем, которые ей предстоит решать.

В.Е. Хоккинг предположил, что лидерство — функция группы, которая передается лидеру, только когда группа желает следовать выдвинутой им программе. Х.С. Персон выдвинул две гипотезы:

1) каждая ситуация определяет как качества лидера, так и самого лидера;
2) качества индивида, которые определяются ситуацией как лидерские качества, являются результатом предыдущих лидерских ситуаций.

В свое время Дж. Шнейдер с удивлением обнаружил, что количество военных лидеров в Англии было прямо пропорционально количеству военных конфликтов, в которых участвовала страна. Это стало наиболее яркой иллюстрацией справедливости теорий среды. Для оценки ее сути воспользуемся высказыванием А.Дж. Мэрфи: ситуация вызывает лидера, который и должен стать инструментом разрешения проблемы.

---

[86] Вебер М. Избр. произв. — М., 1990. — С. 690—691.

Личностно-ситуационные теории

Эта группа теорий является симбиозом двух предыдущих: в ее рамках одновременно рассматриваются и психологические черты лидера, и условия, в которых происходит процесс лидерства. Так, по мнению С.М. Казе, лидерство генерируется тремя факторами: личностными качествами, группой последователей и событием (например, проблемой, которую решает группа).

Р.М. Стогдил и С.М. Шартл предложили описывать лидерство через такие понятия как «статус», «взаимодействие», «сознание» и «поведение» индивидов по отношению к другим членам организованной группы. Таким образом, в рамках этой теории лидерство рассматривается скорее как система отношений людей, а не как характеристика изолированного индивида.

Х. Герт и С.В. Миллз считали, что для понимания феномена лидерства надо уделять специальное внимание таким факторам, как черты и мотивы лидера, его общественный имидж, мотивы его последователей, черты лидерской роли и институциональный контекст,

Таким образом, в разных вариантах теории данной группы пытались преодолеть ограничения и расширить достоинства предыдущих подходов.

Теории взаимодействия-ожидания

Согласно взглядам Дж.С. Хоманса и Дж.К. Хемфилда, теория лидерства должна рассматривать три основные переменные: действие, взаимодействие и настроения. Это предполагает, что усиление взаимодействия и участие в совместной деятельности связано с усилением чувства взаимной симпатии, и с внесением большей определенности в групповые нормы. Лидер в этой теории определяется как инициатор взаимодействия.

Например, теория «усиления ожиданий» Р. Стогдилла основана на следующем утверждении: у членов группы в процессе взаимодействия усиливаются ожидания того, что каждый из них будет продолжать действовать соответствующим образом. Роль индивида определяется взаимными ожиданиями и, если его действия совпадают с ожиданиями группы, ему разрешается к ней присоединиться, т.е. его допускают («принимают») в группу. Лидерский потенциал человека зависит от его возможности инициировать взаимодействие и ожидания.

Согласно теории «целевого поведения» (path-goal theory — М.Г. Эванс), степень проявления внимания лидером определяет осознание последователями будущего поощрения, а степень инициирования структуры лидером определяет осознание подчиненными того, какое именно поведение будет поощрено. Близкая к ней «Мотивационная теория» (Р.Л. Хау, Б.Т. Басе) понимала лидерство как попытку изменения поведения членов группы через изменение их мотивации. Ф.Е. Фидлер считал, что «лидерское поведение» зависит от требований конкретной ситуации. Например, «ориентированный на работу» лидер будет эффективным в крайних ситуациях (слишком легкая или слишком тяжелая работа). Лидер же, ориентированный «на взаимоотношения», обычно эффективен при решении «умеренных», как бы «промежуточных» проблем.

Группа теорий, получивших название «гуманистических», во главу угла ставила развитие эффективной организации. По мнению представителей этой теории, человек по природе своей — «существо мотивированное», а организация по своей природе всегда структурирована и контролируема. Главной функцией лидерства является модификация организации с целью обеспечения свободы индивидов для реализации их мотивационного потенциала и удовлетворения своих нужд— однако, при одновременном достижении целей организации.

Д. МакГрегор разработал две теории организующего лидерства. Во-первых, это так называемая теория *X*, основанная на предположении, что индивиды обычно пассивны, противостоят нуждам организации и, следовательно, необходимо направлять и мотивировать их. Во-вторых, он предложил *теорию Y,* основанную на предположении, что люди уже обладают мотивацией и стремятся к ответственности, поэтому необходимо так их организовать и направлять, чтобы они одновременно реализовывали и свои цели, и цели организации.

С. Аргирис также указывал на наличие конфликта между организацией и индивидом. По его мнению, природа организации предполагает структурирование ролей членов и контроль за исполнением ими своих обязательств. В природе человека заложено стремление к самореализации через проявление инициативы и ответственности. Эффективное лидерство должно принимать это во внимание и опираться на эти качества.

Р. Ликерт считал, что лидерство — процесс относительный, и лидер должен принимать во внимание ожидания, ценности, межличностные навыки подчиненных. Лидер должен дать подчиненным понять, что организационный процесс направлен на их пользу, так как обеспечивает им свободу для ответственного и инициативного принятия решений.

В рамках данной теории, Р.Р. Блайк и Дж.С. Моутон сумели изобразить лидерство графически: по оси абсцисс — заботу об индивидах, по оси ординат — заботу о результате. Чем выше эти два коэффициента, тем больше развиты отношения доверия и уважения в организации.

В целом же, отметив условную «гуманистичность» данных теорий, сделаем вывод о том, что это был все-таки шаг вперед по сравнению с предшественниками. Более того: нам еще придется вернуться к гуманистическим трактовкам лидерства, но несколько позднее.

Теории обмена

Представители данной теории (Дж.С. Хоманс, Дж.С. Марч, Х.А. Саймон, Х.Х. Келлиидр.) исходили и до сих пор исходят из того, что общественные отношения представляют собой форму особого обмена, в ходе которого члены группы вносят определенный вклад и получают некий «доход». Взаимодействие продолжается до тех пор, пока все участники находят такой обмен взаимовыгодным. Т.О. Джакобс сформулировал свой вариант теории обмена следующим образом: группа предоставляет лидеру статус и уважение в обмен на его необычные способности достижения цели. Процесс обмена сложно организован, он включает многочисленные системы «кредитования» и сложные «выплаты».

Данная группа теорий, будучи супер-рационалистичной, отражает, безусловно, лишь одну из сторон феномена лидерства. Однако ее влияние в современной политической психологии значительно, как и, шире, влияние рациональной психологии вообще. Обобщенно говоря, вся история изучения феномена лидерства привела к тому, что воцарились два суперподхода: рационалистический и гуманистический. Последний опирается на углубленный анализ лично-стно-психологических корней данного феномена.

Мотивационные теории

Согласно В.Ф. Стоуну[87], мотив — это своеобразная выученная «навязчивая идея», основанная на внутренней потребности компетентно обращаться с окружающей средой. Независимо от первоначальной потребности (власть, престиж,

---

[87] *Stone W.F.* The psychology of politics.— N. Y., 1974.— С. 213—220.

самовыражение), мотивация зависит от осознаваемых человеком возможностей. Естественно, слишком сильная мотивация может исказить восприятие. Например, слишком сильно мотивированный кандидат, объективно имеющий мало шансов на успех, может быть слепо уверен в своей победе. Однако, чаще всего индивид выставляет свою кандидатуру, когда осознает, что у него есть вероятность победить, достаточно навыков и серьезная поддержка. Как заметил Д. Шлезингер, «амбиции часто развиваются в специфической ситуации как ответная реакция на возможности, открывающиеся политику»[88]. «Теория амбиций» предполагает рациональную оценку ситуации. Дж. Штерн предложил следующую формулу мотивации:

МОТИВАЦИЯ = *f* (МОТИВ х ОЖИДАНИЕ х СТИМУЛ)

Это означает, что амбиции кандидата представляют собой функцию его личных мотивов (власть, успех, уважение), его ожиданий относительно занятия должности и «ценности приза». Ожидания индивида определяются его отношением к политической системе, будущим возможностям как политика, оценкой собственных способностей и вероятной поддержкой. Другими словами, будущие престиж, власть и зарплата определяют амбиции политика.

Мотивация же, по Дж. Аткинсону, подразделяется на два типа: с одной стороны, мотивация успеха (Му), с другой же — мотивация избегания неудачи (Мн). Используя язык формул, можно записать:

Му = f (Му х Оу х Су)
Мн = f (Мн х Он х Сн)

То есть, уровень удовлетворения в случае успеха и степень унижения в случае поражения зависят от субъективных ожиданий индивида относительно возможных последствий как того, так и другого. В случае, если в мотивационной модели индивида **Мн** превышает **Му**, индивид выбирает либо ситуацию со стопроцентным успехом, либо очень рискованные предприятия (для легкого оправдания своего провала). Если **Мн** равна **Му**, то результативная мотивация равна нулю, она практически отсутствует. И, наконец, чем больше **Му** по сравнению с **Мн**, тем выше субъективная вероятность успеха, так как относительная сила мотивации влияет на эту вероятность и смещает ее вверх. Беспокойство относительно провала тем сильнее, чем дальше возможность успеха от границы 50:50.

Итак, для лидерства важен мотив плюс возможность его реализации, так как мотив без такой возможности равен движению без направления. Известный сторонник гуманистической психологии А.М. Маслоу[89] в своей теории иерархических потребностей писал, что корни лидерства возникают в процессе трансформации человеческих желаний (мотивы, исходящие из чувств) в потребности, социальные стремления, коллективные ожидания и политические требования, т.е. в мотивы, зависящие от среды. В иерархии потребностей на низшем уровне находятся физиологические потребности, выше — обеспечение безопасности, потом — аффективные потребности. Фрустрация низших потребностей увеличивает мотивацию для их удовлетворения. Задача лидерства —предотвращение

---

[88] *Stone W.F.* Ibid. — P. 217.
[89] Мы даем теорию А. Маслоу в изложении Д.М. Бернса — см. *Burns J.M.* Leadership. — N. Y., 1978.— P. 61—118.

фрустрации, апатии, неврозов и других форм «общественных расстройств» через трансформацию потребностей граждан в социально-продуктивном направлении. Лидеры как бы конвертируют надежды и стремления в санкционированные ожидания. Цепочка контролируемого лидером состояния ведомых такова: желания и потребности → надежды и ожидания → требования. Затем — политические действия.

Что касается самого лидера, то А. Маслоу различал два типа властных потребностей: а) потребность в силе, достижениях, автономности и свободе, и б) потребность в доминировании, репутации, престиже, успехе, статусе и т. д. Большинство исследователей придерживается мнения, что стремление удовлетворить одну потребность — в доминировании — является основным властным мотивом. Д.М. Бернс считает, что главный элемент политических амбиций — потребность в уважении (одновременно, в высокой самооценке и высокой оценке других). Все «великие люди» демонстрировали наличие этой потребности. Наглядным примером является лидер с ущербной самооценкой (В. Вильсон, по 3. Фрейду). По мнению Д.М. Бернса, стремление к уважению — это не патология, а лишь повышенная потребность в самоактуализации. Самоактуализаторы — это и есть потенциальные лидеры.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ: ОБЩИЕ ТИПОЛОГИИ И ТИПЫ ЛИДЕРСТвА

В современной науке существует множество попыток выделить какие-то типы и построить какие-либо типологии лидерства. Вначале кратко рассмотрим основные типологии первой половины XX века, так как именно они заложили основу для современных классификаций как лидеров, так и стилей лидерства, так и всего феномена лидерства в целом[90], а потом остановимся на политико-психологических типологиях.

Одним из первых Е.С. Богардус выделил следующие типы:

1) автократический (в сильной организации),
2) демократический (представитель интересов группы),
3) исполнительный (в состоянии выполнить какую-либо работу),
4) рефлексивно-интеллектуальный (неспособный руководить большой группой).

Чуть позже, Ф.С. Бартлетт классифицировал лидеров несколько по-другому:

1) институциональный тип (лидер вследствие престижа занимаемой позиции),
2) доминирующий (получает и сохраняет свою позицию с помощью силы и влияния),
3) убеждающий (оказывает влияние на настроения подчиненных и побуждает их к действиям).

Затем С.С. Кичело выделил особый тип «лидера без офиса» и назвал его «пророком». Пророки выходят на авансцену истории в смутные времена и, вызывая поддержку ведомых, становятся символами инициированного ими самими движения.

Ф. Редл считал, что институциональные и эмоциональные групповые процессы могут происходить только вокруг девяти типов личностей. В его терминологии, это «патриарх», «лидер», «тиран», «объект любви», «объект агрессии»,

---

[90] См.: *Stogdill R.* Handbook of leadership. — Ch. 4.

«организатор», «искуситель», «герой» и «пример для подражания» (причем как позитивный, так и негативный).

Дж.В. Гетцель и Е.Г. Губа подразделяли:

1) «законодательное (nomothetic) лидерство», когда роли и ожидания определяют нормативные измерения деятельности в общественных системах,
2) «идеографическое лидерство», при котором потребности и предрасположенности индивидов определяют личностные измерения групповой деятельности;
3) «синтетическое лидерство», примиряющее конфликтующие стороны.

В. Белл, Р.Дж. Хилл и С.В. Миллз рассматривали следующие типы лидеров:

1) «формальный» (на официальных постах);
2) «известный» (считается влиятельным в обществе);
3) «влиятельный» (реально оказывающий влияние);
4) «общественный» (активно участвующий в самодеятельных организациях).

М. Конвей наблюдал лидеров толпы и выделил три лидерские роли.[91] Во-первых, это вожак (стремящийся «пасти» толпу, находящуюся в гипнотическом экстазе, и вести ее за собой по избранной им дороге — например, Наполеон). Во-вторых, представитель толпы (выражает известные устоявшиеся «правильные» мнения народа — например, Т. Рузвельт). В-третьих, толкователь мнений (стремится артикулировать то, что смутно чувствует толпа, ее скрытые страхи и переживания).

Конечно же, нельзя забывать и типологию политических лидеров М. Вебера. Поскольку она наиболее известна, остановимся лишь на трех выделявшихся им идеальных типах лидерской легитимности[92]:

а) *легальная легитимность*, имеющая под собой рациональную основу, проявляющуюся в вере в легальность нормативных правил и в право лидера, получившего свое место при этих правилах. При такой легитимности подчинение является следствием легально установленного обезличенного порядка и не выходит за формальные рамки власти организации. Это власть поста, «кресла», которое занимает человек. Это «бюрократический» тип и, соответственно, стиль лидерства. Люди подчиняются бюрократу потому, что чувствуют себя бессильными перед огромным числом атрибутов власти, которыми он окружает себя;

б) *традиционная легитимность*, основа которой предполагает укоренившуюся веру в святость древних традиций и легитимность статуса правителей. Подчинение в этом случае является проявлением личной преданности и определяется рамками привычных обязанностей. Это «традиционный» тип и, соответственно, стиль лидерства. Это власть монарха, получающего ее по традиции, как бы автоматически, независимо от собственных качеств и проводимой им политики;

в) *харизматическая легитимность*, аффективная основа которой ведет к специфической преданности и исключительной святости, героизму и образцовому характеру индивида, нормативным образцам и отстаиваемому им порядку. «Харизма» — это тот стяг, знамя, хоругвь, которую несет в руках человек, воз-

---

[91] *Dovies A.F.* Skills, outlooks and passions: a psychoanalytic contribution to the study of politics. — Cambridge, 1980.

[92] См.: *Weber M.* A theory of social and economic organization.- N. Y., 1947.- Part III.

главляющий какое-то массовое шествие людей. Подчинение лидеру основывается на личном доверии и определяется рамками представления индивида о харизме. Подчиняясь, люди идут не столько за человеком, сколько за харизмой, которая осеняет его своим влиянием и авторитетом. Власть харизматического лидера — это власть символа и, одновременно, того момента, когда этот символ поднят над толпой. Это власть человека яркого, как то же самое знамя, но такая яркость идет не столько от человека, сколько от идущих за ним масс, наделяющих своей любовью и его, и несомое им знамя. Такая власть фанатична, но ситуативна: изменится ситуация, наступит иной момент, и такой лидер может быстро поблекнуть, утратить свое влияние.

Обычно принято выделять две главные составляющие харизмы.[93] Во-первых, это удаленность от подчиненных (влияние возрастает пропорционально дистанции). Во-вторых, наличие чего-то необычного, что порождает эмоциональное возбуждение последователей. Подчеркнем, что к такому лидеру нет равнодушных: его или любят или ненавидят. Со времен М.Вебера, разделяются три варианта харизмы[94]:

1) харизма как символическое решение внутренних проблем;
2) как защита от чужой власти через агрессию;
3) как приписывание лидеру атрибутов, способствующих удовлетворению своих интересов.

Таким образом, из приведенного краткого обзора видно: в первой половине XX века типологии классифицировали лидеров одновременно как по выполняемой функции (представитель, исполнитель), так и по стилю лидерства (доминирующий — демократический). Более современные теории, в основном, изучают авторитарный и демократический стили, чаще называя их по-другому: «ориентированный на задачу» и «ориентированный наличность».

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПОЛОГИИ

Психопатологическая типология Г. Лассуэлла

Согласно данной типологии, в зависимости от функции, которую выполняет или стремится выполнять тот или иной политический тип, различаются такие типы как «агитатор», «администратор» и «теоретик», а также их различные комбинации. Г. Лассуэлл рассматривал направление движения бессознательных факторов в критических ситуациях развития карьеры каждого из этих типов, а также их роль в становлении определенных политических типов.

Так, основная функция «агитаторов»[95] — распространение своей агитации и общение с гражданами. Они ценят риторику, вербальные формулы, жесты и частое, ритуализированное повторение принципов. Они живут ради того, чтобы быть замеченными, чтобы Провоцировать и унижать оппонентов, а чисто администраторские функции вызывают у них фрустрацию, Это недисциплинированные и часто сварливые политики с ярко выраженным энтузиазмом, которые возбуждают публику призывами, многократными заклинаниями и, подчас, даже бранью. Для них имеет ценность эмоциональный отклик аудитории.

С психоаналитической точки зрения, считал Г. Лассуэлл, такие «агитаторы» являются выраженными нарциссами (хотя их нарциссизм примитивен), их

---

93 *Schiffer I.* The projected image. // Cultivating leaderships: an approach. – W., 1981. – P. 32-60.
94 *Katz D.* Handbook of political science. — C. 203—233.
95 См.: *Lassweii H.D.* Psychopathology and politics. N. Y. I960. - Ch. IV.

либидо оборачивается на собственное Я и Я-подобные объекты, что ведет к появлению гомосексуальных наклонностей, которые проецируются на абстрактные объекты. В прошлом это — образцовые дети, застенчиво подавлявшие негативные эмоции. Однако такой «репрессированный садизм», не находя выхода в близком окружении, переносился на общество. Жажда самовыражения в устной либо письменной форме (отсюда одна из классификаций «агитаторов»: «ораторы» — «плагиаторы») представляет собой способ удовлетворения внутренних эмоциональных потребностей. Так, «ораторы» обычно отличаются подавлением негативных эмоций и частым плутовством в детстве.

«Администраторы», в отличие от «агитаторов», проектируют свои аффекты на менее отдаленные и абстрактные объекты и фокусируют внимание на манипуляции определенной группой, демонстрируя беспристрастный безличностный интерес к задачам организации. Им чужды абстракции, так как они не нуждались в них ранее, для разрешения своих эмоциональных проблем. Их нельзя назвать безаффектными, они просто более хладнокровны и аффективно сбалансированы.

Г. Лассуэлл выделял два подтипа «администраторов». Первый подтип характеризуется выраженной энергией и воображением, что внешне приближает его к агитаторам. Однако в центре его внимания находятся определенные индивиды, они переносят свои аффекты на менее общие объекты и не стремятся «вывести из себя» большое количество граждан. Они привязаны к своему окружению и пытаются координировать его действия. Неспособность к достижению абстрактных объектов является следствием чрезмерной занятости конкретными индивидами в кругу семьи и трудностями в определении там роли своего «Я». Второй подтип представляет собой чрезмерно щепетильного и «совестливого» лидера, чья любовь к рутине и деталям, страсть к точности, одновременно, сохраняют целостность и развивают отчуждение окружения. «Администраторы» этого типа не имели серьезных потрясений в ходе развития личности, не имели сверх-репрессированных эмоций, так как либо сублимировали их, либо выражали их в кругу семьи. Их щепетильность — не что иное, как попытка продемонстрировать свою силу.

«Теоретиков» (экспертов и идеологов) привлекают отдаленные и высоко рационализированные цели. В отличие от «агитатора», избирающего для атаки близкие цели, «теоретики» стремятся к абстракции и грандиозности. Рассмотрение различных идей часто является для «теоретиков» самоцелью, что несколько отдаляет их от ведомых. «Теоретику» абстракции необходимы для разрешения собственных эмоциональных проблем. В отличие от «администраторов», теоретики страдают при отсутствии аффектов, так как пережили много фрустраций в процессе своего развития. Интеллектуализация — ответ теоретиков на собственные когда-то нерешенные эмоциональные проблемы.

Согласно Г. Лассуэллу, на политическое развитие оказывает влияние характер политика. Он выделял два основных типа:[96] «принудительный» и «драматизирующий», а также подтип — «беспристрастный». Для индивида с «принудительным» характером свойственны жесткие отношения, однообразие, монотонность самопрезентации, десубъективизация ситуации, отрицание новизны и другие качества «бюрократа»-администратора. «Драматизирующий» характер, с его склонностями к самолюбованию, провокациям, флирту и т. п. (в ход идут любые средства для завоевания других) представляет собой полную противоположность «принудительному» характеру и является основой для развития «аги-

[96] *Lasswell H.D.* Power and personality. — N. Y., 1948, — P. 61-62, 88-93.

татора» как политического типа. Индивиды с «беспристрастным» характером, отличающиеся отсутствием ярких эмоциональных состояний, могут превратиться, по Г. Лассуэллу, как в прекрасных судей, дипломатов и т. д., так и, к сожалению, в отъявленных негодяев.

Типология политических типов Д. Рисмана

Д. Рисман различал три типа обществ и, соответственно, три типа социальных характеров — по его мнению, характер определяется обществом.[97] Трем социальным характерам соответствуют три типа политических личностей. Традиционной направленности общества соответствует «безразличный тип» — человек, у которого либо нет никакого отношения к политике, либо его низкая мобильность, отсутствие ориентации, или что-то еще заставляет остерегаться политики как таковой. Типичный взгляд «безразличных»: политикой должен заниматься кто-то другой. Они не стремятся к власти, не чувствуют личной ответственности за политику и редко переживают ощущение вины или фрустрации из-за политики. Эти люди сохранили иммунитет, своего рода девственность в политике.

«Морализатор» («вовнутрь-направленный характер») — лидер, нарушающий общепринятые правила подавления эмоций. Его поведение характеризуется сильными аффектами и низкой компетенцией. Это или идеалист со склонностью к самосовершенствованию, стремящийся к совершенству и людей, и институтов, или же пессимист, направленный не на достижение лучшего, но на предотвращение худшего. Д. Рисман различал два типа «морализаторов»: «негодующих» и «энтузиастов». В обоих случаях политические эмоции перевешивают политический ум, однако эмоции «негодующего» намного мрачнее «энтузиаста». Чрезмерный энтузиазм «морализатора» препятствует эффективной работе, а слишком сильные эмоции — правильному восприятию ситуации, что приводит к зашоренному («тоннельному») видению мира.

«Внутренний наблюдатель» finside-dopester, «направленный на других») — либо неэмоциональный, либо контролирующий свои эмоции человек, использующий политику для развлечения и выгоды. Его не интересуют определенные вопросы и цели. Он больше занят манипулированием других. Типичная для него точка зрения: «если я ничего не могу сделать для изменения политики, мне остается только понимать ее». Это реалист, который стремится быть «внутри политики» и, раз он не может изменить политиков, он манипулирует ими. При этом он старается быть похожим на них, так как не хочет, чтобы его принимали за плохо информированного политического изгоя.

Три описанных выше социальных характера и соответствующие политические типы являются так называемыми «приспособленными» типами. Это — «нормальные» типы, чей характер приспосабливается к социальным требованиям, то есть, характер и общество находятся в гармонии. Однако, существуют и отклонения характера (но не поведения) от социальных требований. Во-первых, это «анемический» (плохо приспособленный) характер и, во-вторых, «автономный» характер. «Автономный человек» свободен сам выбирать свои политические предпочтения, так как его сознание не детерминировано ничьими взглядами и не определяется культурой. Такие люди могут подчиняться нормам поведения в обществе (как и «аномичные» типы), однако свободны в решении о не-

---

[97] *Riesman D.* The lonely crowd: a study in the changing american character. — New Haven, 1950.— Ch. 1.

обходимости такого подчинения.[98] Согласно Д. Рисману, «автономный характер» — идеал, который, к сожалению, практически недостижим.

Теория «макиавеллистской личности»

По аналогии с F-шкалой авторитарной личности, созданной Т. Адорно, Р. Кристи и Ф. Гайс[99] построили М-шкалу Макиавеллистской личности (личности человека-манипулятора), модель которой была основана на идеях, высказывавшихся еще Н. Макиавелли. В результате конкретных исследований, были выделены два типа личности: с низким Мак-коэффициентом и с высоким (причем коэффициент не зависит от IQ) Мак-коэффициентом[100].

«Высокий Мак»: «синдром хладнокровия» — сопротивление социальному влиянию, ориентация на понимание, инициирование новых структур и контроль над ними.

«Низкий Мак»: «чрезмерная доверчивость» — восприимчивость к социальному влиянию, ориентация на личность, принятие и следование структуре.

Эксперименты показали, что при непосредственном общении «низкие Маки» очень эмоциональны и быстро увлекаются, тогда как «высокие Маки» сохраняют спокойствие и собранность. «Высокие Маки» эффективнее в ситуациях, требующих когнитивной импровизации, в то время как «низкие Маки» — в ситуациях с четко определенными правилами игры. В обобщенном виде можно так охарактеризовать людей с высоким Мак-коэффициентом: спокойствие и отсутствие эмоциональности, ориентация на цель, стремление достигать цели в конкурентной борьбе с другими, холодная рациональность и инициатива. Эмоции окружающих, собственные желания, давление со стороны оставляют «высокого Мака» невозмутимым. Черты личности «высокого Мака» определяются внутренним психологическим процессом; фо-кусированием на точных когнитивных характеристиках ситуации и концентрацией действий на победе. Люди с низким Мак-коэффициентом имеют следующие характеристики: персонализация каждой ситуации, ориентация на индивида, а не на абстрактные цели, частое вмешательство эмоций в рациональную оценку ситуации, зависимость от этих эмоций и от давления со стороны.

В итоге, понятно, что именно «высокие Маки» обычно и являются лидерами. Они в состоянии убедить последователей и направить их действия в русло, нужное для достижения поставленных ими целей.

Типология президентов Дж. Д. Барбера

Дж. Д. Барбер в нашумевшей книге «Президентский характер» на основе исторических и биографических материалов рассматривал психологическую структуру личности американских президентов. Получалось, что личность президента состоит из трех основных элементов:[101] стиль (привычный способ исполнения политических ролей), взгляд на мир (первичные политически релевантные верования, концепция социальной причинности, человеческой природы и основного нравственного конфликта — призма, через которую президент видит мир) и характер (жизненная ориентация). Однако на личность президента влияют как минимум два аспекта политической ситуации: властные отношения (система власти) и так называемый «климат ожиданий» (основные нужды и тре-

---

[98] Riesman *D.* Ibid. — P. 285—306.
[99] Christie R., Geis F. Machiavellianism. — N. Y. — L., 1970.
[100] Ibid. — P. 285.
[101] *Barber J.D.* The Presidential character. - N. J., 1972. – P. 5-11.

бования граждан, обращенные к президенту). Дж.Д. Барбер выделял три типа ожиданий: во-первых, люди нуждаются в уверенности, что все будет хорошо, и президент обо всем позаботится; во-вторых, людям нужно ощущение прогресса и динамики и, в-третьих, им необходима президентская легитимность.

Взяв за основу своей теории понятия стиль, взгляд на мир, характер, властные отношения и климат ожиданий, Дж.Д. Барбер различал два измерения: а) активность-пассивность, и б) позитивность-негативность. Что касается активности, то это ответ на вопрос, сколько энергии тратит президент на своем посту (например, Л. Джонсон был похож на человеческий циклон, который, казалось, никогда не отдыхал, а К. Кулидж, наоборот, спал по 11 часов в сутки). Второе измерение относится к отношению и чувствам президента по отношению к политической жизни, его личному удовлетворению. Соединение критериев по этим измерениям дает четыре типа президентского характера:

	Активный	Пассивный
позитивный	Цель: достижение результата (T. Jefferson, F.D. Roosevelt, H.S. Truman, J.F. Kennedy)	Цель: получение любви окружающих (J. Madison. W. Taft, W.G. Hardine)
негативный	Цель: получение и удержание власти (J.Adams, W. Wilson, H. Hoover, L.B. Johnson, R.M. Nixon)	Цель: подчеркивание своей Гражданской доблести (G. Washington, C. Coolidge, D.D. Eisenhower)

Остановимся подробнее на типах президентского характера:

1) *активный-позитивный* тип отличается не только большой активностью, но и личным удовлетворением, отражая относительно высокую самооценку и успех в отношениях с окружающей действительностью. Этот тип демонстрирует ориентацию на продуктивность как ценность и способность адаптировать свой стиль под «играющую музыку». Он видит себя в развитии для достижения определенных целей — то есть, тянется к своему имиджу. Он — рационалист, поэтому часто не дооценивает иррациональное в политике;
2) *активный-негативный* тип характеризуется противоречием между интенсивными попытками и относительно низким эмоциональным вознаграждением за них. Создается впечатление, что человек бежит от тревожности и пытается заменить ее тяжелей работой. Он кажется амбициозным и стремящимся к власти. Он агрессивен по отношению к окружающей действительности, и ему трудно подавлять свои агрессивные чувства. Его Я-имидж неопределенен и непоследователен;
3) *пассивный-позитивный* тип— послушный, направленный вовне характер, всю жизнь занятый поиском любви в качестве награды за соглашательство и кооперацию. Присутствует противоречие между низкой самооценкой и кажущийся оптимизм. Такой тип помогает смягчить остроту политики, но хрупкость его надежд и зависимость от поддержки окружающих нередко ведут его к разочарованию в политике;
4) *пассивный-негативный* тип не отличается ни деятельностью, ни наслаждением ею. Чувство долга компенсирует низкую самооценку и ведет его в политику. Такой тип может быть хорошо адаптирован к различ-

ным неполитическим ролям, но у него нет ни гибкости, ни опыта для эффективного политического лидерства. Ему свойственна тенденция к уходу, бегству от конфликтов и неопределенностей.

Типология Д.М. Бернса

Д.М. Бернс в качестве критерия своей типологии лидерства брал взаимоотношения лидеров и ведомых, то есть, людей с различным властным потенциалом и разной мотивацией. Он различал два типа такого взаимодействия и, соответственно, два типа лидерства: «трансформационное» и «трансдейственное».

«Трансформационное лидерство»[102] имеет место в случае, когда индивиды в процессе взаимодействия как бы поднимают друг друга на более высокий мотивационный уровень, что отражается как в поведении, так и в этических ожиданиях и лидера, и ведомых. Это — динамичное лидерство, в ходе которого лидер формирует мотивы, ценности и цели ведомых. Они же, в свою очередь, начинают действовать активнее и эффективнее. Лидеры выполняют образовательную функцию, формируя и изменяя мотивы, ценности и цели подчиненных. Процесс такого «трансформационного лидерства» предполагает, что, независимо от возможного первоначального различия интересов, индивиды реально или потенциально объединяются для достижения некой высшей цели, реализация которой требует серьезного изменения и интересов, и поведения как лидера, так и ведомых.

Д.М. Берне различал следующие виды трансформационного лидерства:

а) *интеллектуальное* — своеобразный аналитико-нормативный ответ на насущные нужды общества. Это лидерство может генерироваться только внутри общества, катализатором же, который конвертирует обобщенные нужды в специфические интеллектуальные идеалы, является конфликт (примеры: Робеспьер, Дж. Мэдисон, В. Вильсон, Ф.Д. Рузвельт);

б) *реформаторское* — лидерство одновременно «трансдейственное» по процессу и результату (об этом дальше) и «трансформационное» по духу. Это достаточно неблагодарное лидерство, так как типичные реформаторы, в целом, обычно принимают существующие социально-политические структуры и отталкиваются от них, что ведет к компромиссному и инерционному реформированию уже существующих институтов. В конечном итоге, в принципе, «коренные изменения совершаются политиками, чьи политические амбиции преграждаются реформами»;

в) революционное: не будем описывать общеизвестные функции и цели лидеров-революционеров. Остановимся на политико-психологических характеристиках лидерства такого типа. Это абсолютная преданность делу, сильное чувство призвания, обращение к нуждам и ожиданиям масс, драматичный конфликт, идеал переустройства общества в лидерском варианте, «черно-белое» видение мира («вера в ангелов, дьяволов и Спасение») и т. д. Для революции необходим «пророк» а также институциональная поддержка и коллективное лидерство;

г) героическое = харизматическое по М. Веберу. Это лидерство отличается верой в личность лидера независимо от его качеств, опыта и конкретных взглядов. Для него типична уверенностью в способности лидера преодолевать препятствия и разрешать кризисы, готовность делегировать ему власть в кризисное время; прямая массовая поддержка (аплодисменты, письма и т. п.) и отсутствие конфликта между лидером и ведомыми. Люди проектируют свои эмоции, агрес-

---

[102] См.: *Burns J.M.* Leadership. — N. У., 1978. — Part 3.

сивность, страхи и надежды на социальный объект в поисках хотя бы символического разрешения своих проблем. Индивидам нужен лидер для идентификации с кем-либо более могущественным, чем они, а лидеру нужны ведомые для удовлетворения своих личных мотивов. Именно герои символизируют идеи и персонифицируют движения.

«Героическое лидерство» обычно возникает в кризисные времена, когда на фоне массового политико-психологического отчуждения и социальной атомизации перестают, распадаясь, функционировать институциональные механизмы разрешения конфликтов, власть теряет свою прежнюю легитимность, а прежние традиции резко ослабевают. Эта мысль Бернса аналогична уравнению, приведенному Д. Растоу[103]:

Л (легитимность) = традиционная Л + рациональная Л + харизматическая Л

Чтобы сумма осталась неизменной, уменьшение одного слагаемого должно компенсироваться возрастанием других: в кризисное время лидеру необходима повышенная харизматическая легитимность.

«Трансдейственное» лидерство возникает в случае, когда один человек проявляет инициативу в контактах с другими с целью обмена ценностями (экономическими, политическими, психологическими и т. д.). Такие отношения напоминают сделку и прекращаются после достижения сторонами необходимых целей, так как лидера и ведомых в таких случаях не объединяют никакие более высокие идеалы[104].

Д.М. Берне рассматривал несколько типов подобного лидерства:

а) *лидерство мнений,* целями которого являются мобилизация мнений через обращение к желаниям и потребностям граждан, агрегация этих мнений и их выражение на выборах;

б) групповое лидерство, осуществляющееся одновременно в интересах и лидера, и группы. В этих случаях лидер помогает группе так осознать свои потребности, формирует ожидания и формулирует требования, что становится лидером даже не конкретной малой группы, а целой группы интересов;

в) *партийное лидерство,* при котором лидер стремится мобилизовать определенные социальные, экономические и психологические ресурсы для удовлетворения требований своих ведомых. Такое лидерство является «трансдейственным», но в нем заложен и серьезный «трансформационный» потенциал;

г) законодательное лидерство, которое выполняет функции своеобразного мониторинга, «инициативы трансдействий», разрешения противоречий и как бы сортировки политического «дебета» и «кредита». Д.М. Берне выделяет следующие роли «законодательного типа лидера» (естественно, что это — «чистые» роли, и каждый политик может исполнять несколько таких ролей одновременно):

• идеолог — выступает за доктрины, которые могут быть широко поддержаны в конкретном, определенном округе, или же каким-либо конкретным меньшинством электората;

• трибун — рассматривает себя в качестве представителя жителей своего округа, или же всего населения, и «связующего звена» между правительственными действиями и ожиданиями граждан. «Трибуны» считают себя знатоками и защитниками общественных интересов, нужд и требований;

• *карьерист* — рассматривает свою карьеру в законодательном органе как самоценность и как ступеньку к более высокому посту;

---

[103] *Rtistow D.* A world of nations. — W., 1981. - P.157—158.
[104] См.: *Burns J.M.* Leadership. — Part IV.

• парламентарий — выполняет одну или сразу обе следующие роли: а) специалист (эксперт в области парламентских процедур) и б) институционалист (стремящийся к сохранению парламентского института в целом);

• *брокер* — считает, что он играет «необходимую роль посредника» между антагонистическими законодателями, балансируя интересы всех сторон, усмиряя конфликт и создавая «законодательное единство»;

• *верноподданный* — доверенное лицо сильной партии;

• *генерализаторы (стратеги)* — работают над широкой программой, обычно партийной;

• *специалисты по политике* —- концентрируют свое внимание обычно на одной проблеме;

д) *исполнительное лидерство* — выделяется в самостоятельный тип, так как не имеет надежной политической и институциональной поддержки, а зависит, в основном, от личности лидера (его таланта, характера, престижа) и бюрократических ресурсов (кадры и бюджет). Если партийные лидеры могут мобилизовать широкую политическую поддержку и активизировать политические настроения в пользу партии, то парламентские лидеры могут опираться на парламент и свои округа, а в арсенале инструментов исполнительных лидеров — обращение к общественному мнению при невозможности его формирования, активизации и направления в нужное русло. Исполнительное лидерство необходимо в кризисных ситуациях, так как оно наиболее эффективно при достижении краткосрочных и конкретных целей.

Отечественные типологии политического лидерства

Их немного, однако в последнее время появилась тенденция к увеличению.

Умозрительные попытки

Так, основываясь на анализе современной политико-психологической реальности России, исследователи из Петербурга описывают личности политических лидеров, используя медико-психологические и психиатрические термины.[105] При этом они оговаривают, что речь идет не о «психологических отклонениях», а о своеобразных проявлениях индивидуального политического стиля в экстремальных ситуациях. Называются пять параметров, определяющих стиль политического деятеля. Первый: проявления темперамента, черт характера, своеобразия поведенческих реакций и т. п. Второй: когнитивные процессы (способы принятия решений, работы с информацией, особенности мышления). Третий: подход к управлению. Имеется в виду, что политический лидер всегда представляет себя и как руководитель. Четвертый: личная модель собственного политического лидерства. Пятый: лидер как публичная персона (общение с избирателями и с публикой вообще). Делается вывод о том, что политический стиль и есть совокупность характерных проявлений каждого из этих параметров. Выделяются пять основных таких стилей.

Параноидальный стиль

В личностном профиле такого лидера подозрительность, недоверие к другим, сверхчувствительность к скрытым угрозам и мотивам, нередко непредсказуемость, стремление к контролю над другими — либо открыто, либо путем скрытых манипуляций. Лучшие определения для деятеля такого типа —

[105] *Коблянская Е., Лабковская Е.* Поведение политиков предсказать можно. // Независимая газета. — 1993. — 31 марта.

«Хозяин», «Властелин», «Сталин». На когнитивном уровне это отрицание идей, не соответствующих собственным, изоляция от информации, не подтверждающей собственные установки и убеждения; политическое мышление, устроенное по принципу «или мы— или они». Как управленец, такой лидер создает напряженность среди подчиненных. В общении с другими политиками он — манипулятор, «коварный Макиавелли». Подобный стиль часто сопровождается стремлением подавить или унизить других политиков. Это как бы самоцель, безотносительно к стратегии и тактике решения политических задач. Не нужно думать, что такой стиль может быть присущ только тем, кто находится на самой вершине власти. Это может быть и оппозиция — самая неуступчивая, не воспринимающая никаких аргументов, сколачивающая группы или сбивающаяся в группки, чтобы непременно «дружить против кого-то». Существует реальная опасность, что в экстремальной ситуации такой лидер имеет искаженную картину мира, в том числе искаженное подозрениями видение политической ситуации. Подобный стиль может охватывать значительные массы: он заразителен.

Демонстративный стиль

Образное обозначение личностного профиля — «Артист». Склонен к самодраматизации (демонстративности), постоянно охвачен страстным желанием привлекать к себе внимание. Самооценка зависима от того, насколько он нравится другим, желанен, любим, принимаем другими. Свойственная ему внушаемость делает его достаточно управляемым: он может оказаться в плену «случайных» обстоятельств. Вовремя подброшенная похвала или, наоборот, неодобрение делают Артиста уязвимым: он часто теряет бдительность в первом случае или самообладание — во втором. В результате, становится практически невозможным последовательное проведение с его помощью сколько-нибудь определенной политической (в частности, партийной) линии. Сиюминутность мотивации поступков (желание получить одобрение, признание, уважение «здесь и сейчас», любой ценой) подчас вынуждает его приносить в жертву не только общественные, но и свои собственные, не только абстрактно-политические, но и даже откровенно личные карьеристские интересы.

Когнитивные особенности Артиста не подходят для конструктивной законотворческой деятельности. Депутаты такого типа, например, с большим трудом концентрируются на деталях и фактах, им сложно фокусировать внимание на конкретных проблемах. В общении с другими политическими деятелями, они проявляют себя как «политиканы» и «торговцы». Именно им часто поручается «красным словцом» расправиться с «родным отцом». Соратники должны помнить, что при развороте Артиста на 180 политических градусов (при сиюминутной потребности или перемене глобальной ориентации) их тоже не минует чаша сия. Яркий пример — В.В. Жириновский.

Компульсивный стиль

В личностном профиле — почти навязчивое (компульсивное) стремление все сделать наилучшим образом (так называемый «синдром отличника»}, независимо от наличия времени и поставленных задач. Отсюда — недостаток легкости, раскрепощенности, гибкости в поведении. «Отличник» не способен к спонтанным действиям, он с трудом расслабляется. При знакомстве с когнитивными характеристиками этого стиля становятся более узнаваемы и понятны многие конфликтные ситуации, возникающие в коридорах нынешней власти. «Отличник» чрезмерно озабочен деталями, он мелочен, скрупулезен, догматически подходит к инструкциям и параграфам. Но это вовсе не обязательно зарвавший-

ся, косный бюрократ. Это может быть честный человек — скажем, принципиальный политик, трудолюбивый чиновник, находящийся во власти своих мыслительных особенностей. Опасности такого политического стиля, изъяны, не столь заметные в повседневной (даже политической) деятельности, особенно ярко проявляются в экстремальных ситуациях с постоянно меняющимися условиями деятельности. «Отличники» в таких ситуациях испытывают дискомфорт: любые отклонения от тщательно спланированной деятельности для них болезненны, совершение ошибки или страх не справиться с чем-то наилучшим образом могут вызвать сомнения, панику, депрессию. Они неуклонно придерживаются однажды сформулированных принципов. Зачастую, в порядке психологической самозащиты, они образуют «когорту несгибаемых», неспособных «поступаться принципами» или хотя бы пойти на мелкие уступки в формулировке, на компромисс в отношениях с политическим противником. Такие полити ки — надежда и опора ведущих лидеров в жестокой политической схватке. Однако и они могут (из «лучших побуждений») внезапно резко менять курс. И тогда — нет яростнее католика, чем бывший протестант.

Депрессивный стиль

Политик *депрессивного* стиля чаще ищет, к кому бы присоединитъся, чтобы быть гарантированным от неудач и получить помощь. Он (назовем его «Сподвижник») восхищается другими лидерами, часто идеализирует отдельных людей и политические движения. Сподвижники могут быть крайне консервативны и неактивны. Как правило, они плетутся в хвосте событий. Их суждения и прогнозы крайне пессимистичны: сегодня «развалится команда», завтра «рухнет экономика», а послезавтра «начнется гражданская война». Отдадим, однако, должное: в условиях нынешней России они подчас недалеки от истины.

Шизоидный стиль

Шизоидный политический стиль в чем-то сходен с предыдущим, Но здесь самоустранение, уход от участия в конкретных событиях носят более отчетливый характер. У политиков такого стиля нет желания присоединяться к комулибо. Лучшее определение для личностного профиля этого стиля — «Одиночка». Такие политики занимают позицию как бы сторонних наблюдателей.

Эмпирические попытки

Другим примером классификации политических деятелей является исследование В.Ф. Петренко, О.В. Митиной, И.В. Шевчука.[106] Для классификации и оценки качеств политических деятелей выделяются три главных фактора. *Во-первых,* популярность (популярный — непопулярный). Фактор популярности включает ряд шкал: способность решать национальные проблемы и конфликты; честность; содействие консолидации общества; способность привести страну к благосостоянию; любовь народа; способность жертвовать своими интересами ради интересов общества; вероятность избрания на высокий пост. *Во-вторых,* фактор предпочтения свободного рынка или плановой экономики. Он включает шкалы: сторонник свободного рынка, сторонник демократических преобразований, позитивное отношение к религии, сторонник плановой экономики, став-

[106] См.: *Петренко В.Ф., Митина О.В., Шевчук И.В.* Социальное психологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана и построение семантического пространства политических партий. // Психологический журнал. — 1993. — Т. 14. — №1.

ленник мафиозных структур. *В-третьих,* фактор «сторонник политики сильной руки» — «националист».

Попытку описать различные типы политиков, используя терминологию «пограничных состояний личности», выраженных черт характера и индивидуальных особенностей (истерики, параноики, эгоисты, альтруисты и т. д.) делает М. Глобот, основывая свои описания на рассказах людей, профессионально занимающихся изучением политических персонажей и ситуаций и активно воздействующих на них.[107]

Известно, что в политику идут люди с ярко выраженными особенностями характера. Например, истерики-артисты (многие из них когда-то пытались играть в театре), *параноики* (Робеспьер, который отправил на гильотину половину своих соратников), и т. д.. Если параноидальные черты сочетаются с истерическими, получается особый тип, именуемый стерва. «Стерва в штанах» — это политик-интриган. С одной стороны, он очень настойчив и решителен, с другой — демонстративен и подвижен, быстро переходит от эмоционального спада к эмоциональному подъему. В то же время, он очень злопамятен и мстителен.

Еще один пример политико-психологической классификации основан на использовании теста цветовых предпочтений Люшера. На основе экспериментальных данных — ответов населения, политиков как бы «раскрашивают» в разные цвета. Синий — «тревожный». Для таких людей главное — надежность, безопасность, работа в команде. *Зеленый* — цвет безудержных честолюбцев, настойчивых, с хорошей эмоциональной памятью. Такому человеку стоит подумать, вспомнить о чем-то важном, и он как бы заново подзаряжается этой идеей. *Красный* — еще более ярко выраженная агрессивность. Желтый — оптимизм, фантазия, независимость. «Желтые» люди быстро остывают к любым привязанностям и начинают ими тяготиться. Необходимое условие для заняли политикой — честолюбие, страсть к самоутверждению. Они могут реализоваться двумя способами: либо через ощущение социальной полезности, либо через чувство превосходства над окружением и подавление других.

Согласно этой теории, в российскую политику в последнее время пришли в основном «зелено-желтые» и «зелено-красные» представители. Именно они осуществили демократические преобразования, хотя М. Горбачев — это своеобразный «парадокс в сине-красных разводах». Он стремился вписать свое имя в историю, но в моменты ответственности неизменно пасовал, в итоге запутался в компромиссах и так и не смог довести дело до конца. В отличие от него, Б. Ельцин как раз психологически был способен «додавить» до конца. Воздействовать на него было можно, но не напрямую, а проективно, подбрасывая заманчивые «пасы». Остальное делала его «зеленая» эмоциональная память.

По данным тех же исследований, общество реагирует на политиков по той же схеме. «Желтые» люди во время выборов рассуждают: «не пойду голосовать, вы сами по себе, я — сам по себе». «Синему» типу нужно хоть маленькое, но гарантированное благополучие. Отсюда ясно, скажем, что политики типа Е. Гайдара чужды «синему» менталитету, потому что предлагают шанс, связанный с риском.

Из предыдущих примеров видно, что большинство современных отечественных типологий строится на основании определенного практического материала, и не имеет в своей основе серьезных аналитических теоретических концепций. Среди немногих исключений — Ю.Б. Милованов, который разработал

---

[107] Глобот М. Люди, в общем, нормальные... // Утро России. — 1993.— 30 декабря.

оригинальную типологию, в основу которой положен философский и психологический анализ.

Лидерство и вождизм

Для начала, автор разводит понятия «лидер» и «вождь»: необходима их дифференциация, как обозначающих различные явления. Понятно, в частности, что политики развитых демократических государств, политики, действующие в условиях переходных режимов и лидеры оппозиции — это не одно и то же.[108]

Вождизм — тип властных отношений, основанный наличном господстве и личной преданности носителю верховной власти. Типичен для традиционных или квази-традиционных, идеологизированных, жестко централизованных, нединамичных, авторитарных и тоталитарных обществ. Характеризуется развитой системой неюридических регуляторов поведения и устойчивой закрепленностью социальных ролей. Отождествляет общество с государством и рассматривает его как средство реализации некой идеи, символом которой является вождь (от панисламизма до мирового коммунизма). Закон строится по разрешающему типу (запрещено все, что не разрешено вождем). Нормативы политического поведения создаются иерархией идеологических авторитетов, среди которых высший — вождь. Его власть безгранична и бесконтрольна. Для вождизма типичны иррациональные моменты восприятия политических отношений носителями обыденного сознания. Среди них — харизматизация и атрибутизация вождя, который наделяется необыкновенными способностями (например, знание будущего). После смерти вождь канонизируется, наследники действуют его именем. Внешние проявления вождизма — клиентелизм, непотизм, трайбализм (земляческие связи) как система власти. Политическая система функционирует как иерархия властных кланов-клик с отношениями «клиент — патрон».

Развивается в виде бесконтрольного, тотального господства за счет эксплуатации наиболее архаичных архетипов массового сознания. Его структура заполнена стереотипами, выполняющими регулятивные и идеологически-ориентирующие функции. Это обеспечивает устойчивость вождизма как политического строя — хотя преемники вождя могут часто меняться: помогает складывающийся при вожде мощный, причем сакрализованный и централизованный аппарат власти. Массовое сознание поддерживает вождизм. Опираясь на пиетет перед власть имущими, гражданский конформизм, политическую суперлояльность, отсутствие осознанной дифференциации политических интересов и согласие с жесткой регламентированностью частной жизни, индивидуальное сознание граждан находится в зачаточном состоянии. Это отличает его от лидерства, опирающегося на осознанные гражданами интересы.

При всей многочисленности интерпретаций термина «лидер» выявляются, как правило, два основных значения. Во-первых, это индивид, обладающий наиболее выраженными «полезными» с точки зрения группы качествами, благодаря которым его деятельность по удовлетворению интереса данного сообщества оказывается наиболее продуктивной. Такой лидер служит своеобразным эталоном, к которому должны стремиться другие. Его влияние основано на психологическом феномене отраженной субъективности, то есть, идеальной представленности в других членах группы.

Во-вторых, лидер — это лицо, за которым сообщество признает право на принятие решений, наиболее значимых с точки зрения группового интереса. Ав-

---

[108] *Милованов Ю.Е.* Лидер и вождь: опыт типологии. Россия — США: опыт политического развития.— Ростов-н/Д, 1992.— С. 169—182.

торитет этого лидера базируется на умении сплотить, объединить других для достижения общей цели. Такое лицо, независимо от стиля лидерства (авторитарного или демократического) регулирует взаимоотношения в группе, отстаивает ее ценности в межгрупповом общении, влияет на формирование общих ценностей (целей) и, в некоторых случаях, символизирует их.

В политической сфере обычно различают лидеров трех уровней.

1. *Лидер малой группы* лиц, имеющих общие интересы. Он обладает внутригрупповой властью в виде авторитета, который формируется на основе его личных качеств, оцениваемых группой непосредственно, в процессе их совместной деятельности. Различают «делового», «интеллектуального» лидеров и «лидера общения», Для первого характерны организаторские способности, предприимчивость, прагматизм. Авторитет второго опирается на умение решать сложные задачи, находить нестандартные решения, выполнять функции мозгового центра. «Лидеру общения» присущи психологическая комфортность, коммуникабельность, умение снимать напряженность внутри группы.
2. *Лидер общественного движения, организации, партии* — лицо, с которым конкретные социальные слои (группы) связывают возможность удовлетворения своих интересов (не обязательно адекватно сознаваемых). Он воздействует на общественное мнение как в силу своих личных качеств, так и благодаря тому, что поддерживающая его часть населения находится в состоянии ожидания. Последнее и есть проявление в массовом сознании потребности в лидере, которому часть населения авансирует определенную степень доверия и поддержки. Чем менее конкретизированы цели и задачи общественного движения, тем более значима деятельность лидера.
3. *Политический лидер* — лицо, действующее в системе властных отношений, в которой лидерство представлено в виде своеобразных социальных институтов (представительных органов, многопартийности, влиятельных общественных организаций), обеспечивающих защиту и баланс интересов различных социальных групп. Личностные характеристики, имеющие принципиальное значение в первом случае, существенное — во втором, на третьем уровне не оказывают решающего влияния на деятельность лидера, которая осуществляется в рамках внешних регуляторов, свойственных конкретной культуре.

Влияние лидеров второго и третьего уровней основано на связи их программы с настроениями, свойственными массовому сознанию. Специфику такой связи составляет использование лидером трех основных образов восприятия. *Во-первых,* образа-информации— имеющихся у субъекта знаний о власти в обществе (не обязательно истинных), о ее функциях, об интересах «своего» социального слоя. Чем меньше развита политическая культура населения, тем больше стереотипов и предрассудков содержит данный образ. Он наиболее подвержен прямому пропагандистскому воздействию. Во-вторых, образа-значения — личной заинтересованности ведомых в деятельности конкретного лица; через эти образы проводится мысль о том, что именно данный деятель в силу своих личных качеств (даже мнимых) и есть тот человек, который нужен обществу в данный момент. *В-третьих,* образа потребного будущего, который складывается на основе первых двух, включая ценности, идеалы общественной жизни и т. п. факторы.

Таким образом, по Ю.Е. Миловидову, политическое лидерство — это, в конечном счете, способ осуществления власти, основанный на ненасильствен-

ной интеграции социальной активности различных слоев (групп) посредством легитимных механизмов, вокруг выдвигаемой лидером программы (концепции) Решения социальных проблем и задач общественного развития.

1. Лидерство *на уровне малой группы,* объединенной общими интересами и ставящей политические цели, представляет собой механизм интеграции групповой деятельности, в которой лидер направляет и организует действия группы, предъявляющей к лидеру определенные требования. Это способность принимать решения, брать на себя ответственность и т. д. Такое лидерство предполагает реализацию трех функций:

1) целеполагание — определение группой мотивов деятельности, условий удовлетворения ее интереса, уточнение средств и способов создания подобных условий. В процессе реализации этой функции устанавливается конкретный характер взаимоотношений в группе, т. е. стиль лидерства;
2) идентификация — самоопределение индивидов, членов сообщества, которое включает в себя процесс установления внутригрупповой иерархии (лидеров, звезд, популярных лиц и т. д.);
3) аксиология — формирование системы групповых ценностей, приоритетов, стереотипов поведения.

2. Лидерство *на уровне общественных движений,* связанных общностью политических интересов, которая основана на одинаковом социальном статусе (а не узко групповых интересах, как в первом случае), представляет собой способ адекватного выражения интересов той части населения, которая поддерживает данного политика. При этом фигура лидера служит символом определенной социальной политики. На этом уровне, к трем вышеназванным функциям добавляются еще две:

4) нормативная (формирование нормативного кодекса — системы регуляторов общественной деятельности, в которой каждая норма предполагает санкцию за ее нарушение);
5) репрезентативная (представление притязаний и потребностей множества разнородных групп в виде общего интереса — формирование психологии социального слоя в ходе сбора мнений, организации дискусси и т. п.).

3. Лидерство *на третьем уровне* можно охарактеризовать тремя функциями. Во-первых, это интеграция группобой деятельности, руководство тандемом «лидер-команда» и т. д., умение превращать непосредственно воспринимаемые потребности в концептуально осмысленные программы. Во-вторых, координация деятельности властных институтов (суда, парламента, администрации) с принятой в обществе системой аксио-логических нормативов, общественным мнением. В-третьих, выдвижение прагматической программы становится мотивацией практических действий.

Политическое лидерство третьего уровня характерно для небольшого числа государств (в основном, Западной Европы и США). Во многих же регионах Африки, Ближнего Востока, Азии в большинстве случаев лидерство в политике присутствует как личное, едва достигающее второго уровня. При этом оно включено в иную систему власти, где необходимой составляющей оказывается личная преданность руководителю, велико воздействие традиционной культуры на способы осуществления власти. Для характеристики специфики этого политического процесса можно применить термин «вождизм». С одной стороны, это тип властных отношений, основанный на личной преданности персоне, обладающей верховной властью. С другой стороны, это властный институт, свойст-

венный патриархально-родовым обществам, основанный на личном господстве военного или религиозного предводителя. Как тип власти, вождизм особенно характерен для обществ так называемого «исламского типа», в которых право и экономика подчинены идеологии, требующей обязательного участия всего населения в деятельности, направленной на достижение целей, стоящих перед обществом. Вождизму свойственно применение иррациональных моментов в восприятии политических отношений носителями обыденного сознания (харизматизация, атрибутизация вождя, а также многочисленные стереотипы).

Существуют заметные различия между лидерством и вождизмом. Так, использование образцов восприятия для создания политических установок свойственно для каждого носителя. Но в отношениях «вождь-последователи» образ-информация (нерефлексивные представления о власти и свободе), базирующиеся на традиции, служат идеальной основой, на которой строится более или менее упорядоченное множество политических лозунгов с центральной идеей неравных прав на власть и перед властью уже от рождения. Лидер не может существовать без поддержки ведомыми своей программы, поэтому он не заинтересован в полном вытеснении позитивного знания в образах восприятия, так как неадекватность образа служит препятствием в решении практических задач. Вождь опирается на поддержку населением исключительно его личности, лидер — на поддержку программы.

Лидерство и вождизм существуют в разных условиях. Отношения «вождь-последователи» обычно опираются на централизованную и слаборазвитую экономику. Однако они возможны и в развитых государствах в ситуации общенационального кризиса. Вождизм не всегда возможен в чистом виде, однако он всегда требует личной преданности вождю, идеалу, атрибутизации и харизматизации фигуры вождя. Проблема соотношения понятий «лидер» и «вождь» оборачивается проблемой критериев классификации, где содержательная дифференциация осуществлялась бы с соблюдением формальных условий.

Ю.Е. Милованов предлагает матрицу, по которой можно приводить типологизации, классификацию и сравнение лидеров и вождей. В основу положена схема из четырех элементов. Во-первых, это функции лидерства (вождизма) в конкретной системе власти. Во-вторых, «сверхзадача», то есть общественное назначение института, выраженное в определенных принципах (к примеру, система сдержек и противовесов). В-третьих, место и роль в системе власти. Наконец, в-четвертых, субъективные представления лидера (вождя) и его окружения о целях и задачах деятельности. Между первым и вторым элементами существуют жесткая прямая и обратная связи и такое соответствие, когда изменение первого элемента приводит к соответствующему изменению второго, и наоборот. Между третьим и четвертым — прямая и обратная связь: изменение сущностной характеристики третьего приводит к изменению характеристики четвертого. Между первым и третьим — векторная, однонаправленная связь: изменение первого влечет за собой изменение третьего и, соответственно, второй элемент изменяет четвертый. Наконец, между первым и четвертым, а также между вторым и третьим элементами существует опосредованная связь (или связь второстепенных признаков). В зависимости от уровня лидерства, содержание связи между первым и четвертым, т.е. всеми элементами структуры, будет различным, однако характер их остается неизменным, как не меняется и соотношение элементов по значимости между собой.

Эта схема может быть использована в качестве классификационной матрицы в зависимости от того, какой из элементов кладется в основание системы отсчета. Так, например, типологизацию можно осуществлять, взяв за основу па-

ру «функция-сверхзадача», если целью является анализ институтов власти. Так же осуществима классификация в зависимости от целей, которые ставит перед собой политик, если анализируется идеология политических сообществ. К сожалению, однако, почти все подходы, построенные таким образом (классификации по функциям и целям) имеют в качестве недостатков одномерность, взаимоисключение и невозможность сравнения с другими подходами. Впрочем, это общий упрек, который можно отнести практически ко всем современным отечественным исследованиям в данной сфере.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ ЛИДЕРСТВА

Из всех итогов предыдущих исследований следует главный вывод: понимание феномена лидерства невозможно без анализа взаимодействия лидера и группы. Первыми это поняли К. Левин, Р. Липпит и Р.Уайт, когда провели ряд исследований психологического климата, создаваемого различными стилями лидерства, и выделили следующие характеристики трех основных моделей взаимоотношений лидера с группой: авторитарный, демократический и попустительский (laissez-faire) стили, Основные характеристики деятельности группы при каждом из этих стилей перечислены в таблице 1.

В результате многочисленных экспериментальных исследований, ученые пришли к выводу, что авторитарные лидеры эффективнее по количеству продукции ведомых, демократические же — по ее качеству и моральному состоянию ведомых. Разные стили лидерства ведут к разному психическому состоянию в группах. Члены группы с авторитарным лидером либо апатичны, либо агрессивно настроены по отношению друг к другу, так как лидер контролировал даже их межличностные отношения. Членов группы с демократическим лидером объединяло чувство «мы» и значительное единство. Члены группы с попустительским лидером не обладали чувством единства, не были удовлетворены работой, да и производительность в группе была низкой. По мнению ученых, ни один из стилей в чистом виде не может быть рекомендован для повышения производительности труда и эффективности деятельности, но для обеспечения удовлетворенности работой больше подходит демократический стиль.

М. Басе, Г. Дантеман, Ф. Фрай, Р. Видулич, Х. Вамбах и другие,[109] изучая феномен лидерства, попытались пойти «от противного»: они исследовали типы ведомых при двух основных стилях лидерства, «принуждающем» и «убеждающем» . Их вывод: инструментально ориентированные последователи были эффективнее при убеждающем лидере, а эмоционально ориентированные — при принуждающем. Удовлетворенность работой в группе была выше при директивном лидере, ориентированном на взаимодействие. Соответственно, удовлетворенность была низкой при снисходительном, эмоционально ориентированном лидере. Лидеры инструментально ориентированных ведомых имеют тенденцию к такой же ориентации. Лидеры в самоориентированных группах не имеют тенденции к само ориентации. Члены группы, направленной на эмоциональное взаимодействие, более удовлетворены при работе с лидером, ориентированном на взаимодействие. Самоориентация ассоциируется с доминирующими, агрессивно настроенными индивидами. Ориентация на взаимодействие — с потребностями в контактах и зависимости. Ориентация на задачу связана с сильной личностной интеграцией. Группы работают эффективнее и имеют меньше стрессов при совместимости личностных ориентации лидера и группы.

---

[109] *Stogdill R.* Ibid.— P. 31.

Группы с лидером, ориентированным на задачу, эффективнее тех групп, где лидер ориентирован только на взаимодействие.

Таблица 1

Основные стили лидерства[110]

Стиль лидерства и характеристики	Авторитарный	Демократический	Либеральный laissez-faire
Способ принятия решений	детерминируется самим лидером	детальное обсуждение вопроса группой, при котором лидер выполняет функцию регулятора и корректора	анархический
Активность ведомых и технология	жестко и полностьюподчинены лидеру	подчиненные обладают достаточной степенью свободы в период обсуждения решения; после принятия решения лидер внушает 2 или более альтернативные процедуры исполнения решения	Поливариативность в процедурном плане, отсутствие возможности контроля за исполнением решений
Форма исполнения принятого решения и регламентация деятельности каждого члена группы	жесткий диктат в отношении формы исполнения решений и контроль вплоть до отдельного индивида	члены группы в целом свободны в выборе формы исполнения решений; демократия внутри группы как способ самоорганизации ее членов	полное отсутствие предписаний лидера
Критика и санкции по отношению к деятельности каждого члена группы	лидер обладает возможностью жестокой критики и очень строгих санкций по отношению к подчиненным; обратная связь запрещена степень свободы; отдельного индивида стремится к нулю: отношение к члену группы зависит не от результата работы, а от лидера	«объективное» отношение к деятельности каждого члена группы в зависимости от конкретного результата работы	полная спонтанность в реакциях лидера на деятельность своих ведомых, непрогнозируемая возможность осуществления неопределенных санкций

110 International Encyclopedia of Social Science. — N. Y., 1968. .— Vol. 3.— P. 237.

Главное, что отличает самые современные подходы — это стремление к максимальной интеграции представлений и обобщению многочисленных накопленных наукой разрозненных фактов и отдельных характеристик лидерства. Так, Д.Катц предложил[111] вариант изучения лидерства с использованием всего лишь четырех основных переменных:

1) степень структурированности и ролевого детерминизма поведения (можно говорить об организационном лидерстве и более свободном, неорганизационном — например, лидерство в массовом движении и т. д.);

2) в случае организационного лидерства решающей является характеристика институтов (демократические или авторитарные);

3) важную роль играет характер первичных и вторичных отношений в группе или организации;

4) существенны связи группы или организации с другими системами и подсистемами, а также позиция лидера во всей этой иерархии.

Схематически модель лидерства в зависимости от иерархии изображена в таблице 2.

Таблица 2

Иерархические уровни и модели лидерства[112]

Иерархический уровень в структурной системе	Процесс лидерства	Соответствующая ориентация на задачу	Соответствующая социально-эмоциональная ориентация
Низший	администрация в рамках существующей структуры	(а) техническая экспертиза, (б) знание правил	забота о равенстве подчиненных
Средний	расширение, дополнение структуры	(а) понимание организационных проблем, (б) оценка возможности сделки	навыки первичных и вторичных отношений в группе
Высший эшелон	изменение структуры, формулирование и проведение новой политики	(а) системная перспектива, (б) оригинальность и изобретательность	харизма: (а) символическая, (б) авторитарная, (в) функциональная

Изучив различные типологии лидерства, М. Германн[113] выделила четыре основных образа лидера:

1} **«Дудочник в пестром костюме»** («настоящий герой»). Как сказочный дудочник, который выгнал крыс из одного немецкого городка, такой лидер ставит цели, определяет направление и, используя обещания, завораживает последователей. На нем лежит ответственность за то, что и как происходит. Этот образ лидера предполагает изучение собственно лидера и его характеристики. Поняв характер лидера, можно предположить, какие цели и стратегии он изберет.

---

[111] *Katz D.* Patterns of leadership // Handbook of political psychology — San Francisco, 1973. — С. 203—233.

[112] *Davies F.F.* Ibid. — P. 212.

[113] Hermann *M.G.* Ingredients of leadership // Political psychology: contemporary problems and issues. — P. 167—92.

Этот образ лидера привел к возникновению описанных ранее теорий «героев» и «теории черт».

2) **«Торговец»** — он в состоянии понять, что нужно людям и предложить помощь в достижении этого. Чуткость к нуждам и желаниям людей не менее важна, чем способность убедить их в своих способностях им помочь. Этому образу лидера соответствуют «трансдейственная» теория и теория обмена.

3) **«Марионетка»** — при таком варианте лидерства группа задает направление и придает силы политику. Лидер является как бы доверенным лицом группы и действует от ее имени. Для того, чтобы понять лидерство в подобной ситуации, надо знать цели и ожидания ведомых. Такое лидерство анализируется атрибутивными теориями.

4) **«Пожарник»** — лидерство в этом случае представляет собой ответную реакцию на происходящее. Чтобы понять природу такого лидера, необходимо изучать контекст, что делают ситуационные теории.

На основе этих образов, М. Германн выделила пять основных компонентов лидерства:

а) личность лидера и особенности его выдвижения,

б) характеристики группы,

в) природа взаимоотношений в группе,

г) контекст, при котором осуществляется лидерство,

д) результат взаимодействия лидера и ведомых в конкретных ситуациях.

Тип лидерства зависит от природы и комбинации этих пяти ингредиентов. Основным недостатком существующих теорий лидерства, по М. Германн, является их фиксирование на каком-либо одном компоненте. Следовательно, необходима новая комплексная теория, учитывающая все возможные комбинации ингредиентов.

Одна из любопытных попыток такого подхода — культурологическая теория А.Вилдавского[114]. Согласно данному исследователю, лидерство — это функция политического реж-има и, соответственно, политической культуры этого режима. Следовательно, тип лидерства зависит от политического режима. А.Вилдавский выделяет 9 типов режимов, из которых четыре являются основными, а остальные обладают смешанными характеристиками (см. таблицу 3).

Таблица 3

Типы политических режимов, культур и лидерства

1. *Режим:* авторитаризм *Культура:* фатализм *Лидерство:* деспотическое, неограниченное, продолжительное	2. *Режим:* коллективизм *Культура:* иерархия *Лидерство:* позиционное, ограниченное по сфере, продолжительное во времени
3. *Режим:* индивидуализм *Культура:* рынок *Лидерство:* метеорное, ограниченное и непродолжительное	4. *Режим:* эгалитаризм *Культура:* справедливость *Лидерство:* харизматическое, неограниченное, непродолжительное

[114] *Wildavsky A.* A cultural theory of leadership // Leadership and politics: new perspectives in political science. — Lawrence, 1989. — P. 87—113.

Как видно, при первом, авторитарном режиме, лидерство продолжительное и всеохватывающее. Когда ведомые — фаталисты, лидерство неизбежно приобретает исключительный характер. При втором режиме, коллективизма, где царит иерархия, лидерство будет автократическим по характеру, но позиционным по положению: полномочия лидера определяются его местом в служебной иерархии. Третий режим, индивидуализм, по определению не нуждается в лидерах, так как рынок признает только права собственности. Индивидуалисты не верят в лидеров, они верят в результаты. Поэтому, даже если лидер появится, то это будет исключительно «нужный человек в нужном месте и в нужное время» — для решения определенных краткосрочных задач. Четвертый режим, эгалитаризм, единственный из всех режимов, где может появиться лидер-харизматик.

Первый и второй режимы являются про-лидерскими, третий и четвертый — антилидерскими, причем во втором и третьем режимах спрос на лидерство пропорционален поддержке лидера (во втором — на высоком уровне, в третьем — на низком). При первом режиме наблюдается несоответствие между слишком малым спросом и слишком большой поддержкой; при четвертом — наоборот, спрос превышает поддержку.

Последнее, на что хотелось обратить внимание — типология лидеров В.Д. Джоунса[115]. Автор считает, что взаимодействие рынка и демократии порождает ограниченное число вариантов лидерства — всего четыре:

1) лидер-«делегат» — зависит от экономических элит и подотчетен избирателям. Это происходит, когда избиратели согласны с позицией экономических элит. Делегат рассматривает экономические изменения через призму своих последователей;

2) лидер-*«доверенное лицо»* — подотчетен своим избирателям, но свободен от контроля со стороны экономических элит. Такой лидер занимается в основном экономическими изменениями, которые не обязательно являются требованиями избирателей, но в принципе отвечают их интересам;

3) лидер-«лакей» — контролируется исключительно экономическими элитами и неподотчетен избирателям. Практически, исключительно обслуживает интересы экономических элит;

4) лидер-*«предприниматель»* —независим от экономических элит, неподотчетен избирателям. Практически независим, работает только на самого себя.

Так выглядят основные современные представления о феномене лидерства, а в целом, так предстает перед читателем обобщенный анализ лидерства как специфического феномена, возникающего при взаимодействии лидера и ведомых, на стыке двух проблем: политической психологии отдельной личности (лидера) и политической психологии групп, малых и больших.

NB

1. Феномен лидерства представляет собой особую проблему в политической психологии. Феномен лидерства — это «человеческое измерение» важнейшей проблемы всей политической науки и практики — проблемы власти. С одной стороны, власть в политико-психологическом измерении — это способность властвующих («верхов») заставить себе подчиняться, то есть некоторая потенция лидера, политического института или режима. С другой стороны, власть в том же самом политико-психологическом измерении — это готовность «низов» подчиняться «верхам». Так возникают две стороны одной медали феномена лидерства: способность «верхов» и готовность «низов». И каков «удельный вес» каждого из этих компонентов, зависит от многих обстоя-

[115] *Jones B.D.* Causation, constraint and political leadership // Ibid — P. 3—16.

тельств, а точнее, от каждого конкретного случая. Изучение феномена лидерства позволяет рассматривать названные компоненты в единстве и взаимовлиянии.

2. Среди ранних теорий политического лидерства особое место занимают теории «героев» и «теории черт». Это, прежде всего, коллекционирование тех или иных качеств, свойственных эффективному лидеру, выявленных на примере изучения конкретных политиков. Напротив, теории среды фокусируются на роли социального и др. окружения в эффективном лидерстве. Личностно-ситуационные теории пытаются совместить качества лидера с конкретными особенностями окружения. Теории взаимодействия-ожидания опираются на настроения лидера и ведомых, возникающие при их совместной деятельности. «Гуманистические» теории апеллируют к внутренним потребностям лидера и ведомых. Теории обмена трактуют лидерство как рыночные отношения, в которых каждая сторона преследует свою выгоду. Мотивационные теории опираются на исследования побудительных сил, определяющих поведение лидера и ведомых.
3. Основная цель изучения лидерства — выделение обобщенных типов лидеров и построение прикладных типологий лидерства. Образцом создания общих типологий до сих пор является подход М. Вебера, выделившего три основных типа лидерства: традиционное, бюрократическое и харизматическое.
4. Политико-психологические типологии лидерства отличаются значительным разнообразием. Психопатологическая типология Г. Лассуэлла разделяет лидеров на «агитаторов», «администраторов» и «теоретиков». Типология политических типов Д.Рисмана — на «безразличных», «морализаторов» и «внутренних наблюдателей». Теория «макиавеллистской личности» с помощью М-шкалы позволяет подсчитать так называемые «Мак-коэффициенты» и разделить лидеров по их величине. Типология президентов Дж.Д, Барбера делит всех президентов США на четыре типа по шкалам «активности-пассивности» и «позитивности-негативности». Типология Д.М. Бернса разделяет «трансформационное» и «трансдейственное» лидерство. Отечественные типологии в основном базируются на внешних наблюдениях за руководителями современной России, а также на ряде эмпирических исследований (например, с помощью теста Люшера).
5. Современные подходы к проблеме лидерства отличаются интегративностью, стремлением к обобщениям и попытками учесть все множество компонентов лидерства, включая особенности лидера, характеристики ведомых, а также стили и условия их взаимодействия. Наиболее убедительными являются обобщенные конструкции М. Германн и В.Д. Джоунса. М. Германн выделила четыре типа лидеров («дудочник в пестром костюме», «торговец», «марионетка», «пожарник»), сумела уложить в эту типологию практически все предшествующие теории лидерства. В.Д. Джоунс, выделив четыре своих типа («делегат», «доверенное лицо», «лакей», «предпршгиматель») сумел объяснить с их помощью взаимоотношения не только лидеров и ведомых, но и влиятельных элитных «групп интересов», исполняющих роль «теневых политиков».

Для семинаров и рефератов:

1. *Милованов Ю.Е.* Лидер и вождь: опыт типологии. — Ростов-н/Д., 1992.
2. Политология: Энциклопедический словарь. — М., 1993.
3. *Christie R., Gets F.* Studies in Machiaveliianism. — N.Y.—L., 1970
4. *Davies A.F.* Skills, outlooks and passions: a psychoanalytic contribution to the study of politics. — Cambridge, 1980.
5. Handbook of political psychology, — San Francisco, 1973.

6. Leadership and politics: new perspectives in political science. — Lawrence, 1989.
7. Political psychology: contemporary problems and issues. — San Francisco, 1986.
8. Stogdill R. Handbook of leadership: a survey of theory and research. — N, Y., 1974.

Глава 6
ПСИХОЛОГИЯ МАЛЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

Группа как субъект политики. Группы номинальные и реальные. Группы «большие» и «малые». Особенности малых групп в политике.

Типы и типологии малых групп в зависимости от 1) направленности основных действий группы; 2) степени групповой сплоченности (гомогенности) группы; 3) степени проницаемости группы; 4) своих собственных целей; 5) особенностей группового сознания; 6) структуры; 7) формы связи членов группы; 8) значимости членства в группе для ее участников; 9) продолжительности существования группы; 10) устоявшегося в группе способа принятия решений; 11) общей эффективности групповой деятельности.

Этапы формирования малых групп в политике, их основные характеристики на разных уровнях и стадиях развития: 1) «номинальная группа», 2) «ассоциативная группа», 3) «кооперативная группа», 4) «корпоративная группа», 5) коллектив.

Внутренние механизмы становления политической группы: 1) знакомство, 2) появление первичных микрогрупп, 3) консолидация группы.

Лидер и группа. Основные критерии формирования малых групп в политике: принципы компетентности, единства взглядов, личной преданности лидеру и др.

Группы — «команды» лидера. Основные варианты «команд» в истории. Закон «трех команд» лидера: статика и динамика. «Парадокс лидера» и его варианты.

При всем бесспорном значении личности политического лидера и его психологии, современная политика, особенно в стабильных обществах, осуществляется группами людей. Отдельные исключения в виде харизматических лидеров-одиночек все больше уходят в прошлое. По мере развития и стабилизации любое общество бюрократизируется. И тогда на место харизматиков приходят бюрократы. Свежий пример — новейшая история России. Период ее возникновения, связанный с революционными преобразованиями в виде разрушения СССР и становления новой политической системы неразрывно связан с именем Б. Ельцина как яркого примера лидера харизматического типа. Вспомним, как оценивал его Р. Никсон: «Ельцин может многое внушить людям, у него животный магнетизм, и он достаточно безжалостен, чтобы претворить все это в жизнь... Он может стать, пожелай он того, лидером насильственной революции»[116].

[116] См.: Известия. — 1991. — 15 апреля.

Однако прошло определенное время, изменилась эпоха, поблекла харизма — соответственно, потребовался лидер принципиально иного типа. Появился В. Путин. Соответственно, уменьшилась роль отдельно взятого политического лидера и, напротив, возросло влияние различных групп в российской политике. Именно группа как субъект совместной политической деятельности некой совокупности людей способна как эффективно обеспечить функционирование отдельного лидера, так и, в определенных случаях, заменить его. Примеров такого рода в современной истории много. Все они демонстрируют роль групп как особых субъектов политики.

В свое время еще Т. Гоббс в «Левиафане» дал первое четкое определение группы как «...известного числа людей, объединенных общим интересом или общим Делом» и выделил группы упорядоченные и неупорядоченные, политические и частные и др.[117] Согласно общепринятому ныне, также почти классическому пониманию, в общем виде социальная «группа — это относительно устойчивое число лиц (не меньше трех), связанных системой отношений, которые регулируются институтами, обладают определенными общими ценностями и отделены от других общностей определенным принципом обособления»[118]. В рамках политической психологии группу можно определить как общность людей, взаимодействующих ради достижения осознанных целей и интересов. Объективно эта общность выступает как субъект политического действия, а субъективно существует как некоторая отдельная от других общностей целостность.

Существует значительное количество разнообразных классификаций и типологий политических групп. В рамках политической психологии большинство этих классификаций и типологий сводятся к десяти основным параметрам, по которым различаются и, соответственно, типологизируются эти группы, Самое общее разделение — на *«номинальные» («виртуальные»)* и *«реальные»* группы. Номинальные, они же условные группы, выделяются либо в рамках обобщенного политического анализа, либо ради пропагандистских целей. И тогда, скажем, появляются такие «группы» как «новая историческая общность — советский народ». Или же такая виртуально-пропагандистская «группа», как «все прогрессивное человечество». Понятно, что речь идет о сугубо условных, образных, реально не ощущаемых группах. В отличие от них, реальные группы поддаются конкретному учету, как и их политическое влияние. Группы «членов политбюро», «сенаторов США», «бастующих угольщиков Кузбасса» несопоставимы между собой, однако их роднит главное — это реально действующие в политике группы.

В рамках данного раздела мы будем рассматривать исключительно реальные группы. Они подразделяются по прежде всего по количественному параметру.

Группы в политике прежде всего делятся **по размеру**, на «*малые*» и «*большие*». Под «малыми» обычно подразумеваются группы численностью от 2—3 («диада», «триада») до нескольких десятков, реже — сотен человек. Основным операциональным критерием определения группы как «малой» является возможность регулярных контактов между всеми членами группы или, по крайней мере, каждого члена группы со всеми или, на худой конец, с большинством остальных членов группы. В обязательном порядке условие реальной, непосредственной и регулярной контактности распространяется на лидера. Для него малая группа — это «группа прямого рукопожатия».

---

[117] См.: *Гоббс Т.* Избр. произв. — Т. 2. — М., 1964. — С. 244.
[118] *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. — М., 1969. — С.118.

В отличие от «малых», в «большие» группы входят сотни, тысячи, а иногда и миллионы членов. Это, прежде всего, большие социальные группы и слои населения, политические партии и движения, межпартийные общественные образования. Весь дальнейший разговор в рамках данной главы будет посвящен прежде всего малым группам. Психология больших групп в политике — следующая тема.

ТИПЫ И ТИПОЛОГИИ МАЛЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

Среди наиболее общих критериев различения политических групп необходимо начать с разделения по направленности основных действий группы. По этому критерию, группы делятся на *экстравертированные* и *интравертировавяные.* Соответственно, деятельность экстравертированных групп направлена во вне — на захват власти, например. Соответственно, деятельность групп интравертированных направлена прежде всего во внутрь группы — на совершенствование партийной дисциплины и т. п.

Среди прочих разделений по направленности действий преобладают откровенно оценочные, то есть, субъективные. Так, группы делятся на просоциальные и антисоциальные, демократические и антидемократические и т. д. Мы оставляем рассмотрение таких типологий за рамками научного политико-психологического анализа — это предмет идеологии и пропаганды.

Группы делятся **по степени групповой сплоченности** на гомогенные и гетерогенные. Сплоченность обычно определяется степенью единства, уровнем общности трех базовых параметров. Это общность интересов, общность целей и единство действия. Понятно, что чем выше общность интересов и целей, тем отчетливее единство действий. Как правило, высокие уровни групповой сплоченности в политике чаще распространены ь тоталитарных обществах, а также характеризуют группы, либо стремящиеся к власти, борющиеся за нее, либо озабоченные проблемой удержания власти. Напротив, в развитых демократических обществах с доминированием электоральных процедур обычно отработаны такие системы сдержек и противовесов, которые препятствуют возникновению слишком сплоченных и гомогенных групп. Избираемые электоратом многопариины парламенты, устоявшиеся антимонопольные механизмы политического контроля и сама по себе психологическая атмосфера постоянной конкуренции интересов в демократических обществах препятствуют появлению и устойчивому функционированию таких групп как субъектов длительного политического действия. Хотя, разумеется, возможны и сбои в действии таких механизмов. XX век показал: диктатуры Франко в Испании, Салазара в Португалии, «черных полковников» в Греции, как и ряд других событий, стали примерами появления, развития и прихода к власти весьма сплоченных и гомогенных групп вроде бы в достаточно демократических странах.

Наиболее буквальное определение сущности гомогенных сплоченных групп в политике пошло из испано-говорящих стран. Термин «хунта» в сочетании с определениями правительственная, военная, правящая и т. п. буквально и означает «объединение», выполняющее функции временного правительства после военных переворотов и включает руководство вооруженных сил. Близким к этому является введенный Г. Диксом термин «клика»: неформальное объединение государственных и/или политических деятелей, ставящих целью захват власти или установление фактического контроля над ней путем использования нелегальных (тайная власть) и/или криминальных средств.

Исторически «клики» сложились в рамках монархий с нечеткими правилами престолонаследия. Претенденты создавали свои клики, борьба между которыми носила ожесточенный характер. Интриги, сговоры, заговоры, политические убийства были обычными инструментами борьбы за власть. До сих пор клики — атрибут тоталитарных и авторитарных режимов. Выделяются два типа клик. Первый тип — клика партнерского типа, союз равных по возможностям персон с чисто номинальным лидером. Захватывая власть, такая клика превращается в правящую олигархию, и в ней начинаются конфликты и расколы. Второй тип — клика вассального типа, с явным лидером-вождем, с которым остальные члены связаны определенными обязательствами. Если ее лидер тяготеет к автаркии, то после прихода к власти он трансформирует клику в клиентеллу. Это особый, архаичный, хотя живучий тип аморфной неформальной патронажно-клиентской группы. Обычно состоит из двух-трех человек: «патрон» и «клиенты», каждый из которых является «патроном» для нижележащей клиентеллы. За счет такой иерархической организации границы групп перекрываются и возникает тотально взаимозависимое, обычно коррумпированное пространство власти. Такие группы типичны для полупатриархальных и полуфеодальных обществ, а также для вновь возникающих государственных структур в результате краха предыдущих. Современный пример — развитие таких групп-клик в первые годы становления новой России.

В предшествующие годы социалистического тоталитаризма бытовал термин «коллектив» — обычно, с эпитетом руководящий. Считалось, что коллектив — это высший уровень развития группы, отличающийся максимальным единством взглядов, интересов и способов действия, причем обязательно имеющий просоциальную направленность (в отличие от хунты или клики, которые практически ничем не уступали по единству, но действовали в антиобщественных, то есть собственных интересах). Высшим уровнем коллектива в нашей стране еще недавно, естественно, считалось политбюро ЦК КПСС. Однако уже тогда объективные исследователи видели, что полная групповая сплоченность недостижима даже в таких, тоталитарных по строению, группах.

Классическое исследование уровня сплоченности такой группы, как политбюро ЦК КПСС — в ту пору ВКП (б) — провел американский политолог Н. Лейтес[119]. Используя метод контент-анализа, он проанализировал речи и выступления членов высшего советского руководства по случаю 70-летия И.В. Сталина, опубликованные в журнале «Коммунист» в конце 1949 г. Анализ позволил усомниться в бытовавшем прежде мнении относительно абсолютного единства главного советского руководящего коллектива: Н. Лейтес выявил как минимум три группировки внутри политбюро. Это позволило американскому руководству более эффективно строить взаимоотношения с советскими лидерами в ходе последовавшей болезни И.В. Сталина, а затем после его смерти.

Н. Лейтес подсчитал соотношение двух основных образов, с которыми каждый из советских лидеров идентифицировал И.В. Сталина. С одной стороны, это был классический «большевистский имидж», то есть пределение Сталина как продолжателя дела Ленина, верного ленинца», его ученика и последователя (подразумевается, что Сталин как бы «ниже» Ленина»).

С другой стороны, присутствовал не менее устоявшийся «народный имидж», который определял И.В. Сталина как самодостаточную фигуру, «гения всех времен», «великого вождя всех народов», стоящего как минимум наравне с В.И. Лениным. «Сталин — это Ленин сегодня!» — в этом лозунге выражалась

[119] *Leites* N. *et all.* Politburo images of Stalin. // World Polilics. – 1951. — № 3.— P. 317—339.

квинтэссенция данного имиджа. По средней частоте употребления словесных формул, выражавших каждую из этих двух позиций, политбюро разделилось на три группировки.

Советские руководители	«Большевистский имидж»	«Народный» имидж
Группа «соратников» (Молотов, Маленков, Берия)	22	3
Группа «зависимых» (Булганин, Каганович, Косыгин, Хрущев)	1	19
Группа «хитрецов» (Андреев, Ворошилов, Микоян, Шверник)	9	15

Группа «соратников» включала относительно самостоятельных персонажей, не нуждавшихся в постоянном подхалимаже. Они вполне могли позволить себе жестко следовать партийной иерархии и публично ставить И.В. Сталина «ниже» В.И. Ленина. Это были наиболее опытные члены политбюро, связанные со Сталиным долгими и вполне устойчивыми взаимоотношениями. Собственно говоря, они и стали ключевыми фигурами в советском руководстве сразу после кончины Сталина.

В отличие от них, в группе «зависимых» наблюдалась прямо противоположная картина. Попавшие в нее персонажи были вынуждены безудержно славословить в адрес И.В. Сталина, подчеркивая его величие и самодостаточность. Это было младшее поколение советских руководителей, которым требовалось «отрабатывать» свое место в иерархии власти. Обратим внимание на то, что делали они это вполне умело. Оказавшись после смерти И.В. Сталина поначалу на вторых ролях, они (особенно Н.С. Хрущев и А.Н. Косыгин) сумели затем оттеснить от руководства «старую гвардию» (Л.П. Берия был арестован и казнен, В.А. Маленков сослан в Казахстан, В.М. Молотов снят с ведущих постов, потом обвинен в заговоре и отправлен на пенсию) и занять ее место.

Наконец, третья группа, «хитрецов», пыталась лавировать, соблюдая некий баланс между двумя имиджами Сталина. Судьба А.И. Микояна, наиболее типичного представителя этой группы, показывает, что фразы публичных выступлений (которые в те годы писались авторами самостоятельно, без спичрайтеров) отражают личностные политические склонности политиков. Показателен целый ряд анекдотов и крылатых выражений (самое мягкое — «слуга всех господ») про политическую биографию А. Микояна — типа «от Ильича (Ленина) до Ильича (Брежнева) без инфаркта и паралича».

Таким образом, специальные тонкие политико-психологические методы позволяют обнаружить дифференциацию внутри даже самых закрытых и гомогенных групп.

Близким к данному критерию различения групп является и **критерий проницаемости группы**. По степени проницаемости для новых членов, группы делятся на *проницаемые* («открытые»), *полупроницаемые* и *непроницаемые* («закрытые»). Операционально, все определяется легкостью вступления (приема) в такую группу. На собрание того или иного политического кружка в большинстве случаев может прийти любой человек — как и уйти с него. Практически, это полностью проницаемая группа. К группам такого типа относятся прежде всего

различные общественно-политические движения: сегодня вступил в него, завтра вышел, и никто этого, практически, не заметил. Признак проницаемости — отсутствие в такой группе индивидуального учета своих членов.

Вступить в ту или иную партию уже сложнее — требуется заявление, рекомендации, кандидатский стаж и т. п. Разумеется, в разных партиях и странах все обстоит по разному. Еще не так давно в Италии, например, в автобусах висели специальные «коммунистические автоматы»: опустил в щелочку деньги, вступительный взнос — из другой щелочки выскочил партбилет. Однако здесь уже нельзя говорить о полной проницаемости, это — полупроницаемая группа, накладывающая минимальные условия по вступлению в нее, и еще меньшие - по выходу.

Наконец, существуют группы непроницаемые (хотя, разумеется, абсолютно непроницаемых групп не бывает — все они рано или поздно, быстро или медленно, но обновляются). Примерами непроницаемых групп в политике являются группы заговорщиков, правящие династии или правительственные хунты, руководящие органы тоталитарных политических организаций. Попасть в члены политбюро ЦК КПСС или в члены руководства гитлеровской Германии было практически невозможно. Но, пожалуй, абсолютный рекорд непроницаемости был поставлен кампучийскими коммунистами — первые несколько лет после захвата ими власти страна не знала ни одного имени члена политбюро — все приказы и распоряжения подписывались словом: «Организация». Лишь через четыре года стали известны имена Пол Пота и Йенг Сари.

По своим собственным целям группы в политике делятся на *инструментальные* и *экспрессивные,* а также на *функциональные* и *дисфункциональные.* Инструментальные по целям группы ориентированы на достижение реальных политических целей — овладение властью, реализация определенных программ, осуществление общественных и государственных преобразований. Экспрессивные по целям группы ориентированы на формирование благоприятного внутреннего психологического климата, на создание комфортной атмосферы для своего существования в политике. Примерами таких групп часто служат небольшие оппозиционные группировки, члены которых не ставят реальных целей овладения властью, однако получают удовлетворения от периодического выражения своих политических взглядов в тех или иных формах.

Функциональными группами в политике являются такие группы, которые подразумевают осуществление неких целевых социально-политических функций. Напротив, дисфункционалъными считаются группы, ориентированные на нарушение каких-то функций, их отмену или редукцию. В обобщенном виде, функциональными считаются группы, ориентированные на внедрение чего-то нового (например, различного рода движения за равные гражданские права — женщин и мужчин, национальных меньшинств и т. п.). Соответственно, дис функциональными считаются группы, ориентированные на ликвидацию чего-то устоявшегося в социально-политическом устройстве (группы революционеров или просто оппозиционеров, выступающие за полную или частичную отмену существующих в стабильном обществе порядков).

Различаясь по особенностям группового сознания своих членов, группы делятся на *« группы -«мы»* и *«группы-«они»*. Как уже говорилось, впервые это разделение было введено Б.Ф. Поршневым, обратившим внимание на специфические групповые искажения, возникающие в сознании групп, действующих в политической сфере. Для начала, исследуя политическую праисторию человечества, Б.Ф. Поршнев пришел к парадоксальному на первый взгляд заключению: в истории человечества не было людоедства. Разумеется, в психологическом

смысле: дело в том, что тех, кого съедали, просто не считали полноценными людьми. Враги, противники всегда считались неполноценными, ненастоящими, недостойными — в целом, «нелюдями». Вначале это относилось к физическим противникам, затем перешло и на противников политических.

Согласно Б.Ф. Поршневу, важнейшим компонентом существования любой, а особенно политической группы является ее сознание и самосознание. Нет политического сознания и, особенно, самосознания — нет политической группы. Причем это самосознание может проявляться в разных, в том числе и в досознательных, нерациональных формах — в виде групповых верований, эмоций, общих чувств и переживаний. В чем бы оно не выражалось, групповое самосознание является важнейшим компонентом групповой политической самоидентификации. «Мы», члены нашей группы — это те и именно те, кто разделяет общие с нашими переживания, чувства, эмоции, верования или, тем более, политические программы и концепции. Выделение же, идентификация себя и «своих» происходят в противопоставлении с другими группами, с «чужими», с некими «они». «Они» — это те, у кого иные верования, эмоции, программы или лозунги. У кого иные тотемы или знамена. Такое выделение группы-«мы» сопровождается идеализацией и атрибуцией, наделением своей группы самыми лучшими, социально приемлемыми и желательными чертами и, напротив, отказ в таких чертах группам-оппонентам. Группа-«они», напротив, наделяется самыми отвратительными харак-геристиками, ей приписываются самые ужасные качества: это «они», нелюди, людей пожирают — в отличие от «нас», борцов за прогрессивное будущее всего человечества.

Внешними средствами подобной политико-психологической самоидентификации на ранних стадиях истории были элементарные символы — тотемы. Затем, усложняясь, человечество дошло до политических символов, знамен, гербов, гимнов, конституций, программ и идеологических манифестов. Однако их психологическая роль осталась прежней — возбуждать и стимулировать «мы»-сознание, необходимое для отделения себя от других («они») через противопоставление им. В этом смысле история, развиваясь, не принесла принципиальной разницы.

Группы подразделяются **по структуре** на *формальные* и *неформальные.* В формальных группах жестко извне задан статус всех ее членов и, соответственно, статусные различия. Права и обязанности членов такой группы жестко формализованы и выражены в явной (устав, закон) или неявной (традиции, обычаи) форме. Классический пример формальных групп в современной политике — армия с ее жесткой иерархией отношений между командирами и подчиненными. Главное в формальной группе — ее функциональная, инструментальная, целевая направленность, в которой чисто человеческий фактор отходит на задний план,

В неформальных группах статус членов и характер взаимоотношений между ними заданы чисто личными качествами и достоинствами друг друга, При отсутствии внешней регламентации отношений, основу общности такой группы составляют дружественные отношения, взаимные симпатии, общность мнений, взглядов, оценок, политических предпочтений. В отличие от формальной группы, членство в неформальной менее обязательно для ее членов — это своего рода «группы встреч», близкие к кружкам и клубам по интересам (в том числе, и к политическим клубам). Здесь доминируют собственно человеческие, дружеские отношения взаимной симпатии. Инструментальные, функциональные цели в таких группах обычно отходят на задний план.

По форме связи участников, группы подразделяются на *первичные* и *опосредованные.* Пример такого рода —любая партийная структура, включающая «пер-вички» (первичные партгруппы) и формирующиеся на основе таких «первичек» сложные общности (региональные, межрегиональные и т. д. партгруппы). Для первичных групп характерна связь «лицом к лицу», что обеспечивает возможность постоянных непосредственных личных контактов. Для опосредованных групп каналами общения являются сложные коммуникационные связи — в основном, средства массовой информации.

По значимости для участников, группы делятся на *группы присутствия,* а также *референтные* и *негативно референтные группы.* Группа присутствия, как следует из самого названия, это та конкретная группа, членом которой состоит человек. Однако, являясь членом какой-либо группы присутствия, человек не всегда этим полностью удовлетворен — в своих мечтах он может видеть себя членом иной группы. Она может существовать в реальности, но быть недоступной для человека — многие, например, мечтают принадлежать к политической элите, но не всем это удается. Бывают ситуации, когда такой группы просто нет в реальности, а человек создает ее в своем воображении, играя в принадлежность к некому «тайному обществу». Референтная группа — это группа, по законам которой хочет жить человек, даже не принадлежа к ней. Это психологически привлекательная, желательная для человека группа, нормам и стандартам которой он хочет соответствовать. Для многих молодых людей, начинающих политическую деятельность в первичной партгруппе, например, часто характерно стремление выглядеть и вести себя в соответствии со стандартами, принятыми в «большой политике» — разумеется, так, как они ее понимают. Соответственно, негативно референтная группа — это такая реально или виртуально существующая группа, по законам и нормам которой не хочет жить человек.

По продолжительности существования группы делятся на краткосрочные и долгосрочные. Краткосрочные группы обычно возникают для достижения некоего отдельного конкретного результата — например, это может быть предвыборный штаб или команда сторонников кандидата в депутаты парламента в ходе конкретной избирательной кампании. После достижения и, особенно, после недостижения данной цели лодобные группы обычно распадаются или переформируются. Соответственно, долгосрочные группы ориентированы на долгосрочные цели, требующие длительного времени. В соответствии со временем существования, в основе таких групп лежат разные цели и интересы участников.

По способу принятия решений различают *авторитарные*, *демократические* и *охлократические* группы. В предыдущей главе уже говорилось, что существуют три основных способа принятия решения лидером и, соответственно, три основных способа навязывания этого решения ведомым. Рассмотрим ситуацию со стороны ведомых — значит, существуют и разные типы групп, различающиеся именно по тому, как принимаются в них решения. В авторитарной группе (простейший пример — единоначалие в армейском подразделении) группа практически никак не участвует в принятии решения. Ее задача состоит в том, чтобы исполнять решение лидера. В демократической группе ее члены достаточно активно участвуют в обсуждении вариантов решения, в их выработке. Однако ход обсуждения и, соответственно, направление поиска решения подсказывает лидер, как бы режиссируя ход группового обсуждения. Наконец, в охлократической группе решение принимают все и, одновременно, никто. Каждый свободен в принятии решения, вот почему целостного, группового, сколько-нибудь единого решения обычно так и не возникает. В подобных случаях принято говорить о попустительской (или, иногда, о гипер-либеральной) пози-

ции лидера, основанной на известном принципе: «Делайте что хотите, только оставьте меня в покое!».

По эффективности групповой деятельности различаются группы, ориентированные на:

1) достижение групповой цели;

2) поддержание групповой жизнеспособности;

3) достижение удовлетворенности участников;

4) достижения личностных изменений в членах группы под влиянием группы и пребывания в ней.

Несколько обобщая, названные пункты можно свести к двум основным: различаются группы экстра- и интравертированные. Понятно: для первых основными являются внешние действия, и основная активность таких групп направлена именно вовне. Соответственно, для вторых основными являются внутренние действия, и их основная активность сосредоточена внутри. Поскольку в политике абсолютное большинство устремлений ее субъектов направлено на овладение и удержание власти или, по крайней мере, на влияние на власть, то большинство представлено экстравертированными, «экспансионистскими» группами. Однако нельзя забывать, что в разные периоды своего развития каждая группа может оказаться перед необходимостью консолидации внутренних рядов, реорганизации и т. п., что сразу переведет ее в разряд интравертированных групп.

С рациональной точки зрения, группа в политике, ориентированная на достижение конкретной цели (овладение властью или оказание заметного влияния на нее в виде лоббирование некоего законопроекта, проведение своих кандидатов на требуемые посты, захват власти, наконец) выглядит значительно более эффективной, чем все остальные, Однако политика далеко не всегда носит рациональный характер — весьма значительную роль в ней до сих пор играют иррациональные компоненты.

Соответственно, даже не имея возможности достижения конкретной цели, даже не формулируя ее перед собой, группа может существовать в политике в расчете на будущее. В этом случае, ее эффективность будет определяться не внешними достижениями, а внутренней способностью к поддержанию собственной групповой жизнеспособности. Целый ряд мелких коммунистических партий, например, на территории бывшего СССР, ныне находятся в таком состоянии, и считают его достаточно эффективным.

Не имея четких рациональных целей, но даже и не задумываясь специально о поддержании групповой жизнеспособности, в политике существуют и просто группы единомышленников — людей, которым приятно встречаться вместе. Такого рода группы-«кружки», политические «группы встреч» обладают особой, эмоциональной эффективностью для своих членов. Они дают им возможность «выговориться», почувствовать свою значимость и причастность к «большой политике». Такого рода группами часто выступают разного рода политические или околополитические «клубы» — формализованные в виде дореволюционного Дворянского собрания, или неформализованные в виде современных ветеранских посиделок на скамейках в скверике, во дворе дома.

Наконец, эффективность существования группы в политике может определяться таким сугубо эмоциоально-воспитательным моментом, как личностный рост членов группы. Разного рода первичные организации детских или молодежных движений при политических партиях, безусловно, не имеют никаких четких рациональных целей в политике. Однако они воспитывают своих членов в определенных направлениях, готовя массовую базу для будущей политики.

Завершая разговор о типах и типологиях различения групп в политике, нельзя не упомянуть о **попытках создания собственно психологических типологий групп в политике**, в которых за основу брались прежде всего психологические качества и характеристики людей, входящих в эти группы.

Одну из наиболее ярких таких попыток предпринял в свое время Т. Адорно[120], исследуя психологию вначале малых, затем больших групп, а затем и всего фашистского общества Германии времен правления А. Гитлера. Итогом стало выявление психологического качества, которое как раз с той поры и получило название «авторитарность», и которое было общим вначале для совсем малой группы людей — создателей НСДАП, а затем распространилось вширь и глубь общества. Так возникло понятие «авторитарная личность», ставшее затем названием базового труда Т. Адорно.

В политико-психологическом плане суть авторитарности проста: это стремление подчинять кого-то себе при постоянной готовности, в свою очередь, подчиниться кому-то более сильному. Люди, которым свойственно данное качество, неизбежно сплачиваются в группы, выдвигая своего фюрера. Политико-психологический феномен гитлеровской Германии стал уникальным исключительно потому, что принцип фюрерства там был возведен в принцип государственности. Там каждый был фюрером, только кто-то фюрером страны, а кто-то — своего домика. В наиболее концентрированной форме принцип фюрерства был отражен в званиях членов СС.

Однако проявления авторитарности имеют свои разновидности. Соответственно, в эффективной малой авторитарной группе его носители как бы взаимодополняют друг друга. Собственно Фюрером становится один. Остальные поддерживают его, отражая разные аспекты авторитарности. Среди выделенных Т. Адорно подтипов были сравнительно массовые — скажем,| «отец семейства, недовольный миром, где все захватили инородцы». Первичные организации гитлеровской партии на этапе подготовки и захвата власти переполняли «мятежные психопаты».

С помощью таких «мятежных психопатов» (еще одна разновидность авторитарной личности) Фюрер пришел к власти (знаменитый «мюнхенский путч»). Это тип хулигана, подонка, «бандита без причины», стремящегося к грязным поступкам, бесчинствующего открыто, бессмысленно и жестоко. Этот тип всегда там, где нужно «бить и спасать». На нем держатся все погромы и путчи. Это тип откровенно дезорганизованный, разболтанный, неспособный к постоянной работе и устойчивым взаимоотношениям. Им движет слепой протест против любых «признанных» авторитетов и, одновременно, готовность идти за «сильным человеком», поддаваясь любой, самой оголтелой пропаганде. Он не знает, чего он хочет. Грубость и физическая сила — то, чему он поклоняется. Подчас, это садист, но садист животно-трусливый. Такие люди презирают себя и самоутверждаются в насилии и жестокости. Это и были гитлеровские штурмовики. Однако, сделав свое дело, они обычно становятся ненужными. В Германии большую их часть истребили в знаменитую «Ночь длинных ножей».

Изменение ситуации потребовал смены психологического состава групп. Стали нужны носители других разновидностей авторитарности. Среди них были и редкие, причем вполне узнаваемые. Так, за типом «Функционера-манипулятора» просвечивал Г. Гиммлер. Т. Адорно описывал его как человека, вполне свободного от идеологических догм, но во всем интересующегося конкретным устройством, начиная с детства: часов, лягушек, концлагерей. Он раз-

---

[120] *Adorno T. et all.* Authoritarian Personality. — N. Y., 1950.

бирал на части готовые устройства, демонтировал их и создавал новые модели. В основе его действий всегда лежали трезвость, практицизм и особая «пустота чувств». Единственным принципом для него была Организация, Метод, Порядок. Собственно, он и привел Германию к тому самому «идеальному» гитлеровскому порядку — с гестапо, СС, концлагерями. В их создании проявлялась непреклонная последовательность. Отдельные люди стали выступать не более чем средством, вещью. Это тип холодного игрока. Существенная деталь: с неугодными сам расправляться не любил, предпочитал всеобщие методы — типа газовых камер.

Ограничимся еще только одним примером психологического типа, узнаваемо входившего в базовую малую группу гитлеровского руководства. Это так называемый «чудак» или «причудливый тип». Творец совершенно невероятных идеологически-пропагандистских конструкций, граничащих с откровенно бредовыми системами. От теорий «космического льда», мифов о Нибелунгах, до евреев, пьющих кровь младенцев. Тип, искренне верующий, и потому обладающий даром пропагандистского убеждения. Готовый пойти на смерть, на самоубийство ради веры в своего кумира. Одновременно, страдающий манией преследования, обожающий конспирацию, но выискивающий заговоры и готовый их решительно подавлять. Кто это? Геббельс, Розенберг или просто обобщенный тип — непременный участник авторитарной политической группы почти в любой стране, в разные исторические периоды?

Одна из последних оригинальных попыток создания собственно психологических типологий групп в политике была предпринята в конце 70-х гг. в рамках так называемой «соционики» (науки, претендующей на комплексный охват всех социальных явлений) тогда еще советскими исследователями — в частности, А. Аугустинавичюте. В 80-е гг. эти попытки продолжили украинские ученые А. Букалов и В. Гуленко, выдвинувшие оригинальную гипотезу «смены квадр» в истории.

Согласно этим воззрениям, существуют 16 психологических типов, которыми исчерпываются все возможные разновидности людей и описываются их возможности. 16 типов разбиваются на четыре четверки — «квадры». Каждая из них — своего рода «психологическая семья», в которой каждому из четырех отводится свое место, и все со всеми находятся в теплых, дружелюбных отношениях. В каждой «квадре» — своя особая атмосфера, свой стиль общения, свой дух. «Квадра» — психологическое убежище от невзгод социума, способное утешить, дать смысл и цель жизни, обогреть и доказать, что ты ценен, нужен и не одинок. «Квадра» — это особая группа, формирующаяся на принципах чисто психологической взаимной дополнительности ее членов.

Согласно этой точки зрения, политика есть прежде всего отражение динамики смены доминирования таких групп («квадр»} на общественно-политической арене. Они существуют в обществе все одновременно, но выполняют разные функции. Периодически к власти приходит та или иная «квадра» — и тогда следуют перемены.

В «альфа-квадре» обычно рождаются, но не реализуются идеи. Реализация, воплощение — удел «бета-квадры», где вместо интеллектуалов верховодят сильные люди, способные сплотить всех во имя достижения реальной цели. «Гамма-квадра» — группа реформаторов, обычно подвергающих переоценке достижения своих предшественников. Как правило, этой «квадре» особенно свойственны либеральные идеи равных возможностей, конкур ентн ости и экономического процветания. Наконец, последняя, «дельта-квадра» — группа, где

ценятся традиции, гуманизм, экологическое равновесие, комфорт, поиск баланса между индивидом и обществом.

Сторонники соционики иллюстрируют свои идеи. Идея коммунизма, как и положено всякой идее, вызрела в «альфа-квадре» (в нее входили явно близкие по психологическому типу К. Маркс, ф. Энгельс, все социалисты-утописты и поздние теоретики — Плеханов. Мартов и даже «ренегат Каутский»). Однако ничего практического они сделать не могли. Воплощать в жизнь «призрак, бродивший по Европе», выпало революционерам-практикам явно из «бета-квадры», в которую входили также близкие по психотипу люди — например, Троцкий, Ленин, Сталин, Зиновьев, Каменев, Дзержинский и др. Вся партийно-революционная верхушка «ленинского призыва», практически весь ленинский ЦК— яркие представители «бета-квадры». Свойственный ей стиль отношений и управления — тоталитарный, жестко иерархический. Во главе вождь, под ним покорная масса, стройная социальная пирамида жестко сцементирована религиозно-идеологической доктриной (в данном случае — идеей коммунизма). Структура жесткая, унитарная, базирующаяся на единообразии и централизме. Собственность обобществляется и управляется централизованно. Командно-административное построение общества и потребность во враге для поддержания постоянной мобилизованности со временем приводит к поиску внутренних врагов, по мере истребления внешних. Так система приводит себя к саморазрушению: репрессии уничтожают почти всех заметных людей. Подчеркнем: это отражение не «злых умыслов» или четких целей, а его лишь свойств психологического типа объединенных в данную группу людей. А уж объединяются они в эту «квадру» сами, по принципу «рыбак рыбака видит издалека».

С естественным (возраст) и искусственным (взаимоистребление) ослаблением данной «квадры» на смену ей в истории пришла (начиная с Н.С. Хрущева и уж наверняка с Л.И. Брежнева) «гамма-квадра». В этом смысле, Горбачев и Ельцин — одного поля ягоды. Их путь — постепенный отход от прежних ценностей, отступление от «восточных» целей в пользу более «западных» (уже в 70-е годы психологически в стране было создано общество массового потребления — правда, потреблять было нечего). Поэтика героизма и патриотизма («бета-ценности») сменились на индивидуальные ценностные ориентации.

Теоретически, на смену «гамма-квадре» должны придти «успокоители», «гармонизаторы» и «гуманизаторы» из «дельта-квадры». Однако В. Путин — достаточно типичный представитель «бета-квадры». Соционики объясняют это тем, что «альфа» и «дельта-квадры» принципиально не способны на первые роли в политике — не хватает того, что в просторечии именуется «силой воли». И люди типа А. Собчака или Г. Явлинского (типичные представители «дельта-квадры») не способны занимать «кресло № I». Как, впрочем, неспособнык этому были ни Т. Компанелла, ни К. Маркс, ни, тем более, исключенный в свое время за «аморалку» из «Союза коммунистов» Ф. Энгельс.

Значит, реальные политические действия возможны только по двум направлениям: «бета» или «гамма». «Альфа» же и «дельта»-квадры осуществляют необходимую в политике, но не первостепенную роль идейно-ценностного обеспечения. Исторический опыт показывает: в абсолютном большинстве случае случаев власть принадлежала представителям «бета» или «гамма»-квадр.

Однако для нас в данном контексте важно другое. Действительно, группы в политике формируются и функционируют на основании внутреннего, психотйпического сходства входящих в них людей. Собственно говоря, потому те или иные люди и входят (или не входят) в те или иные политические группы, что здесь сталкиваются разные психологические типы. Политическая психология не

имеет права упускать из вида эти моменты — пусть даже они пока еще не доказаны с абсолютной точностью.

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАЛЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

Понятно, что малые группы в политике различаются уровнем своего развития. Первичная партийная организация и Совет безопасности России — формально, совершенно несопоставимы. Однако еще практика советских времен показала, что с психологической точки зрения, заседания комсомольского бюро (скажем, факультета психологии университета) мало чем отличались от заседаний бюро горкома, обкома партии, да и политбюро ЦК КПСС. В достаточно однородной партийно-политической среде, в одной и той же, политической сфере, действуют примерно одни и те же человеческие, психологические механизмы политического поведения. Разумеется, с некоторыми поправками на возраст, опытность, масштаб решаемых задач и т. п., однако базовые механизмы остаются аналогичными.

Современный отечественный опыт столь же недвусмысленно показывает, что даже многопартийная, плюралистическая или вообще нейтральная в партийном плане среда мало чего меняет. Как только возникает некая группа как субъект политического действия, начинают действовать все те же аналогичные психологические механизмы политического поведения людей. Многочисленные исследования процессов формирования политических групп позволяют выделить пять основных этапов (именно они выделяются подавляющим большинством инструкций по строительству партийных групп в партиях самых разных стран и различных ориентации).

1. Этап «номинальной группы»

Как правило, это случайно собравшееся (не имеет значения, добровольно или добровольно-принудительно) некоторое количество людей, желающих (или просто согласных) заниматься политической или околополитической деятельностью. Пока еще они не представляют собой группу как некую целостность в силу хотя бы просто недостаточного знания друг друга и отсутствия понимания тех общих признаков, которые могут превратить их в такую группу. Основная функция данного этапа— знакомство, «обнюхивание», выяснение того, «кто есть кто». Часто это сочинение манифестов, дискуссии на общеполитические темы подписание разного рода обращений, меморандумов и т.д.

2. Этап «ассоциативной группы»[121]

Это этап, на котором уже возникают некоторые первичные связи, ассоциации между членами группы и той деятельностью, которой они собираются заниматься. Здесь появляются первые признаки организации (как правило, исключительно формальные — создавая новую первичную организацию, представитель организации вышестоящей рекомендует кого-то на роль председателя, секретаря и т. п.}. Так возникает формально организованная группа, члены которой имеют вроде бы идентичные цели, хотя обычно плохо представляют их себе в реальности.

[121] Поскольку большая часть исследований данного направления выполнена в англоязычной традиции, нам приходится заимствовать некоторые англицизмы, чтобы не усложнять текст описательным переводом.

3. Этап «кооперативной группы»

Этап «кооперативной группы» отличается уже большей общностью между ее членами. Он характеризуется появлением уже определенного единства целей, интересов и действий, а также появлением первичного опыта совместной групповой деятельности и первичных общих групповых переживаний (связанных, например, с проведением некоторых политических акций, участием в демонстрациях, контактов с другими политическими группами). На данном этапе, в дополнение к формальным связям и распределению ролей, в процессе совместной политической деятельности уже развиваются неформальные взаимоотношения между членами группы.

4. Этап «корпоративной группы»

На этом этапе группа отличается наличием уже достаточно устойчивой общности интересов, целей, действий, групповых переживаний, формальным и неформальным, организационным и психологическим (включая интеллектуальное, эмоциональное и волевое) единством группы в целом, однако часто еще характеризуется проявлениями группового эгоизма и индивидуализма, подчас включая и антисоциальные ориентации. Такие группы могут противопоставлять себя другим группам, даже внутри вроде бы родственной, общей политической структуры.

Такие группы носят самодостаточный (по их представлению) характер. Примеров таких групп немало: от легальных оппозиционных партийных или парламентских фракций до групп заговорщиков и политических террористов. Известны случаи, когда такие корпоративные группы захватывали власть над всей породившей их организацией или обществом в целом, заставляя их служить своим целям.

5. Этап «коллектива»

Мы специально берем этот термин в кавычки, чтобы показать его несоответствие столь привычному в литературе советского периода «коллективу» как, прежде всего, производственному объединению людей. В формировании политической группы коллектив — это стадия развития группы. Она характеризуется не просто устойчивой общностью интересов, целей, действий и групповых переживаний; организационным и психологическим (включая интеллектуальное, эмоциональное и волевое) единством — это свойственно и этапу «корпоративной группы». Этап коллектива отличается высшим уровнем осознанности всех этих моментов и максимальной консолидированностью действий членов группы. Кардинальное отличие коллектива в политико-психологическом смысле от корпоративной группы — в доминировании просоциальных целей. Коллектив не бывает самодостаточным, его члены рассматривают себя и свою группу как инструмент общественного развития.

Обратим внимание на то, что именно это различие направленности — на достижение собственных, групповых, или общественных целей — и есть единственное существенное политико-психологическое различие между двумя последними группами. Все остальное у них — общее: максимальное единство интересов, целей и действий, формальных и неформальных, организационных и психологических связей и отношений. Коллектив и корпоративная группа — одинаково высшие стадии развития группы как субъекта политики. Все предшествующие стадии —лишь промежуточные этапы.

Самое любопытное заключается в том, что описанные этапы совсем не обязательно выступают как последовательные, причем обязательно сменяющие друг друга. Группа может остановиться в своем развитии на любом из описанных этапов, начиная с первого и, даже, распасться, перестав существовать как группа. Вот только миновать тот или иной этап в своем развитии, перескочить через него практически невозможно. Хотя сроки прохождения каждого из этапов, разумеется, сильно варьируют в зависимости от зрелости и опыта членов группы, активности лидера и других факторов.

ВНУТРЕННИЕ МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Помимо описанных этапов становления группы как субъекта политического действия, большое значение имеют внутренние, собственно психологические процессы взаимодействия людей, которые и ведут к развитию группы или препятствуют ему. Особенно они проявляются на начальных стадиях развития партийной группы.

Согласно данным специальных исследований, *на первой стадии* члены группы присматриваются друг к другу и к лидеру, адаптируются к условиям предстоящей деятельности, знакомятся с ближайшими и отдаленными перспективами, распределяют между собой функциональные обязанности и налаживают систему взаимодействий. Отношения строятся прежде всего на основе формальных связей. Поведение членов группы в основном определяется их прошлым опытом, деятельностью в других группах.

На второй стадии в основном завершается процесс взаимного изучения членами группы друг ДРУ^ и происходит их сближение на основе симпатий, склада характера, частных интересов и т. д. В результате, возникают первичные микрогруппы. Как правило, выделяется активное ядро политической группы, нацеленное на эффективную политическую деятельность. Наряду с ним, образуется группа «добросовестных исполнителей», осознающих и исполняющих свои обязанности, но обычно не проявляющих собственной инициативы в решении групповых вопросов. Иногда здесь же возникает и «микрогруппа пассива», состоящая из людей, стремящихся быть в стороне от основной деятельности группы и найти себе работу полегче. Нс исключены и случаи проникновения в политическую группу сознательных дезорганизаторов, пытающихся разрушить складывающуюся структуру или же создать альтернативное руководство — например, с целью психологического раскола группы.

С появлением первичных микрогрупп начинает действовать механизм психологической саморегуляции группы. Как правило, «активное ядро» оказывает поддержку лидеру, активизирует «добросовестных исполнителей», осуществляет угнетающее воздействие на «группу пассива» и противодействует дезорганизаторам. Так начинает функционировать групповое мнение, способствующее преодолению подчас возникающих между микрогруп-пами конфликтов.

На третьей стадии идет процесс консолидации группы. По мере развития совместной деятельности, нарастают позитивные процессы. Укрепляются связи между членами группы, усиливается позитивный психологический климат, возникает эффект «группового облегчения» деятельности отдельных членов группы от того, что они осуществляют ее именно в группе. Усиливается авторитет лидера, расширяется «активное ядро», к которому присоединяются бывшие «добросовестные исполнители». «Группа пассива» и «дезорганизаторы» либо

перевоспитываются под влиянием группового мнения, либо изгоняются за пределы группы.

Так выглядят основные собственно психологические механизмы, на основе которых «срабатываются» люди, образуя группу как субъект политической деятельности. Они поддаются достаточно объективному изучению с помощью метода социометрии, и регулируются методом социодрамы. Процессы функционирования группы обычно контролируются лидером. Стремясь кратчайшим путем решить поставленную перед группой задачу, лидер вынужден неравномерно распределять нагрузку. Если его действия выходят за пределы ожидаемого, «законного» или оправданного делом поведения, в группе возникают напряженность враждебность. Хотя их источник — лидер, но они могут не направляться на него, если лидер озаботится либо отысканием «козла отпущения» (член группы с самым низким статусом), либо найдет себе помощника — эмоционального лидера для сглаживания противоречий[122].

ЛИДЕР И ГРУППА

Группа немыслима и невозможна без лидера. Группа выдвигает лидера, лидер формирует группу. В этом смысле, лидер и группа— близнецы-братья. Однако взаимоотношения между ними складываются по разному. Зависят они в первую очередь от принципов, на основе которых люди включаются в группу. Этих принципов сравнительно немного.

Во-первых, это принцип единства взглядов и убеждений. При его торжестве мы видим достаточно сплоченные, часто эффективные, но не всегда высокопро-фессиональные группы, отличающиеся прежде всего глубокой верой в собственные взгляды и убеждения. К сожалению, часто они находятся под обаянием собственной пропаганды, что сужает их кругозор и препятствует более широкому восприятию происходящего. В политике такие группы — заложники своей идеологии.

Во-вторых, это принцип компетентности — при его торжестве мы видим сплоченные, эффективные, высокопрофессиональные группы, отличающиеся серьезными результатами. Лучший пример — пресловутые «команды» американских президентов последних десятилетий, начиная от уже почти легендарной «команды Джона Кеннеди» — «мозгового треста», сумевшего во многом повернуть и страну, и всю международную ситуацию.

В-третьих, это принцип личной преданности лидеру— обычно, в группах вождистского типа. Когда торжествует именно этот принцип, мы видим многочисленные проблемы. С одной стороны, торжествует беспрекословное подчинение лидеру. С другой стороны, вся ответственность в принятии решении падает исключительно на самого лидера — все остальные выступают лишь как исполнители его воли. Отсюда снижение эффективности и профессионализма, обилие конфликтов за близость к лидеру и, в итоге, снижение результатов.

Разумеется, есть и иные мотивы и принципы формирования групп в политике, но наиболее встречающимися являются три названных. Важность выбора принципа формирования группы в политике определяется тем, что после прихода группы к власти взятый ей на вооружение принцип как бы автоматически переносится на все государство. Это иллюстрируется, среди прочего, в действии так называемого закона «трех команд» лидера и их обязательной, для эффективного функционирования, смены.

[122] Эти пути были проверены экспериментально. См.: *Gallacher J., Burke P.J.* Scapegoating and leader behavior/ // Social forces. — 1974. — Vol. 52. — № 4. — P. 481—488.

ГРУППЫ – «КОМАНДЫ» ЛИДЕРА

Феномен «команды» в политике впервые был зафиксирован и осмыслен М. Вебером в рамках западных демократий. В известной работе «Политика как призвание и профессия» он отметил свойственную западным демократиям склонность рассматривать государство как своего рода поставщика постов и должностей для соратников победившего президента или функционеров выигравшей выборы партии. Там же он отметил, что влиянию «команд» все больше противостоит нарастающая бюрократизация государства — появление профессионального слоя независимых от исходов выборов, профессиональных чиновников, — без чего возникала роковая опасность чудовищной коррупции, что поставило бы под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата. Подчас, отмечал М. Вебер, дилетантское управление делящих добычу политиков в США заставляло сменять сотни тысяч чиновников — вплоть до почтальонов, Так приход к власти одного человека, нового лидера, менял не только одну, непосредственно окружавшую его малую группу, но вел к смене множества малых групп — поскольку каждый из приближенных, в свою очередь, располагал своей малой группой. Так, из совокупности малых групп, возникала большая группа — в терминологии М. Джиласа, «правящий класс» или, проще, «элита».

В истории и современности выделяются несколько типов непосредственных «команд» лидеров, формировавшихся на различных основаниях. Эти основания представляют собой своеобразные параметры общности, объединяющие лидера с «командой» и сплачивающие их в единую группу. Рассмотрим их в относительно хронологическом порядке[123], хотя будем иметь в виду что выделение принципов формирования в чистом виде достаточно условно — обычно, команды формируются на основе нескольких принципов, хотя ведущим и определяющим все же является один.

1. Команда, страящаяся на основе родоплеменного принципа

В истории примерами «команд» такого рода в Европе были королевские династии — например, династия Валуа во Франции, Тюдоры в Англии и т. д. В России — княжеские роды, опиравшиеся на родо-племенные дружины. В странах современного Востока это либо семейные кланы (например, клан С. Хусейна в Ираке, Х. Ассада в Сирии, Ф. Маркоса на Филиппинах и т. п.), либо непосредственно родо-племенные структуры типа казахских джузов или чеченских тейпов. Главной особенностью команд, основанных на данном принципе, считается относительное равенство лидера с другими членами команды — он считается лишь первым среди равных. Такие команды основаны на гомогенности.

2. Команда, строящаяся на основе опричнины

Классический пример команды такого рода — опричнина И. Грозного. Фактически, это были первые варианты наемных команд, противопоставляемых лидером официальным исполнительным и совещательным структурам. Это своего рода личный совет лидера, всем обязанный ему и готовый исполнить любую его волю. Как правило, команды такого рода появляются в периоды реформирования государств и обществ, когда «сверху» вводятся новые иерархические

---

[123] Некоторые фрагменты данной классификации разработаны С. Земляным — см.: Земляной *С.* Людская аппаратура личной власти суверена. // Фигуры и лица. — Приложение к «НГ». - 2000. — № 13.

принципы. Они основаны на сословном смешении, необходимом для разрушения прежней гомогенности государства и общества.

3. Команда, строящаяся на основе «компании»

Классический пример «компании» — команда Петра I, основывавшаяся на началах смещения сословного и национального, а также (а возможно, прежде всего) на оценке кадров по результатам их деятельности. В командах такого рода личные достоинства членов команды, эффективность их деятельности как бы стирают все прежние различия. Обычно это группа людей, увлеченных общими идеями и целями деятельности, что создает особую общность, в которой при наличии в принципе непреодолимой дистанции между лидером и ведомыми, допускаются внешне достаточно фамильярные отношения и обращения своеобразного товарищества — впрочем, в определенных границах.

4. Команда, строящаяся на основе фаворитизма

Пример часто менявшейся по составу команды такого рода — окружение Екатерины II. Согласимся, что подобный принцип не слишком распространен хотя бы потому, что больше свойственен лидерам-женщинам, а их, все-таки, меньшинство. В истории бывали, конечно, еще большие исключения — например, команда фаворитов-«миньонов» Карла IX во Франции. Несмотря на не слишком частую встречаемость, отметим, однако (минуя нравственные оценки), что в хорошем исполнении (прежде всего, русских императриц Елизаветы и Екатерины II) данный принцип приносил достаточно эффективные результаты. Подкрепление энергичной сексуальной потенцией и, что еще более важно, сексуально-темпераментной совместимостью фаворита и лидера, безусловно, является мощным вспомогательным средством для совместной эффективной политической деятельности.

5. Команда, строящаяся на основе принципиально веррмализуемых отношений типа «Негласного комитета»

Пример был создан Александром I, он так и именовался — «Негласный комитет». По сути, такая команда представляет собой дружеский кружок, выполняющий консультативные функции при лидере. Это даже не «теневое правительство», а партнеры по мозговым штурмам, по проговариванию тех или иных проблем. Команды такого рода но всегда носят функциональный характер — иногда они выполняют лишь психотерапевтическую роль, помогая лидеру «выговориться».

6. Команда, строящаяся как «министерство талантов»

Одной из лучших команд такого рода считается команда Наполеона. Сам термин «министерство всех талантов» возник в Англии в IX веке для обозначения ряда команд, составлявших тогдашние кабинеты министров.

7. Команда, строящаяся на основе некоего тайного общества в качестве «кузницы кадров»

Командой такого рода считали Временное правительство, за которым вроде бы стояли масонские ложи. Еще более явным примером можно считать полпотовскую Кампучию: как уже говорилось выше, после прихода Пол Пота и его соратников к власти долгое время никто не знал даже имен вождей — все распоряжения выходили за подписью «Организация».

8. Команда как политический и личный мозговой трест

Формирование классических команд такого рода исследователи обычно связывают с именем президента США Дж.Ф. Кеннеди. Ему же принадлежит и первенство в осознанном разделении команд на, как минимум, три различных типа:

1) команду — кадровый костяк управления государством;

2) команду личной политической и интеллектуальной обслуги;

3) команду друзей.

До Кеннеди, как правило, эти три разные функции (собственно управление, личная обслуга и психотерапия вместе с релаксацией) обычно соединялись в рамках единой команды.

Так выглядят основные варианты малых политических групп — «команд», строящиеся надостаточно различающихся (хотя подчас и пересекающихся) принципах формирования. Однако при всем их достаточном внешнем многообразии, в основе формирования команд все равно лежат три основных критерия отбора лидером членов своей команды. Еще раз суммируем эти Принципы в качестве вывода:

Принцип 1:	надличностная преданность идее любого рода — от доминирования конкретного рода-племени до духовных идеалов и идейно-политических принципов.
Принцип 2:	профессиональная компетентность или личные достоинства, обеспечивающие эффективность деятельности члена группы.
Принцип 3:	личная преданность лидеру-вождю.

Однако в политике, как известно, не бывает постоянных симпатий или антипатий, а бывают только постоянные интересы. И эти политические интересы подчас требуют смены принципов, в том числе и принципов формирования «команд». Еще раз оставим в стороне вопрос о нравственной оценке такой «беспринципности». В конечном счете, нравственность — сфера религии, а не политики. Сфера политики — реализация тех или иных интересов, связанных с властью. Правда, вступая между собой в конфликт, искаженные интересы и нарушенная нравственность могут приводить к печальным результатам. Но об этом — следующий раздел.

ТРИ «КОМАНДЫ» ЛИДЕРА В ДИНАМИКЕ (типовая модель)

Анализ показывает, что обычно, на практике, лидер не ограничивается какой-то одной «командой». Они меняются с течением времени. В общем виде, можно подразделять три основных «команды»: 1) «команда» прихода лидера к власти, 2) «звездная команда» пика его пребывания у власти, 3) «похоронная команда» завершения лидером своих властных функций. Эти три «команды» выполняют разные функции, формируются по разным принципам и основаниям, и играют разную роль для лидера.

Когда в 1985 г. во главе КПСС встал М.С. Горбачев он однозначно давал всем понять, что не стремится к монополизации власти и не намеревается, в частности претендовать на пост председателя президиума Верховного Совета

страны, собираясь сосредоточиться исключительно на партийных делах. Как и после смерти И.В. Сталина, монополизировавшего власть, было принято решение о разделении основных руководящих постов в партии и государстве.

Время было сложное. У власти стояла прежняя, во многом брежневская команда. Формально лидером государства, главой Верховного Совета СССР, стал М.А. Громыко. М.С. Горбачев же, будучи младшим партнером в возникшей с большим трудом, шаткой коалиции, объективно был вынужден заниматься скрупулезным, медленным, но совершенно необходимым для политика делом — постепенной концентрацией власти.

На первом этапе задуманной им перестройки — а довольно быстро стало ясно, что задумана была именно перестройка власти, — Горбачев объективно нуждался в смене соратников. Чужую «команду», в которой он был младшим партнером как по возрасту, так и по стажу пребывания во власти, в ранге члена политбюро, следовало поэтапно заменить на «свою» — в которой он был бы первым и единственным.

Промежуточным этапом должна была стать вторая «команда» Горбачева, в которой, для начала, можно было из младшего партнера стать первым среди равных. Так появилась «команда единомышленников», людей примерно одного возраста, интеллектуального уровня, близких (хотя и с неизбежными различиями) взглядов и примерно одного уровня политического опыта. Создание такой команды было осуществлено частично за счет введения во власть новых лиц вместо ненужных старых, частично же, за счет переориентации ряда прежних персонажей. Нет смысла перечислять имена — все помнят, например, как неожиданно долго удерживался в Политбюро ЦК КПСС Г.А. Алиев. Или же, напротив, как быстро были отстранены руководители московской (В.А. Гришин) и ленинградской (П.А. Романов) парторганизаций. В итоге, Горбачев постепенно стал лидером — но пока еще лидером новой команды, пришедшей к власти.

Он еще не стал лидером государства, реальным символом и носителем самой власти. И хотя окружающий мир, приветствуя «свежий ветер перемен» в составе советского руководства, помогал М.С. Горбачеву стать полновластным лидером страны, формируя своей поддержкой соответствующий образ, путь предстоял немалый.

Дело в том, что в команде единомышленников-реформаторов, чтобы стать ее лидером, всегда приходится делиться властью, делегировать соратникам немалые полномочия, считаться с ними. Так концентрация власти на этапе обновления команды и осуществления необходимых для этого политических маневров поневоле оборачивается некоторыми потерями: приходится идти на временные жертвы ради будущих побед. Собственные проблемы высшего эшелона поглощают большую часть времени, необходимого для управления страной. Лозунги и декларации, необходимые для решения тактических задач, не всегда находят стратегическое подкрепление — не хватает сил на их масштабную реализацию. Тем более, что много сил уходило на регуляцию взаимоотношений внутри команды — скажем, улаживание конфликтов между Е.К. Лигачевым и А.Н. Яковлевым, которые оба, хотя каждый по-своему, являлись единомышленниками лидера. Или с Б.Н. Ельциным, который, будучи единомышленником поначалу, затем пошел на конфликты. В то же время, накапливались многочисленные новые проблемы — чувствуя, что власть занята своими делами, страна постепенно расслабляется, выбиваясь из рабочего ритма. Тем более, что в условиях тоталитаризма неподкрепленные призывы к демократизации способствуют не созиданию чего-то нового, а лишь разрушению прежнего, а реально, тем самым, всякого порядка.

Созданная команда единомышленников привела М.С. Горбачева к тому, от чего он поначалу вроде бы отказывался — к постам Председателя Верховного Совета СССР, а затем и президента СССР. Первый среди равных стал первым и уже единственным. Ситуация изменилась, и «команда» перестала ей соответствовать. Это становилось все более заметным на фоне того ослабления власти, которое от предкризисной ситуации вело уже к глубокому кризису. Необходимо было что-то срочно делать — тем более, что этому соответствовали и задачи следующего этапа концентрации власти.

В соответствии с этим, М.С. Горбачев пошел на обновление, по сути — на радикальную смену своей команды. XXVIII съезд КПСС изменил принципы и структуры государственного «коллективного руководства»: из генеральных секретарей ЦК (как это было раньше) М.С. Горбачев стал генеральным секретарем КПСС. Его, как и весь ЦК, избирал весь съезд — значит, при случае он мог сказать ЦК: мы с вами «на равных», я вам не подотчетен. Такую позицию в свое время использовал Н. Чаушеску в Румынии.

Но такой «демократизации партийной жизни» было мало. Нужна была капитальная смена команды. В подобных ситуациях лидеру всегда требуется избавиться как от тех былых единомышленников, которые воспринимались страной как слишком «левые», так и от тех, которые слыли слишком «правыми». И А.Н. Яковлев, и Е.К. Лигачев стали жертвами одних и тех же обстоятельств. В результате, вместо единомышленников и соратников появились просто заместители из числа новых, заведомо ни в чем не равных лидеру лиц. Не случайно «последние из могикан» прежней команды, Н.И. Рыжков и Э.А. Шеварднадзе, уходя в отставку, подчеркивали, что они «друзья» Горбачева.

В результате, на место «команды единомышленников» пришла «вся президентская рать». В командах такого рода нужны не столько ученики, сколько эпигоны; не единомышленники, а исполнители. Они еще больше выделяют своим фоном фигуру лидера уже не команды, а государства. С появлением этой, уже третьей «команды», задачи концентрации власти для Горбачева оказались выполненными.

Так повторилась в очередной раз российская история. Вспомним: через сходные варианты своих «трех команд» проходил Л.И. Брежнев, пока не получил всей полноты власти. Разделял власть, пока не смог овладеть ей полностью, и Н.С. Хрущев, который позднее уже соединял в своем лице все основные руководящие посты. Менял «команды», укрепляя свою власть, и И.В. Сталин. Даже В.И. Ленин, будучи поначалу «младшим партнером» в команде революционеров-теоретиков (сравним хотя бы с Г.В. Плехановым), через последовательную замену соратников пришел к Сталину. которого все считали лишь посредственным исполнителем. Правда, тут и случилась заминка: исполнители вышли из-под контроля и заперли ослабевшего лидера в Горках. Действие закона «трех команд» в политической жизни нашего общества довело М.С. Горбачева до Фороса — до предательства со стороны основных членов его третьей «команды».

Согласно логике политико-психологического анализа, на определенном этапе взаимоотношений лидера со своими «командами» неизбежно появление новых сил, недовольных происходящим. В самом простом варианте это та самая «стая», в которую сбиваются исполнители из третьей «команды», обычно недовольные своей ролью и грядущими перспективами: они прекрасно понимают, что исполнителей, как «винтиков», можно и нужно часто менять, что их обычно держат для того, чтобы постепенно «сдавать», списывая на них кризисные явления. Вот тогда, сбившись в особого рода группу, «стаю», исполнители могут пойти на более серьезные шаги по его смещению.

«ПАРАДОКС ЛИДЕРА»

Суть того, что мы называем «Парадоксом лидера», внешне достаточно проста: не бывает вечных лидеров. Становясь лидером какой-либо группы, набирая лидерские навыки и авторитет, всякий лидер тем самым начинает готовить конец своему лидерству. Достигнув максимального величия, Цезарь пал от руки выращенного им и боготворившего его Брута. Данный парадокс обычно проявляется в двух вариантах.

Парадокс № 1:	становясь лидером большой общности, лидер обречен действовать не в соответствии с интересами той малой группы, которая привела его к этой власти. И тогда данная малая группа начинает отказывать ему в лидерстве и ищет преемника.
Парадокс № 2:	чем более активным, деловым является лидер, тем больше он осложняет межличностные отношения в группе — это ухудшает психологическую атмосферу, что ведет к росту недовольства лидером. Соответственно, чем менее деловым, но более неформальным и дружелюбным является лидер, тем меньше требований к соратникам и ниже эффективность достижений группы — это снижает достижения группы и также ведет к росту недовольства лидером.

В обоих вариантах, рано или поздно группа начинает отказывать лидеру в доверии.

В целом, в основе «парадокса лидера» лежит простая диалектика. С одной стороны, в политике лидер обычно подбирает (формирует) свою группу-«команду». С другой стороны, группа выдвигает лидера, поддерживает его, обеспечивает сменяемость лидеров. Теоретически, можно говорить о двух типах малых групп в политике: зависимых от лидера, «лидерских», и зависимых от внутреннего функционирования самой группы, «отношенческих». Пример группы первого типа — те самые «команды», целенаправленно формируемые самим лидером в западных демократиях президентского типа. Члены таких групп-«команд» преимущественно зависят от лидера. Пример группы второго типа — статусные формальные или неформальные группы, например, в государствах парламентского типа с наличием сильного влияния партийных групп и, особенно, их руководящих органов (типа политбюро). На практике, однако, между группами этих двух типов крайне трудно провести четкие различия. «Лидерская» группа, после того, как ее члены обретают формальные посты во власти и становятся менее зависимыми от лидера, могут превращаться по преимуществу в «отношенческие». Напротив, «отношенческие» группы, после достижения лидером монопольного статуса, превращаются в «лидерские» группы и т. д. Эти процессы носят динамичный характер

Соответственно, проблема эффективного функционирования малой группы как субъекта политического действия требует рассмотрения психологии взаимоотношений такой группы и лидера, анализа причин сменяемости лидеров в таких группах и понимания политико-психологических механизмов этого процесса.

Как уже говорилось, в реальных малых группах не бывает «вечных» лидеров. Многочисленные примеры убеждают, что любой, даже самый авторитетный и популярный лидер рано или поздно перестает быть таковым, наживая себе немалые неприятности. Вопрос заключается лишь в механизме и причинах такого неизбежного конца: либо все дело в динамике отношений между людьми, членами группы, либо в личностных качествах того или иного лидера, либо в фатальном стечении обстоятельств. Специальный анализ, однако, показывает, что все эти причины не являются основными, хотя, как правило, присутствуют, и иногда даже представляются самодостаточными.

Оказывается, что сама позиция лидера в политической группе содержит объективное внутреннее противоречие, безотносительное как к конкретной группе, так и к личности конкретного лидера. Это и есть «парадокс лидера».

Первой посылкой его понимания является уже рассматривавшееся выше разделение деятельности любой группы на две основных сферы: внешнюю и внутреннюю (инструментальную и эмоционально-экспрессивную, ролевую и межличностную, в других выражениях). Две сферы предполагают две структуры группы, направленные на реализацию этих сфер. Две структуры, в свою очередь, подразумевают наличие двух типов лидеров — обычно это сводится к разделению лидеров на формальных и неформальных.

Основным допущением является сомнение в необходимости противопоставлять два типа лидеров, персонифицируя их функции в различных людях. В литературе, правда, декларируется, что противопоставление—плохо, а совмещение лидерских функций двух типов в одном лидере — хорошо. Хотя последнее обычно рассматривается как идеальное «хорошо бы», противостоящее в виде мечты повсеместно распространенному реальному «плохо». Однако опыт показывает, что при разделении лидерских функций двух типов группа как целостность практически перестает существовать. Понятно, что случайное собрание людей, объединенных по ролевым основаниям, и возглавляемое назначенным свыше руководителем (формальная структура) трудно назвать целостной группой, тем более, что все члены такой группы входят еще и в другие, различные, но часто столь же случайные собрания людей, объединенных по эмоционально-экспрессивным основаниям (во главе с «неформальным» «лидером»).

Будем понимать под целостной группой лишь ту, в которой обе структуры: а) присутствуют, и развиты в достаточной мере; б) приближаются lруг к другу. И тогда лидер целостной группы должен быть лидером в обеих структурах такой группы. Думается, что противопоставление двух структур, на самом деле, искусственно, и в жизни мы, все-таки, имеем целостные группы — другое дело, что эти структуры развиты не в одинаковой степени. Присутствуют же они всегда.

Такая логика ведет к тому, что всякий лидер на практике должен достаточно органично выполнять два названных типа функций. С одной стороны, инструментальное «внешнее» лидерство подразумевает его активность и право на инновацию в способах деятельности группы (последняя как раз и делегирует лидеру полномочия для того, чтобы он вводил новые, более эффективные способы достижения групповых целей — ведь иначе не будет развития группы). И с этой стороны он остается лидером до тех и только до тех пор, пока: а) является новатором; б) новаторство его направлено на развитие группы, на достижение ею все более высоких целей. Как следствие, такой лидер разрушает старые, традиционные способы деятельности и порождает новые средства и цели функционирования группы. С другой же стороны, межличностное «внутреннее» лидерство предполагает его пассивность (подчинение группе), и право только на со-

хранение прежних можличностных отношений (ведь только эти отношения, глубинно обеспечивают его лидерство — он должен быть подчинен группе, сливаться с ней и всячески укреплять прежнюю систему взаимоотношений в группе).

Здесь и появляется «парадокс лидера». Для того, чтобы стать (и быть) лидером, он должен демонстрировать образцы традиционного поведения — попросту говоря, «ладить» со всеми членами группы. Став же лидером группы, а тем более, более широкой общности, он вынужден отделяться от группы, подчинять ее себе. Именно здесь содержится названный парадокс: лидер обречен на маятникообразное движение между противоположностями в пределах, определяемых группой и конкретной ситуацией. Он постоянно ходит по лезвию, и речь идет только о том, как долго он сможет по нему ходить. Конец психологически предопределен: рано или поздно «поведенческий маятник» такого движения выскакивает за свои пределы, и тогда следуют санкции со стороны группы, расплата. Лидер перестает быть таковым; его заменяют другим. Лидер партии, становясь лидером страны, объективно не всегда может осуществлять интересы только своей партии. Лидер партийной фракции или группы часто обречен идти против интересов остальной части партии. Лидер группы влияния, выдвигаемый ею на лидерство в масштабах государства, часто вынужден идти против такой «своей» группы. Лидер «команды», став лидером страны, подчас обречен назначать на руководящие посты других политиков в противовес амбициям членов своей «команды». И т. д., и т. п.

Попробуем войти в его положение. Будучи лидером, он ориентирован на достижение своей группой реальных результатов, т.е. обязан заставлять членов группы действовать на все повышающемся пределе возможностей. Это уже противоречит сути позитивных межличностных отношений, описанных еще в Евангелии: «Не пожелай другим того, чего не пожелал бы самому себе». С другой стороны, сам феномен лидерства неизбежно заставляет его задуматься о статусном оформлении лидерства: ему нужны внешние аксессуары, чтобы иметь внешние причины требовать от членов группы, чтобы они работали над достижением групповых целей, которые он представляет в силу «делегирования полномочий». Психологически, он ведь заставляет их работать не на себя, в конце концов, а на них самих. Статусные же признаки увеличивают дистанцию, разрыв с остальными членами группы. Инструментальное лидерство (т.е. осуществление дела) предполагает инновацию, межличностное лидерство ее запрещает.

Если подчинить дело отношениям, пострадают цели группы, и он будет плохим лидером, его «накажут» и, в конце концов, группа может развалиться. В мировой политике много примеров очень «дружеских», но неэффективных политических «команд».

Если же подчинять отношения делу (например, реформированию страны после достижения власти), то нередко созревает бунт внутри собственной группы (даже при ее внешнем процветании) против такого, излишне «делового» лидера. А любой лидер хочет, чтобы его любили и, более того, чтобы эта любовь нарастала. Для большинства это — высшая награда, интимный психологический смысл политической деятельности. Более того, лидер нуждается в этом и для Подтверждения, для гарантирования своего лидерства. Таким образом, он парадоксально нуждается одновременно и в увеличении дистанции (формальный статус), и в ее уменьшении до нуля (неформальная любовь).

Тем самым, он находится всегда в сложном положении, испытывая конфликт двух или нескольких социальных ролей, которые вынужден выполнять один и тот же лидер, и которые его неизбежно «раздирают», При «парадоксе ли-

дера», мы имеем конфликт между социальной (внешней, инструментальной) ролью и ролью межличностной (внутренней, эмоционально-экспрессивной). Причем обе роли обязательны, и на одном высоком уровне. Это делает конфликт мучительным и, часто, непреодолимым.

По существу, это конфликт между тем, что «нужно» (группе, ее существованию, отдельным ее членам и самому лидеру) и тем, чего «хочется» (тем же самым элементом перечисленной цепочки). Разумеется, если следовать некоторым теоретикам, полагающим, что люди объединяются в одни группы потому, что «нужно», а в другие потому, что «хочется», то конфликта не будет. Но это значит, что они, попеременно, руководствуются то «принципом реальности», то «принципом удовольствия». Психология же давно показала, что такого шизоидного разделения в человеке нет. Человек целостен, и руководствуется обоими принципами одновременно — в этом и заключается суть его конфликтности. Осознанное подчинение — еще не залог бесконфликтности.

То же относится и к группе. Даже объединяясь по принципу «нужно» (например, завоевание власти для реализации определенных интересов), люди хотят, чтобы им от этого было хорошо и приятно, т. е. совпадало бы с тем, как им «хочется». И даже формально назначенный руководитель мечтает о том, чтобы его любили. То есть, стремление к совмещению двух структур взаимоотношений присутствует практически всегда и практически у любой группы. Следовательно, стремление к совмещению функций двух типов присутствует у любого лидера. И здесь абсолютно не важно, какая структура, какой тип лидерства «первичен», что послужило основой для создания и выделения группы. Обычно, стихийно, в основе лежат именно эмоционально-экспрессивные, межличностные отношения, но «парадокс лидера» действует и в тех случаях, когда в основе лежит формальное, инструментальное объединение.

Вопрос, которого следует коснуться в заключение — это вопрос о последствиях данного парадокса. Из сказанного как будто следует, что они печальны, ибо конец любого лидера предопределен. Однако, конец одного лидера означает появление другого, более адекватного для группы на новой стадии ее развития. Недовольство членов группы прежним лидером и подготавливает, формирует нового лидера, более соответствующего группе. Непрерывная же динамика появления, выдвижения, становления и смены лидеров, на самом деле, отражает поступательное движение группы. Если бы такой динамики не было, не было бы развития. Очевидно, длительное сохранение одного лидера — ситуация, свойственная определенным, тоталитарным и авторитарным, «персоноцентрическим» структурам, отличающимся застоем и снижением темпов всякого развития. Как известно, в большинстве динамично развивающихся, не патриархальных политических культурах, лидерство в тех или иных масштабах обычно ограничено определенными временными рамками — сроками пребывания на тех или иных политических постах. Это — один из цивилизованных механизмов преодоления парадокса лидера.

Общий вывод оптимистичен: «парадокс лидера» является своеобразным механизмом саморегуляции взаимоотношений в группе. С одной стороны, он включает внутреннюю балансировку позиции лидера (инструментальный и межличностный аспекты). С другой стороны, он подразумевает установление равновесия между требованиями—ожиданиями лидера и группы. В целом же, это в совокупности и образует достаточно устойчивый механизм саморегуляции.

NB

1. Роль групп в политике возрастает и приходит на смену ведушей роли отдельных лидеров. В рамках политической психологии группу можно определить как общность людей, взаимодействующих ради достижения осознанных целей и интересов. Объективно эта общность выступает как субъект политического действия, а субъективно, существует как некоторая отдельная от других общностей целостность. В самом общем виде, группы подразделяются на номинальные и реальные, большие и малые.
2. В более точных типологиях малые группы делятся по 12 основаниям. По направленности действий — на экстро- и интровертированные. По степени групповой сплоченности — на гомогенные и гетерогенные, По проницаемости для новых членов — на проницаемые, полупроницаемые и непроницаемые. По собственным целям группы — на инструментальные и экспрессивные, фунциональные и дисфункциональные. По особенностям группового самосознания — на группы-«мы» и группы-«они». По структуре — на формальные и неформальные. По форме связи участников — на первичные и опосредованные. По значимости для участников — на группы присутствия, референтные и негативно референтные. По продолжительности существования — на кратко- и долгосрочные. По способу принятия решения — на авторитарные, демократические и либеральные. По эффективности деятельности — направленные на результат, на поддержание своей жизнеспособности, на удовлетворенность участников, на личностные изменения, саморазвитие участников. Наконец, они делятся по чисто психологическим основаниям — по общности психотипов членов группы.
3. Этапы формирования малой группы в политике включают: 1) появление «номинальной группы», 2) ее перерастание в «ассоциативную группу», затем 3) в «кооперативную» и 4) «корпоративную» группы, а затем, на высшей стадии, 5) в «коллектив». Внутренние механизмы становления политической группы включают 1) этап знакомства членов группы, 2) появление первичных микрогрупп, 3) консолидацию группы на основании социометрических закономерностей. Проблема взаимоотношений «лидер — группа» упирается в основной принцип, избранный лидером или ситуацией для подбора группы. Суммируем эти принципы. Принцип 1: надличностная преданность идее любого рода — от доминирования рода-племени до духовных идеалов и идейно-политических принципов. Принцип 2: профессиональная компетентность членов группы или личные достоинства, обеспечивающие эффективность деятельности члена группы. Принцип 3: личная преданность лидеру.
4. Малая группа в политике представляет собой то, что в XX веке принято называть «командой» лидера. Исторически прослеживают разные варианты таких «команд». В качестве критерия различения выступает основа сплочения такой группы. Известны родоплеменные основы лидерских «команд». И. Грозный ввел опричнину как основу наемной «команды» лидера. Петр I предпочитал «компанию» как основа дружеской «команды». Некоторые лидеры ценили фаворитизм как основы «команд» особого типа. Были примеры и неформальных связей как основа «команды» психотерапевтического типа. Наполеон ввел понимание «команды» как своего рода «министерства талантов». Александр I трактовал «команду» как «тайное общество». Наконец, Дж.Ф. Кеннеди ввел современно понимание «команды», как «мозгового треста». Развиваясь, расширяя масштабы своей руководящей роли, любой лидер вынужден идти на смену «команд». Как правило, в истории большинство известных персон имело три «команды»: 1) «команда» прихода лидера к власти, 2) «звездная команда» пика его пребывания у власти, и 3) «похоронная команда» завершения лидером своих властных функций. Эти три «команды» выполняют разные функции, формируются по разным принципам и основаниям, и играют разную роль для лидера. Как правило, в первой «команде» лидер часто выступает в роли «младшего партнера — такая «команда» может доставаться

по наследству от прежнего лидера. Вторая «команда» — это «союз единомышленников», «друзей» и «товарищей», обеспечивающих лидеру положение «первого среди равных». Наконец, третья «команда», «стая» возникает при достижении лидером монополии власти и потенциально опасна для него.

5. Особым феноменом во взаимоотношениях «лидер — группа» является так называемый «парадокс лидера». Его суть проста: не бывает вечных лидеров. Становясь лидером группы, набирая лидерские навыки и авторитет, всякий лидер тем самым начинает готовить конец своему лидерству. Парадокс обычно проявляется в двух вариантах. **Парадокс № 1**: расширяя масштабы своего лидерства, становясь лидером большей общности, лидер обречен действовать не в соответствии с интересами той малой группы, которая привела его к этой власти. И тогда данная малая группа начинает отказывать ему в лидерстве и искать более подходящего преемника. **Парадокс № 2**: чем более активным, деловым является лидер, тем больше он осложняет межличностные отношения в группе, тем больше это ухудшает психологическую атмосферу, что ведет к росту недовольства лидером. Соответственно, чем менее деловым, но более неформальным и дружелюбным является лидер, тем меньше требований к соратникам и ниже эффективность достижений группы. Это снижает достижения группы (хотя улучшает психологический климат) и также ведет к росту недовольства. В обоих вариантах, рано или поздно группа начинает отказывать лидеру в доверии. За счет этих механизмов происходит саморегуляция взаимоотношений «лидер — группа».

ДЛЯ СЕМИНАРОВ И РЕФЕРАТОВ

1. *Агеев В.С.* Психология межгрупповых отношений, — М., 1983.
2. *Вятр Е.* Социология политических отношений. — М., 1979.
3. Десев Л. Психология малых групп. — М., 1979.
4. Земляной С. Людская аппаратура личной власти суверена. // Фигуры и лица. — Приложение к «НГ». — 2000. — № 13.
5. Социальная психология. — М., 1975.
6. Hare *A.P.* Handbook of Small Group Research. — N. Y., 1963.
7. Mardon *T.* Wm. The Small Group Methods and the Study of Politics. — Evanston, 1969.
8. Thibout *J.W., Kelley H.H.* The Social Psychology of Groups. — N. Y., 1967.

Глава 7

ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ. БОЛЬШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Роль и место больших групп в политике. Социально-профессиональные группы, страты, классы и. слои населения как разновидности больших групп в политике. Марксистский и веберианский подходы: их антагонизм и способ его преодоления.

Влияние принадлежности к большой социальной группе на психику человека. Обыденная групповая психология: истоки, содержательные компоненты, основные проявления. Роль социально-экономических условий жизни.

Групповое сознание как высший уровень развития групповой психологии.

Групповая идеология: механизмы формирования и распространения групповой идеологии; основные параметры содержания групповой идеологии и его

особенности. Ценности, нормы и образцы поведения как основные компоненты групповой идеологии.

Диалектика развития: «группа в себе» и «группа для себя».

Политико-психологические уровни общности больших социальных групп и их характерные признаки: 1) наличие внешнего сходства (внешне-типологический» уровень), 2) развитие группового самосознания (внутренне-идентификационный» уровень), 3) появление общих интересов и ценностей, осознание их единства и появление единства действий («солидарно-действенный» уровень). Условия и фокторы, влияющие на динамику политико-психологического развития больших социальных групп.

Некоторые черты политической психологии основных больших социальных групп.

Психологические особенности маргинальных групп и слоев населения. Психологические истоки политического радикализма. Психология люмпенства.

Банально повторять, что основную роль в политике играют большие социальные группы людей. Как давно известно, политика начинается там, где тысячи и миллионы людей — только там и существует настоящая политика. Эти тысячи и миллионы людей голосуют на выборах и составляют побеждающее на них большинство. Они определяют рейтинг доверия или недоверия тому или иному лидеру, ограничивая тем самым его политические действия. Наконец, эти тысячи и миллионы в критических ситуациях выигрывают или проигрывают войны, совершают революции, обеспечивают или не обеспечивают своим трудом экономическое развитие своих стран и человечества в целом.

Общество делится на большие группы. Называть их можно по-разному. Когда-то в XIX веке возникли два основных подхода к пониманию больших групп. Немецкий философ К. Маркс предложил разделять общество на классы. Немецкий социолог М. Вебер стал делить их на страты. И хотя разница в названиях не казалась столь существенной, именно за счет этого возникли два принципиально разных пути, по которым пошло человечество.

Одна его часть (марксисты, социалисты) поверила в незыблемость классового подхода и классового разделения людей. Под классами понимались «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»[124].

Исходя из того, что социальное бытие определяет социальное сознание, был сделан однозначный вывод о том, что собственность на средства производства определяет социальную структуру, человеческую психологию и все взаимоотношения людей в обществе. В рамках данного подхода, именно собственность стала определять практически все. В одиночку же изменить отношения собственности на практике было практически невозможно, и человек стал как бы рабом своего класса. Так возник культ классового подхода — классовая принадлежность человека стала определять все для сторонников данного направления.

Другая часть (веберианцы, капиталисты) поверила продуктивную роль динамичных, быстро развивающихся и меняющихся местами страт. Они не стремились к жестким определениям и, более того, не культивировали их. Исходя из

[124] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т.39. — С.15.

того, что не все в жизни так жестко детерминировано материальным положением человека (более того, согласно М. Веберу, развитие капитализма было связано с духом протестантской этики, то есть с религиозными верованиями людей), был сделан вывод о значительной роли индивидуального сознания. Ни в коей мере не отрицая роль собственности, это снимало с человека ярмо раба своего классового происхождения. Не сводя все только к собственности, деление на страты учитывало и занятость, и доходы, и бытовые условия, и образование, и психологические черты, и религиозные убеждения, и стиль поведения, и мн. др. Так возник культ свободного индивида с его неотъемлемыми правами — свободного в своем социальном действии, которое и определяет и его социальное положение, и его психологию. Которая, в свою очередь, определяет его социальное действие.

В свое время, побывав в Москве, проблему «двух культов» (класса и классового коллектива, свойственного социализму, и свободного индивида, особенно присущего американскому капитализму) попытался осознать президент Франции Ф. Миттеран. Он говорил о том, что это — как бы две стороны одной и той же медали, искусственно противопоставленные друг другу. Он утверждал, что человеку нужно и то, и другое: и индивидуальные права, и права социальные. Что человек — и индивид, и член коллектива одновременно. Ф. Миттеран считал в 70-е гг. теперь уже прошлого века, что СССР и США пошли полярными путями, а страны Западной Европы (в качестве примера он приводил Францию) пытаются нащупать компромиссный вариант. Нет смысла оценивать теперь уже прошедшие политические аспекты сказанного, однако они продолжают иметь большое методологическое значение для понимания данной проблемы.

Для политической психологии принципиально важным был вытекающий из этого противостояния жесточайший конфликт между тем, что в марксизме культивировалось как «классовое сознание» (подчинявшее себе сознание индивидуальное), а в антимарксизме — как «гражданское (индивидуальное) сознание», отрицавшее сознание классовое. И в современных условиях понятие классового сознания вызывает многочисленные дискуссии. С одной стороны, выражаются сомнения в самой реальности существования классового сознания — оно объявляется либо вообще фикцией, не имеющей ничего общего с реальной психологией класса, либо случайным и временным психологическим эпифеноменом идеологической природы. С другой стороны, развиваются тенденции деидеологизации в трактовке классового сознания и его прямого отождествления с классовой психологией. Понятие классового сознания до сих пор является предметом идейно-политической борьбы: если «справа» его склонны сводить к стихийному социально-психологическому процессу, то «слева» его представляют «чистым листом бумаги», на котором «пишет» свои программы и лозунги «авангардная партия» и ее идеологи.

Само течение времени, однако, все больше демонстрирует, что данный конфликт контрпродуктивен, и выдвигает настоятельное требование избегания данных понятийно-терминологических споров. Действительно, долгое время два описанных выше подхода, марксистский и веберианский, утвердившиеся каждый на своей части планеты, диаметрально противостояли друг другу. Но во второй половине XX века стало понятно, что они не так уж взаимоисключаемы. Общественное развитие шире любого теоретического подхода. Оказалось, что очень во многом они не противоречат, а дополняют друг друга. В итоге, были признаны и «классы», и «страты», и даже промежуточные понятия — социальные группы и «слои» населения.

Не будем спорить о словах. Не будем абсолютизировать роль термина «классовое сознание». Заменим его на более широкое понятие, включающее не только классы, но и страты, и слои — на понятие больших социальных групп.

Объективным фактом является то, что социальное положение человека влияет на его психику. Принадлежность к той или иной большой социальной группе формирует определенные психологические типы. Большие социальные группы выделяются, с психологической точки зрения, в первую очередь на основе ведущей деятельности, которой заняты входящие в них люди — по ее характеру, особенностям, разновидностям и т.д. А поскольку именно такие группы «делают» серьезную большую политику, то они являются предметом политико-психологического рассмотрения.

СОЦИАЛЬНО ГРУППОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Приведем только один пример того, как социально-экономическое положение человека, его принадлежность к двум самым общим группам, богатых и бедных, определяет особенности его психики — причем не сознания вообще, а совершенно конкретных психических функций. В известном американском эксперименте 100 подростков предлагалось нарисовать однодолларовую монету, постаравшись, чтобы ее размеры максимально совпадали с реальными. Потом рисунки соизмеряли с реальной монетой. Оказалось, что точно задание не выполнил никто. Однако ошибки были показательны. У одной группы подростков (и это были выходцы из бедных семей) монета на рисунке намного превышала настоящую. У другой группы (выходцы из богатых семей), наоборот, нарисованный доллар был меньше настоящего. Так все стало очевидным. Что такое один доллар для подростка из богатой семьи? Мелочь, разменная монета. И подсознательно он преуменьшает ее размеры. Напротив, для ребенка из богатой семьи доллар — это деньги, которые еще заработать надо. Соответственно, так же подсознательно он видит его преувеличенным и преувеличивает его размеры. После этих экспериментов бессмысленно говорить о различиях в мировоззрении и мировосприятии представителями разных социальных групп и слоев. Оно очевидно, это различие, причем на совершенно досознательном уровне: они действительно по разному воспринимают и отражают один и тот же мир, одни и те же вещи. И, естественно, они по разному ведут себя в этом внешне одинаковом для всех мире.

Данные эксперименты показали и истоки таких различий в мировоззрении и мировосприятии. Во-первых, это личный жизненный опыт человека, непосредственно зависящий от социально-экономических условий жизни той большой социальной группы, к которой принадлежит он и, в данном случае, его семья. Во-вторых, это его личное общение, обсуждение текущих жизненных проблем, большая часть которого как раз и происходит в рамках того же социально-группового окружения.

Разумеется, нельзя абсолютизировать роль социальной обусловленности психики, однако игнорировать подобные вещи нельзя. Ведь различия в восприятии того же доллара на всю оставшуюся жизнь определяют разные взгляды и жизненные позиции этих подростков, их разное социально-политическое поведение.

Социально-групповая психология — это те особенности сознания и поведения, которые представляют собой отражение условий жизни, ведущей деятельности и особенностей общения большой группы людей. Основу социально-групповой психологии, так или иначе влияющую на все другие ее стороны и

проявления, составляют основные общие потребности людей, составляющих данную большую социальную группу.

Сами потребности редко носят выраженный политический характер. Однако над потребностями надстраиваются уже политические интересы и ценности группы, выступающие в качестве средств реализации базовых потребностей. Условно говоря, увеличение достатка и повышение качества жизни можно считать потребностями, общими для всех социальных групп. Однако овладение политической властью или достижение влияния на нее — уже совершенно не обязательный интерес для тех, кто заинтересован не просто в достатке, а в сверхприбыли. Скорее, он заинтересован в консервации той политической ситуации, которая позволяет ему спокойно ожидать эту сверхприбыль. Противоположный пример. Политическая ценность свободы слова — не абстракция, а конкретное условие получения средств к существованию для такого социального слоя, как интеллигенция, то есть, прямое следствие одной из базовых потребностей этой группы.

Социально-групповая психология, отражая реальную жизнь, первоначально складывается как бы в элементарно инстинктивную политическую психологию больших социальных групп. Однако осознаваясь, кристаллизуясь и оформляясь в слова, она развивается в социально-групповое сознание.

СОЦИАЛЬНО ГРУППОВОЕ СОЗНАНИЕ

Социально-групповое сознание — в системном понимании, это исторически обусловленный уровень осознания членами большой социальной группы (класса, страты, социального слоя) своего положения в системе существующих социально-политических отношений, а также своих специфических социально-групповых потребностей и интересов. Феномен социально-группового сознания характеризуется тесным переплетением политико-психологических и идеологических элементов.

Социально-групповое сознание — продукт длительного социально-исторического развития, в основе которого лежит все та же динамика потребностей людей, принадлежащих к данной большой социальной группе, и возможностей их осуществления, а также связанных с этим представлений и практических социальных действий людей.

Как уже вполне ясно из сказанного, генетически социально-групповое сознание представляет собой особый феномен, производный от обыденной, повседневной социально-групповой психологии — от того непосредственного, стихийного, эмоционально окрашенного и во многом случайного психического отражения социально-экономических, политических и всех прочих условий жизни и общественного бытия большой группы, которое формируется как результат освоения индивидом совокупного опыта своей большой социальной группы, личного жизненного опыта ее представителей и результатов их общения между собой.

Различающиеся условия бытия разных больших социальных групп порождают в первую очередь различные потребности, интересы и мотивы деятельности людей. В своей совокупности они складываются в специфические, частично осознаваемые, частично неосознанные психологические особенности, общие для большинства представителей больших групп. Именно в общности психических черт, типичных для членов класса, и выражается реальность социально-групповой психологии. Осознаваемые элементы этой психологии, трансформируясь определенным образом (в частности, приобретая более строгие и рациона-

лизированные формы — например, в виде ценностных ориентации, вырастающих на основе потребностей и мотивов действия), составляют основное содержание социально-группового сознания.

Основными отличительными особенностями социально-группового сознания, отличающими его от массового сознания и от иных видов политического сознания, являются цельность, четкость, определенность ценностныгх ориентаций и представлений о целях общественно-политического действия. Это определяет подчеркнуто идеологизированный характер социально-группового сознания, сближает его по содержанию с групповой идеологией (генетически социально-групповое сознание и является основой идеологии большой социальной группы — кристаллизованного, обобщенного и научно-оформленного выражения социально-груп. пового сознания), и отличает от значительно более диффузной в содержательном отношении социально-групповой психологии. Принято считать, что психология большой социальной группы порождается бытием всей (или большинства) такой группы, тогда как идеология выкристаллизовывается прежде всего в сознании его элиты, «авангарда» в качестве высшей стадии развития такой психологии.

Развитие идет как бы по цепочке: от психологии большой социальной группы — через социально-групповое сознание — к идеологии данной большой социальной группы. Групповая психология, на том или ином уровне зрелости, свойственна всем представителям группы. Групповое сознание — уже только наиболее продвинутой ее части. Групповая идеология доступна еще меньшему числу людей, это удел исключительно политической элиты данной большой социальной группы.

СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Обычная логика проста и понятна: в результате постепенных процессов, путем своеобразной «отжимки» из групповой психологии самое существенное и принципиальное переходит в групповое сознание, из которого, в рафинированной, научной или публицистической форме, в идеологию. Однако исторический опыт показывает, что подчас формирование идеологии может происходить и вне рамок самой большой социальной группы — например, марксизм-ленинизм как идеология рабочего класса и учение о целях и перспективах его развития был создан выходцами из совсем иного класса-антагониста. В ситуациях, когда уровень образования и дефицит свободного времени не дают возможности представителям класса (например, наемным рабочим) выработать собственную идеологию, последняя может привноситься в групповое сознание извне. В этом случае она обладает двойственной, диалектической природой: с одной стороны, чтобы укорениться в сознании данной группы, она должна вытекать из самой ее повседневной психологии и быть близкой, доступной и понятной для представителей группы. С другой стороны, приходя извне, она сама формирует групповое сознание и влияет на групповую психологию, во многом направляя ее развитие.

Становление социально-групповой идеологии представляет собой, согласно идеальной схеме, самопроизвольный, хотя и вполне объективно-исторически детерминированный процесс. По сути, это процесс отбора наиболее характерных для бытия данной группы психологических элементов и тенденций из всей совокупности случайных и противоречивых, носящих индивидуальный характер компонентов психики. Он также включает их переработку и самоорганизацию в стройную систему социально-типичных представлений и ценностей, управляющих сознательным, целеустремленным политическим поведением наиболее

продвинутых (то есть, уже обладающих групповым сознанием, на базе которого и усваивается групповая идеология) представителей данной большой социальной группы. Это и есть основные параметры содержания групповой идеологии. В ходе данного процесса групповая идеология получает свой надындивидуальный статус и обретает особую форму существования — обладающие ей в большей или меньшей степени члены группы являются всего лишь носителями и выразителями свойственного только группе в целом универсума групповой идеологии.

В групповой идеологии выделяются три основных компонента. *Во-первых,* это **ценности** данной большой группы. *Во-вторых,* это основные **нормы** сознания, жизни и поведения группы. Наконец, *в-третьих*, это конкретные **образцы поведения** для представителей данной группы. Помимо этого, в качестве дополнительных, некоторыми авторами сюда включаются также и социальные ориентации, и даже ролевые представления.

В конечном счете, любая идеология представляет собой набор определенных ценностей и, соответственно, антиценностей (то, что группа считает ценным и, напротив, от чего отказывается, не считая ценным), норм (то, что считается нормальным и приемлемым) и конкретных образцов в виде примеров жизни и деятельности «героев» данной группы (от биографии Дж. Форда для американского капитализма, например, до портретов «пионеров-героев» П. Морозова, В. Дубинина и др. для советского социализма).

Социально-групповая идеология существует в форме политических программ, манифестов, наборов лозунгов. Носители и выразители (пропагандисты) групповой идеологии превращаются в профессиональных политических работников, занимающихся политикой от имени и в интересах данной большой социальной группы. Как правило, для распространения групповой идеологии создаются соответствующие политические инструменты: партии, движения, депутатские группы и т. д. Особую роль в распространении групповой идеологии играют средства массовой информации — прежде всего, специально создаваемые данной группой и ее элитой.

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ ГРУППОВОГО СОЗНАНИЯ: «ГРУППА В СЕБЕ» И «ГРУППА ДЛЯ СЕБЯ»

Диалектика развития социально-группового сознания и, на его базе, групповой идеологии как своего рода группового универсума рассматривается в соответствии с классической гегелевской формулой: от «группы в себе» — к «группе для себя» (у Ф. Гегеля это диалектика превращения: «вещь в себе» — в «вещь для себя»).

«Группа в себе» — это такой уровень развития, когда группа в целом и ее представители, уже выполняя в обществе определенные функции и объективно существуя как влиятельный класс или определяющая страта в системе социально-экономических отношений, еще не могут политически осознать этой роли и своего особого политического положения и действовать в соответствии с этим. Классический пример «группы в себе» — это буржуазия на закате феодального строя, когда реальные деньги уже принадлежали, скажем, ростовщикам, а номинальная власть все еще была у обнищавших аристократов, по ночам ходивших к этим самым ростовщикам закладывать фамильные реликвии. Естественно, что рано или поздно у «группы в себе» начинает появляться желание стать «группой для себя» — то есть, так изменить социальный и политический порядок, чтобы и номинальная политическая власть стала принадлежать тем, кому уже принадле-

жит реально власть экономическая — в данном случае, новому буржуазному сословию, Тогда и начинается процесс превращения «группы в себе» в «группу для себя».

«Группа для себя» — это такой уровень развития, при котором группа или, по крайней мере, значительная часть ее представителей уже осознают особенности положения и роль своей группы в обществе, и начинают активно участвовать в социальных, прежде всего политических процессах, направленных на изменение общественного устройства в соответствии с потребностями, интересами, ценностями данной группы. Например, постепенно готовят и, рано или поздно, осуществляют политический переворот — в рамках уже избранного примера, буржуазную революцию. Тогда взявшие власть представители новой большой социальной группы меняют весь социально-политический порядок, создавая для своей группы наиболее удобные условия политического господства. «Группа для себя» создает и общественное устройство для себя, и политические структуры, институты — в целом, государство для себя. Соответственно, все это закрепляется в соответствующей правовой системе. Практически, вся динамика смены государственно-политических и правовых устройств в истории человечества была и остается сменой форм господства тех или иных больших социальных групп.

Теоретически, если продолжить формулу гегелевской диалектики, помимо этапов «группы в себе» и «группы для себя», возможен и третий этап — **«группа для других»**. Согласно еще старой логике социалистов-утопистов, это могло бы вести к появлению государства «всеобщего благоденствия», когда некая большая социальная группа, осознав свою взаимозависимость с другими социальными группами, отказалась бы от установления своего монопольного политического господства и перешла к принципиально новому этапу построения «общенародного государства». Такая цель декларировалась марксистами в виде создания социального устройства для всех трудящихся классов с постепенным стиранием граней и различий между ними, сменяющего «диктатуру пролетариата» (предельная форма господства «группы для себя») и ведущего, в перспективе, к самоуничтожению, в ходе этого процесса, пролетариата как класса, к полному отмиранию классов и государства как формы классового устройства общества. Однако такая схема так и осталась на уровне идеологических деклараций.

Практический переход к ней означал бы реальную многоукладность экономики, социальный плюрализм и подчинение политического государства гражданскому обществу — то есть, ликвидацию монополии власти партийной элиты одной из больших социальных групп, к чему она оказалась не готова. На практике, ближе всего к таким идеям находятся социал-демократические идейно-политические конструкции.

УРОВНИ РАЗВИТИЯ ОБЩНОСТИ БОЛЬШИХ ГРУПП

Развитие социально-группового сознания в наиболее конкретном выражении, подразумевающем непосредственное осознание индивидами - представителями данной группы, своего к ней непосредственного отношения, своей принадлежности к ней и повседневной включенности в нее, включает три хотя и условно выделяемых, но достаточно отчетливо наблюдаемых в реальной жизни уровня.

Первый уровень - «внешне-типологический»

Его название связано с возможностью чисто внешней фиксации того или иного типа признаков, общих для представителей данной большой социальной группы. На основании повседневных непосредственных жизненных наблюдений, представители одних и тех же больших социальных групп постепенно замечают чисто внешние черты своего сходства. Рабочие всего мира, приходя на работу, переодеваются практически в одинаковые спецовки. Банкиры всего мира носят практически одинаковые часы трех-пяти наиболее известных и дорогих фирм-изготовителей. Конторские (офисные) служащие выделяются пресловутыми «белыми воротничками». И так далее. Существует огромное количество обычных, бытовых, внешне редко фиксируемых типологических признаков принадлежности к большим социальным группам, Это и средства передвижения, и район проживания, и многое другое.

Сторонники теории социальной стратификации М. Вебера, например, в начале XX века выделили основные существующие в Англии страты по удивительному признаку: по оконным занавескам. Социологическое исследование показало, для начала, что страты делятся на имеющие и не имеющие оконные занавески. В свою очередь, среди имеющих занавески была выявлена огромная дифференциация от простых ситцевых тряпочек, закрывающих пол-окошка, до роскошных бархатных полотен, закрывающих половину стены, на которой расположено окно. Естественно, оказалось, что разница в занавесках связана и с доходами, и с типом дома, и с образованием, и со многими другими характеристиками жизни.

Многочисленными исследованиями установлено, что «типологический» уровень имеет свои устойчивые проявления и в политических предпочтениях представителей тех или иных больших социальных групп. Известно: чем ниже уровень доходов людей, тем выше процент голосующих за левые силы. По данным европейских исследований, люди в рабочих спецовках преимущественно голосуют за социалистов. Напротив, крестьянство более консервативно и часто просто по традиции голосует за правых. Нет смысла обсуждать политическое поведение людей, разъезжающих на «Мерседесах» — оно очевидно. Отдельные «коммунистические спонсоры» типа Мамонтова или Демидова так и остались далеко не подтвержденной легендой в истории России.

Таким образом, само по себе существование определенных внешних признаков разного рода типов уже определяет, хотя в большинстве случаев и неосознанно, характер политического поведения и сознания человека — просто в силу его принадлежности к той или иной большой группе. Современные российские исследования однозначно подтверждают это. Не задумываясь, автоматически, целые деревни продолжают голосовать за КП РФ. «Белые воротнички», да еще в очках — почти наверняка сторонники «Яблока». Удивительные группы поддержки на типологическом уровне сумел сформировать для себя В. Жириновский в Москве. С одной стороны, это транспортные рабочие, водители автобусов и троллейбусов. С другой стороны, это владельцы домашних животных, кошек и собак.

Постепенно наличие внешне схожих черт становиться заметным людям. Тогда они фиксируют их и делают соответствующие выводы по принципу «свой» — «чужой», «мы» — «они». Так психология членов больших социальных групп переходит на следующий уровень.

Второй уровень – «внутренне-идентификационный»

На этом уровне возникает первичная психологическая связь человека со своей большой социальной группой через отнесение себя к ней. Наблюдая

внешние типологические признаки, накапливая эти наблюдения рано или поздно он приходит к выводу: «мы — рабочие», или «мы — банкиры», «мы — крестьяне» и т.п. Так формируется социально-групповое самосознание и возникает внутренняя идентификация, отождествление себя со своей группой и другими ее представителями — живущими, работающими, функционирующими непосредственно рядом. На этом уровне уже появляется определенная общность поведения, осознается некоторое единство интересов, появляются общие представления, взгляды и оценки. На этой почве усиливаются личные контакты, интенсифицируется непосредственное общение, которое постепенно начинает выходить за пределы элементарных бытовых тем. Однако пока все происходит на локальном уровне, в пределах непосредственного «поля зрения». Идентификация себя, например, как «рабочего» ограничивается конкретным заводом или фабрикой, максимум — корпорацией, в которую входит завод. Самосознание себя как «банкира» — в рамках своей финансовой структуры, максимум — своего холдинга. Даже крестьянин определяет себя на этом уровне как «крестьянина» лишь в пределах своего села или, максимум, района.

Соответственно, это отражается и в политическом поведении. Многочисленными исследованиями установлено, что уровень внутренней идентификации оказывается одним из действенных факторов, определяющим, например, характер голосования населения на местных выборах. Выбор «своего» как раз и основывается, прежде всего, на социально-профессиональной идентификации определенного кандидата. Однако этот же фактор почти не работает на выборах более высокого уровня — скажем, в масштабах страны. В реальной жизни большая социальная группа представлена для входящих в нее людей прежде всего локальными общностями — она существует в виде ряда сравнительно малых групп. В них, в первую очередь, и происходит непосредственное социально-политическое развитие — соответственно, оно и проявляется, прежде всего, на локальном уровне. И тогда совершенно понятно, что мэрами шахтерских городов, например, чаще других становятся именно шахтеры — причем эта зависимость подмечена и в Англии, и во Франции, и в России, и даже в Норвегии. Однако уже на выборах губернаторов провинций эта зависимость, как правило, исчезает — уровень внешней идентификации перестает действовать.

Занятость непосредственной ведущей деятельностью не способствует высоким обобщениям. Своя собственная деятельность еще не воспринимается как элемент более общей структуры. Для этого требуется очевидность общих интересов со значительно большим числом людей, возникновение таких ситуаций, в которых появляется социально-групповая идентификация в значительно большем формате. Тогда в развитии психологии членов больших социальных групп возникает следующий уровень.

Третий уровень - «солидарно-действенный»

Он уже предполагает политико-психологическую готовность членов группы к совместным действиям в больших форматах ради достижения или сохранения целей и интересов своих больших социальных групп. Для развития данного уровня обычно необходим внешний толчок. Как правило, в качестве толчка выступает некоторая угроза интересам своей группы, воспринимаемая как угроза и собственным интересам. Вспомним, например, известное открытое письмо ведущих банкиров и предпринимателей России к ведущим политическим деятелям накануне президентских выборов 1996 г. Тогда, перед угрозой победы Г. Зюганова и «коммунистического реванша», оно объединило многих даже не-

примиримых друг к другу «олигархов», срочно сплотившихся вокруг Б. Ельцина и обеспечивших его переизбрание на второй срок.

В свое время планы консервативного британского правительства М. Тэтчер сократить государственную поддержку угольной промышленности вызвали подъем единства и солидарности ранее действовавших исключительно локально угольщиков. Аналогичные последствия имели возникавшие несколько раз в 90-е годы в России волны политических забастовок тех же шахтеров. Главным было то, что начинаясь на какой-то одной шахте, забастовка подхватывалась шахтерами другой шахты, затем всего бассейна, а затем переходила в масштаб страны. И тогда появление шахтерских пикетов у Дома правительства в столице реально превращало сотни тысяч горняков в единым образом думающую и политически действующую большую социальную группу. Уже признано, что именно появление эшелонов с шахтерами в Москве способствовало окончательному утверждению власти Б. Ельцина в начале 90-х годов. В Румынии же шахтеры вообще стали движущей силой демократической революции.

В качестве внешнего толчка может выступать некое случайное событие. В начале XX века расстрел ленских рабочих, как известно, буквально всколыхнул Россию, почти мгновенно поднял общий уровень солидарности и стал, тем самым, поводом для начала революционных событий 1905 г.

Такого рода событие может быть и специально подготовленным — на это всегда работают профсоюзные и партийно-политические силы, заранее готовящие «цепочку солидарности» в серии тех же, например, забастовок. Независимый профсоюз угольщиков России, например, демонстрировал особое мастерство в такого рода действиях в 90-е годы.

Наконец, роль толчка могут сыграть и часто играют средства массовой информации. Рассказывая о происходящих событиях, комментируя их, они почти неизбежно способствуют расширению кругозора членов больших социальных групп, его переходу с локального на более высокий уровень.

Понятно, что выделение трех описанных уровней развития сознания и реальной общности членов больших социальных групп носит достаточно условный характер. В разных странах и в разных группах они выглядят по разному. В современном мире все определяется общим образовательным и культурным уровнем общества в целом. Однако этот уровень различается не только в разных странах, но, подчас, и в разных регионах одной страны — например, России. Причем можно прогнозировать, что дальше он будет дифференцироваться еще больше. Соответственно, рассматривая представителей той или иной большой социальной группы как субъекта политики, нельзя не учитывать, на каком уровне развития находится психология их групповой общности.

Следует также учитывать, что политико-психологическое развитие людей как членов больших социальньгх групп связано с действием множества объективных и субъективных факторов. К первым обычно относятся соотношение между собой, в рамках общей социальной структуры общества, различных больших и малых групп, членом которых одновременно является человек; степень очевидности условий бытия группы и непосредственности их отражения в сознании людей; интенсивность внутригрупповых, особенно межличностньгх коммуникаций, их соотношение с межгрупповыми и над-групповыми коммуникационными процессами; уровень социальной мобильности группы, возможность перехода из данной группы в другую. Ко вторым, прежде всего, относятся развитость групповой политической организации (наличие политической партии или движения, профсоюзов и т. п.); принципиальная идеологическая способность к осознанию группой своей общности (в частности, подразделяются «за-

крытые», с сектантским типом сознания, и «открытые» группы); наличие и степень развитости групповой идеологии.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Традиционно в XX веке во все мире выделялись три основные большие социальные группы: буржуазия, рабочий класс и крестьянство. Внутри них и между ними выделялись страты и прослойки крупной, мелкой и средней буржуазии, индустриальных, транспортных и др. рабочих, фермеров и коллективизированного крестьянства, интеллигенции («интеллектуалов») и т.д. Рассмотрим некоторые основные черты политической психологии этих больших социальных групп в исторической динамике.

1. Буржуазия

Представляет собой весьма разнородную большую социальную группу. Однако для буржуа, к какому бы слою или страте внутри данной группы он не принадлежал (к крупной, средней или мелкой буржуазии, к компрадорской, бюрократической или торгово-посреднической буржуазии), главной потребностью и целью является стремление к прибыли, укрепление и расширение своего бизнеса. Этим объясняется рациональный образ мысли любого буржуа, рационализирование его образа жизни, его рациональная хозяйственная этика[125]. ^ак отмечал еще М.Вебер, капиталистическому духу евойственны как умение рисковать в повседневных Аловых операциях, так и желание получать прибыль в рамках непрерывно действующего рационального хозяйства[126]. Соответственно, этому и подчинено его возможное участие в политике — он постоянно реформирует и рационализирует ее в своих интересах..

Здесь необходимо оговориться, что в индустриально развитых западных странах прямое участие буржуазии в политике уже практически не встречается. Само развитие буржуазного государства способствовало формированию профессиональных политиков как особой социальной группы. Эта группа финансируется буржуазией и, соответственно, обслуживает ее политические интересы, хотя внешне старается держаться в стороне от буржуазии, особенно крупной. Соответственно, часъ буржуазии постепенно оттесняется от реальной политики, и это выступает в качестве естественного «разделения труда». «Гений делового мира зачастую не способен заткнуть рот какому-либо краснобаю в салоне или на политическом собрании. Зная за собой этот недостаток, он предпочитает устраниться и не связываться с политикой»[127].

В менее развитых странах встречаются и другие ситуации, в которых представители буржуазии непосредственно участвуют в политической деятельности. Анализ форм их политического участия как раз и позволяет дифференцировать слои и страты внутри этой большой группы.

Очевидно, например, что представитель крупной торговой буржуазии отличается по некоторым существенным особенностям своего психического склада от владельца среднего торгового предприятия. Крупный торговец в силу сравнительно большего размаха своей деятельности, более прочного положения на рынке способен к большей предприимчивости и маневренности, он лучше осознает свои не только ближайшие, текущие, но и перспективные, стратегиче-

---

[125] См.: *Вебер М.* История хозяйства. — Пг., 1923, С. 221.
[126] См.: *Вебер М.* Протестанская этика.
[127] *Schumpeter J.* Capitalisme, Socialisme et Democratie.— P., 1969.— P.236.

ские интересы. Соответственно, он более склонен к участию в политике. Финансовая поддержка партий, выражающих его интересы — минимальная форма политического участия. Очень часто возможно и личное участие в партийной деятельности, выдвижение своей кандидатуры в депутаты парламента или местной представительной власти.

Средний представитель торговой буржуазии зачастую психологически более консервативен, хуже ориентируется в политических проблемах, затрагивающих его социальную группу в целом, склонен выдвигать на первый план свои сиюминутные интересы. Для него проще вступить в коррупционные отношения с бюрократическими представителями власти, чем все-оьез включаться в политическую деятельность.

Наиболее сложным с точки зрения участия в политике является положение мелкой буржуазии. Для ее политико-психологического склада характерно сочетание часто противоречивых тенденций, отражающих ее положение как непосредственного труженика и собственника, мелкого предпринимателя. Если банкир, сидящий в офисе и распоряжающийся значительными финансовыми средствами, часто просто вынужден заниматься политикой ради защиты своих интересов, то мелкий лавочник, владелец небольшой торговой точки или уличный торговец просто лишен такой возможности. Его влечет то к буржуазии, то к наемным рабочим. Он ощущает себя то собственником, то подневольным трудягой. История показала, что этот тип трудно вовлекается в политическую деятельность. Однако такое вовлечение возможно при использовании заинтересованности мелкого буржуа в защите его мелкособственнических интересов от двух основных опасностей: от конкуренции со стороны как иностранного, так и крупного местного капитала. В свое время А. Гитлер пообещал немецким лавочникам защиту от этих двух опасностей — и они стали массовой политической опорой его режима.

2. Рабочий класс

В современном мире давно утратил черты того «пролетариата» времен промышленной революции, о котором писал основоположник марксизма. Даже советские исследователи уже были вынуждены признавать: «Нынешний уровень политического сознания пролетарской массы в целом отстает от уровня практической борьбы рабочего класса, развития его протеста против капиталистических отношений»[128]. В развитых лромышленных странах, безусловно, значительной части трудящихся присуще критически-оппозиционное отношение к буржуазной и социал-реформистской политике. Однако это отношение не ведет у большинства трудящихся к формированию или принятию активных политических позиций, соответствующих их оппозиционным настроениям. Наиболее явное и массовое выражение этих настроений — рост отчуждения от политики, недоверие к политическим партиям и государству уклонение от участия в выборах и тому подобные явления. Часто возникает впечатление, что, ощущая потребность в существенных политических переменах, многие трудящиеся просто не в состоянии найти удовлетворяющую их альтернативу курсу правящих в обществе сил. По этой причине их политические ориентации и поведение принимают в значительной мере инерционный характер, как бы подчиняясь привычным, унаследованным от прошлого стереотипам.

---

128 Социальная психология классов. — М., 1985. — С.93.

Уровень развития социально-группового сознания в рабочей среде очень связан с историческими традициями, с путями формирования данной общности. Так, например, французский рабочий не сравним психологически с американским, и это понятно, французский рабочий класс сыграл важную роль в буржуазно-демократической революции 1848 г. Во время Парижской коммуны он поднялся на первую в истории попытку пролетарской революции. Позднее он отстаивал свои права в острые периоды Народного Фронта и Освобождения. Не только собственный опыт данной группы, но и общенациональные исторические традиции способствовали утверждению в ее сознании социал-демократических и даже социалистических ценностей. Это нашло отражение и в структуре партийно-политических сил Франции.

В США же, в силу своих особенностей исторического развития, материальные и социальные завоевания американских рабочих выступали на поверхности как результат чисто экономической, «тредъюнионистской» борьбы, а не как следствие участия в политических конфликтах. Исторически обусловленный культ индивидуализма, личного успеха как решающего фактора в улучшении социального положения человека, сами идеи «American Dream» и «self-made-man» глубоко пронизывают всю политико-психологическую атмосферу американского общества. Этот культ не мог не оказать значительного влияния на широкие слои рабочих, что и создало особый вариант социально-группового сознания.

В научной литературе достаточно хорошо описана политическая психология «подкупленных» или «почтительных» слоев, прежде всего, именно американского рабочего класса (та самая, известная еще из художественной литературы «рабочая аристократия»). Есть и аполитичные слои, являющиеся жертвой собственной низкой политической осведомленности — это политически индифферентные люди, принимающие формы поведения, активно навязываемые им буржуазной пропагандой. Есть и часть рабочего движения, искренне верящая в «общенародный» характер правящих в западных странах буржуазных политических партий, в их способность осуществлять социально-прогрессивную политику.

У тех рабочих и служащих, которые поддерживают социал-демократические партии, реформистские установки в политике в большей или меньшей степени соответствуют «компромиссной» позиции по отношению к капиталистической общественной системе. Они одновременно и принимают, и отвергают ее, но при этом не хотят и опасаются слишком крутой ломки существующего строя. Их политический выбор отражает известный уровень развития социально-группового сознания: они считают, что социал-демократия более близка к «простым людям», чем откровенно буржуазные партии, и в той или иной мере защищает интересы рабочих слоев.

В целом, однако, реформистская политическая ориентация и соответствующее ей политическое поведение не в состоянии выразить антикапиталистические тенденции в сознании рабочих слоев, их оппозицию политике государственно-монополистического капитализма.

Особые политико-психологические явления происходят в рабочей среде в кризисных социально-политических ситуациях. По справедливому замечанию немецкого исследователя И. фон Хайзелера, под воздействием кризиса развивается двойственное, одновременно критическое, и зависимое сознание[129]. Кри-

---

[129] *Heiseler J. H. von.* Zur Bewusstseinentwicklung der Arbeiter und Angestellten.— Marxistlsche Blatter. — 1983. — № 5. — S.51.

зисы ухудшают условия продажи рабочей силы и, тем самым, ослабляют позиции рабочих в борьбе за свои потребности. Кроме того, в условиях кризиса растущая безработица усиливает конкуренцию среди самих рабочих, ослабляя их солидарность. В политико-психологическом плане подобные факторы могут ослаблять внутреннюю сплоченность группы, снижать ощущение своей силы, негативно воздействовать на уровень группового сознания. Вместе с тем, действие тех же факторов может вести и к росту социального протеста данных слоев, к их объединению в борьбе против последствий кризиса, перерастающей в массовые политические движения за изменение существующих порядков. Такими были, в частности, последствия «великой депрессии» конца 20-х начала 30-х годов XX века в ряде капиталистических стран. Однако в современных условиях, как правило, кризисы скорее ослабляют, чем усиливают позиции рабочих слоев.

В целом, можно сделать вывод: общий рост социальных потребностей рабочих слоев еще далеко не всегда находит свое конкретное выражение в осознании интересов и целей своей группы в политической сфере, соответствующих новому содержанию и уровню этих потребностей. Данное обстоятельство активно используется буржуазными идеологами для канализации роста потребностей в русло индивидуалистических представлений и ценностей, для разложения собственно рабочего социально-группового сознания.

Главный же парадокс ситуации заключается в том, что собственно буржуазия в большинстве развитых стран не превышает во второй половине XX века 2-4% населения этих стран. Тем не менее, эти страны являются откровенно буржуазными по доминирующей среди их населения психологии. Представляя собой абсолютное меньшинство, буржуазия сумела заразить своей психологией, своим сознанием и, главное, своими ценностями, нормами и образцами поведения подавляющую часть всех других социальных групп и слоев населения.

3. Крестьянство

Всегда считалось наиболее инертной массой в политике. «Призрак Вандеи», крестьянского контрреволюционного восстания из французской истории наложил свой отпечаток на восприятие политической психологии крестьянства. До сих пор считается, что именно крестьяне испытывают наибольшие сложности с выработкой социально-группового сознания и, тем более, групповой идеологии. Сами условия их образа жизни, постоянная трудовая загруженность укрепляют крестьянскую индивидуалистическую психологию, не давая ей выйти на более высокий уровень развития, препятствуя формированию осознания себя как большой социальной группы. Еще К. Маркс писал о французских парцельных крестьянах середины XIX века, что «...тождество их интересов не создает между ними никакой общности... », что поэтому они «неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени...»[130].

В XX веке многочисленные попытки создания «крестьянских» политических партий в разных странах мира не дали практически ни одного эффективного результата. В сегодняшней России мы видим то же самое: от имени «крестьянства» выступает исключительно аграрно-бюрократическая элита, не имеющая собственной серьезной поддержки среди электората и постоянно вынужденная блокироваться с иными политическими силами — прежде всего, с левой оппозицией.

Одновременно, в истории многих стран именно масштабные крестьянские бунты и восстания составляют наиболее драматичные страницы далекой исто-

---

[130] *Маркс* К., Энгельс Ф. *Соч. — Т. 8. — С. 208.*

рии. Жакерия во Франции, крестьянская война в Германии, восстания П. Болотникова и Е. Пугачева в России происходили задолго до появления буржуазии или рабочего класса. Казалось бы, именно крестьянство в сегодняшнем мире обладает наибольшим стажем социально-политической деятельности в своей исторической памяти. Однако это не дает крестьянству никаких преимуществ в современной политике в развитых странах.

Определенные попытки активизировать роль крестьянства предпринимались в развивающихся странах. Так, один из теоретиков и практиков алжирского национально-освободительного движения Ф. Фанон прогнозировал рост политической активности крестьянства именно в этих странах, противопоставляя его неразвитому рабочему классу. Ф. Фанон считал рабочий класс экономически слишком связанным с буржуазией и, потому, как бы автоматически заинтересованным в развитии капиталистического предпринимательства. В силу своего привилегированного материального положения в развивающихся странах, считал он, рабочие представляют собой часть «социальной верхушки», и только «мелкое», малоимущее крестьянство способно к активной политической (в частности, национально-освободительной) борьбе. Однако опыт показывает, что крестьянство редко способно самостоятельно преодолеть локальность своих политических действий.

В западной этно-психологической и политико-психологической литературе массы крестьянского населения роднят четыре основные качества:

1) «фатализм», т. е. отсутствие достаточной социальной активности, вера в предрешенность социальных перемен в соответствии с канонами религии;
2) «апатия», как безразличие к участию в активных социальных, политических действиях, пассивный способ существования;
3) «индивидуализм» — избегание, по возможности, включенности в социальные общности, уход от социальных проблем в индивидуальные;
4) «атомизм», приверженность к жизни в своего рода «атомарных» структурах типа семьи, рода, клана или племени с одним лидером и безответными последователями.

По данных наших собственных исследований политической психологии афганского крестьянства последних десятилетий, главным фактором выступает страх в широком смысле — прежде всего, как страх перемен. Страх крестьянина заставляет его минимизировать свои потребности. Дело в том, что потребности людей далеко не всегда так жестко связаны с их непосредственным поведением, чтобы немедленно проявляться в политике. История показывает: афганский крестьянин всегда хотел иметь свою землю. Об этом говорят хотя бы многочисленные крестьянские бунты и восстания вокруг «передела» (раздела) земли. Другое дело, что власть имущие подавляли эти желания и стремления. На любые потребности могут существовать и поддерживаться заинтересованными силами своеобразные контрпотребности, сдерживающие проявление первых. В данном случае к таким контрпотребностям относится традиционалистский комплекс в психологии крестьянства. Он порождает особую систему предпочтений в жизни, определяет своеобразную направленность поведения, отношения к себе и другим людям. Он определяет особую жизненную ориентацию — ориентацию «статус-кво», избегания политических перемен и сохранения жизни такой, какой она была совсем недавно, будучи освященной религией, обычаями и нравами предков. Такая ориентация часто распространяется именно в крестьянской и, шире, мелкобуржуазной среде, среди тех, кто испытывает угрозу конкуренции, разорения, — в частности, мелких земледельцев. Для такой ориентации харак-

терны конформизм, социальный консерватизм, боязнь перемен. В ситуации особой угрозы «статус-кво» — отчаяние, которое может вести к различным формам политического экстремизма. Здесь лежит социально-психологическое объяснение таких феноменов, как шарахание вправо, реакционность на грани фашизма, или, с другой стороны, напротив, левацкая ультрареволюционность на грани анархизма.

Большая часть афганских крестьян, отвечая на вопрос «что значит преуспеть в жизни? », сводит жизненный успех не столько к земле, деньгам и, шире, к материальному положению, а к спокойствию. Для того, чтобы преуспеть в жизни, по их мнению, необходимо прежде всего спокойствие. Эта тема означает добровольное или чаще вынужденное ограничение своих целей и потребностей удовлетворением лишь непосредственных нужд: надо избежать нищеты, прежде чем думать об улучшении своего положения. Мотив «спокойствия и безопасности» — ведущий в их психологии. Непосредственным поводом для тех или иных политических действий является не столько тот или иной уровень жизни («высокие» потребности), сколько ощущение постоянной угрозы тому, что есть. В итоге получается, что одной из основных причин политических выступлений крестьянства было в истории и является до сих пор периодически возникающее у них ощущение необеспеченности, угрозы подрыва «статус-кво»,

В свое время К. Маркс осуществил социально-психологический анализ поведения крестьянства в ходе революции 1820—1821 гг. в аграрной Испании. Как известно, там сокращение наполовину церковной десятины и распродажа монастырских поместий не только не привлекли массы крестьян на сторону революции, а, напротив, оскорбили их, усилив влияние традиций и предрассудков и, тем самым, контрреволюцию. В определенные моменты, при определении обстоятельствах, традиции могут оказать и оказывают более сильное влияние на формирование психики, сознание и поведение таких групп, нежели реальные экономические факторы и связанные с ними потребности.

4. Интеллигенция

Отличается особой психологической разнородностью. Высокий уровень индивидуального сознания высокообразованных людей — объективный тормоз для развития сознания группового. Соответственно содержание и уровень развития социально-группового сознания интеллигенции как раз и отражают ее социальную, психологическую и политическую разнородность. В результате, ее разобщенность на профессиональные подгруппы, слои и отряды приводит к тому, что именно в их рамках в основном и формируется социально-психологическая, а затем и политико-психологическая общность работников квалифицированного умственного труда. Их групповое сознание обретает форму своеобразного корпоративного или «цехового» сознания, что проявляется в своего рода «корпоративном коллективизме» (или просто корпоративизме) — то есть, в коллективизме, ограниченном сравнительно узкими рамками интересов данной социально-профессиональной группы.

В последние десятилетия в среде интеллигенции принято идентифицировать себя в качестве «среднего класса» или «средних слоев» (иногда с подразделением на «высший» и «низший» слои «среднего класса»). Объективно, такое положение носит неопределенный характер, поэтому для интеллигенции в политическом плане достаточно типично расслоение на два основных отряда. С одной стороны, современная интеллигенция выступает в качестве политического и идеологического аппарата крупной буржуазии. С другой стороны, беднейшие

слои интеллигенции, близкие по своему положению к наемным рабочим, часто выступает в роли идеологов основных трудящихся страт и слоев населения.

Однако по мере общего роста уровня образованности населения, интеллигенция постепенно меняет свою сущность. Ныне лишь в немногих странах осталось несколько возвышенное понимание понятия «интеллигенция», связанное с ролью «властителей дум» и особой субкультурой, игравшей заметную роль в обществе в конце XIX века. Тогда, прежде всего, творческая интеллигенция отличалась особой, романтической критикой капитализма и активно выступала против засилия крупного капитала.

В современном мире в большинстве развитых стран этот ореол романтизма ушел в далекое прошлое. «Интеллигенция» постепенно превращается во все более растущий слой «интеллектуалов» — просто высокообразованных наемных работников. Из рядов «интеллигенции» постепенно ушли отряды так называемой «инженерно-технической интеллигенции» (ныне вряд ли кто назовет «интеллектуалом» инженера-прораба на стройке), школьных учителей, медицинских работников.

С одной стороны, это означает рост общей численности и, потенциально, социально-политической роли интеллигенции в широком смысле. С другой стороны, собственно «интеллигенцией» ныне остается лишь «высший средний класс», приближающийся по уровню доходов и условий жизни к средней буржуазии или даже формально включающийся в данную страту в качестве собственников своих «производств» — медицинских клиник, частных учебных заведений, научных аналитических центров, рекламных агентств и т. д. Соединение двух названных сторон потенциально может обеспечить возвышение социально-политической роли интеллектуалов во главе с «интеллигенцией» уже в скором будущем.

Как известно, в эпоху промышленной революции произошло объективное возвышение роли пролетариата как создателя необходимых обществу материальных ценностей— пресловутых «промтоваров». В современную эпоху, безусловно, ведущую роль приобретает создание интеллектуальных продуктов — например, программного обеспечения для персональных компьютеров. Интенсивно развивающаяся в последние годы информационная революция уже привела к тому, что интеллектуалы становятся ведущей группой общественно-технологического развития. Теоретически, это должно вести к возвышению их политической роли.

Однако пока «интеллектуалы» находятся в положении «группы в себе». Развитию группового сознания мешает индивидуальный характер их ведущей деятельности. Сегодняшний интеллектуал может работать с персональным компьютером, практически не зыходя из дома — возможности Интернета позволяют ему иметь информационную связь почти со всем миром. Однако пока это явно мешает внешней консолидации интеллектуалов в отдельную социально-политическую группу.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ МАРГИНАЛЬНЫХ ГРУПП И ЛЮМПЕНИЗИРОВАННЫХ СЛОЕВ

О маргинальности (от латинского margo — край), как обобщенной характеристике промежуточных, «гибридных» социальных групп и их представителей, впервые написал американский социолог Р. Парк во второй половине 20-х гг. XX века. Содержательно он включал в это понятие социально- и политико-психологические последствия неадаптации (дезадаптации) мигрантов (имми-

грантов) к требованиям новых социальных групп (в частности, урбанистических), в которые включаются новые слои. В 30-е гг. Э. Стоунквист, исследуя поведение таких групп, установил, что маргинальные слои и их представителей могут ждать две противоположные судьбы: либо они играют роли лидеров социально-политических, националистических по своему характеру движений, либо влачат существование вечных изгоев. В их политическом поведении обычно также выделяются противоположные характеристики: девиация, аморальность, агрессивность (или же, напротив, пассивность), проявляющиеся на уровне межиндивидуальных и межгрупповых отношений.

Иногда маргинальность обозначает особый комплекс черт сознания и поведения представителей социальных субгрупп, которые в силу тех или иных обстоятельств неспособны интегрироваться в большое референтное сообщество, по отношению к которому и выступают как маргиналы. Маргинальные слои тяготеют к созданию антиобщественных объединений, часто с инвертированной (вывернутой) системой ценностей. В последние десятилетия особое внимание привлекают попытки некоторых маргинальных слоев навязать свою волю большим референтным группам, подчинить их и превратить свою антиобщественную организацию в доминирующую. Примерами такого рода являются случаи захвата власти военными хунтами или небольшими сектантскими политическими группировками, устанавливающими политическую власть над значительными количествами людей. Ряд западных исследователей рассматривал в таком качестве сталинщину в экс-СССР как жесткую диктатуру маргинальных слоев, навязавших систему антиценностей всему населению страны. Многие исследователи рассматривают маргинальность как один из серьезных истоков политического радикализма.

Однако маргинальность далеко не всегда проявляется столь драматично. Есть и гораздо более мирные случаи ее проявления. Так, одним из классических примеров в исследовании маргинальных групп может считаться группа служащих. Не случайно именно у служащих в специальных исследованиях фиксируется особенно низкий уровень групповой идентификации. С одной стороны, это объясняется большой неоднородностью данной группы. Основную массу служащих, например, в развивающихся странах составляют мелкие государственные чиновники, мелкие служащие государственных и частных предприятий и учреждений и т. п. В целом, они относятся к мелкобуржуазным и полупролетарским слоям и представляют собой «трудящихся». С другой же стороны, однако, для служащих существуют значительно большие возможности карьеры, продвижения вверх по социальной лестнице, чем, скажем, для рабочих. Естественно, служащий верит в возможности развития своей карьеры, что и определяет характер его социально-политического поведения. Он стремится отнести себя к так называемой бюрократической буржуазии и, естественно, будет поддерживать интересы буржуазии в целом.

Своеобразной разновидностью современных маргинальных групп можно считать люмпенизированные (от немецкого lumpen— лохмотья) слои населения. Как известно, впервые понятие люмпен-пролетариат было введено для обозначения низших слоев общества, обычно деклассированных и деморализованных слоев пролетариата, неспособных к самостоятельному, организованному социальному самовыражению в рамках принятых социальных норм. Известный теоретик О. Бауэр и другие исследователи данного направления связывали нарастание политической активности этого слоя в конце 20-х гг. XX века с наступлением фашизма. «Подобно тому, как это делал Бонапарт во Франции, современные диктаторы реакции стремятся сорганизовать люмпен-пролетарские отбросы в

качестве вооруженного авангарда фашизма, линчевания и всевозможных Ку-Клукс-Кланов»[131].

А. Кестлер в 1944 г. первым применил термин люмпен-буржуазия для обозначения состояния сознания и поведения интеллигенции в периоды кризисов. С конца 40-х гг. употребляется просто слово «люмпен», а в 60-е гг. появляются термины «люмпен-авангард» д «люмпен-массы». В 90-е гг. XX века академик С.С. Шаталин, рассуждая о массовой, практически поголовной люмпенизации бывшего советского общества в ходе реформ, всерьез называл себя «люмпен-академиком». В целом данный феномен трудно локализуется и операционализируется. Это не столько аналитический термин, сколько удачное определение, указывающее на ситуации социальных кризисов и дезинтеграции, способствующих появлению и усилению реакционных идеологий и политических движений.

Современные люмпенизированные слои отличаются завышенными социальными притязаниями при одновременном нежелании приложить силы для их осуществления. Некоторые формы люмпенизации носят возрастной и, потому, преходящий характер (к примеру, практически сошли на нет хиппи и подобные им движения). Другие более стабильны — безработные, включая «скрытых» безработных, нищие и т. п. В определенные периоды эти страты могут представлять собой резерв или даже базу для реакционных сил, рвущихся к власти (крайние формы бонапартизма, фашизма, анархизма). Люмпенизация усиливается с ростом безработицы, правового нигилизма, социальной незащищенности, политической аномии.

Как правило, люмпенизация является непременным спутником слишком быстрых реформ общества, сопровождающихся ломкой прежней социальной структуры. Так, например, резкое деклассированно большинства населения и дестратификация общества в ходе вначале политических, а затем социально-экономических реформ 90-х годов в России привело к появлению совершенно специфических люмпенизированных феноменов типа, например, целого социального слоя так называемых «бомжей» (лиц без определенного места жительства). Хотя, одновременно, российские реформы показали и обратную сторону медали: психологическую устойчивость ранее достигших высокого уровня социально-группового сознания общностей. В условиях массовой реальной безработицы, многомесячных задержек зарплаты и обнищания, даже при смене форм занятости большинство кадровых рабочих формально отказывалось увольняться со своих предприятий, мотивируя это желанием сохранить, несмотря ни на что, определенный уровень социального престижа.

NB

1. Большие социальные группы, включающие тысячи и даже миллионы людей, являются наиболее реальными и действенными субъектами политики. К большим социальным группам относятся социальные классы, общественные страты, социальные группы и слои населения. В свое время абсолютизация использования некоторых из этих терминов привела к появлению двух принципиально разных подходов: марксистского, отстаивавшего исключительность классового деления общества, и веберианского, исходящего из деления

[131] Рейснер *М.А.* Проблемы социальной психологии. Ростов-н/Д., 1925.— С. 44.

общества на социальные страты. Так возникли два противоположных пути не только социального познания, но и социально-политического развития. Однако, развитие общества и науки о нем уже к концу XX века показало непродуктивность подобного жесткого противопоставления. Концепции К. Маркса и М. Вебера не исключают, а фактически дополняют друг друга. Дело не в терминологических спорах относительно объяснительных схем, а в идентичной социальной реальности. Реально же, во всяком обществе существуют большие, прежде всего социально-профессиональные группы, значительно различающиеся характером и особенностями своей ведущей деятельности. Ведущая деятельность порождает свои психологические особенности, свои социально-групповые варианты сознания, идеологии и политического поведения той или иной группы.

2. Социально-групповое сознание — исторически обусловленный уровень осознания членами большой социальной группы своего положения в системе разделения труда и существующих общественных отношений, а также своих групповых потребностей и интересов. Это особый политико-психологический феномен, производный от обыденной, повседневной групповой психологии. Осознаваемые элементы групповой психологии, приобретая более строгие и рационализированные формы, составляют содержание социально-группового сознания. Его особенности — цельность, четкость, определенность ценностных ориентации и представлений о целях общественного действия. Генетически, групповое сознание обычно является основой идеологии той или иной большой социальной группы. Идеология же всякой большой социальной группы — это систематизированные, выраженные в научной форме основные потребности, цели и интересы данной группы. Конкретно-психологически, всякая идеология включает в себя, прежде всего, ценности, нормы и образцы поведения данной социальной группы. В свою очередь, социально-групповое сознание является порождением социально-групповой психологии в целом. В ее историческом развитии выделяются три основные фазы. Во-первых, это стихийное развитие потребностей большой группы. Оно зависит от объективного места группы в обществе, от ее положения в сложившейся системе разделения труда. Во-вторых, взаимодействие новых потребностей с ценностными ориентациями и целями, отражающими прошлый опыт группы и его традиции, появление противоречий в процессе этого взаимодействия. Это зависит от способности группы к рефлексии происходящих с ней изменений, и специально занимающихся этим людей — «элиты» данной группы. В-третьих, «поиск» новых ценностей и целей, который оказывается тем более успешным, чем полнее и последовательнее развивается самостоятельная идеология данной группы, чем активнее она может себя выражать и противостоять идеологиям других больших групп. Это уже совсем прямо связано с деятельностью идеологов группы. В целом же, развитие групповой идеологии идет как бы по цепочке: от психологии большой социальной группы — через социально-групповое сознание — к идеологии данной большой социальной группы. Групповая психология, на том или ином уровне зрелости, свойственна всем представителям группы. Групповое сознание — уже только наиболее продвинутой ее части. Групповая идеология доступна еще меньшему числу людей, обычно это — удел исключительно политической элиты данной большой социальной группы.

3. Диалектика развития социально-группового сознания рассматривается в соответствии с гегелевской формулой: от «группы в себе» к «группе для себя". Положение «группы в себе» — ситуация, когда группа в целом и ее представители, выполняя в обществе определенные функции, еще не могут осознать этой роли и своего особого положения, и действовать в соответствии с этим. Социально-политически, они находятся в подчиненном положении и обслуживают иную, обычно «уходящую» политическую группу. Положение «груп-

пы для себя» — уже совершенно иная ситуация. Оказывающаяся в ней группа или, по крайней мере, часть ее представителей осознают выигрышные особенности своего положения и начинают активно участвовать в социальных, прежде всего политических процессах, направленных на изменение общественного устройства в соответствии с потребностями, интересами, ценностями данной группы. Тогда данная группа создает определенные институты, инициирует необходимые процессы и, в итоге, перестраивает все социально-политическое устройство «под себя» и свои интересы.

4. Развитие социально-группового сознания членов больших групп обычно проходит три основных уровня. Первый уровень — «внешне-типологический». На этом уровне представители большой социальной группы идентифицируют себя и друг друга по внешним признакам и фиксируют свою внешнюю схожесть, Однако обычно у них еще отсутствует осознание единства и общности своих интересов. Второй уровень— «внутренне-идентификационный». На этом уровне появляется групповое самосознание на уровне первичной локальной общности, связанной с общими условиями жизни и деятельности, а также с возникающими на этой основе общими потребностями и интересами. Третий уровень — «солидарно-действенный». На нем обычно у людей уже возникает осознание единства интересов и ценностей большой общности и своей принадлежности к ней. Продвижение по данным уровням связано с объективными и субъективными факторами.
5. Основные большие социальные группы всегда имеют свои достаточно четко обрисованные политико-психологические особенности. К таким группам относятся в первую очередь буржуазия, рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, обладающие собственным внутренним делением. Различаясь по своим потребностям и интересам, они сосуществуют в сложнейших взаимоотношениях, обычно обеспечивающих стабильное общественное развитие. Конфликты между этими группами приводят к сложнейшим кризисам и социальным революциям. Однако общая логика социального развития постепенно ведет к развитию таких форм контроля за политическим поведением больших групп, которые способствуют минимизации внутренних социально-политических конфликтов. Главным направлением развития постепенно становится минимизация монополии той или иной группы на политическую власть и поиск условий социально-политического консенсуса. Особенно перспективную роль в этих процессах ныне играет интеллигенция, все больше претендующая на ведущую роль в активно развивающемся современном постиндустриальном, открытом информационном обществе. Особую конфликтную роль в современном обществе играют так называемые маргинальные и, особенно, люмпенизированные слои населения, представляющие опасность в качестве потенциальной базы политического радикализма.

Для семинаров и рефератов

1. *Вебер М.* Избранные произведения, — М., 1990.

2. *Дилигенский Г.Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии: Исследование по социальной психологии французского рабочего класса. — М., 1969.

3. Основы социальной психологии и пропаганды. — М., 1982.

4. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.

5. Социальная психология. — М., 1975.

6. Социальная психология классов. Проблемы классовой психологии в современном капиталистическом обществе. — М., 1985.

Глава 8

ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ. БОЛЬШИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Роль и место национально-этнических групп в политике. Основные виды национально-этнических групп: род, племя. народ, нации, национальности, расы и этносы.

Основные слагаемые национально-этнической психологии: национальный характер и национальное сознание, формирующие психический склад нации в целом. Национальный характер как эмоционально-чувственная «платформа» национально-этнической психологии. Роль физических условий среды, биопсихических, социальных и культурные предпосылок становления национального характера Структура национального характера, ее основные слагаемые: национальный темперамент, национальные эмоции, национальные чувства, первичные национальные предрассудки.

История изучения национального характера. Политико-психологическая сущность этноцентризма. Проблема национального характера в политической борьбе.

Национальное сознание — более рациональный уровень национально-этнической психологии. Обыденное национальное сознание, его структура и основные элементы. Национально-этнические стереотипы и установки. Национальные обычаи и традиции — «социальная память» национально-этнических групп. Психология национального меньшинства и национального большинства. Психологические механизмы распространения обыденного национального сознания. .Национально-дискриминирующие шутки и анекдоты, неосознанные предрассудки и предубеждения.

Теоретическое национальное сознание. Национальные и националистические политико-идеологические конструкции.

Национальное самосознание. Генезис национального самосознания, психологическая антитеза «мы» — «они». Проблема национально-этнической идентификации. Особенности стереотипов национального самосознания. Механизмы рационализации национально-этнической психологии. Противоречивая роль национального самосознании в политике. Национальное и националистическое самосознание.

Обострение национально-этнических проблем в современном мире: политико-психологические причины и следствия. Политико-психологические основы транс- и интернациональных политико-идеологических конструкции. Феномен глобализации. Национальные и межнациональные конфликты и их урегулирование. Национальное и межнациональное согласие и примирение.

Нет смысла специально подчеркивать роль и значение национально-этнических групп в политике — они очевидны. В конечном счете, национальные и этнические группы в истории человечества возникли раньше социальных. Национально-этническая общность, за исключением лишь некоторых отдельных примеров, психологически продолжает оставаться более глубинной, чем общность социальная. Соответственно, мы продолжаем оставаться свидетелями массы политических явлений, возникающих и развивающихся на национально-этнической основе. Это не только межнациональные конфликты и войны, расовые столкновения и родоплеменные проблемы в отдельных странах. Это само по себе этническое разделение, на котором продолжает базироваться не только большинство личностей или групп, но и стран, и государств в политике. Не-

смотря на нарастающую тенденцию к глобализации жизни человечества (как бы ее не называли идеологи разных направлений — интернационализацией или транснационализацией, речь все равно об одном и том же), национально-этнические общности всегда имели и продолжают иметь огромное значение в политической жизни. Соответственно, понимание национальной психологии и ее роли имеет большое значение в политической психологии в целом.

Национально-этнические группы — это большие группы, включающие тысячи и миллионы людей, связанных общими внешними и внутренними, психологическими чертами. Если идти от простого к сложному, это род и племя, народ и нация, раса и этнос.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Если рассматривать исторически, то первичен всегда **род** — группа кровных родственников, ведущих свое происхождение по одной линии, по большей части осознающих себя потомками общего предка (реального или мифического), носящих общее родовое имя и, естественно, имеющих общие потребности и интересы, проявляющиеся в единых социально-политических действиях. До сих пор в ряде стран Азии и Африки роды или родовые объединения играют огромную роль в организации власти и государств. К понятию «род» примыкает понятие «клан», несущее в современной политической психологии более символическое и обобщающее значение.

Объединение двух или более родов образуют племя. Это более высокая форма уже непосредственно политической организации, объединяющая некоторое число родов и семейно-родовых кланов на общей этнической основе. Если род, как правило, не может существовать отдельно (хотя бы в силу закона экзогамии), то племя — уже достаточно автономное объединение, обосабливающееся прежде всего на основе обладания собственным языком или диалектом, собственными обычаями, характерными именами, традициями и верованиями, собственными тотемами, выражающими их чувство обособленности. Уже исторически, считал Я. Щепаньский, племя всегда имело контур внутренней формальной политической организации, в частности, вождя или совет вождей, собственные специализированные группы вооруженных лиц для защиты определенной территории, с которой и было связано племя, и т. д.

Племя — часть сложнейшего для целого ряда стран национального вопроса. Особенно важен он для тех стран Азии и Африки, в которых родоплеменной строй сохранился, как заметный компонент общей социальной организации жизни. Например, он имеет принципиальное значение для многочисленных племен Афганистана, составляющих большую и наиболее активную долю населения страны, а территориально образующих целую «зону племен».

Как показали наши собственные исследования, население зоны племен — это особые люди со специфической психикой, до сих пор живущие по собственным традиционным меркам и понятиям. Создав много веков назад свой специфический способ производства выработав определенный способ и образ жизни, кочевые пуштунские племена как бы законсервировали его По сути дела, уже как минимум две с половиной тысячи лет они достаточно успешно отбивают все попытки приобщить их к чему-то иному.

Не вдаваясь в подробности, отметим лишь некоторые своеобразные психологические черты населения племен. С точки зрения политической психологии особо подчеркнем противоречивость и непоследовательность поведения в

обычной, повседневно-бытовой жизни, но, одновременно, незыблемость традиций и настоящий культ предков в жизни духовно-культурной. Противоречивы и отдельные психологические черты: так, гордость и великодушие сочетаются со вспыльчивостью, обидчивостью, неуравновешенностью, подчас подозрительностью и мстительностью (у некоторых племен до сих пор сохранился обычай «кровной мести»}. Готовность придти на помощь, уверенность в своих силах — с негативным отношением к тем, кто живет по другому (к оседлому образу жизни, например), с опасением новых чужеродных контактов, грозящих поставить на карту независимость племени.

Политико-психологически, это и есть главное-независимость. Для этих людей психологически нет никаких государственных, административных, политических и прочих границ. Вопрос о государстве, как и о принадлежности земли кому-то так же для них нелеп, как и вопрос, например, о том, «кому принадлежат небо, солнце и луна?». В истории человечества кочевники, как известно, так и не создали сколько-нибудь прочных государств — отдельные исключения, типа супер-империи Чингиз-хана, носили всего лишь эпизодический характер.

Восприятие этих людей жестко разделено надвое: мир состоит из «своих» и «чужих». «Свой» — это только тот, кто знает, уважает и соблюдает законы, традиции и порядки рода и племени. «Свой» — значит, связанный узами родства, дружбы, хозяйства, веры. Это приницпиальные основы, причем религиозная вера в общепринятом смысле стоит не на первом месте: законы рода и племени могут быть важнее религии. Они важнее всего. Религия носит более поздний, во многом привнесенный характер. Слово вождя в пуштунских афганских племенах до сих пор важнее слова муллы, как и решение джирги (совета) племени. Зная это, мулла никогда не пойдет наперекор вождю или жирге — скорее, он найдет для племени и для себя особый компромисс с Аллахом.

Естественно, что у этих людей существует свое, особое отношение к политике. Внутри рода или племени никакой политики внешне вообще нет — существует иллюзия однородности, равенства и единства, «братства». Хотя племена давно уже расслоились на феодальную верхушку и трудящееся большинство, это разделение замаскировано тем, что носит не противоречиво-классовый, а сословный, нехозяйственный характер.

«Единство» в отношениях внутри своего рода и племени противостоит хитрости, «политике» в отношениях с «чужими». Политика для представителей племен — что-то сродни торговле (это даже закреплено этимологически в ряде языков). Там все можно ради достижения своей выгоды. И только если племена признают «своими» тех или иных людей, ту или иную партию или правительство, они могут изменить отношение к ним с «политического» на прямое, честное и открытое — в духе высоко чтимых и декларируемых «традиций предков» и традиционного для большинства племен «кодекса чести».

На основе рода и племен, включающих несколько родов, исторически надстраивалось особое образование, получившее название «**народ**». Собственно этимологически, «народ» — это нечто, стоящее «над родом». Отдельные этнопсихологи до сих пор считают, что «род» в своем символическом выражении представлял для своих членов некое божество, которое следовало культивировать ради собственного выживания. Соответственно, «народ» стал супер-божеством. Вот почему, не имея ни одного сколько-нибудь серьезного верифицируемого операционального определения, понятие «народ» всегда играло и до сих пор играет огромную эмоционально-публицистическую роль в политике. «Именем народа», «во имя народа», «ради блага и интересов народа» всегда совершались и продолжают совершаться все политические действия. Это только

один из примеров тех не всегда осознаваемых отголосков родо-племенной или «на(д)-родной» психологии, которая явственно проявляется и в современной политике.

Объективно же, рода и племена в ходе исторического развития объединились в **нации** (между прочим, от латинского natio, означающего все то же — племя народ) — большие исторические общности людей, скдадывающиеся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка ряда особенностей культуры, характера и психики в целом. Иногда возникновение нации рассматривается как простое продолжение и усложнение родоплеменных связей. В целом ряде западных этнопсихологических и политико-психологических концепций в качестве ведущего, а иногда просто единственного признака нации до сих пор фигурируют «национальный дух» (национальное сознание, национальный характер). В других вариантах нация рассматривается как психологическое понятие, «бессознательная психологическая общность» или же сводится к общности национального характера, сформировавшегося на основе общности судьбы, к союзу одинаково мыслящих людей. В марксистской традиции излишне абсолютизировалась социально-классовая сущность происхождения наций — отдельно выделялись даже «капиталистические» и «социалистические» нации. В истории хорошо известны теоретические труды и жесткие практические политические эксперименты И.В. Сталина в национальном вопросе.

Подчеркнем, что в современном мире нация, безусловно, никак не сводится к «союзу племен». Ее консолидация, разумеется, облегчается наличием этнически родственных племен. Но это не обязательное условие, поскольку в современном мире практически не существует однородных наций.

Понятие «нация» в современном научном языке близко к понятию «народность», однако его нельзя отождествлять с понятием «национальность». Нация есть более социальное (хотя ни в коем случае не исключительно социальное) и, потому, более широкое образование, включающее в себя разные национальности — например, на основе общности социально-политического устройства. Особенно настаивают на этом так называемые этатистские теории. Нации могут даже меняться в объеме, расширяться или уменьшаться в зависимости от изменения социально-политических устройств, однако национальности при этом остаются неизменными. Это подтверждают, например, и история США, и крупномасштабный советский социалистический эксперимент с формированием новых исторических общностей, и другие примеры. Точно так же «народность», будучи обыденным синонимом «нации», включает в себя множество разных «народов» в том «на(д)-родном» (над-родовом) смысле, о котором говорилось выше.

Бще одной общностью, которую необходимо рассмотреть, является **раса**. Это исторически сложившиеся супер-большие ареальные группы людей, связанных единством происхождения, которое выражается в общих наследственных морфологических и физиологических признаках, варьирующих лишь в очень определенных пределах. Для нашего дальнейшего рассмотрения важно, что расы являются не совокупностями людей, а совокупностями популяций. Это означает отсутствие особых психологических различий, принципиально разделяющих расы, на чем иногда настаивают некоторые откровенно расистские концепции. Практически, внутри всех рас прослеживаются межнациональные или, говоря более обще, межэтнические психологические различия, однако реально и объективно зафиксированные межрасовые психологические различия пока в серьезной науке не описаны. Хотя, в отдельных случаях, в истории расовые объединения и выступали в качестве особых субъектов политического действия

(например, период колонизации Азии, Африки) и продолжают иногда выступать до сих пор (периодически возникающие расовые волнения в США, например), еще не было случаев масштабных политических действий, когда расы фигурировали как единое целое. Даже названные выше примеры часто можно рассматривать лишь как временные совместные действия разных наций и народностей в рамках той или иной расы.

Последним понятием, используемым в данной главе, является **«этнос»**. Данное понятие относится к числу наиболее обобщенных. Под этносом или этнической общностью обычно имеют в виду исторически возникай вид устойчивой общности людей, представленной племенем, народностью, нацией или даже группой наций и национальностей. Часто под этносом имеют в виду национально-лингвистические группы, объединенные общим ареалом проживания и обладающие общими культурно-психологическими и поведенческими чертами. Особая, самостоятельная роль этносов как отдельных целостных общностей в политической истории человечества (например, скандинавы в целом, славяне в целом, их межэтнические политические взаимоотношения и т. п.) исследовалась в работах Л.Н. Гумилева с этногеографической, геополитической и, даже, этнокосмогонической точек зрения.

Проведенный понятийный анализ показывает, что при всем различии используемых понятий, все они обозначают разного масштаба большие национально-этнические, в широком смысле, группы, выступающие в качестве субъектов политики, и включают в себя психологические компоненты, проявляющиеся в политических действиях. Таким образом, большие национально-этнические группы являются особым предметом политико-психологического рассмотрения ь рамках такого раздела, как национально-этническая психология.

Национально-этническая психология в своей основе представляет собой единство двух основных факторов: более иррационального национального характера и более рационального национального сознания. По своей структуре, это сложное двухуровневое образование. В совокупности, иррациональный и рациональный факторы формируют психический склад нации в целом. Особую роль в национально-этнической психологии играет национальное самосознание.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Национальный характер — это совокупность наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него. Национальный характер представляет собой, прежде всего, определенную совокупность эмоционально-чувственных проявлении, выражаясь в первую очередь в эмоциях, чувствах и настроениях — в предсознательных, во многом ирро-циональных способах эмоционально-чувственного освоения мира, а также в скорости и интенсивности реакций на происходящие события.

Наиболее отчетливо национальный характер проявляется в национальном темпераменте — например, отличающем скандинавские народы от, например, латиноамериканских. Зажигательность бразильских карнавалов никогда не спутаешь с неторопливостью северной жизни: различия очевидны в темпе речи, динамике движений и жестов, всех психических проявлений.

Понятие национального характера по своему происхождению поначалу не было теоретико-аналитическим. Первоначально, оно было, прежде всего, описательным. Впервые его стали употреблять путешественники, а вслед за ними географы и этнографы для обозначения специфических особенностей образа дсиз-

ни и поведения разных наций и народов. При этом разные авторы в своих описаниях часто имели в виду совершенно различные и подчас просто несопоставимые вещи. Поэтому синтетическая, обобщенная трактовка национального характера невозможна — она носит заведомо комбинаторный и оттого недостаточно целостный характер. В рамках политической психологии наиболее адекватной все-таки является аналитическая трактовка.

В аналитическом контексте принято считать, что **национальный характер** — составной элемент и, одновременно, основа («платформа», «базовый уровень») психического склада нации в целом, и национальной психологии как таковой. Сложная, взаимосвязанная и взаимообусловленная совокупность в основном эмоциональных (национальный характер) и более рациональных (национальное сознание) элементов как раз и представляет собой «психический склад нации» — ту самую «духовно-поведенческую специфичность», которая и делает представителей одной национально-этнической группы непохожими на представителей других таких групп. Психический склад нации — основа всей национально-этнической психологии, уже как совокупности этого «склада» и определяемого им поведения.

В истоках национального характера лежат прежде всего устойчивые психофизиологические и биологические особенности функционирования человеческих организмов, включая в качестве основных такие факторы, как реактивность центральной нервной системы и скорость протекания нервных процессов. В свою очередь, эти факторы связаны, по своему происхождению, с физическими (прежде всего, климатическими) условиями среды обитания той или иной национально-этнической группы. Общий, единый национальный характер является следствием, псхическим отражением той общности физической территории, со всеми ее особенностями, на которой проживает данная группа. Соответственно, например жаркий экваториальный климат порождает совершенно иные психофизиологические и биологические особенности, а вслед за ними и национальные характеры, чем холодный северный климат.

Разумеется, **формирование** современных национальных характеров представляет собой результат сложного историко-психологического процесса, продолжающегося уже в течение многих веков. Проживая в неодинаковых природных условиях, люди с течением времени постепенно приспосабливались к ним вырабатывая определенные общепринятые формы восприятия и реагирования на эти условия. Это играло адаптивную роль, способствуя развитию и совершенствованию человеческой деятельности и общения людей. Подобные адаптивные формы восприятия и реагирования закреплялись в определенных нормативных, социально одобряемых и закрепляемых способах индивидуального и коллективного поведения, наиболее соответствующих породившим их условиям. Особенности национального характера находили свое выражение в первичных, наиболее глубинных формах национальной культуры, формируя своего рода социокультурные эталоны, нормативы и образцы адаптивного поведения. Так, например, художниками давно было очень образно подмечено, что «народ климата пламенного оставил в своем национальном танце ту же негу, страсть и ревность»[132]. Напротив, в специальном исследовании шведский этнограф А. Даун, проанализировав обширный материал, установил, что основной чертой шведского национального характера является чрезвычайная рациональность мышления. Шведы не склонны выставлять свои чувства напоказ, в случае конфликтов не дают волю эмоциям, стремятся к компромиссным решениям. Этим А. Даун

---

[132] *Гоголь Н.В.* Полн.собр.соч. — Т.8. — Л., 1962. – С.185.

объясняет особенности удивительно четкого функционирования шведской государственной машины, слабую религиозность населения, традиционную посредническую роль Швеции в международных конфликтах и др.

С усложнением способов социальной организации жизни, адаптивная роль и приспособительное значение национального характера, непосредственно связывавшего человека и его поведение с физическими условиями среды обитания, постепенно отходили на задний план. В развитых формах социальности, национальный характер оставляет за собой значительно более скромную функцию — своеобразной «эмоциональной подпитки» поведения представителей национально-этнических групп, как бы лишь чувственно расцвечивая те формы поведения, которые теперь уже носят вторично социально- и культурно-детерминированный и, потому, неизбежно более унифицированный характер, а также придавая эмоциональное разнообразие действию общих социальных факторов, их восприятию и реагированию на них. Понятно, что политик-русский или политик-азербайджанец достаточно по-разному исполняют свои, в общем-то, одинаковые социальные роли.

Закладываясь на самых ранних, досоциальных этапах развития общества, элементы национального характера служили важнейшим способом стихийного, эмпирического, непосредственного отражения окружающей действительности в психике членов национально-этнической общности, формируя, тем самым, ее первичное, природно-психологическое единство. Сохраняясь, в последующем, они подчиняются влиянию социально-политической жизни, однако проявляются в повседневной жизни в основном на обыденном уровне, в тесной связи с формами обыденного национального сознания. Однако в определенных ситуациях, связанных с кризисами привычных форм социальности, с обострением национальных проблем и противоречий, с появлением ощущения «утраты привычного порядка», непосредственные проявления национального характера могут выходить на передний план.

В этих случаях, как бы вырываясь на свободу из-под гнета социальности, они непосредственно детерминируют кризисное поведение людей. Многочисленные примеры такого рода дают процессы модификации политических систем, в частности, распада тоталитарных унитарных государств имперского типа — например, СССР. Именно с взрывными проявлениями национального характера связано большинство случаев быстрого подъема массовых национально-освободительных движений.

В **структуре** национального характера обычно различают ряд элементов. Во-первых, это **национальный темперамент** — он бывает, например, «возбудимым» и «бурным», или, напротив, «спокойным» и «замедленным». Во-вторых, **национальные эмоции** — типа «национальной восторженности» или, допустим, «национального скептицизма». В-третьих, **национальные чувства** — например, «национальную гордость», «национальную уничижительность» и др. В-четвертых первичные **национальные предрассудки**. Обычно это — закрепившиеся в эмоциональной сфере мифологемы касающиеся «роли», «предназначения» или «исторической миссии» нации или народа. Эти мифологемы могут касаться и взаимоотношений национально-этнической группы с нациями-соседями. С одной стороны, это «комплекс нацменьшинства». С другой стороны, это «национально-патерналистский комплекс», обычно проявляющийся в виде так называемого «имперского синдрома» или «синдрома великодержавности» (иногда именуемого «синдромом Большого брата»). Разновидностью национально-этнических предрассудков являются соответствующие стереотипы реагирования на происходящие события типа, например, «национального кон-

серватизма», «национальной покорности» или, напротив, «национального бунтарства» и «национальной самоуверенности».

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Как уже говорилось, предпринимавшиеся в науке попытки систематизировать и типологизировать элементы, образующие структуру национального характера, не дали сколько-нибудь надежных результатов прежде всего потому, что используемые понятия носят оценочно-метафорический характер и не поддаются ни точной научной квалификации, ни, тем более, опера-ционализации и квантификации.

Тем не менее, проблемы национального характера давно являются предметом разносторонних научных исследований. Первые серьезные попытки были предприняты в рамках сложившейся в середине XIX в. в Германии школы психологии народов (В. Вундт, М. Лацарус, Х. Штейнталь и др.). Основные идеи представителей этой школы заключались в том, что главной силой истории является народ или «дух целого», выражающий себя в искусстве, религии, языках, мифах, обычаях и т. д. — в целом, в характере народа или национальном характере.

В те времена активно отстаивалось субстанциональное существование «надындивидуальной души», подчиненной «надындивидуальной целостности», каковой является народ (нация). Считалось, что индивидуальный характер есть продукт этого целого, звено в некой духовной социально-психологической связи целого и части. Предполагалось, что все индивиды одной нации имеют черты специфической природы, которая накладывает отпечаток как на физические, так и на духовные характеристики ее представителей. Считалось, что воздействия «телесных влияний» на душу вызывают появление общих социально-психологических качеств у разных представителей одной нации, вследствие чего все они обладают одним и тем же «народным духом» и национальным характером. Однако природа национального характера объявлялась метафизичной, а понимание ее затруднительным. Полагалось, что возможно лишь описание его проявлений, обнаруживаемых в продуктах надындивидуальной деятельности. Исходя из идеалистических философских посылок, однако, сторонники данной школы начали достаточно ценные попытки комплексного междисциплинарного изучения проблем, связанных с национальным характером и его влиянием на жизнь общества, но вскоре общие позитивистские тенденции экспериментального, а не описательного развития науки привели к их упадку. Понятно, что феномены типа национального характера и национальной психологии в целом невозможно исследовать «экспериментально», поэтому вся данная проблематика отошла в науке на задний план.

Американская этнопсихологическая школа в середине XX в. (А. Кардинер, Р.Ф. Бенедикт, М. Мид, Р. Мертон, Р. Липтон и др.) при построении целого ряда концепций национального характера исходила из существования у разных национально-этнических групп специфических национальных характеров, проявляющихся в стойких психологических чертах отдельной личности и отражающихся на «культурном поведении». Это позволяло сторонникам данной школы строить модели «средней личности» той или иной национально-этнической группы, выделяя в каждой нации «базисную личность», в которой соединены общие для ее представителей национальные черты личности и черты национальной культуры. В формировании качеств национального характера

приоритет отдавался влиянию культурных и политических институтов, а также семьи в процессе воспитания ребенка. Подчеркивалось и обратное влияние «базисной личности» на нациальные институты. Многочисленные кросскультуррные исследования показали влияние национального характера на особенности политических институтов и процессов, а также позволили выявить различающиеся черты национального характера у представителей масс и политической элиты.

Было установлено, в частности, что главной трудностью в понимании чужого национального характера является этноцентризм — склонность воспринимать и оценивать жизненные явления и черты иной культуры, а также другие национально-этнические группы сквозь призму традиций и ценностей своей группы. Сам термин «этноцентризм» был введен в 1906 г. Дж.Самнером, который полагал, что существуют резкие различия между отношениями людей внутри национально-этнической группы (товарищество и солидарность) и межгрупповыми отношениями (подозрительность и вражда). В последствии было установлено, что этноцентризм выполняет сложные функции. С одной стороны, он консолидирует свою национально-этническую группу. Однако, он же порождает некомпетентность представителей этой группы в иной национально-культурной среде, ее непонимание. Так возникает феномен аккультурации. Этноцентризм резко усиливает влияние соответствующих стереотипов, предрассудков и «эмоциональных шор» собственного национального характера.

В начале 50-х гг., однако, этнопсихологическая школа изучения национального характера подверглась, как и ранее школа психологии народов, суровой критике, и ее авторитет серьезно упал. Один из наиболее серьезных упреков заключался в отстаивании слишком жестких связей и зависимостей между элементарными национальными, приобретаемыми в процессе индивидуального воспитания, привычками, и последующими способами социально-политического поведения. Один из наиболее спорных выводов заключался в том, например, что национально-культурная традиция туго пеленать младенцев ведет к усилению тоталитаризма в тех обществах, где это принято. М. Мид утверждала, в частности, это на примере изучения русской и китайской национальных культур. Она полагала, что способ пеленания формирует вполне определенный, «покорный» национальный характер в отличие от более демократических национальных культур, в которых младенцу предоставляется большая свобода для движений руками и ногами, что формирует более свободолюбивый, «демократический» национальный характер. Близкие выводы, между прочим, делал М. Макклюен, изучая «графическую» (албанскую) и «телевизионную» (канадскую) культуры 60-х гг. По его данным, именно жесткое научение регламентированному, привычному, слева направо или справа налево, письму и чтению формирует авторитарную личность. Тогда как восприятие хаотичных точек на телеэкране, порождающих разнообразные образы, воспитывает демократическую личность.

В настоящее время нет возможности выделить какое-либо целостное направление изучения национального характера. Его исследования проводятся в разных контекстах и с разных концептуально-теоретических позиций. Их различия подчас связаны с различающимися идейно-политическими ориентациями ученых, что превращает исследования в аргументы социально-политических споров. Сложность собственно научного анализа проблем национального характера всегда была связана с тем, что практически любые эмпирические данные и теоретические построения могли быть использованы теми или иными националистическими или, даже, расистскими направлениями в политике. В этом про-

являются достаточно типичные ограничения политико-психологического исследования: понятие национального характера со временем стало своеобразной ловушкой для ученых. До сих пор, не жалея сил, одни авторы стараются отыскать заданные, чуть ли непосред-ственнно индивидуально наследуемые черты национального характера, разделяющие человечество на жестко фиксированные и противопоставленные друг Другу национально-этнические группы.

С не меньшей энергией, другие ученые настаивают, что понятие «национальный характер» было и остается фикцией, беспочвенной гипотезой, лишенной реальной объяснительной силы, сугубо идеологической и потому ненаучной категорией, принципиально неверифицируемой и, потому, пригодной только для «спекулятивных умозаключений». Избегающие крайностей исследователи считают, что понятие национального характера имеет научную ценность, хотя и ограниченную в силу названных причин и методических трудностей в эмпирическом изучении национального характера. Тем не менее, неоспоримой реальностью остаются те взрывные проявления национального характера (особенно в случаях межнациональных конфликтов), с которыми постоянно по сей день сталкивается реальная политика.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Национальное сознание — в целом, совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития национально-этнической группы.

Значительно более рационально по сравнению с национальным характером, хотя до конца рационализируется только в теоретических формах. Выступает в качестве «рациональной надстройки» наднациональным характером, в виде «верхнего этажа» психического склада нации. Включает в себя отношение группы к различным ценностям общества, отражает процесс ее исторического развития, былые достижения и ставящиеся перед будущим задачи. Ядром национального сознания является национальное самосознание. В число основных элементов национального сознания обычно включаются осознанное отношение нации к ее материальным и духовным ценностям; способности к творчеству ради их умножения; осознание необходимости своего сплочения ради осуществления национальных интересов и успешных взаимоотношений с другими национально-этническими группами.

Как и любая форма общественно-политического сознания, национальное сознание представляет собой сложное, диалектически взаимосвязанное и взаимообуславливающее друг друга единство двух главных составляющих: обыденного и теоретического сознания. Обыденное национальное сознание, тесно связанное с национальным характером, и представляет собой в привычном понимании бытовую, повседневную национально-этническую психологию. Другими словами, это — эмпирический уровень национального сознания как результат стихийного, эмпирического отражения действительности в повседневном сознании широких национальных масс. Теоретическое сознание — более высокого уровня. Это идеология нации, представляющая собой рационально-идеологический уровень национального сознания, являющаяся результатом отбора, систематизации и обобщения обыденных представлений, настроений, потребностей и волевых устремлений группы.

Обыденное национальное сознание — также достаточно сложное по своей структуре и механизмам, многослойное и противоречивое, инерционно-

консервативное и, вместе с тем, как бы «плывущее», постоянно видоизменяющееся образование. Это особого рода исторический синтез природно-биологического и социального опыта многих поколений хотя бы в силу своей тесной связи и производности от национального характера. Оно, одновременно, отражает насущное, актуальное конкретное социально-политическое бытие большинства представителей нации, и является продуктом длительного исторического развития.

В структуре обыденного национального сознания можно выделить три слоя. *Во-первых,* составными частями внутренней структуры обыденного национального сознания выступают повседневные потребности, интересы, система ценностей и установок, которые отражают определенный этап развития данной общности, и имеют не столько исторические, сколько конкретные, сегодняшние истоки своего происхождения.

Во-вторых, важными элементами обыденного национального сознания являются, также, построенные на основе определенной системы ценностей стереотипные представления, простейшие нормы и элементарные образцы поведения, а также обычаи и традиции, имеющие как исторические, так и социальные корни.

Наконец, в-третьих, существенными компонентами обыденного национального сознания выступают эмоциональные элементы и детерминированных ими формы выражения в образах, звуках, красках, совокупность которых составляет то национально-особенное в повседневной жизни, что обычно связывается с национальным характером, и исходит из него, хотя проявляется уже в национальном сознании. Как уже говорилось, в целом, связь обыденного национального сознания с национальным характером достаточно сильна.

Обыденное, наиболее элементарное, «первичное» национальное сознание проявляется в виде осознания людьми своей принадлежности к определенной национально-этнической группе. Национально-этнические чувства, взгляды, привычки, нормы и шаблоны поведения отражают приверженность к национальным ценностям на бытовом уровне. Они порождены, как уже говорилось в отношении национального характера, главным образом, общностью территории, языка, культуры, традиций, обычаев народа — в целом, общностью условий повседневной жизни. При всей стабильности данных факторов и, соответственно, инерционности порожденных ими компонентов массового обыденного национального сознания, ему свойственна определенная динамика, связанная с пластичностью психики человека и вариативностью способов ее реагирования на окружающую действительность.

Динамичность обыденного национального сознания представляет собой серьезную проблему— ведь именно она определяет его потенциальную «взрывчатость». Наиболее подвижными, динамичными элементами обыденного национального сознания являются потребности. Практически любые изменения в системе социальных и политических отношений ведут к изменениям в системе потребностей, порождают новые потребности, соответствующие изменившимся условиям, модифицируют старые, а также видоизменяют способы реализации старых потребностей, в силу этого меняя их характер. Новые или изменившиеся потребности могут вступать в противоречия с иными, менее подвижными элементами обыденного национального сознания, например, со старыми стереотипными представлениями, обычаями и традициями.

В результате, могут возникать внутренние противоречия и психические конфликты, проявляющиеся в изменениях эмоционально-чувственной сферы. Наиболее заметно эти изменения выражаются в динамике массовых настроений.

Настроения как демонстрация степени удовлетворенности потребностей являются самым подвижным компонентом обыденного национального сознания. Этот динамизм усиливается недостаточной осознанностью настроений, что ослабляет сознательный контроль над ними, хотя содержание и формы политического выражения настроений могут поддаваться в отдельных ситуациях такому контролю. В целом, эмоционально-настроенческая сфера обладает значительным удельным весом в ситуационно-динамических проявлениях обыденного национального сознания, оказывая сильное влияние на весь комплекс национального сознания.

Менее подвижными компонентами, обеспечивающими стабильность и инерционность обыденного национального сознания, являются первичные, наиболее глубинные эмоционально окрашенные установки и национально-этнические стереотипы. Например, закрепившееся в поколениях и воспринятые человеком с детства враждебное отношение к той или иной «чужой» группе и соответствующее представление о ее членах могут сохраняться, подчас в скрытой, латентной форме, чрезвычайно долго. Причем часто это происходит даже вопреки очевидным фактам жизни и сознательно принятой человеком идеологической конструкции (скажем, интернационализма). И тогда возникает известный в психологии парадокс: установки и стереотипы национально-этнической враждебности не всегда проявляются в реальном поведении.

В известных экспериментах Ж. Лапьера по изучению социальных установок владельцев гостиниц по почте опрашивали, как они отнесутся к появлению представителей ряда национальностей (например, китайцам). Большинство отвечало резко отрицательно. Спустя время, в эти гостиницы приезжали сами исследователи, среди которых были и китайцы. Опыт показал, что они не испытывали ни малейшей дискриминации при проживании и обслуживании в этих гостиницах. Так был сделан вывод о том, что «знаемые», как бы «выученные» установки и стереотипы не всегда совпадают с реальным поведением, мотивированным, скажем, прибылью от дополнительных постояльцев.

Однако, даже не проявляясь в бытовом поведении, связанном с получением реальной прибыли, такие стереотипы и установки действуют на сознание, часто проявляясь в политическом, в частности, электоральном поведении — при голосовании. В политическом поведении их действие значительно более выражено потому, что нет реального контакта с живым человеком — представителем данной национально-этнической группы. Как правило, обыденное сознание как раз и голосует за стереотип, имидж, а не за человека.

Наиболее стабильными и консервативными компонентами обыденного национального сознания, гарантирующими его устойчивость, считаются обычаи и традиции — нормативные требования к поведению, передающиеся из поколения в поколение, и базирующиеся на наиболее глубинных установках и системе ценностей прошлых поколений, на социально-политической памяти национально-этнической группы. Отличаясь особой устойчивостью и живучестью, национальные обычаи и традиции выполняют функцию регуляторов и стабилизаторов поведения новых поколений. Именно в этом смысле надо понимать известную фразу о том, что традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых, служа сильнейшим, часто непреодолимым барьером перед необходимыми социально-политическими инновациями.

Однако все непросто. С одной стороны, влияние обычаев и традиций связано с тем, что именно они являются, в глазах большинства людей, порождением и отражением неких «естественно-исторических» условий жизни данной общности — апробированных веками, и потому незыблемых. С другой стороны,

под «вековой» и «общенациональной» окраской они выражают системы ценностей, связанные обычно с достаточно определенными историческими периодами и господствовавшими в них социально-политическими силами, что делает их как бы «священными» в глазах людей, тяготеющих именно к данной системе ценностей.

Наиболее весомую роль обычаи и традиции, как и предрассудки, о которых говорилось выше, играют в жизни национальных меньшинств и других сравнительно небольших национально-этнических образований. Сохранение и культивирование собственных обычаев и традиций является для них необходимой защитной реакцией самосохранения, залогом национально-культурной идентичности и выживания в качестве национальной общности за счет дополнительной мобилизации внутренних, прежде всего, психологических ресурсов, при недостаточности ресурсов внешних. Гиперкомпенсаторное внимание к национальным обычаям и традициям, к их соблюдению часто оказывается естественной реакцией протеста против политики ассимиляции, обычно реально угрожающей малой нации со стороны более крупных наций-соседей, и, одновременно, формой национального самоутверждения. В этом случае, обычаи и традиции, как компоненты обыденного национального сознания, выступают как средства передачи социально-политического опыта нации и являются инструментом объединения, интеграции национальной общности, пробуждения национального самосознания.

Распространение обыденного национального сознания облегчается его большой заразительностью. Его влияние связано с так называемой «бытовой убедительностью» его аргументов. Их распространение основано на действии ряда психологических механизмов. К ним относятся массовое внушение, феномены группового давления и конформизма (склонности отдельного индивида подчиняться влиянию группы), психологического переноса собственных индивидуальных проблем на проблемы общности, а также свойственной человеку потребности в идентификации себя с большой группой.

В условиях компактной, достаточно гомогенной в этническом отношении среды, особенно среди инородного окружения, обыденное национальное сознание может гипертрофироваться, развиваясь по законам взаимной психологической стимуляции лиц, обладающих этим сознанием, и приводить к развитию бытового национализма, проявляющегося, например, в типичных национально-дискриминирующих шутках и анекдотах. Механизмы распространения обыденного национального сознания выполняют две связанные ме-дсду собой и, одновременно, противоположные задачи. С одной стороны, они выполняют задачу объединения, консолидации представителей одной национально-этнической группы. С другой же стороны, они выполняют задачу разъединения и противопоставления друг другу членов разных общностей.

В этом отношении обыденное национальное сознание является главной психологической основой национальных и этнических конфликтов на повседневном уровне. В нем культивируются связанные с национальным характером национальная вражда и ненависть, национально-этнические предрассудки и негативно окрашенные стереотипы, национальная и расовая нетерпимость и т. п. Начинаясь на бытовом, обыденном уровне, эти явления могут порождать не только локальные, прежде всего психологические проблемы, но и переходить на более серьезный, политический уровень, особенно становясь достоянием теоретического национального сознания.

Теоретическое национальное сознание представляет собой кристаллизованное, научно оформленное и четко социально и политически ориентированное

обобщение избранных элементов массового обыденного национального сознания, осуществляемое с определенных социально-политических позиций. Это идеология национально-этнической группы, обычно включающая в себя обобщенно положительную самооценку прошедшей истории, сегодняшнего положения и совокупности целей развития нации, программы их достижения на уровне всей общности и основных составляющих ее отрядов, а также уже кристаллизованные нормы, ценности и образцы поведения, обязательные для каждого индивида — лояльного представителя данной национально-этнической общности.

В центре такой идеологической конструкции часто может находиться идея исключительности собственной национально-этнической группы, и тогда вся конструкция неизбежно будет приобретать националистический и этноцентрический характер, вплоть до самых апологетических версий национализма и расизма. Однако неправомерно сводить к подобным вариантам все многообразие возможностей теоретического осознания нацией своей истории, сегодняшних проблем и перспектив будущего развития. Упрощенная трактовка теоретического национального сознания, по сути дела сводившая его к национализму и национал-шовинизму, была особенно свойственна догматизированному отечественному обществознанию периода становления и расцвета российского унитарного тоталитарного государства имперского типа — как при царизме, так и при социализме.

Теоретическое национальное сознание, основанное на максимальном внимании к идее собственной нации, может исходить и из реалистического понимания взаимозависимости наций и народов в сегодняшнем едином, противоречивом, но взаимосвязанном мире. Подобная идеологическая конструкция приобретает уже принципиально иное, интернациональное звучание. Ключевые вопросы, позволяющие квалифицировать и типологизировать варианты теоретического национального сознания, сводятся к допустимости или недопустимости компромисса, консенсуса в реализации потребностей и интересов разных национально-этнических групп, а также в выборе путей и методов разрешения почти неизбежных в реальной политической жизни противоречий. Главный вопрос звучит достаточно грубо: за чей счет жить (удовлетворять потребности)? Если за счет чужой нации — это национализм. Если за свой собственный, причем признавая права других на наличие и удовлетворение собственных потребностей — это интернационализм.

Практически, это означает наличие и степень выраженности идеи этноцентризма в теоретическом национальном сознании, а также меру его ориентированности на национальную исключительность и ее достижение любой ценой, или же на поиск и нахождение баланса интересов — не поступаясь собственными, а находя зону их сосуществования с чужими на интернациональной основе. В этом аспекте, теоретическое национально-этническое сознание смыкается с ядром национального сознания вообще, с национальным самосознанием.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Национальное самосознание — это совокупность взглядов и оценок, мнении и отношений, выражающих содержание, уровень и особенности представлений членов национально-этнической общности о своей истории, современном состоянии и будущих перспективах своего развития, а также о своем месте среди других аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними. Включает рациональные (собственно осознание своей принадлежности к

нации) и, отчасти, в меньшей степени эмоциональные (подчас неосознаваемое сопереживание своего единства с другими представителями национально-этнической группы) компоненты.

Национальное самосознание — ядро национального сознания. Оно выступает в качестве стержневой системы оценочных отношений и рационально-ценностных представлений, необходимых для соответствующего самоопределения человека в духовной и социально-политической жизни. В отличие от национального сознания, отражающего обобщенные представления национально-этнической группы, национальное самосознание является более индивидуализированным понятием, выражающим прежде всего степень усвоения тех или иных компонентов общенационального сознания индивидами-членами национальной общности.

Генезис национального самосознания представляет собой длительный исторический процесс, многоуровневый и весьма неравномерный по ходу своего развития. Первоначально, в историческом плане, появление зачатков национального самосознания происходило на обыденном этнопсихологическом уровне. Оно было связано с действием уже упоминавшегося в предыдущих главах одного из базовых социально-психологических механизмов развития человеческого сознания в целом, с формированием и укоренением в психике представителей той или иной общности антитезы «мы» и «они». Осознание себя как члена некой группы, целостности («мы») как раз и строится через противопоставление представителям иной группы — неким «они».

Основу антитезы «мы» — «они» обычно составляют один или несколько наиболее ярко выраженных йешних признака, характерных для «них» в отличие от «нас». Это может быть физический облик (иная внешность, черты лица и т. п.) или социокультурные признаки (иной язык, обычаи, традиции и т. п.). Могут быть религиозные верования (иные идолы, тотемы боги, религия) или социально-экономический уклад (иной способ общественного производства и способ жизни, кочевой или оседлый, земледельческий или скотоводческий и т. п.). Такими признаками могут становиться и политическое устройство (иные способы устройства власти и управления) или идеологическая доктрина (иные системы ценностей), и т. д. фиксация одного или нескольких таких непривычных и потому удивляющих, бросающихся в глаза признаков сопровождается их наделением негативной оценкой («они» всегда «плохие» по определению, поскольку отличаются от «нас», по тому же определению, безусловно «хороших»). Свойственные «им» качества, обычно, оцениваются аналогично. Их внешность, обычаи, традиции, способ жизни и т. д,, как правило, «неправильные». В отношении языка они «немые», т. е. «не мы», «немцы» —поскольку не говорят по-нашему. В отношении богов и религии они — «неверные», в отличие от «нас», всегда либо «правоверных», либо «православных», и т. д. «Им» приписываются все возможные негативные, «нам» же — все возможные позитивные качества. На этом всегда базировалось и до сих пор держится национальное самосознание. Эти механизмы функционируют практически во всех националистических и расистских идейно-политических концепциях.

В действии антитезы «мы» и «они» проявляется влияние естественного психологического механизма, посредством которого человек осознает свою национально-этническую (а первоначально родовую, клановую и племенную), а затем и иные, уже сугубо социальные принадлежности. С ее помощью он идентифицирует себя со своей группой, разделяя ее ценности и отождествляя себя со всем положительным, «эталонным», свойственным именно своей группе. Противопоставление собственной общности иным группам всегда способствовало

фиксации и активному закреплению своих этнических отличий, их осмыслению и созданию на этой основе самых разных (от экономических — к духовным, идеологическим и политическим) способов укрепления своей общности. Причем противостоять можно не только аналогичным, национально-этническим, но и иным социальным группам.

На политическом уровне примеров этого масса. рассмотрим менее известный, но не менее типичный. Так, свой переворот в Аргентине в 1944 г. Х. Перон осуществил, опираясь на лозунг «национальной революции», которая построит общество справедливости, имеющее силы противостоять как американскому империализму, так и международному большевизму. Он говорил об особом «обществе вертикальных профсоюзов», подчиненных национальному, а не классовому принципу, и достиг победы.

На бытовом психологическом уровне решению задач консолидации способствует еще один выработанный исторически, но сохранивший свое действие до сих пор механизм национально-этнических стереотипов. Как уже демонстрировалось выше, такие стереотипы — это эмоциональные, картиночно, даже лубочно яркие, но внутренне абстрактно обобщенные, содержательно выхолощенные и упрощенные, сугубо плоскостные (хотя и претендующие на всеобъемлемость и абсолютизацию) оценочные образы «типичных представителей» иных национально-этнических групп. Они складываются на основе одностороннего, субъективного, подчас разового впечатления и излишне эмоционального восприятия членов иной этнической группы за счет абсолютизации одного или нескольких поведенческих качеств (например, черт характера или психологических качеств), напрямую, механически связываемых с какими-то внешними признаками, контрастными по сравнению с чертами собственной нации.

Классический пример такого рода — до сих пор господствующий в сознании китайского населения стереотип европейца-«долгоносика». Сравним два ракурса восточной физиогномики: «Тонкий нос означает, что обладатель оного склонен к пустой драчливости и злости, так как у собак нос такой же в точности». И наоборот: «При наличии носа широкого и мясистого в человеке искать должно наивность и ласковость, ибо такой же нрав у теленка, а как известно, телята широконосы»[133].

С данными стереотипами сходен по механизму порождения известный славянский стереотип: «те, у кого нос крючком, все жулики». Особый пример построения целой серии рафинированных национально-этнических стереотипов предложил в свое время едва ли специально над этим задумывавшийся Л.Н. Толстой: «Пфуль был одним из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми только бывают немцы, и именно потому, что только немцы бывают самоуверенными на основании отвлеченной идеи — науки, то есть мнимого знания совершенной истины. Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо-обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании что он есть гражданин благоустроиннейшего в мире государства, и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как англичанин, несомненно хорошо. Итальянец самоуверен именно потому, что он взволнован и забывает легко и себя и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает ис-

[133] См.: *Семенов Ю.С.* Дипломатический агент. — М., 1959. — С.167.

тину, науку, которую он сам себе выдумал, но которая для него есть абсолютная истина»[134].

Выпячивание отдельных и игнорирование всех прочих качеств и признаков иной национально-этнической группы ведет к искажению реальности и препятствует процессам объективного познания, однако для национального самосознания это и не обязательно. Стереотипы выполняют иные функции, прежде всего, решая задачи сплочения общности против негативно представляемых (стереотипные представления о своей нации всегда позитивны) стереотипизированных других наций. К аналогичным по действию механизмам относится уже упоминавшийся этноцентризм. Не случайно, например, в древности были распространены представления о своих национально-этнических общностях как о «центрах вселенной», окруженных многочисленными и неприятными во всех отношениях «варварами». В таких представлениях и виден синтез феноменов этноцентризма и стереотипизации, обычно частый для массовой национально-этнической психологии.

Разумеется, **основополагающей стратегической детерминантом развития национального самосознания** в историческом плане были, помимо и на фоне действия этнопсихологических факторов, еще и реальные материальные, исторически обусловленные потребности развития общностей. Это было связано с формированием экономических общностей людей, относящихся к одним национальным группам, и определялось, прежде всего, общностью территории их проживания, на которой с течением времени формировалось единое общее рыночное экономическое пространство.

Именно экономическая общность, усиливавшая психологическую общность «мы», еще больше консолидировала разделенные феодальными и племенными границами национально-этнические общности в единые нации, и вела их уже к более рациональному осознанию себя как единого целого. Катализаторами, стимулирующими и ускоряющими развитие национального самосознания, обычно служили такие факторы, как внешняя агрессия, порабощение, колонизация, несущие в себе угрозу ассимиляции, культурного или полного физического уничтожения национальных общностей. В подобных условиях формирование национального самосознания резко ускорялось, и вполне могло временно опережать становление экономических общностей и наций как таковых. Так, например, национально-освободительная борьба против колониализма привела к становлению развитых форм национального самосознания значительно раньше ликвидации феодально-племенного образа жизни и соответствующей ему патриархально-племенной психологии в целом ряде стран Азии и Африки в XX веке.

Очевидное противостояние своей национально-этнической группы иным общностям способствует ускорению осознания и перевода в рациональный план, в разряд узко трактуемого национального самосознания, всех эмоционально-чувственных основ национальной психологии, психического склада нации. Это включает в себя не только осознанное национальное самоопределение, осознание своей принадлежности к общности, единства интересов и целей и необходимости совместной борьбы за их осуществление. Сюда же включается и пробуждение целой гаммы осознанных национальных чувств, появление особого рода «национального самочувствия». Оно включает чувство сопричастности к судьбе своей общности, любовь к исторической национальной родине (подчас независимо от места реального рождения и проживания человека), преданность

---

[134] Толстой Л.Н. Собр. соч. — Т. 6. — М., 1980. — С. 52—53.

своему народу, уважение его национальных особенностей и национальной культуры. Сюда же относятся такие чувства, как желание «припасть к могилам предков», своеобразная ностальгия, сочетающаяся с национальной гордостью или чувством тревоги за судьбу своего народа, готовность к жертвам во имя нации и т. п.

На основе подобного комплекса соответственно возникает эмоционально окрашенное, но уже вполне осознанное и целеустремленное в поведенческом плане состояние психики в целом, соответствующее определенному настрою человека и выражающееся, например, в волевом устремлении к борьбе за независимость своего народа, его свободу и суверенитет. Многочисленные примеры политического поведения такого типа, обусловленные данным настроем, известны в истории национально-освободительных движений и осуществлявшихся ими антиколониальных революций. Импульсивность, динамичность и заразительность данных компонентов национального самосознания могут делать такие явления массовыми в соответствующие периоды исторического развития. Достаточно вспомнить 60-е годы XX века, когда за короткий срок прошла целая полоса национально-освободительных революций в бывших европейских колониях в Африке и Азии.

Это подтвердилось и массовым стремлением населения ряда республик СССР к достижению реального суверенитета в ходе радикальных реформ социально-политической системы общества и национально-государственного устройства (конец 80-х — начало 90-х гг.). Широта, динамика и интенсивность распространения подобных явлений и определяемые ими политические последствия во многом были связаны с особенностями национального характера, уровнем национальной культуры, а также с политико-психологической историей общностей. Под историей здесь понимается степень предшествующей социально-политической дискриминации национального сознания данной общности и тот уровень развития национального самосознания, который уже был ею когда-то достигнут (включая, например, прежнее наличие собственной государственности, к восстановлению чего и устремились советские республики Прибалтики и Закавказья).

Развитие национального самосознания отличается не прямолинейным, а скорее волнообразным, синусоидальным характером. Его подъемы и спады определяются как уже названными факторами, так и форматом национально-этнической группы. Известно: чем меньше общность, тем более обостренно переживаются в ней проблемы национального самосознания, и тем более вероятны его резкие всплески. Наоборот, чем больше такая общность, тем увереннее чувствуют себя ее представители, тем меньше озабоченности данными проблемами, и тем менее вероятно их внезапное обострение. Представители большой нации, как правило, не нуждаются в необходимости постоянного подтверждения и самоутверждения их национального самосознания. Связанные с ним вопросы давно решены на соответствующей государственно-политической основе. Поэтому для их сознания естественной является озабоченность более широким кругом наднациональных или интернациональных проблем.

Развитие национального самосознания в политическом плане может играть двоякую роль. С одной стороны, это может быть безусловно прогрессивный процесс, ведущий к качественно новому уровню развития национально-этнической общности. Однако такое позитивное развитие возможно лишь при условии того, что национальное самосознание не пойдет по пути собственной абсолютизации и не станет особого рода сверхценностью, не закроет для представителей общности иных возможностей развития сознания, не ограничит его

осознанием национально-этнической идентичности, В противном случае, с другой стороны, развитие национального самосознания может обернуться своей противоположностью — редукцией ценностно-смысловых структур сознания к низшим уровням, отрицанием ценностей, принадлежащих общностям более высокого порядка — например, общечеловеческих, сведением сознания до узких рамок клановьгх, феодально-племенных, националистических или расистских идейно-политических взглядов.

НАЦИОНАЛЬНО ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

С политико-психологической точки зрения, в большинстве случаев обострение национально-этнических проблем в современном мире связано с ослаблением связей более высокого порядка, объединяющих людей в наднациональные группы. Простой пример: стоило ослабнуть интернациональным государственным связям в экс-СССР к концу 80-х гг., как начался подъем национального самосознания и, соответственно, всплеск национальных движений. Вначале они требовали обособления в культурной сфере (возрождение национальных языков, восстановление обучения на национальных языках, национальных средств массовой информации и т. п.), затем перешли к открытым требованиям политической независимости и государственного суверенитета, а закончилось это образованием самостоятельных государств и крушением интернационального государства, которое пыталось выстроиться на наднациональной, социально-классовой основе. Затем подобный путь начали повторять национальные республики в составе Российской Федерации, воспользовавшись предложением первого президента России Б. Ельцина «брать суверенитета столько, сколько сможете». Возник особый статус Татарстана, а вслед за ним и феномен Чечни.

Психологически все было понятно. Всем людям свойственна глубинная внутренняя потребность отождествлять себя с большой группой. Как писал когда-то поэт В. Маяковский: «Страшно человеку, когда один. Плохо одному, один — не воин...». Групповые «обручи», связывающие людей в группы, находятся не только снаружи, но и внутри сознания. Можно убрать границы, пограничников и колючую проволоку — но если связи сильны, то российский, например, народ, никуда не разбежится из пределов привычного проживания. И наоборот, немецкий народ смел берлинскую стену ради восстановления национальных связей. По мере ослабления психологических связей, удерживающих людей в одних больших группах (например, социальных) усиливаются связи, объединяющие их в другие группы — возможно, даже низшего, как бы «пройденного» в истории порядка. Например, национальные. Или даже родовые — в случае распада наций, например, при больших политических катаклизмах, войнах и т. п. Та же Чечня, в которой не успело восстановиться национальное сознание и, соответственно, не сложилось национальное государство, вернулась к родоплеменной («тейповой») форме организации жизни.

Национально-этнические проблемы в ряде других стран обостряются в силу того, что отдельные этнические общности никак не могут встроиться в общенациональное устройство. В этом корни сепаратизма басков в Испании или католиков в Северной Ирландии. Внешние причины могут быть разными — социально-экономическими или религиозными, но внутренние, политико-психологические причины одинаковы.

Одновременно с ростом национального самосознания в отдельных случаях и, соответственно, с регрессом политического поведения к до социальным, на-

ционально-этническим механизмам и общностям, в массе превалируют другие тенденции. В большинстве, идет развитие межнациональных тенденций. Оно может проявляться и называться по-разному. Лидеры советского социалистического эксперимента несколько десятков лет говорили об образовании «новой исторической общности» в виде «советского народа». Правда, времени не хватило — общность оказалась неустойчивой и рассыпалась. Американцы за двести лет сконструировали практически то же самое — новую историческую общность, «американский народ», хотя и на совершенно иной, как выяснилось, более устойчивой основе. Канадцы периодически балансируют на грани то укрепления единства столь же многонациональной общности, то ее распада по национально-языковому принципу. В мире достаточно примеров и первого, и второго, и третьего, промежуточного типа.

Экс-СССР, как и любому большому государству, было свойственно стремление к геополитической экспансии. Это оправдывалось идеологией интернационализма, но служило поводом для упреков в «экспорте революций». США, как большому государству, свойственно то же самое стремление к той же самой экспансии. Только оправдывается оно несколько иной идеологией — транснациональных финансовых связей и интересами транснациональных корпораций. Это также вызывало упреки, но уже в стремлении к роли «мирового жандарма».

Два примера — с диаметрально противоположной идеологией, с противоположными геополитическими интересами противостоявших друг другу больших социальных групп. Однако абсолютно одинаковая политико-психологическая сущность, которая выражается в трех основных положениях. *Во-первых,* людям органично свойственно объединяться в группы для того, чтобы чувствовать себя увереннее и защищенное. *Во-вторых,* группы, состоящие из этих людей, стремятся стать супер-группами — в общем, для того же самого. *В-третьих,* стремясь к этому, вольно или невольно, люди преодолевают ограничения национально-этнической психологии, постепенно формируя феномен глобализации человечества. Интернациональное единство (скажем пролетариата) или транснациональные интересы (допустим, промышленных компаний) — две стороны одной социально-политической медали, а психологически, вообще одно и то же. Хотя для осознания этого большинством человечества еще должно пройти немалое историческое время.

Вот почему в 2000-м году по ряду стран мира прошла серия вандалистских акций «борцов против глобализации» — этих «новых пролетариев» и «новых националистов» XXI века, бунтующих против охватывающей и «порабощающей» теперь уже весь мир глобальной финансово-экономической «паутины». Вот почему периодически вспыхивают внутринациональные и межнациональные конфликты. Потому, что человеческая психика достаточно инерционна. Потому, что прежние, сохраняющиеся в ней групповые связи никогда и никуда не исчезают. Они только переходят на низшие этажи, становясь, например, менее осознанными, более автоматизированными и потому менее заметными. Родовая психология в нашем поведении никуда не исчезла, она сохраняется в обычном семейном поведении. Племенная психология живет в земляческих связях. Национальная сохраняется в эмигрантских диаспорах. Вся наша жизнь состоит из подобных примеров.

Главная политико-психологическая проблема данной темы проста: если эти связи все равно существуют в нашей психике, как сохранить их в бесконфликтном состоянии?

Причины конфликтов понятны: противоречия потребностей и интересов разных общностей могут доводиться идеологами до раскола сознания. Тогда

конфликт неизбежен. Простейший политико-психологический выход из него — в психологически грамотно организованных переговорах, позволяющих либо совместить конфликтующие потребности и интересы, либо найти более широкие потребности и интересы, реализация которых удовлетворила бы конфликтующие стороны на более высоком уровне. Более сложный выход — организация психологически грамотной системы социально-политических акций, позволяющих либо совсем выйти из конфликта одной из сторон, либо найти тот уровень компромисса, который позволяет «сохранить лицо» (в виде основных потребностей и интересов), но не допускает взаимного истребления. В практике XX века эти вопросы объединены уже в политологическую проблематику «национального примирения» и «межнационального согласия».

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ И СОГЛАСИЕ

Национальное примирение — комплексный социально-политический и политико-психологический процесс, включающий широкий комплекс разносторонних, прежде всего социально-политических мер, имеющих целью прекращение внутринационального, внутригосударственного или регионального конфликта, умиротворение той или иной территории, достижение согласия между конфликтующими сторонами, прежде всего прекращение боевых действий и вооруженных акций противоборствующих сил, установление национального мира и согласия.

На 41-ой сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1988 г. политика национального примирения была официально признана «базовой моделью урегулирования внутринациональных и региональных конфликтов».

В политико-психологическом отношении наиболее значимы три аспекта национального примирения. *Во-первых*, в стратегическом отношении это один из наиболее очевидных путей материализации идей некон-фронтационного политического мышления. *Во-вторых*, в реалистическом плане, это наиболее конструктивный способ разблокирования целого ряда хронических внутр и национальных, а также межнациональных и даже региональных конфликтов и, в целом, снижения глобального противостояния в мире. *В-третьих*, национальное примирение — одна из наиболее продуктивных возможностей развития социальных процессов в тех странах, где начатые теми или иными силами преобразования (к которым можно отнести любую революцию, комплекс реформ и т. п.) столкнулись с непреодолимыми сраз у трудностями.

Национальное согласие — широкое обобщающее понятие, в общепринятом употреблении обозначаюшее, прежде всего, политико-психологические результаты и последствия эффективной и конструктивной общенациональной внутренней политики (политики национального согласия) — состояние гармонично взаимоотношений и успешного взаимодействия различных национально-этнических, социальных, поли-тических и др. сил обычно в пределах одного государственного образования; единство всей нации или различных групп, составляющих население многонационального государства, по какому-либо жизненно важному вопросу: результат успешного развития процессов, подразумеваемых политикой национального примирения.

Национальное согласие как долгосрочное состояние и основа развития общности базируется на адекватной именно для данной общности, понятной и устраивающей всех ее членов политике. Обычно она включает в себя постоянный поиск и достижение взаимоприемлемых компромиссов в вопросах целеустремленного сбалансированного развития государственно-территориального об-

разования, которое удовлетворяло бы стратегические и, в определенных пределах, тактические интересы всех существующих в пределах этого образования групп. Такая политика также предусматривает наличие специальных механизмов переговорного характера (обычно встроенных в механизмы осуществления власти), обеспечивающих мирное урегулирование возникающих конфликтов и противоречий на демократической основе.

Национальное согласие как единовременное состояние единства по какому-либо одному вопросу функционирования территориально-государственного образования обычно представляет собой реакцию массового сознания и подавляющего большинства социально-политических сил страны на такие политические решения или действия, которые удовлетворяют большинство сложившихся в общности интересов и представлений о возможности разрешения данного рода проблем. Примером достижения национального согласия такого рода можно считать заключенный в 1989 г. всеми политическими силами Туниса «Национальный пакт ради примирения и согласия», в разработке которого участвовали и психологи, а содержание которого сводилось к соглашению относительно перспективных направлений развития государства и общества после отстранения от власти прежнего президента Бургибы, что получило одобрение со стороны широких масс населения.

Способами выявления и достижения национального согласия в таких ситуациях обычно являются «круглые столы» с участием максимально широкого крута политических партий и движений, представляющих подавляющее большинство членов общества. Пример такого рода — «круглый стол» ПОРП и оппозиционных ей сил, состоявшийся в 1989 г. в Польше. Он привел к достижению согласия в отношении перехода к новым формам социально-экономического и политического устройства жизни.

Сюда же относятся специальные процедуры типа общенациональных референдумов по тем или иным жизненно важным вопросам — например, проведенный в 1986 г. в Испании референдум по вопросу сохранения членства страны в НАТО и осуществлении политики нейтралитета. Сюда же относятся общенациональные плебисциты в виде опросов населения (например, проводившиеся в 1991 г. в ряде республик СССР опросы об отношении населения к самостоятельности и независимости данных территориально-государственных образований). Сюда же — существующие в ряде стран традиции «общенародного обсуждения» тех или иных жизненно важных проблем или документов программного для развития общества характера,

Национальное согласие как следствие развития процессов национального примирения представляет собой, прежде всего, психологическую демилитаризацию массового сознания, согласие всех основных групп и слоев общества в отношении необходимости решения существующих спорных вопросов мирным путем и готовности к быстрому прекращению вооруженных конфликтов. Такое национальное согласие является платформой для установления общенационального мира и выражает собой широкий предварительный консенсус взглядов, позиций и точек зрения, исключающий лишь эаведомо «непримиримые» направления. Такого рода национальное согласие, например, было достигнуто в ходе серии «неформальных встреч» представителей «основных кхмерских сторон» — внутриполитических сил Кампучии, вставших, при всех многочисленных различиях и противоречиях своих взглядов, на путь политики национального примирения, однако исключивших из числа возможных партнеров представителей наиболее экстремистской группировки Пол Пота — Йенг Сари, ответственной за допущенный в период своего правления геноцид в стране.

Национальное согласие в контексте политики национального примирения связано как с начальными этапами этой политики — согласием в отношении необходимости достижения примирения, так и с этапами ее осуществления. Национальное согласие является необходимым фоном развития и углубления примиренческих процессов. Тем более оно связано с конечными результатами такой политики — согласием в отношении форм и перспектив мирного, бесконфликтного функционирования национально-территориального образования. В стратегическом выражении, весь процесс национального примирения выступает как процесс выработки и поэтапного претворения в жизнь политической психологии национального согласия. В этом отношении следует иметь в виду, что помимо «нулевых вариантов» национального согласия, в которых процесс достижения согласия развивается «с нуля», с момента полного рассогласования интересов в общенациональных масштабах и начальных этапов национального примирения, возможен и иной, более продуктивный превентивный вариант. Так, превентивное стратегическое национальное согласие в Уругвае в 1989 г. было установлено в связи с серьезнейшей проблемой, но по весьма конкретному вопросу. В результате призывов (и соответствующих политических действий) нового президента страны Сангинетти, демократически избранного после долгой цепочки военных диктатур, к «национальному примирению» и «забвению прошлого», в ходе общенационального референдума стране предстояло решить вопрос о том, амнистировать ли тех лиц, которые были замешаны в осуществлении репрессий в период диктатуры, Общество стояло на грани раскола, который мог привести к непредсказуемым последствиям. Призывы к национальному согласию ради будущего страны, сохранению единства и консолидации всех сил на конструктивном созидательном развитии возымели действие: в ходе референдума победила сдержанная, примиренческая линия.

NB

1. Национально-этнические группы — это большие группы, включающие тысячи и миллионы людей, связанных общими внешними и внутренними, психологическими чертами. Идя от простого к сложному, это род и племя, народ и нация, раса и этнос. Принадлежность людей к этим группам и формирует национально-этническую психологию. Национально-этническая психология представляет единство двух основных факторов: более иррационального национального характера и более рационального национального сознания. По структуре, это сложное двухуровневое образование. В совокупности, иррациональный и рациональный факторы формируют психический склад нации в целом. Особую роль в национально-этнической психологии играет национальное самосознание.
2. Национальный характер — совокупность устойчивых, характерных для общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него. Национальный характер представляет собой определенную совокупность эмоционально-чувственных проявлений, выражаясь в первую очередь в эмоциях, чувствах и настроениях — в предсознательных, во многом иррациональных способах эмоционально-чувственного освоения мира, а также в скорости и интенсивности реакций на происходящие события. Корни национального характера — устойчивые психофизиологические и биологические особенности функционирования человеческих организмов, определяющие реактивность центральной нервной системы и скорость протекания нервных процессов. Эти факторы связаны с физическими (прежде всего, климатическими) условиями среды обитания национально-этнической группы. Общий национальный характер — следствие, психическое отражение общности физиче-

ской территории, на которой проживает группа. В структуре национального характера выделяются темперамент, эмоции, чувства и предрассудки.

3. Национальное сознание — совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и иных взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития группы. Значительно более рационально по сравнению с национальным характером, хотя до конца рационализируется только в теоретических формах. Выступает в качестве «рациональной надстройки» над национальным характером, в виде «верхнего этажа» психического склада нации. Включает отношение группы к ценностям общества, отражает процесс ее исторического развития. В число элементов национального сознания включа-ются осознанное отношение к национальным ценностям; способность к их умножению; осознание необходимости сплочения ради национальных интересов. Обыденное национальное сознание — низший уровень национального сознания, многослойное и противоречивое, инерционно-консервативное и, одновременно, постоянно изменяющееся образование. Синтез природно-биологического и социального опыта поколений, продукт социализации национального характера. Структурно, включает три слоя: 1) повседневные потребности, бытовые интересы, ценности и установки, 2) стереотипные представления, простейшие нормы и элементарные образцы поведения, а также обычаи и традиции, 3) эмоциональные элементы и детерминированные ими формы выражения в образах, звуках, красках. Динамичность обыденного национального сознания обеспечена постоянно меняющимися потребностями и связанными с ними настроениями. Устойчивость связана с установками и национально-этническими стереотипами, обычаями и традициями. Распространенность обыденного сознания связана с его заразительностью и «бытовой убедительностью» его аргументов. Механизмы распространения: массовое внушение, феномены группового давления и конформизма, психология переноса индивидуальных проблем на проблемы общности, а также потребность людей в идентификации себя с большой группой. Теоретическое национальное сознание — кристаллизованное, научно оформленное, социально и политически ориентированное обобщение избранных элементов обыденного национального сознания. Это идеология национально-этнической группы.
4. Национальное самосознание — совокупность взглядов и оценок, мнений и отношений, выражающих содержание, уровень и особенности представлении индивидов — членов общности о своей истории, современном состоянии и будущих перспективах, а также о месте среди других общностей. Включает рациональные и эмоциональные компоненты. Ядро национального сознания, стержень оценочных отношений и рационально-ценностных представлении, необходимых для самоопределения человека. Генезис национального самосознания связан с формированием и укоренением в психике антитезы «мы» и «они». Осознание себя как члена группы, целостности («мы») строится через противопоставление представителям иной группы, неким «они». Основу антитезы «мы» — «они» обычно составляют один или несколько наиболее ярко выраженных внешних признаков, характерных для «них» в отличие от «нас». «Им» приписываются все возможные негативные, «нам» — все возможные позитивные качества.
5. В политико-психологическом развитии современного человечества можно проследить две противоположные тенденции. С одной стороны, это более яркое, и потому заметное, хотя менее массовое обострение национально-этнических проблем. С другой стороны, скрытое, незаметное, но массовое постепенное движение к глобализации. В истоках национально-этнических конфликтов лежит ослабление прежних социальных связей, приводящее к реанимации «спрятанных» в психике механизмов сплочения более глубинных общностей — например, распад классовых государств Восточной Европы на ру-

беже 80-90-х гг. привел к всплескам национального самосознания. В перспективе, это будет скомпенсировано ростом интернациональных или транснациональных связей между людьми, преодолением внешней противоположности этих связей и появлением новых наднациональных общностей. Интернациональное единство (скажем, пролетариата) или транснациональные интересы (допустим, промышленных компаний) — две стороны одной медали, психологически неразделимой. Хотя для осознания этого большинством человечества еще должно пройти немалое историческое время.

Для семинаров и рвфератов

1. *Нефедова И.К.* Проблемы национальной психологии. — М., 1988.
2. *Ольшанский Д.В.* Польша: массовые настроения на этапе национального примирения. — М., 1989.
3. *Ольшанский Д.В.* Национальное примирение: Методологические и теоретические аспекты мирового опыта. — М., 1991.
4. *Поршнев Б.ф.* Социальная психология и история. — М., 1966.
5. Социальная психология. — М., 1975.
6. *Deutsch K.W.* Tides among nations. —- N.Y., 1979.
7. *Mead M., Metraux R.* Aspects of the present. — N.Y., 1980.
8. *Pye L.* Politics, Personality and Nation-Building. — New Haven, 1962.

Глава 9

ПСИХОЛОГИЯ МАСС В ПОЛИТИКЕ

Ведущая роль психологии масс в динамичных политических процессах. Принципиальные отличия масс и свойственного им массового сознания от больших групп и присущего им группового сознания.

Массовое сознание. История изучения массового сознания. Психология «массового человека» в трудах Г. Тарда, Г. Лебона, X. Ортеги-и-Гассета, З. Фрейда, Т. Адорно. и др. Два основных подхода: массовое сознание как ипостась обыденного общественного сознания и массовое сознание как самостоятельный феномен.

Массы и массовое сознание. Понятие «массы» как субъекта массового сознания. Основные виды масс: теоретические и практически-политические подразделения. Толпа, «собранная публика» и «несобранная публика» как конкретные разновидности «массы». Основные качества массы как носителя массового сознания. Основное содержание массового сознания с точки зрения его носителя. Ситуативность, гетерогенность и вариативность содержания массового сознания и др. свойства.

Массовая политическая психология, ее динамичность и, одновременно, инерционность. Массовое политическое сознание, его генезис, структура, уровни и основные характеристики. Стихийное массовое политическое поведение и массовое политическое сознание. Эффективность воздействия на массу и механизмы такого воздействия. Основные свойства и качества массового политического сознания. Проблемы формирования и функционирования массового политического сознания. Субъект массового политического сознания. Типы и типологии массового политического сознания. Комплексная системная модель массового политического сознания. Ведущие критерии оценки и дифференциа-

ции основных типов массового политического сознания. Основные макроформы массового политического сознания: общественное мнение.

Индивид и массовое поведение. Явления деиндивидуализации в массе. Всевластие, анонимность и безответственность индивида в массе. Эффекты заражения и подражания, внушаемость индивида в массе. Негативное и позитивное воздействие массы. Масса и ее вожаки, их основные типы.

В отличие от групп, больших и малых, всегда так или иначе организованных и структурированных (в том числе, политически), массы — это принципиально неорганизованные и неструктурированные субъекты политики. Действительно, в любой малой группе есть лидер и ведомые. В большой социальной группе есть партия, политическое движение или, по крайней мере, профессиональный или корпоративный союз. В большой национально-этнической группе также есть организующие ее, лидирующие компоненты, ведущие за собой остальных членов группы. Масса же представляет собой нечто принципиально иное.

Роль масс в политике становится заметной тогда, когда она становится страшной. Это проявляется тогда, когда рушатся групповые связи и межгрупповые границы, когда общество деструктурируется, переживая период своеобразного «социотрясения»[135]. Такое происходит в периоды крупных, мировых войн, социальных революций, политических переворотов, поспешных крупномасштабных социальных реформ.

Приведем одно образное сравнение. В каждом приличном магазине есть касса. В каждой кассе есть выдвижной ящик для денег. В каждом таком ящике есть перегородки, делящие его на небольшие ячейки для денег, монет или купюр разного достоинства. Такой кассовый ящик специально разделен этими перегородками на подобные ячейки для организации той денежной массы, которая функционирует в процессе купли-продажи. Стоит убрать или сломать перегородки, монеты или купюры перемешаются, и процесс микрорыночной жизни серьезно осложнится.

Аналогичную функцию выполняют психологические «перегородки», возникающие в сознании людей в связи с их принадлежностью к тем или иным большим социальным группам. Образно говоря, в организованном, структурированном обществе и в головах образующих его людей существуют такие «кассовые ящички» с соответствующими «перегородками». Каждый знает свою «ячейку» и редко может перелезть через «перегородку» . Однако стоит случиться какому-то крупному социально-политическому потрясению, как все эти «перегородки» рушатся. Тогда люди образуют сплошную неструктурированную массу, а их психика и социально-политическое поведение приобретают дезорганизованный, массовый характер.

Рассматривая примеры такого рода, классик массовой психологии Г. Лебон писал: «В морали, в религии, в политике нет уже признанных авторитетов... Отсюда происходит, что правительства вместо того, чтобы руководить общественным мнением, вынуждены считаться с ним и подчиняться непрестанным его колебаниям». В свою очередь, в подобных ситуациях массовое сознание, которое Г. Лебон и именовал «общественным мнением», «знает крайние чувства или глубокое равнодушие. Оно страшно женственно и, как всякая женщина, отличается полной неспособностью владеть своими рефлекторными движениями. Оно

---

[135] Термин предложен Б.А. Грушиным для описания социологии российских реформ 90-х гг.

беспрерывно колеблется по воле всех веяний внешних обстоятельств[136]. В периоды всплесков массовой психологии политические институты становятся напрямую зависимыми от определяемых этой психологией политических процессов.

Стержневым элементом массовой психологии является массовое сознание. Вместе с массовыми настроениями, рассматриваемыми в следующей главе, и другими сугубо иррациональными формами стихийного поведения, оно определяет то, что в целом определяется как массовая психология.

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Массовое сознание — один из видов общественного сознания, наиболее реальная форма его практического существования и воплощения. Это особый, специфический вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей («массам»). Массовое сознание определяется как совпадение в какой-то момент (совмещение или пересечение) основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества (больших и малых), однако несводимый к ним. Это новое качество, возникающее из совпадения отдельных фрагментов психологии деструк-турированных по каким-то причинам «классических» групп. В силу недостаточной специфичности источников своего появления и неопределенности самого своего носителя, массовое сознание в основном носит обыденный характер.

История изучения массового сознания достаточно сложна и противоречива. Проблема реального «массового сознания» и его особого носителя, «массового человека», возникает в жизни, а затем и в науке на рубеже XVIII — XIX веков. До XVIII века включительно господствовали концепции, утверждавшие, что общество представляет из себя скопление автономных индивидов, каждый из которых действует самостоятельно, руководствуясь лишь собственным разумом и чувствами.

Хотя подспудно массовизация общественного сознания начиналась и раньше, до определенного времени она носила достаточно локальный характер. Реально, это было связано просто с недостаточной плотностью расселения людей — невозможно наблюдать действительное «массовое» сознание в обществе, население которого расселено исключительно по небольшим деревенькам и феодам. Отдельные вспышки хотя бы относительно массовой психологии стали наблюдаться по мере разрастания средневековых городов. «Из-за постоянных контрастов, пестроты форм всего, что страгивало ум и чувства, средневековая жизнь возбуждала и разжигала страсти, проявляющиеся то в неожиданных взрывах грубой необузданности и звериной жестокости, то в порывах душевной отзывчивости, в переменчивой атмосфере которых протекала жизнь средневекового города»[137].

Однако это были лишь предварительные формы, начало массовизации. Прав А.Я. Гуревич: «Конечно, если мы станем искать в высказываниях ведущих теологов и философов Средневековья непосредственное выражение массового сознания и вознамеримся по ним судить о настроениях и воззрениях «среднего человека», мы впадем в глубочайшее заблуждение»[138]. Ни само общество, ни его тогдашние «теоретические представители» не могли осознать и сформулировать

[136] *Лебон Г.* Психология социализма. — СПб., 1908. — С. 81, 92.
[137] *Хейзинга И.* Осень средневековья, — М., 1988. — С. 8.
[138] *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. — М., 1981. — С.17.

реальное состояние психологии населения. Хотя именно тогда массовое сознание, отличавшееся особым доминированием иррациональных форм, с большой силой уже проявлялось в реальной политике.

«Без сомнения тот или иной элемент страсти присущ и современной политике, но, за исключением периодов переворотов и гражданских войн, непосредственные проявления страсти встречают ныне гораздо больше препятствий: сложный механизм общественной жизни сотнями способов удерживает страсть в жестких границах. В XV в. внезапные эффекты вторгаются в политическую жизнь в таких масштабах, что польза и разум все время отодвигаются в сторону»[139]. Однако вплоть до конца XVIII века все эти эффекты носят достаточно частный, локальный характер.

На рубеже XVIII—XIX веков ситуация изменилась кардинально. Промышленная революция и начавшаяся урбанизация привели к появлению массовых профессий и, соответственно, к массовому распространению ограниченного числа образов жизни. Снижение доли ремесленничества и нарастающее укрупнение производства неизбежно вели кде-индивндуализации человека, к типизации его психики, сознания и поведения. Разрастание крупных городов и усиление миграции в них людей из аграрных провинций с разных концов той или иной страны, а подчас и сопредельных стран, вели к смешению национально-этнических групп, постепенно размывая психологические границы между ними. В то же время, большие социально-профессиональные группы еще только формировались. Соответственно, шла стихийная крупномасштабная социальная реформа, первоначальный этап которой как раз и характеризовался деструктуризацией привычных психологических типов и появлением новых, еще неструктурированных, и потому размытых «неклассических» форм общественного сознания. Так стало очевидным появление принципиально нового явления, которым, соответственно, и занялась наука.

Формально словосочетание «массовое сознание» стало встречаться в научной литературе начиная с середины XIX века. Особенно, оно распространилось к концу данного столетия, хотя носило еще описательный, скорее образный характер, в основном лишь подчеркивая масштабы проявлявшихся психологических явлений. До этого вообще преобладало обобщенное понятие психологии масс. Считающиеся классическими труды Г. Тарда, Г. Лебона, Ш. Сигеле и В. МакДугала, появившиеся на рубеже XIX-XX веков и посвященные отдельным конкретным проявлениям психологии масс (прежде всего, психологии толпы), носили общесоциологический и, скорее, научно-публицистический, чем аналитический характер.

Более или менее определенное употребление понятия «массовое сознание» в качестве специального научного термина началось лишь в 20-30-е гг. XX столетия, хотя и тогда это долгое время оставалось на уровне беглых упоминаний и несопоставимых между собой, крайне многообразных трактовок. Затем вообще наступила серьезная пауза в исследованиях. В западной науке это определялось тем, что массовая психология как таковая стала исчезать: общество структурировалось, а культ «свободного индивида» предопределял доминирование индивидуальной психологии. Массы как бы «рассыпались». С исчезновением же феномена исчезли и попытки его изучения.

В итоге, западные исследователи не смогли договориться о смысле центрального понятия «массы», лежащего в основе исследования массового созна-

[139] *Хейзинга И.* Там же. — С. 20.

ния. По оценке Д. Белла[140], в западной науке сложилось, как минимум, пять различных его интерпретаций. В одних случаях под массой понималось «недифференцированное множество», типа совершенно гетерогенной аудитории средств массовой информации в противовес иным, более гомогенным сегментам общества (Г. Блумер). В других-случаях— «суждение некомпетентных», низкое качество современной цивилизации, являющееся результатом ослабления руководящих позиций просвещенной элиты (X. Ортега-и-Гасет). В третьих — «механизированное общество», в котором человек является придатком машины, дегуманизированным элементом «суммы социальных технологий» (Ф.Г. Юнгер). В четвертых, «бюрократическое общество», отличающееся широко расчлененной организацией, в которой принятие решений допускается исключительно на высших этажах иерархии (Г. Зиммель, М. Вебер, К. Маннгейм). В пятых, — «толпа», общество, характеризующееся отсутствием различий, однообразием, бесцельностью отчуждением, недостатком интеграции (Э. Ледерер, X. Арендт).

В советской науке сложилось иное, хотя отчасти и аналогичное положение. Структурирование общества по социально-классовому основанию привело к абсолютизации роли классовой психологии. Она подменила собой и массовое, и индивидуальное сознание. Соответственно, и здесь массовая психология как таковая исчезла — по крайней мере, из поля зрения исследователей.

Во второй половине 60-х гг. XX столетия данное понятие пережило своеобразное второе рождение в советском обществознании, хотя это был кратковременный период. Лишь начиная со второй половины 80-х гг. можно отметить новый прилив исследовательского интереса к массовому сознанию. Но до сих пор недостаточное внимание к данному феномену объясняется как минимум двумя причинами. Во-первых, объективные трудности изучения массового сознания. Они связаны с самой его природой и свойствами, плохо поддающимися фиксации и описанию, что делает их трудноуловимыми с точки зрения строгих операциональных определений. Во-вторых, трудности субъективного характера, прежде всего в отечественной науке, до сих пор связаны с доминированием догматизированных социально-классовых представлений, а также недостаточной разработанностью терминологического аппарата, что продолжает сказываться.

В итоге, как в зарубежной, так и отечественной научной литературе, посвященной различным сторонам явления массовизации психики и массовой психологии в целом, до сих пор нет крупных работ, в которых специально рассматривалась бы психология массового сознания. Бытующие ныне в науке взгляды можно объединить в два основных варианта.

С одной стороны, массовое сознание — конкретный вариант, ипостась общественного сознания, заметно проявляющаяся лишь в бурные, динамичные периоды развития общества. В такие периоды у общества обычно нет интереса к научным исследованиям. В обычные же, стабильные периоды развития массовое сознание функционирует на мало заметном, обыденном уровне. При этом существенно, что оно может одновременно включать в себя отдельные компоненты разных типов сознания. Например, сознание классических групп социально-профессионального характера, составляющих собой социальную структуру общества (что обычно имеет приоритетный характер и в первую очередь фиксируется теоретиками). Может оно включать и некоторые иные типы сознания, присущие специфическим множествам индивидов, объединяющим представителей различных групп, но, в то же время, не имеющим отчетливо группового характера. Обычно это фигурирует как обыденное сознание, не имеющее четкой со-

[140] *Bell D.* The End of Ideology.— Glencoe, 1964.— P. 22—25.

циальной отнссенности — например, «сознание» очереди за дефицитным товаром в условиях «развитого социалистического общества». Согласно данной точки зрения, проявления массового сознания носят в значительной мере случайный, побочный характер и выступают в качестве признаков временного, несущественного стихийного варианта развития.

С другой стороны, массовое сознание рассматривается как достаточно самостоятельный феномен. Тогда это сознание вполне определенного социального носителя («массы»). Оно сосуществует в обществе наряду с сознанием классических групп. Возникает оно как отражение, переживание и осознание действующих в значительных социальных масштабах обстоятельств, в том или ином отношении общих для членов разных социальных групп, оказывающихся тем самым в сходных жизненных условиях, и уравнивающих их в том или ином плане. Согласно данной логике, массовое сознание оказывается более глубинным образованием, отражением действительности «первичного порядка», которое лишь потом обретает необходимые психологические признаки социальной определенности.

МАССЫ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Однако такого рода характеристики оказываются действенными не всегда. При возникновении социальных обстоятельств «особого рода» (например, при уменьшении, по каким-либо причинам, влияния принадлежности людей к классическим группам) такое массовое сознание приобретает ведущую роль. Согласно данной логике, при рассмотрении массового сознания с точки зрения особенностей его субъекта («носителя»), в качестве специфических признаков выделяются качества, соответствующие массе. Ведь массовое сознание — это сознание определенного носителя («массы»), возникающее вследствие отражения действующих в значительных масштабах и уравнивающих в чем-то людей обстоятельств.

Массы как носители массового сознания определяются с социологической точки Б.А. Грушиным как «ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)»[141]. При определенной психологической неполноте, данное определение позволяет четко разграничить массу и группы. Кроме того, оно дает возможность подойти к пониманию важных качеств массового сознания.

Основные виды масс выделяются по ряду ведущих признаков. Соответственно, массы делятся на:

1) большие и малые;
2) устойчивые (постоянно функционирующие) и неустойчивые (импульсные);
3) сгруппированные и несгруппированные, упорядоченные или неупорядоченные в пространстве;
4) контактные и неконтактные (дисперсные);
5) спонтанные, стихийно возникающие, и специально организуемые;
6) социально однородные и неоднородные.

Однако это — теоретическое разделение. В политической практике, особые виды и разновидности масс выделял В.И. Ленин, исходя из реалий борьбы за власть в России в начале XX века. *Во-первых,* он различал прогрессивные, или революционные массы в противоположность консервативным, реакцион-

---

[141] *Грушин Б.А.* Массовое сознание. — М., 1987. — С. 234—235.

ным, или антиреволюционным, а также нейтральные, неопределившиеся массы. *Во-вторых,* в его работах присутствуют массы активные, действующие, борющиеся и пассивные, бездеятельные, «сонные», выжидающие. *В-третьих,* выделялись сплоченные массы, дисциплинированные, самостоятельные и распыленные, неорганизованные, анархичные. Наконец, *в-четвертых,* были описаны массы решительные и нерешительные; экстремистские и робкие; и т. д. и т. п.

При всей образности и неаналитичности таких характеристик, они были достаточны для принятия политических решений и осуществления эффективных, на определенных этапах, политических действий[142]. Оценим уровень анализа более поздних лет. 26 ноября 1926 г. Л.Д. Троцкий писал в дневнике: «Октябрьская революция больше, чем какая бы то ни было другая пробудила величайшие надежды и страсти народных масс... Но в то же время масса увидела на опыте крайнюю медлительность процесса улучшения...она стала осторожнее, скептичнее откликаться на революционные лозунги... Такое настроение, сложившееся после гражданской войны, является основным политическим фоном картины жизни. На это настроение опирается бюрократизм, как элемент «порядка» и «спокойствия». Об это настроение разбились попытки оппозиции поставить перед партией новые вопросы»[143],

Конкретные наблюдения и эмпирические исследования позволяют прийти к трем основным конкретным разновидностям «массы», встречающимся на практике. *Во-первых,* это толпа. Как справедливо писал Х.Ортега-и-Гассет: «Толпа — понятие количественное и видимое. Выражая ее в терминах социологии, мы приходим к понятию социальной массы»[144].

Во-вторых, это так называемая «собранная публика» — от зрителей в театре до участников политических митингов: «скопление некоторого количества людей, испытывающих сходное ожидание определенных переживаний или интересующихся одним и тем же предметом... сходство установок, ориентации и готовности к действию — основа объединения публики. ...под влиянием воздействия на всех одних и тех же стимулов (фильм, театральная постановка, лекция или дискуссия в среде публики образуются определенные сходные или общие реакции»[145].

Наконец, *в-третьих,* это «несобранная публика», к которой относится часть электоральных масс, возникающих под влиянием политической рекламы или, что почти одно и тоже, масс поклонников кумиров современной музыки. «Несобранная публика — это лищь «поляризованная масса», то есть большое число людей мышление и интересы которых ориентированы идентичными стимулами в одном направлении, людей, проживающих не «друг с другом», а «друг около друга»[146].

Все остальные виды масс носят еще более сложный и менее конкретный, скорее виртуальный, чем реальный характер. Тем не менее, психология масс так устроена, что то, что сегодня существует в виде совершенно виртуальных образований (скажем, массы «населения мятежной территории»), уже завтра может обернуться толпами погромщиков или «восставшими массами».

---

[142] Подробнее эти сюжеты и деятельность В.И. Ленина как практикующего политического психолога исследованы Б.Ф. Поршневым — см.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. — М.. 1979.— С. 18, 25, 30, 49, 61, 64, 71.
[143] *Троцкий Л.* Письма и дневники. — М., 1986. — С.21.
[144] Ортега-и-Гассет. X. Восстание масс. // Вопросы философии. — 1989.— № 3 — С. 20.
[145] *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии.— М., 1969. – С. 184-185.
[146] Щепаньский Я. Указ. соч.— С. 185—186.

О тотально-массовом, в рамках всего общества массовом сознании можно говорить, лишь подразумевая какое-то конкретное явление, всеобъемлюще захватывающее практически всех членов общества и приводящее их в том или ином измерении сознания к некоему «общему знаменателю». Пример такого рода демонстрирует проведенный в свое время К. Марксом анализ массовизации производительных сил, а вместе с этим и производственных отношений, и всей психики людей в ходе массовой промышленной революции. Аналогичные реакции и последствия вызывают подчас глобальные катастрофы, прямо или косвенно вовлекающие подавляющее большинство членов общества. Специфическими примерами формирования массового сознания является также действие средств массовой коммуникации и пропаганды. В чисто политическом выражении, можно привести примеры действительно массовой любви к вождям — например, к И. Сталину в СССР и А. Гитлеру в Германии, становившихся стержнем массового сознания. В целом, в ситуациях названного типа доминирующим содержанием сознания значительных масс людей становятся мысли, чувства и переживания, связанные с одним И тем же — это и составляет содержание массового сознания на данный момент,

Среди **качеств массы** в качестве важнейших рассматриваются следующие. *Во-первых,* это статистичность— то есть, аморфность массы, ее несводимость к самостоятельному, системному, структурированному целостному образованию (группе), отличному от составляющих массу элементов. *Во-вторых,* ее стохастичная, вероятностная природа, то есть открытость, размытость границ, неопределенность состава массы в количественном и качественном отношении. *В-третьих* ситуативность, временность ее существования. Наконец, *в-четвертых,* выраженная гетерогенность, разнородность состава массы.

С учетом совокупности этих качеств, массовое сознание, говоря несколько метафорически, приобретает особый статус. Это своего рода вне структурный «архипелаг» в социально-групповой структуре общественного сознания, образование не устойчивое, а как бы «плавающее» в составе более широкого целого. Сегодня архипелаг может включать одни острова, а завтра — уже другие. Это особого рода, как бы «экс-групповое» сознание Оно представляет собой ситуативное производное от общественного сознания, трактуемого как совокупность сознании основных групп, образующих социальную структуру общества, но с уже упоминавшимися «сломанными» внутри такого сознания перегородками.

С содержательной точки зрения, в массовом сознании запечатлены знания, представления, нормы, ценности и образцы поведения, разделяемые той или иной возникающей по тем или иным обстоятельствам совокупностью индивидов — массой.

Они вырабатываются в процессе общения людей между собой и совместного восприятия ими социально-политической информации (скажем, в ходе политического митинга). Согласно такому взгляду, массовое сознание отличает, во-первых, обще-социальная, а не только групповая типичность всех образующих его компонентов. Во-вторых, его отличает их общесоциальное признание, санкционированность той или иной достаточно массовой общностью. В этом смысле, массовое сознание представляет собой надындивидуальное и надгрупповое по содержанию, но индивидуальное по форме функционирования сознание. Хотя кассовое сознание и реализуется в массе индивидуальных сознаний, но оно не совпадает, с точки зрения содержания, с каждым из них в отдельности, с индивидуальным сознанием как таковым. Для зарождения и функционирования массового сознания как такового совершенно не обязательна совмест-

ная деятельность членов общности («массы»), что традиционно принято считать обязательным для появления группового сознания.

Содержание массового сознания может быть определено практически как бесконечное, если попытаться предвосхитить все возможные варианты возникновения тех или иных значительных масс людей в рамках как отдельного общества, так и человеческой истории в целом. Это едва ли продуктивная задача. Однако именно по содержанию, в первую очередь выделяется массовое политическое сознание как особый вид массового сознания, превращающий массы в особый субъект политического действия.

МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Массовая политическая психология, в общем виде, представляет собой единство массового политического сознания (включающего не только собственно «сознательные», но и бессознательные, иррациональные, эмоциональные компоненты) и массового политического поведения, детерминированного данным массовым политическим сознанием.

Массовое политическое сознание — особая разновидность массового сознания, которая имеет в качестве своего основного содержания политические проблемы, на решение которых тем самым направляется политическое поведение данной массы.

Массовое политическое сознание можно рассматривать как массовое сознание общества по отношению к вопросам, имеющим актуальное политическое содержание и чреватым определенными политическими последствиями. Это своего рода особое, обладающее специфическими (политическими) механизмами детерминации и, следовательно, определенной относительной автономностью слагаемое массового сознания. В этом смысле, массовое политическое сознание представляет собой особый, политизированный сегмент массового сознания.

По происхождению, массовое политическое сознание в общем повторяет путь массового сознания. Однако оно возникает и распространяется, лишь когда совершаются крупные, причем именно социально-политические по содержанию события, разрушающие привычную структуру общества и его групповую стратификацию. Понятно, что налет саранчи, пожирающей урожай и ставящий на грань голодной смерти целью государства, сформирует некое массовое сознание, однако оно вряд ли обретет политические формы.

По структуре, массовое политическое сознание включает основной (первичный), эмоционально-действенный, и вторичный, рациональный уровни. В основе массового политического сознания лежит яркое эмоциональное переживание некой социально-политической проблемы, вызывающей всеобщую озабоченность. Это может быть война с другим государством, гражданская война, масштабный экономический кризис и т. д. Крайняя степень переживания данной политической проблемы выступает как системообра-зующий фактор массового политического сознания. Такое переживание, проявляясь в сильных эмоциях или чувствах, заслоняет собой все другие, привычные правила жизни — групповые нормы, ценности и образцы поведения, Оно порождает потребность в немедленных действиях — потому и определяется как эмоционально-чувственная основа (иногда — как «ядро») массового политического сознания. Когда объявляется война, например, у части людей (как раз и формирующей данную массу) возникает состояние своеобразной аномии, разрушения в сознании привычных норм поведения. Новая ситуация освобождает, например, конторского клерка

призывного возраста от привычной необходимости идти на скучную работу — ему надо собирать котомку и идти к военкомату, ему немедленно надо кого-то «бить и спасать».

На основе «ядерного», базисного эмоционально-действенного уровня постепенно образуется более рациональный уровень. Он включает различные когнитивные компоненты — прежде всего, общедоступные знания, массово обсуждаемую и разделяемую информацию, касающуюся основной проблемы.

По своему психологическому составу, рациональный уровень массового политического сознания включает в себя более статичные (типа оценок и ожиданий, Ценностей и «общих ориентации») и более динамичные (типа массовых мнений и настроений) компоненты.

В конкретном выражении, внутри рационального уровня различаются три основных блока. Во-первых, это блок политических ожиданий людей и оценок ими своих возможностей влиять на политическую систему в целях реализации имеющихся ожиданий. Во-вторых, различается блок быстро меняющихся мнений и, особенно, настроений людей — прежде всего, связанных с оценками ими текущего положения, правительства лидеров, конкретных политических акций и т. д. В-третьих, выделяется блок социально-политических ценностей, лежащих уже в основе достаточно осознанного политико-идеологического выбора (например, такие ценности как справедливость, демократия, равенство, стабильность, порядок и т. д., или противоположные им). Эти ценности определяют итоговое отношение массового политического сознания к происходящему.

Рациональный уровень массового политического сознания, как правило, представляет собой отражение распространяемых через слухи или официальные средства массовой информации «массово необходимые» сведения. Это, например, информация о том, каковы маршруты эвакуации, места расположения призывных пунктов, наконец, просто сведения о возможных бомбежках, обстрелах и средствах защиты. На высшем, рациональном уровне группируется собственно политическая общедоступная информация о причинах и последствиях того, что произошло.

Действенным проявлением массового политического сознания является массовое политическое поведение, однако, не всякое, а исключительно стихийные его формы. В целом, политической поведение подразделяется на стабильное и стихийное. Стабильное достаточно массовое политическое поведение определяется различными формами групповой психологии и, в большей или меньшей степени, групповым сознанием. Его иногда тоже называют «массовым», однако, оценивая тем самым исключительно количественную сторону, масштабы определяющих его групп.

В содержательном же, качественном смысле, действительно массовым является именно стихийное массовое политическое поведение, связанное с вовлечением человека в ту или иную массу. Как уже подчеркивалось выше, это неорганизованное, но одинаковое и относительно необычное внегрупповое поведение больших масс людей, ситуативное и временное, связанное с особыми политическими обстоятельствами. Примерами стихийного массового поведения являются, например, стихийная массовая агрессия в периоды войн и политических потрясений, или, напротив, стихийная массовая паника, связанная с поражениями в войнах и восстаниях.

В первую очередь, массовое политическое поведение зависит от того, какой из двух основных уровней (эмоционально-действенный или рациональный) возобладает в массовом политическом сознании. В зависимости от этого, оно будет более или менее стихийным и податливым управлению. Во вторую оче-

редь, оно зависит от эффективности (объема и качества) внешнего политико-идеологического воздействия, оказываемого на массовое политическое сознание. В принципе, до определенных моментов массовое политическое сознание (и, соответственно, поведение массы) обычно податливо внешнему политико-идеологическому воздействию,

Эффективность воздействия на массу основана на ряде уже понятных причин. Представляя собой, в целом, несистематизированное, неструктурированное, как бы мозаичное образование, она испытывает своеобразную потребность в упорядочивании извне. Еще З. Фрейд считал: «Масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию, она некритична, неправдоподобного для нее не существует. Она думает образами, порождающими друг друга ассоциативно, — как это бывает у отдельного человека, когда он свободно фантазирует, — не выверяющимися разумом на соответствие с действительностью. Чувства массы всегда весьма просты и весьма гиперболичны... Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность. зерно апатии — в дикую ненависть»[147]. Данные механизмы массового сознания и политического поведения активно использовались в истории — например, в геббельсовской пропаганде в Германии, что было исследовано в известной работе Т. Адорно[148].

Соответственно указанным причинам, должны выстраиваться и **механизмы воздействия на массу**: «Склонную ко всем крайностям массу и возбуждают тоже лишь чрезмерные раздражения. Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое. Так как масса в истинности или ложности чего-либо не сомневается и при этом сознает свою громадную силу, она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету. Она уважает силу... От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина. Будучи в основе своей вполне консервативной, у нее глубокое отвращение ко всем излишествам и прогрессу и безграничное благоговение перед традицией»[149].

Еще более жесткие требования по части воздействия на массу выдвигал X. Ортега-и-Гассет: «Масса людей не имеет мнения. Народ никогда не имел никаких идей; он не обладает теоретическим пониманием бытия вещей. Неприспособленность к теоретическому мышлению мешает ему принимать разумные решения и составлять правильные мнения. Поэтому мнения надо втискивать в людей под давлением извне, как смазочное масло в машину»[150].

В истории существует много примеров того, как именно растерянным массовым политическим сознанием овладевали «сильные личности», на «волне» такого сознания приходя к власти. Массовое политическое сознание подчас даже готово ждать такого структурирующего воздействия извне, давая лидерам своего рода «фору» для осмысления события. После начала Великой отечественной войны и нападения Германии в 1941 г., население СССР почти две недели ждало выступления И.В. Сталина. И это выступление позволило, как известно, рационализировать и структурировать поначалу де структурированное сознание. Еженедельные выступления Ф.Д. Рузвельта по радио позволили структу-

---

[147] *Фрейд 3.* Массовая психология и анализ человеческого «Я». // *Фрейд 3.* Избранное. — Т. 1. — Лондон. 1959.—С. 86.

[148] См.: *Adorno T. et ail.* Authoritarian Personality. — N. Y., 1946.

[149] *Фрейд 3.* Массовая психология и анализ человеческого «Я». — С. 87.

[150] *Ortega y Gasset J.* Der Aufstan der Massen. — Berlin, 1959. — S.140.

рировать массовое сознание Америки в период Великой депрессии, крупномасштабного экономического кризиса.

Однако податливость таким воздействиям сохраняется сравнительно недолгое время. Стоит его упустить, как массовое политическое сознание становится неуправляемым. Тогда действие рационального уровня ослабевает, и политическое поведение начинает определяться целиком эмоционально-действенным уровнем. Тогда оно становится в полной мере стихийным и уже практически не управляемым. Разумеется, этому способствует и воздействия тех сил, которые заинтересованы в дальнейшем разложении массового политического сознания (например, внешних в случае войны или внутренних, в случае кризисов, политических противников режима).

В свое время, занимаясь проблемой реструктуризации массового поведения из стихийного в более организованное, В. МакДугал[151] считал необходимым для этого пять условий. Во-первых, необходима известная степень постоянства состава массы. Во-вторых, требуется, чтобы отдельные индивиды массы составили себе определенное представление о природе, функциях достижениях и требованиях этой массы. В-третьих чтобы масса вступила в конкурентные отношения с другими сходными, но в чем-то и отличными от нее общностями. В-четвертых, желательно наличие в массе традиций, обычаев и норм взаимоотношений ее членов между собой. Наконец, в-пятых, наличие в массе подразделений, то есть введение специализации и дифференциации деятельности входящих в нее индивидов. Понятно, что при наличии данных пяти условий, любая масса превратится в организованную социальную группу.

Однако это — теоретическая модель реструктуризации массы. На практике, обычно все бывает значительно проще. В ходе Второй мировой войны, например, для реструктуризации обращенных в паническое бегство масс военнослужащих Красной армии использовались так называемые «заградотряды». То, что только страх реально способен остановить такие массы, доказал еще Кай Юлий Цезарь. Как известно, он активно использовал на практике децимацию — казнь каждого десятого из обращенного в бегство легиона.

Основные характеристики (свойства) массового политического сознания являются родственными с характеристиками массового сознания как такового. Оно эмоционально, заразительно, мозаично, подвижно и изменчиво. Оно всегда конкретно. Как правило, оно неоднородно, аморфно, противоречиво, лабильно, и размыто. Когда единичный субъект, считал X. Ортега-и-Гассет, становится частью массы, он неизменно подпадает под власть определенных, а именно инстинктивных, иррациональных страстей, темных импульсных реакций. Интеллекту, разуму, логической аргументации вовсе нет места в массовой психологии[152]. 3. Фрейд утверждал: «Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное»[153].

Эти свойства связаны со свойствами самого субъекта массового политического сознания. Реальная политико-психологическая диалектика взаимосвязи «массы» и ее сознания такова, что возникающие обычно основы массового политического сознания сами формируют свою массу, которая, в свою очередь, в дальнейшем формирует свое политическое сознание. Как верно писал Б.А. Грушин, «нет недостатка в эмпирических доказательствах того ежедневно и повсеместно наблюдаемого факта, что массовое сознание обнаруживает безусловную

[151] *McDougal W.* The Group Mind.— Cambridge, 1920.— P. 48-53.
[152] Там же.
[153] *Фрейд 3.* Массовая психология и анализ человеческого «Я». — С. 85.

способность к «самопорождению», к спонтанному возникновению и изменению в процессе и результате непосредственно-практического освоения массами их «ближайшего» общественного бытия»[154].

Так, американские исследователи убеждены: «вслед за изменениями объективных условий социальной жизни происходит смещение очагов наибольшего беспокойства в сознании людей, в общественной психологии»[155]. И, соответственно, наоборот: бытие определяет сознание, а сознание реконструирует бытие-

Проблема формирования и функционирования массового политического сознания до недавнего времени рассматривалась в рамках жесткой дихотомии «или-или». Массовое сознание либо трактовалось как подчиняющееся собственным законам возникновения и развития, либо представлялось как управляемое извне, прежде всего политико-идеологическими средствами. Подобная абсолютизация была явно непродуктивной в отличие от более диалектического подхода. Последний предполагает, что массовое сознание возникает не просто в силу сходства условий, в которых живут и действуют многочисленные «массовые индивиды», не в силу одной лишь одинаковости их индивидуального опыта. Согласно этому подходу, оно возникает в силу того, что люди всегда, тем или иным образом, непосредственно или опосредованно, даже не вступая в совместную деятельность, все же взаимодействуют друг с другом в пространстве и времени. В ходе такого взаимодействия, они совместно вырабатывают общие представления, чувства, мнения, фантазии и т. д. — компоненты общего для них массового сознания. С этой точки зрения, процесс образования, возникновения массового сознания точнее всего передается терминами «порождение», «производство», «продуцирование», схватывающими обе стороны взаимосвязи — и внешние условия, и закономерности саморазвития массового сознания. В данной трактовке, массовое политическое сознание рассматривается как результат встречного движения масс, направленной на свойственное человеку осмысление реалий собственного жизни, и тех социально-политических условий, в которых эта жизнь протекает.

Субъект массового политического сознания («политическая масса»), как уже совершенно очевидно, никогда не представляет собой сколько-нибудь единого и целостного образования. Его невозможно выразить количественно, «сосчитать». В этом сходятся практически все исследователи данной проблематики, Тем более, его нельзя отождествлять непосредственно с субъектом политического действия. В принципе, никогда невозможно количественно измерить субъект массового политического действия, возникающий на базе того или иного политического сознания. По сути, «политическая масса» есть особая политико-психологическая общность людей, отличающаяся наличием единообразных политико-психологических факторов, побуждающих к общим политическим действиям, к единообразному способу поведения. Но вот какое из этой массы количество людей будет принимать непосредственное участие в собственно политическом событии — всегда загадка. Сколько людей штурмовало Зимний дворец в 1917 г.? Историки КПСС в свое время не могли даже точно назвать число членов своей партии в Петрограде к моменту октябрьского восстания (у разных авторов, фигурировали от 18 до 24 тыс. человек). Специальные подсчеты показывают, что в таком историческом событии, например, как крестьянская война в Германии, принимало участие не более 5-6 % населения. Однако разру-

[154] *Грушин Б.А.* Указ. соч. — С.347.
[155] Американское общественное мнение и политика. — М., 1978.— С. 148—149.

шительные последствия их действий пришлось ликвидировать нескольким последующим поколениям.

Понятие «политической массы», как и массы вообще, крайне изменчиво, ситуативно и, в целом, неопределенно. Развитие массового политического сознания зависит от масштаба охвата людей общими психическими состояниями, определяемыми политическими причинами. Созревая первоначально в рамках традиционно выделяемых групп, отдельные компоненты массового политического сознания могут распространяться, захватывая представителей иных групп и слоев общества и увеличивая тем самым массу, а могут, напротив, и сокращаться, сужая размеры субъекта массового политического сознания и поведения.

Такая размытость границ субъекта весьма осложняет **типологизацию массового сознания.** В качестве оснований для его дифференциации на какие-то самостоятельно существующие типы в свое время предлагался целый ряд свойств.

Во-первых, «общий и актуальный мыслительный потенциал» массового сознания (объем всевозможных позитивных знаний, которыми в принципе располагают те или иные массы и которые они практически используют в своей жизнедеятельности). *Во-вторых,* «пространственная распространенность» массового сознания (формат захватываемой им массы). *В-третьих,* его темпоральность (устойчивость или неустойчивость во времени). *В-четвертых,* степень связности (противоречивости или непротиворечивости). *В-пятых,* его управляемость («удельный вес» и пропорции, соотношение входящих в массовое сознание стихийных и институционализированных форм). *В-шестых,* уровень развития массового сознания (высокий — низкий, развитое— неразвитое и т.д.). *В-седьмых,* характер его выраженности (сильный, средний, слабый). В-восьмых, особенности используемых языковых средств (более или менее экспрессивных, включающих сугубо литературные и, также, нелитературные компоненты), и т. д., и т. п.

В качестве возможных критериев для более практической типологизации массового сознания исследователями предлагались не только содержательно-аналитические, но и оценочно-политические критерии. Например, как уже отмечалось, российскими политиками в начале XX века выделялись такие разновидности массового политического сознания, как сознание «просвещенное» и «темное», «прогрессивное» и «реакционное», «удовлетворенное» и «неудовлетворенное». Позднее учеными и политиками подразделялись варианты, находящееся в различных отношениях к официальным позициям, структурам власти и символам пропаганды (скажем, «критическое» или, напротив, «конформистское» массовое сознание), и т. д.

Однако все такие попытки типологизации затрагивали лишь частные аспекты тех или иных проявлений конкретных вариантов массового политического сознания, тогда как в действительности оно представляет собой не плоскостное, а объемное, многомерное образование. В связи с этим, оно может быть описано лишь в пространственной системе разных координат. Это значит, путем одновременного построения нескольких взаимодополняющих типологий и использования не одного, а нескольких коррелятивных параметров, позволяющих в совокупности высветить моделируемое массовое сознание под разными углами и построить, за счет этого, его наиболее адекватную, в частности, сферическую модель.

Примером создания такой типологии является опыт исследования массового политического сознания США ?0-х гг. XX в., в котором было выделено 12

«матричных» параметров. С их помощью, одновременно, учитывались различные признаки содержания, строения и функционирования такого массового сознания. В соответствии с выделенными параметрами, были выделены либерал-технократический, либерал-реформистский, либертаристский, традиционалистский, неоконсеровативный, радикал-либертаристский, радикал-эскапистский, правопопулистский, радикал-демократический, радикал-бунтарский, радикал-ро-мантический и радикал-социалистический типы массового политического сознания[156].

Оценка и дифференциация содержания массового политического сознания, в обобщенном виде, возможна на основе совокупности трех основных характеристик. Во-первых, наличный (средний) уровень развития сознания масс в обществе. Он включает не только когнитивные элементы (объем знаний и суждений, способности к суждению масс о тех или иных социально-политических явлениях и процессах), но и направленность чувств и фантазий, способности эмоционально реагировать на окружающую действительность. *Во-вторых,* диапазон и направленность потребностей, интересов, а также запросов, отличающих условия жизни масс в обществе. Наконец, в-третьих, диапазон информации, в массовом масштабе циркулирующей в обществе, в том числе специально направляемой на массовое политическое сознание через многочисленные каналы воспитательных и образовательных институтов и средства массовой информации населения.

Главная трудность анализа генезиса и процессов функционирования массового политического сознания заключается в том, что описать эти явления можно только на достаточно конкретном уровне, постоянно имея в виду конкретные особенности субъекта массового сознания, его содержание, условия возникновения, испытываемые влияния, и т. д. и т. п. Одновременно, описание должно быть на достаточно фундаментальном аналитическом уровне — иначе оно просто не будет научным. Решение данной задачи связывается с рассмотрением различных макроформ, в которых существует, функционирует и развивается массовое политическое сознание — типа массовых настроений и, отчасти, общественного мнения. Такие макроформы служат своеобразными «ядрами» тех или иных «полей» массового сознания. «Поля» же эти состоят из широких совокупностей разнообразных образов, знаний, мнений, волевых импульсов, чувств, верований и т. п. Такие «ядра» связывают различные компоненты массового сознания в некое единое, относительно самостоятельное целое и, тем самым, обеспечивают его социально-политическое функционирование.

В качестве **макроформ массового политического сознания** в определенные периоды социально-политического развития выступают общественное мнение и массовые политические настроения (будут отдельно рассмотрены в следующей главе). Общественное мнение — состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение той или иной общности, или совокупности общностей, к происходящим событиям и бытующим явлениям. Общественное мнение выступает в экспрессивной, контрольной, консультативной и директивной функциях. То есть, оно занимает определенную позицию, дает совет или выносит решение по тем или иным проблемам. В зависимости от содержания высказываний, общественное мнение выражается в оценочных, аналитических, конструктивных или, подчас, деструктивных суждениях. Обычно общественное мнение регулирует поведение людей, социальных групп и политических институтов в обществе, вырабатывая или ассимилируя (заимствуя из сферы

[156] Подробнее см.: Современное политическое сознание в США.— М., 1980.

науки, идеологии, религии и т. п.) и насаждая определенные нормы общественных отношений. В зависимости от знака высказываний, общественное мнение выступает в виде позитивных или негативных суждений.

Общественное мнение действует практически во всех сферах жизни общества. Вместе с тем, границы его суждений достаточно определенны. В качестве объекта высказываний выступают лишь те факты и события действительности, которые вызывают общественный интерес, отличаются значимостью и актуальностью. Понятно, что политические события и факты занимают здесь ведущее место. Однако главную роль играет масштаб происходящего в политике. Если в стабильные периоды развития субъект общественного мнения обычно четко ограничен рамками принадлежности к тем или иным группам, то кризисное политическое развитие разрушает эти рамки.

Тогда общественное мнение в политической сфере и способно обобщить те или иные индивидуальные и групповые мнения, снивелировать характерные для них специфические различия и образовать, тем самым, массу людей, придерживающихся единого, теперь уже в широком смысле общественного мнения. Такое массовое общественное мнение и становится макроформой массового политического сознания. В качестве более или менее стихийного поведения оно проявляется в более легитимных (выборы органов власти, референдумы, средства массовой информации, социологические опросы и т. д.) или менее легитимных (митинги, манифестации, акции протеста, восстания и т.д.) формах.

ИНДИВИД И МАССОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Масса меняет индивидуальное поведение. При этом существенно, что масса, вовлекающая в себя значительное число людей, не только стирает групповые различия между ними. Она в значительной мере трансформирует всю индивидуальную психику, подчиняя себе индивидуальное сознание. Еще Г. Лебон отмечал, что в массе стираются индивидуальные различия отдельных людей и, тем самым, исчезает их своеобразие. Однако масса не только «отнимает» что-то у индивидуальной психики — она еще и придает входящим в нее людям новые качества.

Во-первых, «в массе, в силу одного только факта своего множества, индивид испытывает чувство неодолимой мощи, позволяющее ему предаться первичным позывам, которые он, будучи одним, вынужден был бы обуздывать»[157]. Тем более, что особой необходимости обуздывать себя нет — принадлежность к массе гарантирует анонимность отдельного индивида. Масса никогда не несет ответственности сама, а принадлежность к массе избавляет от индивидуальной ответственности. Психологическим результатом этого является возрастающее ощущение власти у включенного в массу индивида, связанное еще и с ощущением своей безнаказанности.

Во-вторых, индивидуальная психика меняется в силу особой заразительности массы. Эффект психического заражения «есть легко констатируемый, но необъяснимый феномен, который следует причислить к феноменам гипнотического рода... «В массе «заразительно каждое действие, каждое чувство, и притом в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим личным интересом в пользу интереса общего. Это — вполне против оположное его натуре свойство, на которое человек способен лишь в качестве составной части массы»[158]. Масса заражает индивида. Индивид же, заражаясь массовыми мыслями,

[157] *Le Bon G.* La psychologie des foules. — 1895. — P. 26/
[158] Там же.

чувствами и переживаниями, начинает подражать тому, что делает масса. Изучая несколько иные феномены массовой психологии (например, моду — в том числе, и «политическую») Г. Тард говорил, фактически, об обратной стороне той же самой медали: о законах подражания, свойственных поведению человека в массе, Масса заражает индивида, а индивид, заражаясь, подражает массе.

В-третьих, важнейшей причиной, обуславливающей появление у объединенных в массу индивидов особых общих качеств, противоположных качествам отдельного, «изолированного» индивида, является «внушаемость, причем упомянутая заражаемость является лишь ее последствием», — считал Г. Лебон[159].

«Следовательно, главные отличительные признаки находящегося в массе индивида таковы: исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, ориентация мыслей и чувств в одном и том же направлении вследствие внушения и заражения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Индивид не является больше самим собой, он стал безвольным автоматом».

Одним лишь фактом своей принадлежности к массе человек «спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. Будучи единичным, он был, может быть, образованным индивидом, в массе он — варвар, то есть существо, обусловленное первичными позывами. Он обладает спонтанностью, порывистостью, дикостью, а также и энтузиазмом и героизмом примитивных существ»[160].

З. Фрейд писал: «Импульсы, которым повинуется масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться нс только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения. Ничто у нее не бывает преднамеренным. Если она и страстно желает чего-нибудь, то всегда ненадолго, она неспособна к постоянству воли. Она не выносит отсрочки между желанием и осуществлением желаемого. Она чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного»[161].

Влияние массы на индивида протвиоречиво. В массе человек способен на все. Известно, что масса людей может совершить такие преступления, на которое каждый из составляющих ее индивидов по отдельности никогда не способен. Масса способна на убийство, причем потом никакие расследования не могут обнаружить того, кто конкретно бил, стрелял или орудовал, скажем, саперной лопаткой. Помимо уже названных изменений индивидуального сознания под влиянием массы, существует еще один феномен — так называемой ретроградной амнезии, частичной потери памяти на прошедшие события. Обычно человек просто не может в деталях вспомнить, что он делал в той или иной массе. Он вполне искренне забывает детали произошедшего. Его воспоминания обычно носят отрывочный, фрагментарный характер. Амнезия сопровождается упадком сил после сильного эмоционального стресса, что соответствует состоянию «физиологического аффекта». Согласно уголовному кодексу ряда стран, такое состояние даже смягчает правовую ответственность за действия, «совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения».

Однако все обстоит далеко не только так ужасно. С одной стороны, разумеется: «Для правильного суждения о нравственности масс следует принять во внимание, что при совместном пребывании индивидов массы у них отпадают

---

[159] Там же. — С. 28.
[160] Там же. — с. 30.
[161] Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» — С. 85—86.

все индивидуальные тормозящие моменты и просыпаются для свободного удовлетворения первичных позывов все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в отдельной особи...». Однако это только одна сторона медали. С другой стороны, «массы способны и на большое самоотречение, бескорыстие и преданность идеалу»[162].

Как уже отмечалось, индивид обычно исходит из понимания личной пользы. В массе побуждение выгоды обычно отсутствует. З. Фрейд даже считал, что в отдельных случаях можно говорить о повышении нравственного уровня отдельного человека под воздействием массы. Это зависит от того политико-психологического «стержня» (события, мнения, чувства), вокруг которого сложился тот или иной вариант массовой психологии и, соответственно, возникла некоторая масса людей. Понятно, что массы, совершавшие Великую французскую революцию, явно обладали несколько иной психологией, чем, скажем, массы турок, устроивших геноцид армянам в начале XX века. Хотя в обоих случаях действовали во многом аналогичные механизмы массового поведения, оно было окрашено совершенно различными политико-идеологическими ценностями и идеалами.

Особенности поведения массы зависят от индивидуальности лидеров, их типов и от их психологических качеств. Это, безусловно, люди особого склада. «Нет надобности, чтобы число этих апостолов было очень велико для выполнения их задачи. Надо вспомнить, какое небольшое число ревнителей было достаточно для возбуждения столь крупного движения, как крестовые походы — событие, быть может, более чудесное, чем насаждение какой-либо религии, так как миллионы людей были доведены до того, что бросили все, чтобы устремиться на Восток, и возобновляли не раз это движение, несмотря на самые крупные неудачи и жесточайшие лишения»[163].

В отличие от Г. Тарда, считавшего, что масса сама находит себе лидеров, выталкивая их из себя, большее распространение получили взгляды Г. Лебона. Он описывает четыре основных типа таких «вожаков». *Первый* — убежденные проповедники, апостолы неких верований (независимо, религиозных, социальных или сугубо политических). «Загипнотизированные поработившей их верою, они готовы на все жертвы для ее распространения и кончают даже тем, что исключительно целью своей жизни ставят воцарение этой веры. Эти люди находятся как в полубреду, изучение их требует патологического исследования их умственного состояния, но, несмотря на это, они всегда играли в истории громадную роль». Такой «апостол всегда представляет собой религиозно настроенный ум, одержимый желанием распространить свое верование; но вместе с тем и прежде всего это ум простой, совершенно не поддающийся влиянию доводов разума. Его логика — элементарна. Законы и всякие разъяснения совершенно недоступны его пониманию». Г. Лебон особо подчеркивал внешнюю «простодушную наивность» этих людей. Ничто их не затрудняет. Для них ничего нет легче, чем перестроить общество. «Поддаваясь все более и более гипнозу двух или трех непрестанно повторяемых формул, проповедник-социалист чувствует жгучую потребность распространять свою веру...»[164]. В структуре поведения этого типа личности особенно выделяется жажда разрушения: «По-видимому, почти во все времена имел силу общий психологический закон, по которому

---

[162] *Фрейд З.* Массовая психология... — С. 87.
[163] Лебон. Г. Психология социализма // Литературное обозрение. – 1991.— № 6.— С.80.
[164] Там же.

нельзя быть апостолом чего-либо, не ощущая настойчивой потребности кого-либо умертвить или что-либо разрушить»[165].

Второй тип лидеров массы — фанатики одной идеи. «Повседневно встречаются очень умные люди, даже выдающиеся, теряющие способность рассуждать, когда дело касается некоторых вопросов. Увлеченные тогда своей политическою или религиозною страстью, они обнаруживают изумительное непонимание и нетерпимость. Это случайные фанатики, фанатизм которых становится опасным лишь тогда, когда его раздражают»[166]. Это «помощники апостолов», часто движимые яростью (манией) преследования.

Третий тип лидеров массы «принадлежит к обширной семье дегенератов. Занимая, благодаря своим наследственным порокам, физическим или умственным, низкие положения, из которых нет выхода, они становятся естественными врагами общества, к которому они не могут приспособиться вследствие своей неизлечимой неспособности и наследственной болезненности. Они — естественные защитники доктрин, которые обещают им и лучшую будущность, и как бы возрождение». У данного типа мало фанатизма, нет увлечения одной идеей и даже особой стойкости веры. Тут все решает личная заинтересованность.

Наконец, *четвертый тип лидеров массы,* обычно приходящий на смену предыдущим «вожакам» и овладевающий массой после того, как фанатики ее сформировали и основательно «разогрели» — обычный тиран или диктатор. Он может сочетать в себе некоторые черты предшествующих «проповедников», но не это главное. Он умеет заставить массу полюбить себя и возбудить боязнь к себе. «За Суллою, Марием и междоусобными войнами выступали Цезарь, Тиберий, Нерон. За Конвентом — Бонапарт, за 48-м годом — Наполеон III»[167].

Г. Лебон довел свой анализ до конца XIX века. Анализируя происходившее в России в начале XX века, Н.А. Бердяев писал: «В России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц. У людей этого типа иная поступь, иные жесты.... Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина, он стал материалом организации коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной».

Однако только к концу XX столетия стало понятно: «Большевики открыли истину, секрет которой заключался в весьма простых посылках: масса требует не идей, а лозунгов, не логики, а обещаний, не призывов к размышлениям, а угадывания ее настроения. Тогда она превращается из аморфной массы в разрушительную материальную силу. И XX век использовал искренность в качестве способа достижения цели, поевратившись в самое неискреннее столетие. Отпала необходимость в проповедниках и правдолюбцах — их место заняли Троцкие, Муссолини, Гитлеры. Кумиры и вожди масс, способные истерической неистовостью управлять настроением множества людей, доводя их до искренней жажды разрушения»[168].

В свое время подобные анализы производили впечатление тенденциозности и социальной ангажированности их авторов. Однако, если вспомнить, например, хотя бы многократно описанный фанатизм поведения А. Гитлера, известный из мемуаров современников моноидеизм В.И.Ленина или природную ущербность, сухорукость и лицо в оспинах И.В. Сталина, то многое представляется достаточно убедительным.

---

[165] Там же.- С. 81.
[166] *Лебон Г.* Указ. соч.
[167] Там же.
[168] *Васильев Б.* На пределе. // Известия. — 1991. — 2 января.

Фундаментальным политико-психологическим фактом является то, что всякий раз в истории во главе масс стояли особого типа лидеры, не обычные, а во многом аномальные индивиды. Подчеркнем, что практически все они, за единичными исключениями, были исключительно лидерами массы. Исчезала или реструктурировалась масса — исчезали, уходили в политическое небытие эти лидеры. В свою очередь, если случалось что-то с ними — быстро растворялась или видоизменялась ведомая ими масса.

NB

1. В отличие от групп, больших и малых, всегда так или иначе организованных и структурированных (в том числе, политически), массы — это принципиально неорганизованные и неструктурированные субъекты политики. В основе политической психологии масс лежит массовое сознание. Массовое сознание — один из видов общественного сознания, реальная форма его практического существования. Это особый вид общественного сознания, свойственный большим неструктурированным множествам людей («массам»). Массовое сознание определяется как совпадение (совмещение или пересечение) основных, наиболее значимых компонентов сознания большого числа «классических» групп (больших и малых), однако несводимый к ним. Это новое качество, возникающее из совпадения отдельных фрагментов психологии деструктурированных по каким-то причинам «классических» групп. В силу недостаточной специфичности источников своего появления и неопределенности самого своего носителя, массовое сознание в основном носит обыденный характер.
2. Массы как носители массового сознания социологически определяются как некоторой ситуативно возникающие общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования). При явной психологической неполноте, это определение позволяет разграничить массу и группы. Основные виды масс выделяются по ряду ведущих признаков. Массы делятся на 1) большие и малые; 2) устойчивые (постоянно функционирующие) и неустойчивые (импульсные); 3) сгруппированные и несгруппированные, упорядоченные или неупорядоченные в пространстве; 4) контактные и неконтактные (дисперсные); 6) спонтанные, стихийно возникающие, и специально организуемые; 7) социально однородные и неоднородные. В конкретно-практическом выражении, в качестве основных разновидностей масс, выделяются толпа, «собранная публика» и «несобранная» публика. Среди основных качеств — свойств массы выделяются статистичность; стохастичная, вероятностная природа; ситуативность и гетерогенность. Они и определяют массовое сознание как своего рода внеструктурный «архипелаг» в социально-групповой структуре общественного сознания, образование не устойчивое, а как бы «плавающее» в составе более широкого целого. Сегодня архипелаг включает одни «острова», завтра — другие. С содержательной точки зрения, в массовом сознании запечатлены знания, представления, нормы, ценности и образцы поведения, разделяемые той или иной возникающей по тем или иным обстоятельствам совокупностью индивидов — массой.
3. Массовая политическая психология — единство массового политического сознания и массового политического поведения, детерминированного этим сознанием. Массовое политическое сознание — особая разновидность массового сознания, имеющая в качестве основного содержания политические проблемы, на решение которых направляется политическое поведение массы. Массовое политическое сознание — это массовое сознание общества по отношению к вопросам, имеющим актуальное политическое содержание и определенные политические последствия. Это особое, обладающее специфиче-

скими (политическими) механизмами детерминации и, следовательно, определенной автономностью слагаемое массового сознания — особый, политизированный сегмент массового сознания, По происхождению, массовое политическое сознание повторяет путь массового сознания. Однако оно возникает и распространяется, лишь когда совершаются крупные социально-политические события, разрушающие привычную структуру общества и его стратификацию. По структуре, массовое политическое сознание включает основной (первичный) эмоционально-действенный, и вторичный рациональный уровни. Рациональный уровень включает более статичные (типа оценок и ожиданий, ценностей и «общих ориентаций») и более динамичные (типа массовых мнений и настроений) компоненты.

4. Массовое политическое сознание проявляется в стихийных формах массового политического поведения. Содержательно, это неорганизованное, но одинаковое и относительно необычное внегрупповое поведение больших масс людей, ситуативное и временное, связанное с особыми политическими обстоятельствами. Примерами стихийного массового поведения являются стихийная массовая агрессия в периоды войн и политических потрясений, или, напротив, стихийная массовая паника, связанная с поражениями в войнах и восстаниях. Понятие «политической массы», как субъекта политического поведения, крайне изменчиво, ситуативно и, в целом, неопределенно. Развитие массового политического сознания зависит от масштаба охвата людей общими психическими состояниями, определяемыми политическими причинами. Созревая первоначально в рамках традиционно выделяемых групп, отдельные компоненты массового политического сознания могут распространяться, захватывая представителей иных групп и слоев общества и увеличивая тем самым массу, а могут, напротив, и сокращаться, сужая размеры субъекта массового политического сознания и поведения. Размытость границ субъекта осложняет типологизацию массового политического сознания. В качестве оснований для его дифференциации на самостоятельные типы используется ряд свойств. Во-первых, его «общий и актуальный мыслительный потенциал» (объем позитивных знаний, которыми располагают массы и пользуются в своей жизнедеятельности). Во-вторых, «пространственная распространенность» (объем захватываемой массы). В-третьих, темпоральность (временная устойчивость). В-четвертых, степень связности и непротиворечивости. В-пятых, его управляемость. В-шестых, уровень развития массового сознания. В-седьмых, характер выраженности. В-восьмых, особенности используемых экспрессивных средств, и т. д., и т. п. Однако наиболее адекватным является создание комплексных, многомерных, сферических моделей массового политического сознания, позволяющих заблаговременно, прогностически выявить возможные варианты не только стабильного, но и стихийного массового политического поведения Основные характеристики (свойства) массового политического сознания — эмоциональность, заразительность, мозаичность, подвижность и изменчивость. Оно всегда конкретно. Как правило, оно неоднородно, аморфно, противоречиво, лабильно и размыто. Оно возникает в силу того, что люди всегда, тем или иным образом, непосредственно или опосредованно, взаимодействуют друг с другом в пространстве и времени. В ходе такого взаимодействия, общения и совместной деятельности, они совместно вырабатывают общие представления, чувства, мнения, фантазии и т. д. — компоненты общего для них массового сознания. С этой точки зрения, процесс образования, возникновения массового сознания точнее всего передается терминами «порождение», «производство», «продуцирование», схватывающими обе стороны взаимосвязи — и внешние условия, и закономерности саморазвития массового сознания. В качестве макроформ массового политического сознания обычно выступают общественное мнение и массовые политические настроения.

5. Масса меняет индивидуальное поведение, стирая групповые различия между ними и трансформируй нивелируя всю индивидуальную психику. Главные отличительные признаки индивида в массе: анонимность и исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, снижение интеллекта и всей рациональной сферы, ориентация массой мыслей и чувств индивида в одном и том же направлении, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Утрачивая индивидуальную ответственность, индивид обретает ощущение всемогущества и безответственности. Механизмами психологического влияния массы на индивида являются заражение, подражание и внушение. Масса оказывает на индивида двойственное влияние. Если отдельный индивид всегда руководствуется личным интересов, то масса свободна от него. Значит, она может быть направлена либо в криминальную, либо бескорыстную сторону. Массе может быть свойственно разрушение, но ей может двигать и одухотворенность во имя каких-то идеалов. Массой движут вожди особого типа — «вожаки». Во-первых, это убежденные проповедники, апостолы неких верований (религиозных, социальных или политических). Во-вторых — фанатики одной идеи, «помощники апостолов». В-третьих — «дегенераты», ущербные физически, умственно или социально личности, защитники доктрин, которые обещают им лучшую будущность. В-четвертых, это тираны или диктаторы. В свое время подобные типологии (в частности, разработанные Г. Лебоном) производили впечатление тенденциозности и социальной ангажированности их авторов. Однако, если вспомнить хотя бы общеизвестный фанатизм А. Гитлера, известный из мемуаров современников, моноидеизм В.И. Ленина или природную ущербность, сухорукость И.В. Сталина, то многое представляется убедительным.

Для семинаров и рефератов

1. *Баталов Э.Я.* Массовое политическое сознание современного американского общества: Методология исследования. // Общественные науки. — 1981. — №3. — С. 87—120.
2. *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. — М., 1987.
3. *Дилигенский Г.Г.* Марксизм и проблемы массового сознания. // Вопросы философии. — 1983. — № 11. — С.3—15.
4. *Ольшанский Д.В.* Актуальные тенденции в исследовании массового сознания. — М., 1989.
5. Современное политическое сознание в США. — М., 1980.
6. *Lippman W.* Publik Opinion. — N. Y., 1922.
7. *Risman D.* The Lonely Crowd. — N. Y., 1950.
8. *Smelser N.J.* Theory of collective behavior. — N. Y., 1963.

Глава 10
ПСИХОЛОГИЯ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Массовые настроения как политико-психологический феномен в жизни общества. Концептуальные вопросы взаимосвязи массовых настроений и политического сознания, политической культуры, политического поведения и политической системы.

Определение и природа массовых настроений. Механизм возникновения массовых политических настроений — расхождение притязаний (ожиданий) масс и возможностей их реализации в реальной жизни. «Позитивные» («конст-

руктивные») и «негативные» («деструктивные»), активные и пассивные массовые политические настроения. Основные политико-психологические характеристики массовых настроений. Динамика и основные этапы развития массовых политических настроений, факторы, определяющие степень выраженности массовых настроений в политической жизни. Массовые настроения как основа массовых политических действий. Уровни экспрессивности массовых настроений.

Субъекты массовых политических настроений. Виды, разновидности массовых политических настроений, основные подходы к их классификации. Основные функции массовых настроений: субъективное обеспечение динамики политических процессов через формирование субъектй потенциальных политических действий; инициирование и регуляция политического поведения; выработка стратегической оценки, долгосрочного отношения к политической реальности.

Возможности воздействия на массовые политические настроения. Проблема прогнозирования развития массовых политических настроений.

Массовые настроения и массовые политические движения. Массовые настроения и процессы модификации политической системы. Массовые настроения и развитие политического мышления.

Политическую психологию общества можно изучать как минимум с двух методологически разных точек зрения. Первая, делающая упор на анализе политических институтов, ставит во главу угла рассмотрение статичных политических структур и институтов власти, а также той институционализированной системы политико-психологических отношений, в которой осуществляется нормативная деятельность субъектов политики — в первую очередь, субъектов властных отношений. Вторая точка зрения, опирающаяся на анализ процессуальный, видит центр изучения в динамике политических процессов, обычно определяемых не институционализированной, во многом спонтанной активностью широких масс общества, вовлеченных в тот или иной период времени в самостоятельную политическую деятельность, детерминированную такими факторами, как собственная политическая психология и, прежде всего, собственные политические настроения масс. Первая позиция наиболее адекватна при изучении стабильных социально-политических систем с доминирующим влиянием формализованных политических институтов. Вторая — при исследовании лабильных, быстро меняющихся ситуаций с размытым влиянием институтов власти и, напротив, с доминированием трудно поддающейся управлению настроенческой политико-психологической самодеятельности масс. Ситуации второго рода обычно определяются понятиями «переходного» или «смутного» времени;

это периоды ослабления власти прежних политических институтов, их постепенного разрушения и модификации, а также появления элементов новой политической системы.

Одним из примеров такого времени может служить развитие событий в новейшей истории России. Оно отчетливо показало: для понимания происходящего уже явно недостаточно преобладавшего ранее институционального подхода. Игнорировавшийся как «публицистический» и «описательный» фактор массовых настроений становится совершенно необходимым для осмысления социально-политических процессов переходного времени.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В свое время В.О. Ключевский писал о Смуте конца XVI — начала XVII веков в российском обществе: «Почвой для нее послужило тягостное настроение народа, общее чувство недовольства, вынесенное народом из царствования Грозного и усиленное правлением Б. Годунова»[169]. Говоря более подробно, «это было тягостное, исполненное тупого недоумения настроение общества, какое создано было неприкрытыми безобразиями опричнины и темными годуновскими интригами»[170]. По ходу Смутного времени общество само увидело силу массовых настроений. «Прежде всего из потрясения, пережитого в Смутное время, люди Московского государства вынесли обильный запас новых политических понятий, с которыми не были знакомы их отцы... Это и есть начало политического размышления»[171].

Анализ данного периода потребовал и от историка выделить специальный раздел в описании последствий Смуты — «Настроение общества». В нем В.О. Ключевский пишет: «Внутренние затруднения правительства усиливались еще глубокой переменой в настроении народа. Новой династии приходилось иметь дело с иным обществом, далеко не похожим на то, каким правили прежние цари... Недовольство становится и до конца века остается господствующей нотой в настроении народных масс... Эта перемена выразилась в явлении, какого мы не замечали прежде в жизни Московского государства: XVII век был в нашей истории временем народных мятежей»[172].

Согласно В.О. Ключевскому, определенные массовые настроения, накопившись в рамках стабильной социально-политической системы, со временем привели к ее разрушению и перемене в политической психологии людей. «Разбушевавшись», массовые настроения стали на долгое время определять характер социально-политической жизни. Потребовалось значительное историческое время для того, чтобы наступило их умиротворение и, соответственно, возникла политико-психологическая основа для стабилизации социально-политической системы. В.О. Ключевский одним из первых дал сравнительно развернутый историко-политологический и, одновременно, политико-психологический анализ влияния массовых настроений на политическую систему общества. Однако указывали на роль этого фактора в политике, не вдаваясь в специальное рассмотрение, многие исследователи и до него.

Так, еще Аристотель, одним из первых обратившись к этому понятию, достаточно однозначно связывал «настроения лиц, поднимающих восстание», с особого рода политическими процессами — мятежами, направленными на свержение власти, «политическими смутами» и разного рода «междоусобными войнами». Анализируя достаточно массовые, по тем временам, выступления граждан против властей, Аристотель прямо писал: «Во-первых, нужно знать настроение лиц, поднимающих восстание, во-вторых, — цель, к которой они при этом стремятся, и, в-третьих, чем собственно начинаются политические смуты и междоусобные распри»[173]. Аристотель неоднократно подчеркивал ту большую роль, которую играет настроенческий фактор в особых вариантах социально-политической системы, связанных с доминированием на политической арене «охлократии», власти толпы, плебеса. В подобных ситуациях рациональные начала политики уходят на задний план, и вся политическая жизнь оказывается в плену массовых настроений,

---

[169] *Ключевский В.О.* Соч. в 9 тт. — М., 1988. — Т. 3. С. 55.
[170] *Там же. — С. 46.*
[171] *Там же. — С. 62—63.*
[172] *Там же. — С. 83—84.*
[173] Аристотель. Политика. — М., 1911. — С. 208.

Великий Н. Макиавелли указывал: «Глубокая и вполне естественная вражда, ...порожденная стремлением одних властвовать и нежеланием других подчиняться, есть основная причина всех неурядиц, происходивших в государстве... Ибо в этом различии умонастроений находят себе пищу все другие обстоятельства, вызывающие смуты…»[174].

История показывает, что роль массовых настроений становится влиятельной с периода средневековья. Город как особый способ группирования людей того времени порождал заразительные массовые психические процессы. Под влиянием этих процессов значительные общности приходили в сходные психические состояния. Это проявлялось в разнообразных действиях масс, включая специфически политические действия. В дальнейшем значение настроенческих факторов возрастало.

XX век породил глобальные политические феномены. Многократно усилилась реальная вовлеченность масс в политику. Однако дело не сводилось к чисто количественному росту их влияния. Произошли серьезные качественные изменения массового субъекта политических процессов, особенно явственные на современном этапе.

Во-первых, массовое промышленное производство, опирающееся на достижения научно-технической революции, выразилось, среди прочего, в стремительном росте потребностей людей. Едва ли возможно в предыдущей истории обнаружить ситуации, когда потребности и притязания каждого нового поколения столь разительно отличались бы от предыдущего как в материальной, так и в духовной, и в политической сферах.

Во-вторых, возросли не только потребности, но и возможности их удовлетворения. Динамизм жизни, углубление интеграционных процессов, реальная транспортная и информационная нивелировка расстояний породили не только новые требования, но и ощущение легкости их достижения.

В-третьих, выросла массовая готовность к активным действиям. Подчеркнем провоцирующее влияние средств массовой информации: воздействуя на массу, они не просто стимулируют те или иные потребности и демонстрируют способы их достижения, а стремятся вызвать непосредственную массовую реакцию в виде конкретных действий и акций.

Наконец, в-четвертых, в качестве следствия названных изменений, возникает главное: определяющими в поведении масс все больше становятся не устоявшиеся, осознанные позиции, а быстро увлекающие, импульсивные, во многом спонтанные настроенческие факторы, вытекающие из изменений условий производства в эпоху научно-технической революции и технологической перестройки, перемен в социальной структуре и частной жизни, трансформации потребностей и возможностей их удовлетворения, а также общего возрастающего динамизма жизни. Становление нового типа работника связано с изменениями психики и поведения, проявляющимися, наряду с другими, и в политической сфере.

На фоне этого все более заметным становится определенное отставание привычных социально-политических регуляторов жизни, не успевающих приспосабливаться к быстрым переменам в условиях жизни и массовой психологии. Широкие молодежные волнения, охватившие западный мир в конце 60-х гг., отчетливо показали: созрели новые потребности. После этого многочисленные «движения протеста», принося все новые проявления «контркультуры», только

---

[174] *Макиавелли И.* История Флоренции. — Л., 1973. — С. 99.

подтверждали это. В 70-е гг. бурные настроения недовольства распространились на Западе на этнические общности. Затем начались внешнеполитические осложнения, связанные с всплеском религиозных настроений на Востоке. Прямые политические последствия повлекли антивоенные настроения — прежде всего, в Западной Европе. Конец 80-х гг. ознаменовался массовыми взрывами политических настроений в Восточной Европе. Рост радикализма, волны политического терроризма, обилие примеров неупорядоченного, хаотичного поведения значительных общностей людей — все это отражает определенное ослабление влияния традиционно трактуемого, прежде всего социально-классового сознания и, напротив, усиление роли массовых настроений, все более непосредственно проявляющихся в социально-политической жизни. Таким образом, массовые политические настроения непосредственно связаны с динамичными политическими процессами нашего времени, влияя на поведение масс как субъекта этих процессов, обеспечивая динамический компонент общественно-политического развития. Их роль растет, отражая изменения, приносимые научно-технической и информационной революциеями.

Из сказанного понятно, что главной задачей данной главы является рассмотрение массовых политических настроений и их функционирования в политических процессах прежде всего динамичного, «смутного» времени в качестве особого субъективного механизма массового политического поведения. К глубокому сожалению, эта проблематика недостаточно разработана как в зарубежном, так и в отечественном обществознании. С зарубежной социально-политической наукой все понятно: рациональный характер политического мышления в развитых западных странах, доминирование гражданского типа политической культуры давно отодвинули проблематику массовых политико-психологических явлений. Последние фундаментальные работы, исследовавшие массовую политическую психологию на Западе, датируются первыми десятилетиями теперь уже прошлого века. Индивидуализация сознания оставила данные явления в историческом прошлом — естественно, исчезли и соответствующие главы из научных трудов.

В отечественной науке невнимание к данной проблематике имело свои истоки. Причины этого носили явственный политико-идеологический характер: тоталитарная система не нуждалась в знании реальной психологии масс; навязываемый ею стиль управления исключал необходимость внимания к настроениям «низов». Располагая действенным репрессивным и пропагандистским аппаратами, армией послушных и зависимых чиновников, «верхи» успешно манипулировали настроениями, используя лишь те из них, которые ощущали удобными и выгодными для себя.

Сегодня становится достаточно ясным, что успех большевиков в 1917 году не был случайным хотя бы в одном принципиальном отношении: именно эта политическая партия смогла уловить и выразить те настроения недовольства старой социально-политическое системой, настроения общинно-популистского толка, исходившие из тоталитарно-бунтующего «народного большевизма», которые были характерны для того времени. Было ли это, как теперь стало модным говорить, «заигрыванием с толпой», или — как писать уже не модно — аккумуляцией и отражением массовых настроений, — разница чисто терминологическая. Фактом остается пристальное внимание к проблематике политических настроений в большевистской литературу того времени, а также тот реальный политический результат, который был достигнут именно за счет такого внимания. Настроенческий фактор был одним из важнейших в большевистской теории и практике революции. Смутное время начала XX века полностью соответствует

как предшествующим, так и последующим политико-психологическим изысканиям.

Сложность ситуации нашего времени состоит, однако, в том, что «последующие изыскания» датируются лишь самыми последними годами. После овладения политической властью, преодоления смутного времени и создания стабильной социально-политической системы большевизм — как по объективным (дестабилизирующий «оппозиционный интерес» к настроениям масс естественно меняется на стабилизирующий «правящий интерес» к подавлению многообразия и насаждению единообразия настроений), так и по субъективным причинам (пришедшие к власти персонажи считали нормальным простое предписание их индивидуальных настроений попавшим под их власть массам) — наложил жестокие табу на изучение и, тем более, на политическое осмысление природы массовых настроений.

Тем самым, правящие силы, стремясь лишить своих противников инструмента анализа и использования массовой психологии, оказались в своеобразной мышеловке: не давая другим, они и сами перестали замечать происходящие в обществе процессы. И когда период стабильного развития системы стал меняться на период развития динамичного, когда на горизонте замаячило новое «смутное» время под названием «перестройка», те силы системы, которые начали реформы, оказались неготовыми к реальному разгулу массовых настроений. Спустя десятилетия после В.И. Ленина М.С. Горбачев стал повторять практически те же самые слова о роли и значении настроений, однако современное руководство оказалось неготовым к практической работе с этим фактором политического поведения. Можно спорить со многими взглядами писателя В.Г. Распутина, но нельзя не согласиться с мыслью, высказанной им еще на Первом съезде народных депутатов СССР: «Когда-нибудь мы пожалеем, что пренебрегли столь важной наукой в это переломное время, как политическая психология. Знание этой науки, позволяющей учитывать настроения людей, способно принести самые неожиданные и удивительные результаты»[175].

«Пренебрежение» такого рода продолжалось многие десятилетия. Реальная проблематика массовых политических настроений была вытеснена откровенной апологетикой «социалистического оптимизма» и разоблачениями «капиталистического пессимизма»[176]. Подобные вульгаризированные представления прикрывали тупики сталинской тоталитарной системы, обреченность брежневского застоя, а также многие некомпетентные в социально-политическом плане действия «верхов» эпохи перестройки. Все это и загнало общество в ситуацию кризиса — во многом, именно из-за «оправданного наукой» монополизма принимавшихся решений и связанного с этим игнорирования психологии масс.

Реальные массовые настроения были подменена фикцией в виде «общественного настроения», которое, в соответствии с целями и задачами система трактовалось как предписанное субъекту социально-классовой природой общества (раз ты член социалистического общества, то просто обречен на исторический оптимизм); соответствующее единственно правильной научной идеологии пролетариата; отражающее некую «общественную атмосферу». Нет смысла останавливаться подробно на рассмотрении данных фикций. Реальная жизнь неумолима: распад социально-политической системы окончательно уничтожил флердоранж «монолитного единства» массовой психологии, якобы свойственной «новой исторической общности». «Общественное настроение» ушло в не-

---

[175] См.: Правда. — 1989. — 7 июня.

[176] См., напр.: *Попов С.И.* Социализм и оптимизм. — М., 1981.

бытие, сменившись плюрализмом многообразных и по-разному направленных политических настроений, требующих своего концептуального осмысления и политического реагирования.

МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА (понятийный анализ)

Начнем с того, что если массовые настроения являются реальным фактором политических процессов, то их наиболее адекватное теоретико-концептуальное осмысление должно начинаться в рамках политической науки. Специальный анализ позволяет выделить следующие основные, причем традиционные понятия и категории этой науки, связанные с массовыми политическими настроениями: политическое сознание, политическая культура, политическое поведение. Через них массовые настроения соотносятся с политической системой и отдельными ее компонентами.

В общем виде такой подход созвучен распространенной точке зрения: еще согласно М. Гравиц, в частности, «политическую науку можно определить как изучение того, как люди используют институты, регулирующие их совместную жизнь, и изучение идей, приводящих в движение людей... Можно сказать, что в предмете политической науки тесно переплетены идеи, институты и люди»[177].

Анализ исследований политического сознания позволяет выявить его взаимосвязи с политическими настроениями. В отечественной науке распространена трактовка политического сознания как, в широком смысле, массового сознания общества по отношению к вопросам, имеющим политическое значение как по актуальному содержанию, так и по возможным последствиям. Такое сознание включает в себя сознание «классических» групп социально-классового характера с присущими им определенными (групповыми) типами общественного сознания, а также некоторые «иные типы сознания», присущие специфическим множествам индивидов, объединяющих представителей различных групп, но в то же время не имеющих отчетливо группового характера[178].

Главным таким «множеством» является масса, а одной из ведущих «макроформ» функционирования ее сознания называются массовые настроения. Последние выступают в качестве стержня, «ядра», организующего «поля» массового сознания — широкие совокупности образов, мнений, знаний, волевых импульсов и т. п. Массовые политические настроения, по сути дела, выступают в качестве одной из самых распространенных форм функционирования массового политического сознания на повседневном, обыденном уровне. Согласно ряду воззрений, это и есть определенное состояние сознания достаточно больших множеств людей, принадлежащих к той или иной социально-политической действительности.

Настроения, по оценке ряда отечественных и значительного числа западных психологически и социологически ориентированных направлений, являются своеобразным предвестником такого важного компонента политического сознания, как общественное мнение. При специальном анализе становится очевидным, что они являются одной из первых реакций политического сознания, его первичным оценоч-иым, а иногда и непосредственно действенным компонентом. В онтологическом плане это неотъемлемая часть феномена массового

---

[177] *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. — М., 1972.— С. 190.

[178] Например, см.: *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. — М., 1987. — С. 164—165.

сознания, в гносеологическом же — субкатегория по отношению к данному понятию.

Анализ наиболее распространенных трактовок **политической культуры** показывает: начиная от классических западных работ по этой проблеме[179], в нее включаются так или иначе объясняемые «субъективные компоненты»— «эмоциональные и оценочные ориентации». Сама же она в русле данной традиции рассматривается большинством исследователей как «субъективная сторона политической системы», как ее «социально-психологический момент», по природе «субъективный и лежащий в основе политических действий». Обобщая взгляды представителей разных течений, модно констатировать наличие трех видов связей между политической культурой и массовыми политическими настроениями.

Во-первых, согласно большинству западных и отечественных работ, политическая культура как более широкое явление, чем политическое сознание, включает последнее вместе с настроениями, выступающими в качестве основы актуального политического сознания. Политические настроения служат в определенной мере оценочным показателем включенности людей в политическую культуру, отражая эффективность политической социализации. Во-вторых, по мнению ряда прежде всего отечественных исследователей, настроения входят в политическую культуру как не всегда осознаваемые компоненты прежних, разрушенных или вытесненных вариантов политического сознания — в виде социально-политической памяти общества, как наслоения прежних политических систем, как элементы традиций. В-третьих, согласно взглядам исследователей политических идеологий, такие настроения входят в политическую культуру как возможная основа будущих идеологических построений, как прообраз будущего политического сознания и, возможно, будущего варианта политической системы. В методологическом отношении массовые политические настроения и здесь выступают как субкатегория по отношению к понятию политической культуры.

Изучение наиболее влиятельных концепций **политического поведения** убеждает в том, что наиболее тесно массовые политические настроения связаны именно с политическим поведением. Особенно настойчиво эта связь отстаивается сторонниками поведенческого направления в политологии. Действительно, если «наиболее распространенной является оценка политического поведения как любой формы участия в осуществлении власти (или противодействия ее осуществлению)»[180], то одним из самых существенных является вопрос о движущих силах и механизмах такого участия. Действия масс как субъекта политического поведения в такой трактовке подчиняются закономерностям массовой психологии, одним из важнейших компонентов которой являются настроения. Массовые политические настроения выступают в качестве одного из существенных механизмов, определяющих политическое поведение: «...настроения, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в действии»[181]. Согласно взглядам многих исследователей, первоначально сугубо внутренние субъективные переживания, за которыми стоят объективные породившие их условия, на определенном уровне своего развития становятся силой, мотивирующей реальные действия масс, направленные на изменение тех условий, которые породили некоторые настроения. В данном случае связь также яс-

---

[179] *Almond G., Powell B.* Comparative Politics. A Development approach. — Boston, 1966. — P. 50—52.

[180] *Бурлацкий.* Ф.М., *Галкин А.А.* Современный Левиафан. — М., 1985. — С. 214.

[181] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 11. — С. 58.

на: массовые политические настроения рассматриваются как субкатегория и по отношению к понятию политического поведения.

В рамках поведенческого направления общая картина выглядит следующим образом. Массовые политические настроения, являясь одним из глубинных компонентов политического сознания, существенной частью политической культуры, через названные феномены, опосредуясь ими, действуют на людей, вызывая то или иное политическое поведение. Роль массовых настроений состоит в том, что это один из стержневых механизмов политических процессов, влияние которого прослеживается сквозным образом: от внешних условий, через их внутреннюю оценку, через политическое сознание и политическую культуру — на поэтическое поведение.

Массовые настроения, как показывает анализ распространенных теорий **политической системы**, тесно связаны с последней. Согласно ряду западных и, в меньшей степени, отечественных направлений, власть как центральный элемент политической системы включает не только политические институты и средства принуждения, идущие «сверху», но и определенные механизмы подчинения, вызревающие «снизу». Массовые настроения согласия подчиняться власти — один из таких механизмов. Анализ показывает: в рамках наиболее распространенных в современном мире типов политической культуры сам акт установления новой власти или овладения новой политической силой прежними структурами власти требует, в той или иной форме, согласия значительной части населения, наличия настроений в поддержку новой власти. Напротив, утрата власти связана с недовольством большинства, с развитием массовых оппозиционных настроений.

Суммируя, можно заключить, что все основные компоненты политической системы в той или иной степени связаны с массовыми настроениями. Государство — поскольку оно вынуждено считаться с такими настроениями и включать в себя определенные институты воздействия на них. Политические партии — поскольку они формируются на основе и для выражения тех или иных достаточно массовых настроений. Те же причины связывают с настроениями общественные организации. Однако особое значение настроения имеют для такого важного компонента политической системы, каким являются массовые общественно-политические движения. Анализ показывает, что подавляющим большинством исследователей возникновение и развитие таких движений связывается, прежде всего, с недостаточно осознанными, настроенческими факторами.

Проведенная таким образом теоретико-методологическая работа демонстрирует: понятие «массовые политические настроения» вписывается в ряд общепринятых в политической науке понятий и категории. Рассмотрение как субкатегории по отношению к ряду понятий свидетельствует об их общей роли в развитии многих политических явлений. Массовые настроения относятся к политико-психологическому пласту механизмов, которые связаны с политикой как особой деятельностью значительных масс людей. Они обеспечивают политику как деятельность со стороны ее субъекта.

НАСТРОЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Оттолкнемся от результатов общепсихологического анализа природы настроений на уровне отдельного индивида— тогда яснее станут варианты социально-психологического понимания массовых, прежде всего общественных настроений, а также различные подходы к выработке политико-психологического видения массовых настроений,

В рамках общей психологии индивидуальные настроения рассматривались с разных точек зрения. Долгое время доминировали психофизиологические акценты, при которых настроения оказывались «абстракцией от однородных чувственных тонов представлений и ощущений»[182] или «выражением коркового самочувствия»[183]. С другой стороны, умножались описания «специфических настроений», выражавших «особенности тех или иных народов». Одно из наиболее точных психологических описаний настроения дал А.Н. Леонтьев: «День, наполненный множеством событий, казалось бы, вполне успешных, тем не менее может испортить человеку настроение, оставить у него некий неприятный осадок. На фоне забот дня этот осадок едва замечается. Но вот наступает минута, когда человек как бы оглядывается и мысленно перебирает впечатления прожитого дня. И вот в ту минуту, когда в памяти всплывает определенное событие, его настроение приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий на то, что именно данное событие и оставило у него эмоциональный осадок»[184].

Современная общая психология определяет настроение как определенное психическое состояние, интегрирующее влияние объективных событий на их субъективное переживание[185]. В рамках деятельностной трактовки в отечественной психологии это — высший уровень субъективного осмысливания (как процесса наделения субъективными смыслами) чего-то объективного. Это своего рода «пред-сознание», «чувственная подкладка», «ближайший резерв» сознания один из сильнейших регуляторов субъективной психической жизни. В основе настроений, с данной точки зрения, лежат потребности человека; это особая сигнальная реакция, указывающая на расхождение потребностей с реальными условиями жизни и возможностями индивида. Сходных взглядов придерживаются и другие направления. Так, в школе топологической психологии К. Левина было введено понятие «притязания». Этот порождаемый потребностями фактор определяет настроенность субъекта на успех или неудачу действий, в том числе социально-политической направленности. В целом, в общепсихологическом ракурсе настроения хорошо исследованы прежде всего как мотивационный фактор индивидуального поведения.

В социально-психологических направлениях главным было установление собственно социальной специфики тех или иных настроений. Западные исследователи по преимуществу связывали ее с социальным поведением индивида и его влиянием на общество. Так, М. Дойч объяснял социальную апатию, как результат переживания индивидами субъективной вероятности неудачи перед лицом сложных социально-политических проблем и, соответственно, снижения уровня притязаний, не оставляющего надежд на успех в революционной борьбе[186]. Отечественные исследователи, напротив, в основном искали социальную природу настроений во влиянии общества на человека, рассматривая этот вопрос с трех основных точек зрения.

Во-первых, социальные по генезису настроения, охватывающие те или иные социальные группы и слои, представлялись итогом социализации субъекта таких настроений, следствием его принадлежности к определенной группе, слою или социально-политической системе. В этом русле настроения рассматрива-

---

[182] *Циген Т.Ф.* Физиологическая психология. — СПб., 1909. — С. 220.
[183] Викторов *П.* Учение о личности и настроениях-— М., 1903. – С. 5.
[184] Леонтьев *А.Н.* Деятельность и личность. // Вопросы философии. — 1974. — № 5. — С. 70.
[185] Там же.— С. 65—78.
[186] *Deiitsch M.* Field Theory in Social Psychology. — Handbook o Social Psychology.— N. Y., 1968. — P. 337—360.

лись как особое «сопереживание» (совместное переживание) людьми проблем той общности, членами которой они являются. Так в отечественной социальной психологии и возникло пресловутое «общественное настроение», которое оказывалось одновременно и эмоциональным отражением, и нормативным отношением, существующем в обществе. В такой трактовке общественные настроения были как бы предписаны субъекту социально-классовой природой общества и носили ролевой характер: он должен был испытывать их почти в обязательном порядке как член той или иной группы, слоя, организации.

Во-вторых, настроения рассматривались как социальные по своему содержанию. Исходя из мысли Г.В. Плеханова о том, что «всякая данная «идеология»... выражает собой стремления и настроения данного общества или... общественного класса»[187], общественные настроения трактовались в социологически ориентированной отечественной социальной психологии как особые, не связанные с индивидуальными явления, определяемые идеологическими факторами. Это усиливало их нормативно-заданный характер.

В-третьих, настроения рассматривались рядом отечественных направлений как социальные по своему субъекту. И тогда, в соответствии с общей нормативной направленностью, они превращались в «настроение всего общества», являющееся слагаемым некой «общественной атмосферы».

Теперь уже очевидно, что подобные обобщенно-социологические взгляды вели к недооценке реальной роли и неточному пониманию природы массовых настроений, переживаемых людьми в социально-политической жизни. В ней сосуществуют «общественные настроения», но иного плана — представляющие собой идеальные требования, которые предъявляет общественная система (включая группу, организацию и т. п. — набор социальных ролей), и реальные массовые настроения. Последние возникают и развиваются как специфические переживания теми или иными множествами людей степени соответствия идеальных норм — реальным жизненным возможностям их овеществления. Согласно отечественным вариантам интеракционистского направления, усваивая «общественные настроения» на уровне ролевых обязанностей, люди переживают их по-разному, в зависимости от того, подкрепляются ли нормы и идеалы социально-политической системы условиями непосредственного повседневного бытия людей. Так возникают реальные социально-психологические настроения, особые состяния, «связанные с осуществлением или неосуществимостью, с разными фазами борьбы за осуществление тех или иных надежд и чаяний, помыслов и замыслов»[188], направленные позитивно или негативно по от. ношению к социально-политическим условиям жизни. Такая направленность и определяет социальный характер настроений.

Обобщая взгляды разных школ и направлений, можно заключить, что с социально-психологической точки зрения настроения — это особый феномен, сущность которого состоит в переживании и наделении со стороны субъекта определенным смыслом его принадлежности к социальной системе. Они определяются степенью идентификации себя с социальной ролью, а в конечном счете — с системой. При такой трактовке настроения неизбежно приобретают социально-политическую окраску. Отражая степень удовлетворенности общественно-политическими условиями жизни, настроения приобретают специфическую политическую направленность и могут становиться массовыми. Тогда они выходят за рамки социально-психологического направления и нуждаются в специ-

---

[187] *Плеханов Г.В.* Сочинения. — Т. XIV. — М., 1925. — С. 183.
[188] *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – М., 1966. — С. 112.

альном политико-психологическом изучении. Таким образом, подойдя к пониманию роли настроений как фактора, опосредующего взаимоотношения людей и социально-политической системы, связанного с мотивацией массового поведения, социальная психология остановилась перед анализом их роли в политической деятельности. Это является бесспорной прерогативой политической психологии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ МАССОВЫХ НАСТРОЕНИИ

Оттолкнувшись от всего уже сказанного, рассмотрим теперь непосредственно политико-психологическую концепцию массовых политических настроении и их функционирования в политических процессах: природу этих настроений, их субъект, истоки возникновения, этапы и закономерности развития, основные виды и типы, функции настроений, способы воздействия на массовые политические настроения и возможности прогнозирования их развития в политике.

В политико-психологическом измерении **массовые политические настроения** — это однородная для достаточно большого множества людей субъективная, сложная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, особые переживания комфорта или дискомфорта, отражающие удовлетворенность или неудовлетворенность общими социально-политическими условиями жизни; субъективную оценку возможности реализации социально-политических притязаний при данных условиях; а также стремление к изменению условий ради осуществления притязаний. Это особые психические состояния, охватывающие значительные общности людей — состояния, переходные от непосредственных эмоций к более или менее осознанным мнениям, вырастающие из повседневных эмоций, но носящие более обобщенный в политическом отношении характер, рационализированные условиями политической жизни, ее нормами и устоями.

Массовые политические настроения представляют собой особый политико-психологический феномен, не сводимый к традиционно фигурирующему «общественному настроению». Они включают социально-нормативные (собственно «общественные»}, но и иные составлявшие, возникающие в результате переживания соответствия общественных нормативов реальной жизни. Подчас массовые настроения могут носить отчетливо антиобщественный характер: так, настроения недовольства, охватившие широкие массы населения России к 1917 г., отличались откровенно оппозиционной, деструктивной по отношении к господствовавшей общественно-политической системе направленностью. Если система, в меру своих возможностей, внедряла в общество выгодные для себя нормативные настроения, то снизу, в качестве реакции на них, вырастали противоположные реальные массовые настроения.

Природа настроений определяется тем, что они становятся заметными при расхождении двух факторов: притязаний (ожиданий) людей, связанных с общими для значительного множества, массовыми потребностями и интересами, с одной стороны, и реальных условий жизни — с другой. Активные настроения, своеобразная готовность к политическим действиям возникают тогда, когда притязания и ожидания людей вступают в конфликт с возможностями их удовлетворения, и это противоречие актуально переживается людьми. Это специфическое состояние сознания, предшествующая действиям психологическая реакция значительных общностей на рассогласование желаемого и действительного. Такая реакция в виде переживаний может принимать различные формы — от

ненависти к политическим силам, допустившим отставание жизненного уровня от потребностей масс, до восторга по отношению к тем силам, которые, напротив, обеспечивают рост возможностей осуществления массовых притязаний.

Особая форма — «пассивные настроения» типа безразличия и апатии, когда массы не верят в возможность преодоления разрыва между притязаниями и возможностями их достижения. Например, в свое время поражение русской революции 1905 г. на несколько лет создало ситуацию своеобразного паралича массовых притязаний и стремлений, лишенных опор в реальной жизни, утраты веры в себя, спада мотивации и активных политических действий» В целом же массовые политические настроения — это широкая субъективная оценка социально-политической действительности, как бы пропущенной сквозь призму интересов, потребностей, притязаний и ожиданий того или иного множества людей, массы.

Такие настроения быстро распространяются. Они заразительны. Над ними затруднен контроль со стороны сознания. Они легко и быстро соединяют людей, находящихся в сходном социально-политическом положении, порождая широкое чувство общности «мы», как правило, направленное против определенных «они», от которых зависит неустраивающее людей социально-политическое положение.

Возникновение массовых политических настроений связано со взаимодействием двух факторов: 1) объективного, предметного (реальная действительность), и 2) субъективного (разные представления людей о реальной действительности, различные ее оценки в свете интересов и потребностей). Выраженность настроений в обществе зависит прежде всего от степени однородности его социально-политической структуры. Чем дифференцированнее, плюралистичнее эта структура, тем больше выделяется различных групп, обладающих собственными потребностями и притязаниями, и каждая из них может иметь свои настроения. Чем сильнее, четче, яснее и однороднее представляются общественные отношения, тем более сжата социально-политическая структура и тем сильнее однородно-нормативный, «общественный» компонент настроений.

Выраженность настроений зависит, прежде всего, от степени очевидности расхождения потребностей и притязаний с предоставляемыми системой возможностями их удовлетворения, от несоответствия декларируемых прав и свобод — реальной действительности.

Развитие массовых политических настроений, как правило, носит циркулярный характер, напоминающий своеобразное «эмоциональное кружение»: одни и те же настроения, имеющие общую основу (обычно именно неудовлетворенные социально-политические притязания) воспроизводятся по определенному циклу вновь и вновь. С одной стороны, это двигатель развития (без неудовлетворенности нет мотивации деятельности). С другой — постоянный источник беспокойства для любой власти, вынужденной считаться с тем, что как только реальные условия жизни слишком оторвутся от притязаний, возникнут оппозиционные настроения недовольства этой властью. Исторические примеры показывают, что поиск массовой поддержки стремящимися к власти политическими силами на практике часто оборачивается своеобразным «взвинчиванием» притязаний масс: окрыленные надеждами, последние склонны отдавать власть тем, кто обещает достижение потребного. Однако, отрываясь от действительности, будучи необеспеченными реальным уровнем жизни, неосуществленные притязания порождают массовое недовольство, подрывающее позиции власти. В этом проявляется диалектика взаимоотношений массового политического сознания, в основании которого лежат настроения, связанных с ними динамичных полити-

ческих процессов, и социально-политических структур и институтов, стабилизирующих политическое устройство жизни.

Цикл развития массовых настроений обычно включает пять основных этапов: от глухого брожения и зарождения настроений — через их накопление и кристаллизацию — к максимальному подъему, проявляющемуся в политических действиях — затем к разрешению или спаду настроений, а в последнем случае, спустя время — к новому подъему.

Динамичность настроений связана не только со меной их направленности и интенсивности. Связана она и с быстротой перехода от настроений к осознанным мнениям, оценкам и действиям. В политико-психологическом отношении эта динамика выражается уровнями экспрессивности настроений, проявляющимися а) в том, чего люди хотят и молчаливо переживают, б) на что надеются и способны выразить вербально, в) в принципе готовы отстаивать, г) привыкли считать своим и ни за что не отдадут.

Субъектом политических настроений является масса как совокупность людей, сплоченных общими переживаниями. Это особое объединение по функциональному признаку, формирующееся на основе общих действий и факторов, побуждающих к таким действиям. Последние не всегда непосредственно следуют из классических представлений об особенностях того или иного слоя, группы или класса. Понятие «масса» менее определенно и более ситуативно, чем названные общности — в массу объединяются разные люди из разных групп, охваченные в тот или иной момент действием общих политико-психологических факторов.

Зарождаясь в отдельных группах и слоях, настроения чрезвычайно быстро распространяются и сами формируют массу в качестве своего субъекта. Так, например, в ходе революции «рабочая масса» может быстро превратиться в массу-«большинство всех эксплуатируемых». Особенно ярко это проявляется в ходе радикальных политических перемен, политических кризисов. В более спокойных ситуациях, когда в рамках политической системы функционируют разнообразные не слишком выраженные настроения, их субъект представлен относительно локально. В наиболее конкретном выражении — в виде толпы. В более сложном случае — в виде, например, массовых движений или «средних слоев» с типичной для них размытостью социального сознания и большой податливостью настроенческим факторам.

В политике существует и проявляется значительное число разных **видов** массовых настроений. Их можно классифицировать и типологизировать по многим основаниям. На практике преобладают конкретно-исторические подходы к выделению видов настроений, основанные на политической оценке реальных и желательных, потенциальных последствий настроений — тех или иных массовых политических действии. Исходя из этого выделяются, например, революционные и контрреволюционные, фашистские и антифашистские и т. п. пары-антагонисты. При наличии определенных практических выгод такой подход нельзя принять как исчерпывающий. Возможен и более сложный путь, при котором последствия тех или иных настроений оцениваются не с позиций конкретной политико-идеологической ситуации, а в общечеловеческом измерении. Степень соответствия настроений и вызываемых ими действий общечеловеческим интересам подразделяет их на прогрессивные и реакционные.

Возможен, однако, и принципиально иной подход. В политологическом ракурсе более продуктивно, не фиксируясь на проблеме оценок (что почти неизбежно при подразделении политических феноменов), рассматривать массовые настроения с функциональной точки зрения, разделяя в зависимости от роли,

которую они играют в конкретных политических процессах. Такой подход носит соотносительный, процессуальный характер. Он учитывает, что направленность настроений определяется их идеологическим оформлением — соответственно, их оценка зависит от совпадения или расхождения политико-идеологических позиций субъекта настроений, с одной стороны, и субъекта оценки — с другой.

Природа настроений двойственна. С одной стороны, они являются отражением реальной жизни. С другой же, они развиваются по законам массовой психологии, влияя на реальность. С одной стороны, они лежат в основе идеологии, с другой — весьма податливы идеологическому воздействию. В политике оценка и выделение видов настроений обычно связаны с тем, «за» и «против» кого они направлены. Но одно и то же событие, явление или процесс могут вызывать разную, подчас противоположную настроенческую реакцию — все зависит от информированности людей и оттого, кто и куда сумел направить массовую психологию, придать ей нужную окраску и воспользоваться существующей интенсивностью, например, массового недовольства.

В процессуальной трактовке выделяются **основные функции** массовых политических настроений, а разновидности последних рассматриваются, прежде всего, как отдельные механизмы осуществления данных функций. Это не исключает содержательно-оцепочных классификаций, но подчиняет их в качестве вторичных, детализирующих функциональный подход применительно к конкретным политическим ситуациям. Главная функция массовых политических настроений — функция субъективного обеспечения динамики политических процессов, осуществляется через политико-психологическую подготовку, формирование и мотивационное обеспечение политическихдействийдостаточно больших человеческих общностей. Это достигается за счет объединения людей в массу на основе общих настроенческих переживаний — функция формирования субъекта потенциальных политических действий и, соответственно, настроения, формирующие потенциально-действенные общности (например, массовые движения). Сплачивая массу, настроения опредмечиваются в массовых действиях — функция инициирования и регуляции политического поведения посредством соответствующих вариантов настроений (например, ведущих к модификации политической системы). Помимо названных, в более длительной перспективе определенные настроения осуществляют важную функцию стратегической политико-психологической оценки, формируя долгосрочное отношение к политической реальности, способ ее осмысления — например, то или иное политическое мышление.

Возможности воздействия на массовые настроения лежат в двух плоскостях. С одной стороны, в истории политики отработаны средства влияния на притязания и ожидания людей. С другой стороны, эффективным является влияние на возможности осуществления притязаний в реальной действительности. Комплексное политическое воздействие складывается из двух основных компонентов: пропаганди-стско-идеологического (манипуляция притязаниями) и социально-политического, включая социально-экономическое (манипуляция уровнем реальной жизни). Стабилизация настроений связана с уравновешиванием притязаний и возможностей их достижения. Отставание возможностей достижения ведет к росту недовольства. Совпадение притязаний и возможностей, реальное или иллюзорное, вызывает рост массового энтузиазма».

Успешное воздействие должно опираться на анализ, включающий:

1) инвентаризацию имеющихся в политической системе настроений и их направленности (о ней судят по степени расхождения реальных массовых на-

строений с нормативно-«общественными»), что позволяет оценить степень политико-психологического единства общества как совокупности про- и антисистемных настроений;

2) оценку содержания доминирующих настроений как с точки зрения конкретной политической ситуации, так и с общечеловеческих позиций — в первом случае исходят из интересов системы и действующих в ней сил, во втором — из общечеловеческих интересов;

3) причины возникновения настроений — выясняется их связь с притязаниями той или иной общности и возможности их удовлетворения как в настоящий момент, так и в будущем;

4) стадии развития настроений, степень их выраженности и интенсивности, вероятности перерастания в массовые политические действия;

5) широту охвата, степень массовости, распространенность в наиболее влиятельных политических общностях.

Анализ по данным позициям позволяет оценить в целом вероятность опредмечивания настроений в политическом поведении; характер действий масс, их содержание и направленность; масштабы и возможные политические последствия воздействия на настроения.

Прогноз перспектив развития тех или иных массовых политических настроений — сложная проблема. Он возможен при условии учета значительного числа факторов, влияющих на динамику настроений. Наиболее адекватным прогностическим методом является разработка политико-психологических сценариев по схеме: «если....то...». Сценарии такого рода строятся по принципу аналогий, отталкиваясь от более или менее близкого в политическом плане «плацдарма прогноза». Построение сценария, основанное на экспертных оценках, сводится к созданию особого рода «проблемно-факторной сети», образуемой факторами-переменными, влияющими на развитие настроений, и имеет выход на компьютерное моделирование политических процессов. Такого рода прогнозы-сценарии наиболее адекватны для задач долгосрочного прогнозирования:

Будучи вероятностными, они имеют прежде всего концептуальное значение. В отдельных случаях, однако, возможно и получение оперативной прогностической информации.

МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

В общем виде под массовым политическим движением понимается появление и широкое функционирование таких политических сил, которые пытаются изменить существующие условия жизни в обществе или закрепить их путем оказанию влияния на политические институты или же путем широкой борьбы за власть. Движение — это всегда некое (в данном случае политическое) совместное стремление людей к реализации общей цели- Основой для появления такого массового явного стремления является наличие неудовлетворенных притязаний, появление недовольства — определенных массовых политических настроений. Накапливаясь и развиваясь, такие настроения объединяют людей и ведут их к определенным действиям. Оформляясь идеологически и организационно, движения, соединяющие массу охваченных однородными настроениями людей, вносят новые элементы в политические отношения и процессы, организации и структуры.

Рассмотрим роль массовых настроений в динамике трех видов наиболее часто встречающихся политических движений: леворадикального, реформист-

ского и праворадикального. **Леворадикальные движения** обычно развиваются на основе того, что массы, испытывая значительное недовольство вследствие большого расхождения притязаний и возможностей их реализации, начинают усматривать перспективы выхода в достижении новых, еще более высоких притязаний, которым подчиняют свое поведение, направляя его на отрицание прошлого и разрушение существующего порядка ради некоего желанного будущего («Весь мир насилия мы разрушим...»).

Для того, чтобы подобные настроения стали массовыми, обычно необходимо, во-первых, чтобы разрыв притязаний и реальности был очевиден, а во-вторых, не оставлял надежд на сколь-нибудь быстрое улучшение ситуации. Выражая резко негативное, деструктивное недовольство, массовые настроения такого рода обычно направлены в будущее, обосновывая необходимость радикальных действий новыми притязаниями или новыми возможностями реализации потребностей («..кто был никем, тот станет всем»). Обычно это критические по отношению к прошлому и настоящему, но оптимистические в отношении будущего настроения. Они развиваются циклически, достигая значительной интенсивности. При наличии умеющих воспользоваться такими настроениями политических и идеологических сил, могут возникать революционные движения. При отсутствии или слабости таких сил, левый радикализм может сводиться к отдельным террористическим, бунтарским акциям. Механизм проявления массовых настроений в леворадикальных движениях хорошо прослеживается на примерах развития революционного движения в России начала века и динамики левого радикализма в некоторых странах Западной Европы в конце 70-х — 80-х гг.

Массовые настроения, лежащие в основе **реформистских движений**, формируют субъекта политического поведения особого рода — субъекта относительной политической стабильности. По своей политико-психологической сути, это эволюционные движения: действия включенных в них масс направлены обычно на постепенное совершенствование социально-политической системы при сохранении ее в целом стабильного состояния. Реформистские движения, основываясь на не очень значительном расхождении притязаний и возможностей их реализации, вызывающем настроения умеренного недовольства, направляют его на постепенное улучшение существующих порядков в целях уменьшения данного расхождения. Реформизм основан на стремлении к стабилизации настроений прежде всего эволюционными, постепенными усилиями. Особенностями настроений, лежащих в основе реформистских движений, являются, во-первых, умеренно-негативная оценка реальной ситуации, своеобразное конструктивное недовольство, а во-вторых, столь же умеренная позитивная оценка возможных в будущем перемен. Последнее определяется конкретными ожиданиями не принципиально новых, а лишь несколько больших возможностей реализации постепенно растущих притязаний в рамках существующей социально-политической системы. Обычно такие настроения носят конструктивно-критический характер по отношению к настоящему и умеренно-оптимистический — по отношении к будущему.

Примеры вариантов борьбы разных групп населения за свои права в западных странах показывают, что сдерживание настроений недовольства в реформистских, до-радикалистских формах осуществляется двумя основными путями. С одной стороны, усилиями направленными на определенный подъем уровня жизни, расширением социально-политических прав трудящихся. С другой — усилиями, направленными на ограничение уровня притязаний масс. Разные социально-политические силы заинтересованы в разнонаправленных изменениях. За

счет этого, однако, в рамках реформизма возникает определенный баланс интересов, стабилизирующий массовые настроения и способствующий психологической саморегуляции политической жизни. Это легко демонстрируется на примере ряда общедемократических движений.

В основе **праворадикальных движений** обычно лежат настроения крайнего недовольства реальной ситуацией и возможными перспективами ее развития. Одновременно с явным недовольством, истоком данных настроений является позитивная оценка такой потенциальной ситуации, которая связана с реставрацией старых, традиционных и апробированных притязаний и испытанных возможностей их достижения. Это критические по отношении к настоящему, но оптимистические в отношении прошлого и перспектив его возвращения настроения, формирующие субъекта консервативных движений, целями которых является реставрация тех или иных аспектов прошлого. С политико-психологической точки зрения, особенностью правого радикализма является то, что настроения недовольства существующей реальностью направляются консервативными силами в сторону их разрядки и быстрого удовлетворения. На примерах германского фашизма и ряда современных вариантов правого радикализма отчетливо видно: такие движения увлекают настроения людей возможностями легкого и быстрого удовлетворения имеющихся притязаний. Упрощая потребности и способы их реализации, такие движения создают иллюзию стабильности, психологически избавляя людей от настроений беспокойства.

МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ И МОДИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Выступая в качестве механизма инициирования и регуляции политического поведения, настроения, овладевая массами, могут вести к изменениям в стержневом звене политической системы — в институтах и функциях власти и политического управления. На практике это обычно вызывает перемены в государственном устройстве, связанные с формой правления, со сменой власти, со значительными политическими реформами или даже изменением политического строя. Рассмотрим три показательных случая. Подобное влияние массовых настроений наиболее заметно на примерах переходов от буржуазно-демократического парламентского режима — к авторитарной военной диктатуре и движение в обратном направлении (события в Чили в 70-е — 80-е гг.), от монархии — к «исламской республике» (Иран конца 70-х гг.), а также начала политических реформ в СССР (вторая половина 80-х гг.), направленных на создание правового государства на базе гражданского общества — то, что принято называть «горбачевской перестройкой».

Массовые настроения в Чили в 70-80-е гг. ярко показали особенности влияния динамичных, быстро развивающихся разнонаправленных настроений на соответствующие по темпам изменения в политической системе и зависимость последней от динамики массовых настроений. Значительные политические перемены — приход к власти левых сил в 1970 г.; установление диктатуры в 1973 г.; победа демократов на референдуме 1988 г. и последующие события — были отражением прежде всего нестабильной массовой психологии общества.

Незначительный перевес тех или иных сил в тот или иной период определялся именно колебаниями настроений. Последние, имея неустойчивый в целом характер, склонялись то в одну, то в другую сторону, что влекло за собой серьезные социально-политические перемены. Динамичность изменений облегчалась тем, что настроения не успевали стабилизироваться.

Данный пример показывает, что долговечность того или иного режима определяется, в значительной степени, ресурсами в сфере управления массовыми настроениями. Усиленное стимулирование притязаний помогло левым силам во главе с С. Альенде придти власти, однако отсутствие должных, прежде всего, экономических ресурсов не позволило обеспечить их реализацию. Возникшее недовольство использовали правые силы. Диктатура достаточно долго удерживала власть во многом за счет усилий по стабилизации настроений, добиваясь определенного удовлетворения основных социально-экономических нужд и притязаний населения. Однако неизбежное истощение ресурсов системы такого рода, в свою очередь, привело к росту оппозиционных настроений и очередной трансформации политической системы. Классическая иллюстрация — знаменитые «демонстрации домохозяек». Чилийские женщины, бьющие ложками в дно пустые кастрюль, двумя потоками прошли через столицу страны. В первый раз это стало прелюдией к путчу А. Пиночета и привело к падению левого правительства С. Альенде. Однако второй раз точно такие же демонстрации стали прелюдией к уходу от власти А. Пиночета. Для домохозяек не имело большого значения, левые или правые правили страной — ситуацию решали массовые настроения, возникавшие на дне пустых кастрюль.

События в Иране конца 70-х гг. — другой пример влияния на политическую систему однородного настроения, овладевшего подавляющим большинством общества. Определяя состояние массового политиче-ского сознания и соответствующее ему массовое политическое поведение, оно привело к ликвидации мо нархии. Тем самым, были устранены основные внешние причины, вызывавшие массовое недовольство — и данное настроение иссякло, достигнув своего разрешения. Бегство шаха и возвращение в страну имама Р. Хомейни разрядило все накопившееся недовольство. Однако в возникающей ситуации такого рода обычно оставшиеся нереализованными притязания стимулируют развитие новых массовых настроений — теперь ужо не деструктивного, а конструктивного характера. Возникает настроенческий плюрализм выбора путей дальнейшего развития, влияющий на формирование новой политической системы, однако подобное влияние носит постепенно ограничиваемый характер: по мере становления и укрепления новая политическая система создает специализированные институты контроля над массовой психологией. Теократические силы Ирана, воспользовавшись массовыми настроениями недовольства шахским режимом, смогли построить соответствующую своим представлениям систему власти, после чего подчинили ей массовые настроения.

Особым примером влияния массовых настроении на модификацию политической системы является *горбачевская перестройка в СССР конца 80-х гг.* Ее специфика с политико-психологической точки зрения состояла в том, что изменения системы первоначально начались при отсутствии массовых настроений, вынуждающих к такого рода переменам. Данный пример демонстрирует способность политической системы к попытке самообновления на основе предвидения и стимуляции появления потенциальных массовых настроений. Эпоха сталинизма и период застоя создавали объективные предпосылки для значительного недовольства людей. Однако расхождение между формировавшимися прежде всего пропагандой высокими притязаниями и постепенно ухудшавшимися возможностями их реализации не осознавалось инерционным массовым политическим сознанием. Многим, прежде всего западным аналитикам было ясно, что ситуация чревата накоплением неудовлетворенности, могущей привести к радикально-деструктивному массовому политическому поведению. Исходя из этого, первые годы перестройки можно рассматривать как превентивную ак-

цию социально-политической системы, целью которой была попытка предотвращения массового недовольства, формирования конструктивно-критических настроений. Была создана возможность вербальной канализации оппозиционных системе настроений (гласность) и осуществлена попытка формирования механизма сдерживания настроений неудовлетворенности. Он включал два звена: во-первых, снижение уровня притязаний населения; во-вторых, усилия по расширению возможностей реализации потребностей в разных сферах («ускорение», а затем даже «реформы»).

Однако ход перестройки показал, что возможности контроля над массовыми настроениями в условиях самообновления политической системы ограничены. Реформы в ситуациях такого рода порождают значительные массовые ожидания, резко превышающие возможности системы удовлетворить их. Вместо стабилизации настроений идет их плюрализация на основе теперь уже плохо сдерживаемого системой всеобщего недовольства, возникающего по разнообразным причинах. В результате, появляются признаки капитальной дестабилизации всей системы, и последняя попадает в зависимость от ею же инициированных процессов. Попьггка модификации, вызвав нарушение прежней настроенческой нормативной стабильности общества, заставляет систему ускорять процессы обновления под угрозой полной утраты возможностей управления массовыми настроениями и дестабилизации социально-политической жизни в результате разнонаправленного политического поведения значительных масс людей. В итоге недостаточно точного прогнозирования и откровенно неумелого управления данными процессами, это ведет к дезинтеграции и краху всей системы.

NB

1. В историческом развитии, как и в современных условиях, достаточно наглядно действие особого феномена массовых политических настроений, оказывающего заметное влияние на динамичные политические процессы. В массовом выражении политические настроения начали активно и относительно постоянно проявляться в политике достаточно давно. Ускорение темпов исторического развития, повышение его динамичности влечет за собой все более отчетливое усиление роли массовых настроений. Современные условия внесли ряд качественных изменений в психологию масс, как субъекта политических процессов. При общем росте информированности и развитии сознания, идет процесс нарастания импульсивности массового поведения. Это связано с изменениями условий производства и жизни в период научно-технической революции, характера потребностей и возможностей их удовлетворения, а также нарастающим общим динамизмом бытия.
2. В ряду традиционных понятий и категорий политической науки свое место занимает понятие «массовые политические настроения». Оно легко и естественно вписывается в категориальную систему политических наук. Специальный методологический анализ показывает, что понятие «массовые политические настроения» выступает в качестве субкатегории по отношению к таким понятиям как «политическое сознание» (онтологическая связь основана на том, что настроения — форма функционирования массового политического сознания на обыденном уровне, а также первичный, эмоционально-оценочный, а иногда непосредственно действенный компонент такого сознания); «политическая

культура» (настроения включены в последнюю, как компонент актуального политического сознания, его прежних вариантов, и как идеологический прообраз будущего сознания); «политическое поведение» (являясь механизмом инициирования и регуляции такого поведения); «политическая система» (служа субъективной основой функционирования как отдельных стержневых элементов, так и всей системы в целом). Массовые настроения относятся к политико-психологическому пласту механизмов, связанных с политикой как деятельностью значительных масс людей и обеспечивающих мотивационную сторону этой деятельности.

3. В рамках политической психологии массовые настроения рассматриваются как особые психические состояния, каждое из которых можно определить как однородную для достаточно большого множества людей субъективную реакцию, отражающую удовлетворенность социально-политическими условиями жизни; оценку возможностей реализации социально-политических притязаний; стремление к изменению условий ради осуществления притязаний. Природа настроений связана со взаимоотношением притязаний (ожиданий) людей и реальных условий жизни. Это специфическая реакция на рассогласование потребного и наличного. Субъектом массовых настроений является общность людей, объединенных единым переживанием. Зарождаясь в конкретных социальных группах и слоях, настроения быстро распространяются, формируя специфические по своим характеристикам массы в качестве собственных субъектов тех или иных настроений. В достаточно конкретном выражении это толпа, в более широком — массовое движение, в экстремальном — большинство общества, охваченное однородным политическим настроением. Истоки развития настроений связаны с разными субъективными оценками реальной действительности, которые могут совпадать, порождая массовые явления, когда одинаково оцениваются значимые для многих людей события. Развитие настроений носит циркулярный характер. Динамика развития связана со сменой направленности, интенсивности и экспрессивности. Функциональный подход позволяет подразделять настроения в зависимости от тех конкретных функций, которые они выполняют в политических процессах. В соответствии с практической политической значимостью и очевидностью проявления можно выделить 1) функцию формирования субъекта потенциальных действий и, соответственно, настроения, формирующие потенциально-действенные общности (например, массовые движения); 2) функцию инициирования и регуляции массового политического поведения и соответствующие настроения (например, приводящие к модификации политической системы); 3) функцию политико-психологической оценки и, соответственно, сигнально-оценочные настроения, лежащие в основе отношения к политической реальности и политического сознания (например, нового политического мышления). Возможности воздействия на массовые настроения связаны с изменением притязаний и возможностей их реализации. Стабилизация позитивных настроений достигается за счет уравновешивания первого и второго. Отставание возможностей реализации вызывает недовольство. Их совпадение с притязаниями, а тем более опережение — подъем позитивных массовых настроений.

4. Массовые политические настроения, выполняя функцию формирования субъекта потенциального политического действия, сплачивают людей совместным переживанием расхождения притязаний и возможностей их достижения, а также позитивной оценкой вероятности реализации притязаний посредством определенных действий. Основываясь на расхождении потребностей и возможностей (недовольство), настроения, лежащие в основе массовых движений, различаются интенсивностью негативной оценки существующей ситуации, отношением к прошлому и будущему, а также оценкой направленности необходимых действий. В леворадикальных движениях доминируют сверхвысокие новые притязания, которым подчинено все поведение, направленное на отрицание ради развития. В реформистских умеренные притязания определяют умеренные поступательные действия. В праворадикальных доминируют уже достигавшиеся (реально или иллюзорно) притязания, редуцирующие поведение во временном (возврат к прошлому) и содержательном («простые пути») отношении.
5. Осуществляя функцию инициирования и регуляции политического поведения, массовые настроения вызывают процессы модификации политической системы двумя путями: либо «снизу», выделяя политическую силу, способную оформить настроения повести за собой массы; либо «сверху», побуждая правящие круги к реформам системы. В динамично в настроенческом отношении обществе даже незначительное преобладание настроений недовольства вызывает резкие изменения политической системы. В относительно статичном — необходима схваченность однородным настроением подавляющего большинства членов общества, что ведет к радикальному слому прежней системы и достаточно быстрой консолидации настроений по ходу формирования новой политической системы. Особым случаем является попытка самообновления системы тоталитарного типа, разрушающая настроенческую однородность в целях избегания ее спонтанного саморазрушения: идя на перестройку под влиянием предвосхищаемого давления массовых настроений, такая система попадает в зависимость от ей же инициированных процессов и оказывается вынужденной ускорять и углублять преобразования под угрозой нарастающего давления теперь уже реальных настроений недовольства.

Для семинаров и рефератов

1. Ольшанский *Д.В.* Массовые настроения в политике, — М., 1995.
2. Политология: Энциклопедический словарь. — М., 1993.
3. *Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. — М., 1966.
4. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. — М., 1979.
5. *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969.
6. *Стефанов И.Н.* Общественното настроение. Същност и формиране. — София, 1975.
7. *Davies J.* Human Nature in Politics. The Dynamics of Political Behaviour. — Westport, 1972.
8. Marsh A. Protest and Political Consciousness. — L., 1978.

Глава 11

ПСИХОЛОГИЯ СТИХИЙНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

Стихийные массовые явления в политике. Проблема стихийного политического поведения, его настроенческая и ситуативная обусловленность. Основные признаки стихийного поведения. Общие механизмы стихийного поведения: «циркулярная реакция», «эмоциональное кружение», появление общего объекта внимания и импульсивные действия по отношению к нему.

Основные виды субъектов стихийного поведения. Толпа и закономерности ее поведения. Человек в толпе, модификация его сознания и поведения. Виды толпы и их политико-психологическая трансформация. Проблема контроля за поведением толпы и управления им. Некоторые специфические черты митинга и демонстрации как проявлений политического поведения толпы и способы борьбы с ними.

«Собранная публика» и особенности ее поведения. Психологические особенности политических собраний и заседаний. Психология политических партий и общественно-политических движений.

«Несобранная» публика и особенности ее поведения. Электоральное поведение граждан.

Основные формы стихийного поведения. Паника и панические настроения в политике. Основные причины и факторы, усиливающие паническое поведение. Панический ажиотаж. Психологические механизмы возникновения, развития и прекращения паники.

Агрессия и агрессивные настроения в политике. Основные причины и факторы, усиливающие агрессивное поведение. Агрессивный ажиотаж. Психологические механизмы возникновения, развития и снижения уровня агрессии.

Политическая психология различает две основные формы поведения людей. С одной стороны, это повеление, полностью или в основном зависящее от собственной воли и сознания индивидов — произвольное, осознанное, рациональное поведение. С другой стороны, — поведение, зависящее не от самих индивидов, а от тех форм, в которых проявления свободы воли или желаний индивида оказываются, в той или иной степени, ограниченными прямым или косвенным влиянием других людей или обстоятельств. В последнем случае иногда принято говорить о вынужденном (обусловленным внешним давлением), а чаще, о стихийном поведении.

Вернемся к одной из предыдущих глав. Как там уже говорилось, стихийное или еще называемое «внеколлективным» и «внегрупповым» политическое поведение значительных масс людей (или «человеческих агрегатов») — это неорганизованное, но аналогичное (подчас тождественное, хотя и не всегда полностью одинаковое), и сравнительно необычное поведение большого количества людей, проявляющееся, прежде всего, именно в политической сфере.

Анализ массового стихийного поведения подразумевает два основных направления. Во-первых, это детальное рассмотрение конкретных практических субъектов такого стихийного поведения. К конкретным субъектам такого рода обычно относятся три вида массовых общностей:

1) толпа;
2) «собранная публика»;
3) «несобранная» публика.

Как мы видим, эти и есть три наиболее конкретные формы проявления массового политического поведения, подробно рассмотренного в главе 7. Там, однако, мы их только обозначили в рамках более теоретического, чем практического анализа. Теперь наступает время их детального предметного исследования.

Во-вторых, это специальное рассмотрение основных наиболее демонстративных форм проявления стихийного поведения. К таким формам относятся, прежде всего, две — хотя бы в силу их максимальной заметности и опасности возникающих в результате последствий. Во-первых, это стихийная массовая паника. Во-вторых, это столь же стихийная массовая агрессия. При всей своей внешней противоположности, данные формы стихийного социально-политического поведения имеют и много общего с точки зрения своих психологических механизмов.

Поведение групп, обозначаемых в толковых словарях разных языков мира как «множество сошедшихся вместе людей», «скопище», «сборище» или «нестройное, неорганизованное скопление людей», часто имеет очень серьезные последствия для политической жизни общества.

ОБЩИЕ МЕХАНИЗМЫ СТИХИЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Среди таких механизмов, способствующих возникновению и развитию стихийных форм массового поведения, одним из важнейших является так называемая **«циркулярная реакция»**[189]. Используем бытовой пример. Войдя в комнату, где только что был рассказан анекдот, и все присутствующие громко смеются, вы, как правило, поддаетесь общему веселому настроению, хотя причины смеха вам неизвестны. Вы улыбаетесь так, будто услышали и поняли шутку. Причиной вашего смеха является эмоциональная стимуляция со стороны теперь уже отсмеявшихся людей, осуществляемая на бессознательном, психофизическом уровне. Самое интересное заключается в том, что взрыв вашего смеха, совпадая с угасанием смеха других, вызывает новый взрыв смеха с их стороны. Теперь они смеются уже над вашей, с их точки зрения, неадекватной реакцией. Слыша этот смех, в свою очередь, вы вновь начинаете смеяться.

Это — примитивнейший пример того, что в психологии эмоций называют «циркулярной реакцией». Та или иная эмоция, подхватываясь другими людьми, обычно возвращается к вам как бы по кругу. Так она может циркулировать определенное время, и это — первый этап формирования эмоциональной общности.

Процесс циркуляции может прерываться, и тогда эмоция постепенно сойдет на нет. Однако при включении в общность новых людей она будет каждый раз как бы воспроизводиться заново. Это происходит в тех случаях, когда эмоция и ее повод достаточно актуальны и значимы для людей. Тем самым обеспечивается второй этап — своеобразное **«эмоциональное кружение»** данного психофизического состояния. Его суть проста: в стихийно складывающейся общности та или иная эмоция как бы ходит по кругу, непрерывно поддерживая и усиливая сама себя. Это этап эмоционального самоиндуцирования такой общности. Так, собственно, и складываются стихийные эмоциональные общности — за счет хоть быстрого проговаривания пионерских «речевок», хоть распевания

---

[189] Подробный анализ данных механизмов был проделан в ряде работ Ю.А. Шерковиным. В частности, см. написанные им разделы в учебниках: Социальная психология.— М., 1975.— С. 281—293; Основы социальной психологии и пропаганды. М., 1982.— *С* 136—143.

солдатских маршей или национальных гимнов, хоть скандирования «Спартак — чемпион!» с непременным припевом; *«Оле, оле, оле, оле!»*.

«Циркулярная реакция» ведет к ситуационному стиранию индивидуальных различий. Все хохочут, причем все сильнее, просто потому, что хохочут. Поведение и эмоциональное состояние каждого из индивидов определяются уже не столько их рациональной интерпретацией обстановки, сколько поведением и эмоциями окружающих. Поддержание и развитие эмоций зависит от появления новых индивидов, которые поневоле заражаются данным состоянием. В предельном выражении, даже данный пример может привести к полному вырождению данной группы людей в однородную аморфную массу, бессознательно реагирующую на некоторые стимулы одинаковым образом — заливистым смехом. Резкое снижение критичности по мере усиления эмоционального кружения означает, что нарастающая внушаемость индивидов по отношению к воздействиям, исходящим изнутри общности, сочетается с утратой способности воспринимать более рациональные сообщения, исходящие извне. Так данная общность становится «закрытой» и вполне самодостаточной в эмоциональном плане.

Третий этап действия механизмов стихийного проведения — **появление нового общего объекта внимания**, на котором фокусируются эмоциональные импульсы, чувства и воображение людей. Если первоначально общий объект интереса составляло возбуждающее событие, вызвавшее эмоциональную реакцию и удерживавшее около себя людей, то на данном этапе новым объектом становится образ, создаваемый в процессе «эмоционального кружения» и общения членов общности. Этот образ — продукт совместного творчества, он всеми разделяется и дает общую ориентацию, выступая в качестве объекта-побудителя совместного поведения. Возникновение такого, как правило, воображаемого, виртуального объекта становится фактором сплачивающим общность уже в единое целое.

Данный этап возникает при таком накале эмоционального состояния, когда у охваченных им людей возникает состояние готовности к реагированию на информацию, поступающую от присутствующих. Будучи некритично «закрытой» к информации извне, в этот момент члены общности «открываются» для эмпати-ческого, некритического восприятия и сопереживания внутренней информации. Эмоциональное напряжение возбужденных людей побуждает их к движению и общению друг с другом. В процессе же «эмоционального кружения» и продолжающейся «циркулярной реакции» напряжение нарастает. В итоге, возникает не просто предрасположенность, а глубокая эмоциональная потребность в совместных немедленных действиях.

Завершающий этап в формировании субъекта стихийного поведения — активизация членов общности через дополнительное стимулирование, путем возбуждения импульсов, соответствующих общему воображаемому объекту. Такое стимулирование обычно осуществляется на основе прямого внушения, Осуществляет его лидер общности. Тем самым, он непосредственно побуждает членов общности к конкретным, нужным ему действиям. Или, при отсутствии такого лидера, целенаправленного побуждения не происходит, и общность сама, стихийно находит для себя объект собственных непосредственных действий.

Особо следует подчеркнуть, что данные механизмы действуют не только на примере смеха. Им подчиняются и страх, и гнев, и другие негативные эмоции. За счет этого и возникают не только толпы сторонников «Спартака», но и панические, и агрессивные, и прочие виды подобных эмоциональных общностей.

Примеров действия описанных механизмов более чем достаточно. Это и подростковые шалости «со смехом без причины», и собрания религиозных сектантов, и традиционный «круговой танец» чеченских боевиков, являющийся непосредственным примером навязчивого эмоционального самоиндуцирования и почти принудительного эмоционально-действенного «кружения» в самом буквальном смысле.

ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ СТИХИЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Г. Лебон практически во всех своих трудах регулярно и уверенно утверждал, что принципиальной разницы в психологических механизмах стихийного массового политического поведения у разных видов субъектов такого поведения просто нет. Теоретически разделяя, прежде всего по внешне фиксируемому и предполагаемому объему входящих в них людей, три таких субъекта (толпу, а также публику, разделявшуюся на «собранную» и «несобранную»), он все равно сводил все эти три вида субъекта политического действия к одному — к толпе. Толпа, по твердому определению Г. Лебона, это не только внешне наблюдаемое на улице физическое скопление людей. Это могут быть и читатели в зале библиотеки — так называемая «потенциальная толпа». Тоже самое относится и к электорату или же к парламентской ассамблее, уверял Г. Лебон.

Впрочем, в истории науки были и другие точки зрения. При сохранении действия безусловно существующего ряда общих психологических механизмов, названные три разновидности субъекта стихийного проведения имеют и достаточные различия. Эти различия определяют своеобразие политических действий, что вполне оправдывает их раздельное рассмотрение.

ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ

Существует значительное множество попыток определения того, что же такое толпа. Ограничимся лищь несколькими такими определениями. Так, Я. Щепаньский, акцентируя прежде всего социологические признаки, считал, что толпа, в первую очередь, представляет собой «временное скопление большого числа людей на территории, допускающей непосредствененный контакт, спонтанно реагирующих на одни и те же стимулы сходным или идентичным образом»[190].

Согласно очень близкому, но все-таки более психологически точному определению Ю.А. Шерковина, толпа — это, прежде всего, «контактная внешне не организованная общность, отличающаяся высокой степенью конформизма составляющих ее индивидов, действующих крайне эмоционально и единодушно»[191].

Среди общих психологических факторов существования толпы практически всеми исследователями обычно отмечается устойчивая и подчас просто жесткая психологическая связь, объединяющая входящих в толпу людей. Образовавшаяся на основе сходных или идентичных эмоций и импульсов, вызванных одним и тем же стимулом, толпа не обладает установленными организационными нормами и никаким комплексом моральных норм. Влияние толпы на своих членов вытекает из природы возникшей между ними эмоционально-импульсивной связи. В толпе проявляется примитивные, но сильные импульсы и эмоции, не сдерживаемые никакими этическими или организационными нормами.

---

[190] Щепаньский *Я.* Элементарные понятия социологии.— М., 1969. - С. 182.
[191] См. Социальная психология. – М., 1975. – С. 283.

Как уже обсуждалось выше, в толпе, как и во всех иных формах массового стихийного поведения, мы встречаемся с проявлениями деиндивидуализации, частичного исчезновения индивидуальных черт личности. Вследствие этого, у людей сильно возрастает готовность к заражению и, одновременно, склонность к подражанию. Реакция на внешние стимулы направляется не рефлексией, а первым эмоциональным импульсом или подражанием поведению других людей. Исчезновение рефлексивности, де индивидуализация усиливают чувство общности со всей толпой. Это влечет за собой ослабление ощущения важности этических и правовых норм. Толпа создает сильное ощущение правильности предпринимаемых действий. Навязанные эмоциями способы действия не оцениваются критически, Господствующая в толпе эмоциональная напряженность увеличивает ощущение собственной силы и уменьшает чувство ответственности за совершаемые поступки. Особую силу толпе придает наличие конкретных оппонентов. «Нельзя понять историю, не имея в виду, что мораль и поведение отдельного человека сильно отличаются от морали и поведения того же человека, когда он представляет собой эту часть общества»[192].

Б.Ф. Поршнев писал: «Толпа— это иногда совершенно случайное множество людей. Между ними может не быть никаких внутренних связей, и они становятся общностью лишь в той мере, в какой охвачены одинаковой негативной, разрушительной эмоцией по отношению к каким-либо лицам, установлениям, событиям. Словом, толпу подчас делает общностью только то, что она «против», что она против «них»[193].

После научной цитаты, приведем художественный пример такого же рода. Один из героев У. Фолкнера так воспринимал толпу, собравшуюся у тюрьмы, где держали негра, обвинявшегося в убийстве белого. Он видел перед собой «бесчисленную массу лиц, удивительно схожих отсутствием всякой индивидуальности, полнейшим отсутствием своего «я», ставшего «мы», ничуть не нетерпеливых даже, не склонных спешить, чуть ли не парадных в полном забвении собственной своей страшной силы...»[194].

Однако достаточно примеров — займемся механизмами. По мнению ряда исследователей, в результате воздействия всех названных выше феноменов, члены толпы часто действуют как бы под влиянием гипноза. Критикуя идеи Г. Лебона и З. Фрейда, совершенно буквально писавших о «гипнотической сущности толпы» и «психозе толпы» («разумеется, этих теорий уже никто не придерживается»), Я.Щепаньский пишет: «...это лишь некий краткий оборот, обозначающий степень интенсивности действия сходных импульсов и эмоций у всех членов толпы. Этот «гипноз» действует сильнее или слабее в зависимости от характера стимулов, вызывающих реакцию толпы, от конкретной общественно-исторической ситуации, в которой собралась толпа, и от индивидуальных черт ее членов»[195].

Выделяется ряд **условий действия** такого «гипноза». Во-первых, предварительно существующие устойчивые установки и убеждения. Легко вызвать возникновение терроризирующей толпы, например, направленной против давно ненавистных ей групп или институтов. Во-вторых, убеждения и склонности, соответствующие лозунгам, побуждающим толпу к действиям. В-третьих, молодой возраст и отсутствие социально-политического опыта. Наконец, в-

---

[192] Лебон Г. Психология социализма. – С. 98.
[193] Поршнев *Б.Ф.* Социальная психология и история. — С. 91.
[194] *Фолкнер У.* Осквернитель праха. — М,. 1973. — С. 490.
[195] *Щепаньский Я.* Там же. — С. 183.

четвертых, низкий уровень умственного развития и недостаточная развитость интеллектуальных элементов психики, отсутствие привычки анализировать свое поведение, недостаточно сильная воля и отсутствие твердости политических взглядов. Выражаясь несколько метафорически, Б. Ф. Поршнев формулировал так: условия толпы — «это своего рода «ускоритель», который во много раз «разгоняет» ту или иную склонность, умножает ее, может разжечь до огромной силы»[196]. В этом, собственно, он и видел реальную конкретность того, что прежние авторы считали «гипнотической сущностью» толпы. Хотя, разумеется, мысль о «разгоне» тех или иных «склонностей» неизбежно приводила к пониманию многоликости и неоднородности толпы.

Проблема типологии толпы всегда представляла собой значительный интерес. Даже из житейских наблюдений понятно: толпа толпе, безусловно, рознь. Политико-психологическая наука и политическая практика давно научились выделять отдельные виды толпы и даже воздействовать на них. Однако проблема, имеющая как свои плюсы, так и не меньшие минусы, заключается в возможности быстрой трансформации одного вида толпы в совершенно иной. Рассмотрим виды толпы и механизм их трансформации на элементарном житейском примере.

Первый вид, случайную толпу, каждый может легко наблюдать на улице, где произошло, допустим, дорожно-транспортное происшествие. Столкнулись два автомобиля. И, естественно, рядом сразу же остановились несколько любопытных прохожих. Пока пострадавшие водители выясняют суть дела между собой, любопытствующие уточняют детали. Основной эмоцией в данном случае является банальное любопытство. Оно останавливает все новых прохожих. Они обращаются к уже имеющимся любопытным с расспросами, уточняя детали. «Циркулярная реакция» любопытства запускается на полный ход. Непрерывно, по кругу, пересказывается, кто откуда ехал, куда поворачивал, и кто виноват. Причем теперь пересказывать это начинают все новые члены толпы, которые сами заведомо не видели происшествия. Начинается «эмоциональное кружение»: привлекая все новых любопытствующих, толпа по кругу воспроизводит один и тот же эмоциональный рассказ. В отдельных случаях водители, разобравшись между собой, могут уже уехать, но толпа будет оставаться и даже увеличиваться за счет действия названных механизмов. Особенно типичны такие ситуации для восточных стран, где прохожие более темпераментны и меньше озабочены рациональным использованием своего личного времени. Постепенно, уже устойчивая случайная толпа вполне может трансформироваться в толпу экспрессивную.

Второй вид, экспрессивная толпа, обычно представляет собой совокупность людей, совместно выражающих радость или горе, гнев или протест — в общем, что-то эмоционально выражающих. Это может быть, например, толпа, идущая за гробом. Или, наоборот, это может быть толпа, радующаяся окончанию солнечного затмения. В нашем примере, случайная толпа вокруг дорожно-транс -портного происшествия может быстро превратиться в экспрессивную толпу, выражающую, например, недовольство совершенно безобразной организацией уличного движения и абсолютно бездарной работой ГИБДД или дорожной полиции. Обсудив детали происшествия и удовлетворив, тем самым, свое любопытство, такая толпа быстро создает объект, в отношении которого начинает выражать эмоции — в данном случае, дорожную инспекцию.

---

[196] *Поршев Б.ф.* Элементы социальной психологии. // Проблемы общественной психологии.— М., 1965.— С. 172.

Третьим видом толпы, в чем-то приближающимся к рассматриваемой далее «собранной публике», является так называемая «конвенциональная толпа», руководствующаяся какими-то правилами в своем поведении. Обычно такая толпа собирается по поводу события, объявленного заранее —спортивного состязания, политического митинга. В таком случае людьми движет определенный конкретный интерес, и обычно они готовы до поры следовать некоторым принятым в таких ситуациях нормам. Это могут быть зрители, скажем, футбольного матча. Внешне, у такой толпы налицо все внешние признаки следования «конвенции»: билеты, отведенные места, соответствующие заграждения и недоступные зоны. Внутренне, однако, понятно, что зрители футбольного матча — это не посетители консерватории. Такая толпа остается «конвенциональной» до определенного момента. Она будет конвенциональной, пока хватит сил У конной милиции, ограничивающей проход болельщиков к станции метро по окончанию матча. Однако собственные, внутренние «правила» поведения болельщиков «фанатов» таковы, что могут и смести милицию. Тогда от «конвенциональной толпы» не останется и следа — она превратится в следующий вид, в толпу действующую. Однако перед рассмотрением этого вида, вернемся к экспрессивной толпе и к нашему примеру.

Крайний случай экспрессивной толпы — экстатическая толпа, возникающая тогда, когда люди доводят себя до исступления в совместных молитвенных или ритуальных ритмических действиях. Это происходит в ходе ряда мусульманских праздников типа «шахсей-вахсей», на сектантских бдениях, иногда — на бурных карнавалах в некоторых латиноамериканских странах. В экстатическую толпу часто превращается молодежь на концертах своих музыкальных кумиров.

В нашем примере, экспрессивно выражающая свое мнение толпа, собравшаяся вокруг дорожно-транспортного происшествия, также может до поры оставаться вполне «конвенциональной», удерживая свою критику полиции в общепринятых рамках. Скажем, не прибегая к ненормативной лексике и т. п. Однако, при высокой интенсивности экспрессивных эмоций и, скажем, общего невысокого авторитета полиции в обществе, ситуация может резко измениться. От слов такая толпа может перейти к действиям, и тогда, скорее всего, пострадают оказавшиеся здесь представители правопорядка или находящийся поблизости полицейский участок. Согласно принятой типологии и закону быстрой трансформации, рассматриваемая нами толпа превратится в уже упомянутую действующую толпу — то есть, совершающую уже активные действия относительно реального или придуманного для себя объекта.

Четвертый вид, действующая толпа, считается наиболее важным в политическом отношении, и потому наиболее пристально изучаемым видом толпы. Действующая толпа, в свою очередь, подразделяется на несколько подвидов. Обычно выделяются *агрессивная толпа* — множество людей, движимых гневом и злобой, стремящихся к уничтожению, разрушению, убийствам. Отдельно выделяется *паническая толпа* — люди, движимые чувством страха и стремлением избежать некой опасности (реальной или воображаемой).

Особняком стоит *стяжательская толпа* — люди, объединенные желанием добыть или вернуть себе некие ценности. Такая толпа разнородна, она может включать и мародеров, и вкладчиков обанкротившихся банков, и погромщиков, и т. д. Главная ее особенность — общее эмоционально-действенное единство на фоне осознаваемого в глубине конфликта: ведь члены такой толпы борются за обладанием ценностей, которых все равно на всех не хватит.

Особым видом является *мятежная или повстанческая толпа.* Окончательное ее название зависит от результата ее действий. В случае успеха она будет не Просто «повстанческой», а даже «революционной». В случае поражения, она может даже потерять статус «мятежной толпы» и превратиться просто в «случайный сброд». Все относительно в этом вопросе.

С одной стороны, еще некоторое время назад Ю.А. Шерковин писал: «Повстанческая толпа —непременный атрибут всех революционных потрясений — характеризуется значительной классовой однородностью и безоговорочным разделением ценностей своего класса. Действиями повстанческой толпы уничтожались станки на первых механизированных фабриках в период промышленной революции, истреблялась французская аристократия, брались штурмом оплоты реакции, сжигались помещичьи усадьбы, освобождались из тюрем арестованные товарищи, добывалось оружие в арсеналах. Повстанческая толпа представляет собой особый вид действующей толпы, в которую может быть внесено организующее начало, превращающее стихийное выступление в сознательный акт политической борьбы»[197].

Все верно: так, скорее всего, и происходило. Так, наверное, и воспринималось тогда, когда происходили упомянутые события. Но, с другой стороны, все изменчиво. И осенью 2000 г. лидер российских коммунистов Г. Зюганов публично заявляет, что повстанческая толпа, совершившая мирную революцию в Югославии, «пахла марихуаной, водкой и долларами».

Однако вернемся к нашему примеру. Из экспрессивной толпы, выражающей негативное отношение к полиции, она легко (хотя и не самостийно — здесь уже требуются вожаки) может превратиться в агрессивную толпу. Затем, направившись к ближайшему полицейскому участку и разгромив его, она вполне может побывать и в состоянии стяжательской толпы. Но этим дело может не кончиться. При наличии определенного внешнего воздействия, такая толпа легко превращается в мятежную. И тогда ей мало разгрома одного участка — ведь «во всем виноваты власти! ». Такая толпа, непрерывно увеличиваясь в объеме, движется к местам дислокации органов высшей власти с весьма недвусмысленными намерениями. Захватив их или заставив власти покинуть эти места, такая толпа превращается в революционную.

Вся политико-психологическая динамика такой трансформации толпы, от случайной до революционной, может занять от нескольких часов до нескольких дней. Наиболее яркий пример именно такой трансформации разных видов толпы нам удалось наблюдать в Иране в период краха шахского режима и прихода к власти режима аятоллы Р. Хомейни. В Тегеране все шло именно по этой схеме. В один момент, в нескольких концах города, вдруг случились некие дорожно-транс-портные происшествия. И возникли первые, вроде бы совершенно «случайные» толпы. Далее все пошло абсолютно по описанной выше схеме и привело к известным политическим результатам.

Политическое поведение толпы, в принципе, вполне **поддается контролю и управлению**. Однако, это эффективно до определенной степени. Здесь просто нельзя абсолютизировать возможности контроля и, тем более, понимать их примитивно. Имея дело со сложными политико-психологическими феноменами, надо и действовать исключительно политике-психологически.

Приведем конкретный пример. В период осады иранцами посольства США, когда работников посольства держали в качестве заложников, возник показательный эпизод. Разгоряченная некоторыми событиями, к посольству реши-

[197] Социальная психология.— М., 1975.— С. 289.

тельно направилась уже явно экспрессивная толпа, грозившая по ходу дела превратиться в агрессивно-действенную. Опасность была велика, однако разведка предупредила заблаговременно. Соответствующие «меры» были предприняты, когда толпа приблизилась к перекрестку в двух кварталах от посольства. В этот момент из боковой улицы, пересекая путь движения толпы, выехал автомобиль с открытым кузовом, в котором находились полуголые американские девушки — артистки из привычных «подтанцовок». Редко затормозив перед светофором, автомобиль привлек внимание толпы, состоявшей (ислам) исключительно из суровых мужчин. Возникла пауза, обмен взглядами, жестами, отдельными репликами. После этого, выехав на перекресток, автомобиль заглох, преградив путь толпе. Пауза продолжилась. Спустя некоторое время, «починившись», автомобиль медленно продолжил движение по улице, уходящей в сторону от посольства. При этом девушки в кузове устроили перепляс. Это было удивительно, но головная часть толпы («вожаки», «лидеры»), медленно повернувшись, вдруг продолжила движение за грузовичком. Остальные, даже не видя что произошло, последовали за своим «руководством». Только после того, как толпу исламистов удалось увести таким образом на безопасное расстояние, грузовичок прибавил газу, и исчез в дорожной пыли. Обескураженная толпа вскоре рассеялась.

Теоретический анализ механизмов формирования и действий толпы указывает на определенные возможности контроля за ее поведением. Их суть — в обратной трансформации видов и разновидностей толпы, в их редукции к нижним уровням. В приведенном выше примере агрессивно-действенная толпа психологически была превращена в случайную, любопытствующую толпу. Чтобы предотвратить образование толпы или рассеять толпууже образовавшуюся, обычно необходимо просто переключить внимание составляющих ее людей на что-то иное. Слишком сильно сосредоточенное на одном объекте внимание разрушается за счет переноса внимания на несколько других объектов. Как только внимание людей в толпе оказывается разделенным между несколькими объектами, они распадаются на отдельные микрогруппы, а единая и грозная толпа распадается. Это сопровождается ре-индивидуализацией психики членов толпы, и часто она просто исчезает.

В странах Латинской Америки (в частности, в Бразилии) политические противники давно обучились срывать митинги друг друга. Любая митингующая толпа обладает если не определенной структурой, то своеобразной «географией». В ней есть центр с «вожаками» и «заводилами», а также периферия с менее убежденными «попутчиками». Со времен Г. Лебона известно, что скорость и интенсивность эмоционального заражения падают от центра к периферии. Агенты противника, замешавшись в периферической части такого митинга, в кульминационный момент обычно довольно просто переориентируют внимание толпы. Для этого достаточно затеять ту или иную азартную игру (типа «наперсток») или включить радиоприемник с каким-либо спортивным (лучше всего, футбольным — особенно, в Бразилии) репортажем. После этого значительная часть кнвенциональной толпы (митинг) превращается в ряд случайных микро-толп, увлеченных игрой или репортажем.

Есть и совсем простые приемы. Замешавшись в демонстрацию политических противников (влиять на толпу все же легче из центра, чем с периферии), достаточно в подходящий момент имитировать страх криками: «Полиция!», «Они вооружены!», «Газы!» и т. п. Создав таким образом в толле панику, ее легко увлечь за собой, в сторону от прежней цели.

Агрессивная толпа может быть трансформирована в экстатическую или экспрессивную посредством трансляции громкой музыки и быстрых танцеваль-

ных ритмов. По некоторым данным, посольства и другие учреждения США за рубежом обеспечены соответствующей звуковоспроизводящей техников и соответствующими записями на случай стихийных массовых антиамериканских выступлений, которые могут принимать агрессивный характер. Музыку в тех же целях используют владельцы крупных роскошных магазинов. В ЮАР был даже разработан специальный «музыкальный танк» — боевая машина, вооружение которой состоит из резервуаров с холодной водой, брандсбойтов, а также записей популярной ритмической музыки и, соответственно, мощных звукоусилителей для борьбы против массовых манифестаций и прочих уличных беспорядков[198].

Целый ряд примеров как эффективного, так и крайне неэффективного обращения с толпой был продемонстрирован в экс-СССР в конце 80-х гг. прошлого века. Напомним лишь действия российских войск в Тбилиси в апреле 1988 г., когда у собравшейся на центральной площади толпы манифестантов для начала были отрезаны все пути отхода (грузовики заблокировали выходящие на площадь улицы и переулки). С помощью громкоговорителей толпу погнали по единственной оставшейся открытой трассе, проспекту Руставели, где ее подгоняли российские десантники с саперными лопатками. Кто бы ни был виноват в произошедшем, главная вина состоит в политико-психологической неграмотности обеих противостоящих сторон.

Напротив, в 1989 г. в Баку удалось добиться одобрения руководства и применить совершенно иную тактику противостояния митинговавшим протестантам, ежедневно заполнявшим центральную площадь. В принятой тактике сознательно не использовались люди в военной или милицейской форме. Просто с самого раннего утра к площади начинали съезжаться машины «Скорой помощи». Кого-то уговорами, кого-то с усилиями, но удавалось переместить в эти машины. Разумеется, они ехали потом не в больницы. Отъезжая в отдаленные концы города, они отпускали манифестантов и мчались за новыми. К середине дня площадь обычно пустела. В комплексе, к этому добавлялись и другие приемы: музыкальное вещание, разъяснительные беседы, личные выступления местных авторитетных людей и т. д. Через полторы недели подобной работы митинги прекратились: оппозиция поняла упорство властей и оценила неэффективность своих действий.

Преднамеренное стимулирование трансформаций толпы может осуществляться изнутри или извне. При этом, воздействие изнутри основано на прерывании механизма «эмоционального кружения» — его необходимо начинать из центра. Воздействие же извне, напротив, должно начинаться с периферии, а не из центра. Это ведет к созданию новых, альтернативных центров толпы. После этого старый центр обычно теряет свое значение, а находившийся в нем лидер — свое влияние. Для эффективного контроля за поведением толпы очень важно наличие своевременной информации о возможностях ее формирования — чтобы было время для планирования и осуществления конкретных контрдействий.

ПСИХОЛОГИЯ «СОБРАННОЙ ПУБЛИКИ»

Позаимствуем художественный пример у В. Шекспира. Перед Сенатом выступает Брут, и Сенат рукоплещет его планам и предложениям, явственно одобряя их. Но вслед за Брутом выступает Марк Антонии. И тот же самый Сенат, с той же самой силой, рукоплещет теперь уже его предложениям, в итоге, одновременно одобряя прямо противоположные планы.

[198] См.: Основы социальной психологии и пропаганды. — М., 1982.— С. 140-142.

Теперь — реальный исторический пример. Французский историк И.Тэн так описывал заседания Конвента: «Они одобряют и предписывают то, к чему сами питают отвращение; не только глупости и безумия, но и преступления, убийства невинных. Единогласно и при громе самых бурных аплодисментов левые, соединившись с правыми, посылают на эшафот Дантона, своего естественного главу, великого организатора и вдохновителя революции. Единогласно и так же под шум аплодисментов правые, соединившись с левыми, визируют наихудшие декреты революционного правительства. Единогласно и при восторженных криках энтузиазма и выражения прямого сочувствия Колло д'Эрбуа, Котону и Робеспьеру, Конвент посредством произвольных и множественных избраний удерживает на своем месте человекоубийственное правительство, которое одни ненавидят за убийства, а другие за то, что оно стремится к их истреблению. Равнина и гора, большинство и меньшинство кончили тем, что согласились вместе содействовать собственному самоубийству»[199].

Как справедливо указывал все тот же Г.Лебон: «При определенных условиях, — и притом только при этих условиях — собрание людей представляет совершенно новые черты, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает. Собрание становится тем, что, я сказал бы, не имея лучшего выражения, организованной толпой, или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющееся закону духовного единства толпы»[200].

Несмотря на авторитет Г. Лебона, трудно не согласиться с Я. Щепаньским: «Собранная публика может выступать в нескольких видах»[201]. Прежде всего, он выделяет публику, собравшуюся случайно, или «сборище». Другой вид — публика, собравшаяся преднамеренно, которая тоже может выступать в двух различных формах: 1) публика отдыхающая, ищущая развлечений, и 2) публика, ищущая информации (в том числе, на митингах и политических собраниях).

В целом же, «собранная публика — это скопление некоторого количества людей, испытывающих сходное ожидание определенных переживаний или интересующихся одним и тем же предметом. Эта общая заинтересованность и поляризация установок вокруг одного и того же предмета или события — основа ее обособления. Следующей чертой является готовность к реагированию некоторым сходным образом. Это сходство установок, ориентации и готовности к действию — основа объединения публики»[202].

Механизм психологического объединения, в общем, вполне очевиден. После внешнего, физического соединения в одном помещении (публика редко действует на улице), под влиянием воздействия на всех одних и тех же стимулов, среди публики образуются определенные сходные или общие реакции, переживания или устойчивые ориентации. Такая публика обычно быстро осознает рождающиеся у нее настроения, что усиливает впечатления, вызванные действием общего стимула. И после всего этого, Я. Щепаньский делает вынужденное признание, буквально, сквозь зубы: «Таким образом, в публике могут возникнуть такие же явления, как и в толпе, а именно общее эмоциональное напряжение, утрачивание рефлексивности, ощущение единства и солидарности. Поэтому некоторые виды публики, как, например, сборища, собрания или митинги, могут легко превратиться в экспрессивную или агрессивную толпу»[203]. Как бы не

[199] Цит. по Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология – Пг., 1919 – С. 19.
[200] *Лебон Г.* Указ, соч.
[201] Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. С 184.
[202] Там же – С. 185.
[203] Там же.

стремилась элита отделить себя от массы, у честных исследователей ото не проходит. Та самая, «высоколобая» элита, оказываясь на спортивных мероприятиях или, скажем, на корриде в виде аморфной, ничем но связанной публики, под влиянием эмоционального заражения легко превращается в демонстрирующую или даже терроризирующую толпу.

Значение толп и собранной публики проявляется в периоды социальных волнений, развития революционных настроений, войны, забастовок, когда любое собрание или сборище может превратиться в агрессивную толпу, а она, в свою очередь, в толпу повстанческую, если его овладеют организованные группы, которые сумеют направить ее действия в желательном для иих направлении. Примеров единства такого рода со стороны элитарной «публики» и «низких» массовых толп было очень много в ходе серии «бархатных революций» в Восточной Европе на рубеже 80-х — 90-х гг. XX века.

НЕСОБРАННАЯ ПУБЛИКА

Я. Щепаньский считал: «Несобранной публикой являются, например, читатели одних и тех же газет слушатели одних и тех же радиопередач, зрители од-них и тех же телевизионных программ, читатели одних и тех же журналов. Не без причины в Польше укоренился термин «Культура "Пшекруя"» («Kultura "Przekroju"»), имеющий в виду способы выражения, поведения, мышления и деятельности, созданные этим популярным еженедельником»[204]. Примером российской действительности 90-х гг. стала безусловно специфичная в социально-политическом плане «аудитория НТВ». Однако развитие прогресса порождает все новые общности. Сегодня уже необходимо всерьез рассматривать в качестве пока, разумеется, совершенно несобранной, но часто уже достаточно единой публики «жителей Интернета».

С внешней точки зрения, несобранная публика — это всего лишь «поляризованная масса», то есть большое число людей, мышление и интересы которых ориентированы идентичными стимулами в одном направлении, и которые ведут себя сходным образом. Это сходство может проявляться не только в бытовых, но и в более социально важных вопросах — в идеологии и политике. В несобранной публике внешне вообще явно не проявляются явления, характерные для толпы или собранной публики. Не проявляется в таком объеме «эмоциональное заражение», не исчезает полностью рефлексивность и не возникает в полном объеме процесс деиндивидуализации. Хотя заражение и идет, но это — заражение со стороны «черного ящика» (радио- или телеприемника). Разумеется, «ящик» активно стремится и к снижению рефлексивности, и к деиндивидуализации аудитории, однако в полной мере, как в толпе, это трудно достижимо.

Всякие виды «поляризованных масс», несобранной публики, представляют собой базу для выработки сходных взглядов, готовности к некритичному восприятию определенной информации. Это основа для создания мнения по некоторым вопросам, основанная на готовности к реагированию сходным образом на идентичные стимулы. Следовательно, все виды несобранной публики представляют собой готовую базу для возникновения мнений и настроений — макроформ массового политического сознания и соответствующего политического поведения.

Особым примером такой эволюции несобранной публики является действие избирательных кампаний и возникающее в результате электоральное пове-

---

[204] *Щепаньский Я.* Там же. — С. 185.

дение несобранной публики. Данной проблеме посвящено множество специальных исследований. Однако общие механизмы электорального поведения достаточно просты. Несмотря на все разговоры о «новых технологиях», электоральное поведение в целом продолжает оставаться в значительной степени стихийным поведением, подчиняясь его общим закономерностям. В конечном счете, электорат делится на две неравные части. Первая, меньшая часть— это организованный электорат, действующий на основе группового сознания и подчиняющийся управляющим этим сознанием институтам. Вторая, значительно большая для любой современной демократической страны часть, представляет собой неорганизованный электорат.

Общим механизмом политического поведения несобранной публики являются массовые настроения. Последние же, как говорилось в предыдущей главе, представляют собой производное от двух компонентов: притязаний и возможностей их достижения. На этом всегда играли и продолжают играть до сих пор основные политические игроки — политические партии, движения и отдельные кандидаты на выборные посты.

Как писал в свое время Г. Лебон, «избиратель требует невозможного и поневоле приходится обещать требуемое. Отсюда появляются сплошные реформы, утверждаемые без малейшего понятия об их возможных последствиях. Всякая партия, желающая добиться власти, знает, что это возможно только превзойдя обещаниями своих соперников»[205]. Соответственно, основной инструмент демократии по Г. Лебону — это воздействие на массовые настроения с целью побуждения определенного поведения людей.

С течением времени мало что изменилось. Основываясь на богатом практическом опыте, американские специалисты так описывали модель «несобранного» электората: «У избирателя есть определенные принципы. Он в какой-то мере рационален и располагает информацией. У него есть и интересы, однако присутствуют они не в той экстремальной, отработанной, совершенной и детализированной форме, в которую их унифицированно облекли политические философы»[206]. В решениях большинства избирателей даже в обществах с рациональной политической культурой, преобладает стихийный выбор, основанный на эмоциональном отношении и присутствующих в данный момент политических настроениях.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СТИХИЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ МАССОВАЯ ПАНИКА

Одним из наиболее заметных и политически важных видов поведения толпы является паника — эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка, и проявляющееся в импульсивных действиях. Соответственно, на основе паники возникают панические толпы со специфическим поведением.

В общепринятом смысле, под «паникой» как раз и понимают массовое паническое поведение. Об этом напоминает и происхождение термина: слово «паника», почти идентичное во многих языках, происходит от имени греческого бога Пана, покровителя пастухов, пастбищ и стад. Бго гневу приписывалась «паника» — безумие стада, бросающегося в пропасть, огонь или воду без ви-

---

[205] Лебон Г. Психология социализма. — С. V.

[206] *Berelson B., Lasarsfeld P.E.*, McPhill W.N. Voiting. A Study of Opinion Formaition in a Presedential Campaign, — Chicago, 1959.— P. 322.

димой причины. «Начинаясь внезапно, это безумие распространялось с пугающей быстротой и влекло всю массу животных к гибели. Спасающаяся толпа представляет собой типичный случай панического поведения. Известны также многочисленные случаи панического поведения и вне толпы, например, биржевая паника... Иногда эти случаи определяют как панический ажиотаж, которым обозначается массовое возбуждение, сопровождаемое лихорадочной деятельностью, направленной на избавление от возможной опасности[207].

К условиям возникновения паники относятся следующие. *Во-первых,* это ситуационные условия. Вероятность развития массовых панических настроений и панических действий возрастает в периоды обострения текущей ситуации. Когда люди ожидают каких-то событий, они становятся особенно восприимчивыми ко всякого рода пугающей информации.

Во-вторых, это физиологические условия. Усталость, голод, алкогольное или наркотическое опьянение, хроническое недосыпание и т. п. ослабляют людей не только физически, но и психически, снижают их способность быстро и правильно оценить положение дел, делают их более восприимчивыми к эмоциональному заражению и, за счет этого, как бы снижают пороги воздействия заразительности, повышая вероятность возникновения массовой паники.

В-третьих, психологические условия. Сюда относятся неожиданность пугающего события, сильное психическое возбуждение, крайнее удивление, испуг.

В-четвертых, идеологические и политико-психологические условия, Сюда относится нечеткое осознание людьми общих целей, отсутствие эффективного управления и, как следствие, недостаточную сплоченность группы. Реальная практика, а также многочисленные экспериментальные исследования показали, что от этой группы условий в значительной мере зависит, сохранит ли общность целостность, единство действий в экстремальной ситуации, или распадется на панический человеческий конгломерат, отличающийся необычным, вплоть до эксцентричного, поведением каждого, разрушением общих ценностей и норм деятельности ради индивидуального спасения. Многочисленные эксперименты американских исследователей показали, что в неосознающих общность целей, слабо сплоченных и структурированных группах паника провоцируется минимальной опасностью (например, даже опасностью потерять несколько долларов или получить слабый удар током). Напротив, ситуации естественного эксперименты (войны, боевые действия) демонстрируют высокие уровни сплоченности специально подготовленных, тренированных и объединенных общими ценностями (например, патриотизм) и нормами общностей людей.

Возникновение и развитие паники в большинстве Писанных случаев связано с действием шокирующего стимула, отличающегося чем-то заведомо необычным (например, сирена, возвещающая начало воздушной тревоги). Частым поводом для паники являются слухи. звестно, например, что летом 1917 г. в России выдался один из самых обильных урожаев. Тем не менее, уже осенью в стране разразился голод. Ему способствовала массовая паника, которую вызвали слухи о предстоящем голоде.

Для того, чтобы привести к настоящей панике стимул должен быть либо достаточно интенсивным, либо длительным, либо повторяющимся (взрыв, сирена, серия гудков и т. п.). Он должен привлекать к себе сосредоточенное внимание и вызывать реакцию подчас неосознанного, животного страха.

---

[207] Социальная психология, — М., 1975.— С. 293—294.

Первый этап реакции на такой стимул — потрясение, ощущение сильной неожиданности и восприятие ситуации как кризисной, критической и даже безысходной.

Второй этап реакции — замешательство, в которое переходит потрясение, индивидуальные беспорядочные попытки как-то понять, интерпретировать происшедшее событие в рамках прежнего, обычного личного опыта или путем лихорадочного припоминания аналогичных ситуаций из чужого, заимствованного опыта. Когда необходимость быстрой интерпретации ситуации становится острой и требует немедленных действий, именно это ощущение остроты часто мешает логическому осмыслению происходящего и вызывает страх. Первоначально, страх обычно сопровождается криком, плачем, двигательной ажитацией.

Если этот первоначальный страх не будет подавлен, то развивается *третий этап* — по механизму «циркулярной реакции» и «эмоционального кружения». И тогда страх одних отражается другими, что в свою очеридь еще больше усиливает страх первых. Усиливающийся страх снижает уверенность в коллективной способности противостоять критической ситуации, и создает смутное ощущение обреченности.

Завершается все это действиями, которые представляются людям, охваченным паникой, спасительными. Хотя на деле они могут совсем не вести к спасению: это этап «хватания за соломинку», в итоге все равно оборачивающийся паническим бегством. Разумеется, за исключением тех случаев, когда бежать просто некуда. Тогда возникает подчеркнуто агрессивное поведение: известно, как опасен бывает «загнанный в угол» самый трусливый заяц.

«Панику обычно характеризуют как индивидуалистическое и эгоцентрическое поведение. Это... справеддиво в том смысле, что целью такого поведения служит попытка личного спасения, которая не укладывается в признанные нормы и обычаи. Однако паника — это одновременно и массовое поведение, поскольку при ее возникновении осуществляют свое действие механизмы циркулярной реакции, внушения и психического заражения — характерные признаки многих видов стихийного массового поведения»[208].

Внешне, паника заканчивается, обычно, по мере выхода отдельных индивидов из всеобщего бегства. Но паническое поведение не обязательно завершается бегством от опасности. Обычные следствия паники — либо усталость и оцепенение, либо состояние крайней тревожности, возбудимости и готовности к агрессивным действиям. Реже встречаются вторичные проявления паники.

Оценивая таким образом весь цикл панического поведения, надо иметь в виду следующее. Во-первых, если интенсивность первоначального стимула очень велика, то предыдущие этапы могут «свертываться». Это продемонстрировала паника в Хиросиме и Нагасаки после сброса американских атомных бомб. Внешне данных этапов может как бы не быть — тогда бегство становится непосредственной индивидуальной реакцией на панический стимул. Во-вторых, словесное обозначение пугающего стимула в условиях его ожидания может само непосредственно вызвать реакцию страха и панику даже до его появления. Так, страхом и паническим бегством реагировали солдаты в Первую мировую войну на один только крик: «Газы!». В-третьих, всегда надо принимать во внимание ряд специфических факторов: общую социально-политическую атмосферу, в которой происходят события, характер и степень угрозы, глубину и объективность информации об этой угрозе и т. д. Это имеет значение для прекращения или даже предотвращения паники.

---

[208] Социальная психология. — С. 296.

Воздействие на паническое поведение, в конечном счете, всего лишь частный случай политико-психологического воздействия как такового. Здесь также действует общее по отношению к толпе правило: снизить интенсивность эмоционального заражения, вывести человека из гипнотического влияния данного состояния и рационализировать, индивидуализировать его психику.

Однако в случае паники есть и некоторые специфические вопросы. Во-первых, — это вопрос о том, кто станет образцом для подражания толпы. После появления угрожающего стимула (звук сирены, клубы дыма первый толчок землетрясения, первые выстрелы или разрыв бомбы) всегда остается несколько секунд, когда люди «переживают» (точнее, «пережевывают») произошедшее и готовятся к действию. Здесь им можно и нужно «подсунуть» желательный пример для вполне вероятного подражания. Кто-то должен крикнуть: «Ложись!» или «К шлюпкам!» или «По местам!». Соответственно, те, кто исполнят эту команду, становятся образцами для подражания. Жесткое управление людьми в панические моменты — один из очень эффективных способов ее прекращения.

Во-вторых, в случаях паники, как и стихийного поведения вообще, особую роль играет ритм. Стихийное поведение — значит, неорганизованное, лишенное внутреннего ритма поведение. Если такого «водителя ритма» нет в толпе, он должен быть задан извне. Широкую известность приобрел случай, произошедший в 30-е гг. прошлого века после окончания одного из массовых митингов на Зимнем велодроме в Париже. Люди, ринувшись к выходу, начали давить друг друга, и все было готово к трагическому концу. Однако в проеме лестницы оказалась группа приятолей-психологов, которые, сообразив, что может сейчас начаться, стали громко и ритмично скандировать потом уже знаменитое:

«Не— тол— кай!». Скандирование было мгновенно подхвачено большинством, и паника прекратилась. Другой, политический пример действия того же механизма — постоянное, в течение ряда десятилетий, использование американскими борцами за гражданские права афро-американцев известной песни «Мы победим!» при противостоянии полиции или национальной гвардии.

Известен эпизод и с пожаром в парижской Гранд-опера, когда толпа также готова была броситься вон из задымившего здания, сметая все на своем пути, однако была остановлена необычным образом. Несколько отчаянных смельчаков, встав во весь рост в одной из лож второго яруса, начали орать (пением это было трудно назвать) национальный гимн. Через несколько секунд к ним стали присоединяться соседи. Постепенно и остальные начали если не петь, то все-таки останавливаться — национальный гимн, все же. В итоге, театр встретил как всегда припоздавших пожарных исполнением гимна, к которому присоединились и пожарные. Затем людей вывели, а пожар потушили.

Роль ритмической и, отдельно, хоровой ритмической музыки имеет огромное значение для регуляции массового стихийного поведения. Например, она может за секунды сделать его организованным. Вспомните многократно проклятые субботники и воскресники, демонстрации и прочие массовые или псевдомассовые акции советской эпохи. Не случайно все они встречали вас бравурной, маршевой, зажигающей музыкой. «Нас утро встречает прохладой...», — помните? Роль хорового пения солдат на марше вообще известна от века. Не случайно большинство революционных песен, написанных в разные времена, разными людьми в разных странах, имеют сходную ритмику. Чилийская «Venceremos», американская «We shall overcome», французскую «Марсельезу» или польскую «Варшавянку». Их ритм наряду с содержанием был своеобразным средством противостояния страху и панике в острых ситуациях.

Соответственно, известны и противоположные приемы. Хотите сорвать митинг политических противников? Подгоните к его месту радиофицированный автобус и начните транслировать что-нибудь типа «Вы жертвою пали...» или любого реквиема. Тем самым, вместо мажорных, усилятся минорные, в частности, панические настроения. Примеров такого рода можно привести много.

МАССОВАЯ АГРЕССИЯ

Не менее заметным, а политически даже более важным видом поведения толпы является стихийная агрессия, обычно определяемая как массовые враждебные действия, направленные на нанесение страдания, физического или психологического вреда или ущерба, либо даже на уничтожение данной массой (толпой) других людей или общностей. Психологически, за внешней стихийной агрессией — разрушительным поведением, всегда стоит внутренняя агрессивиость — эмоциональное состояние, возникающее как реакция на переживание непреодолимости каких-то барьеров (например, социально-политических) или недоступности чего-то желанного. Именно высоким эмоциональным накалом стихийная агрессия отличается от агрессии организованной, при которой солдаты атакующей армии, например, вполне могут не испытывать сильных эмоций к своим противникам, даже убивая их. На практике, стихийная агрессия всегда сопровождается еще и дополнительными сильными эмоциями негативного комплекса типа гнева, враждебности ненависти и т. п. Впрочем, в психологии существует несколько десятков различного рода теорий, объясняющих те или иные аспекты агрессивности — от врожденных биологических инстинктов до специальных форм социального научения, необходимых для успешной социальной адаптации в нашем сложном мире. Нам нет необходимости подробно вдаваться в их изучение.

В политико-психологическом контексте, для нас важно иное — то, что на основе агрессивности и агрессии в истории и современной политике периодически возникали и возникают агрессивные толпы с весьма специфическим политическим поведением. Если войны обычно вели организованные армии, то восстания и революции делали именно агрессивные толпы. В общепринятом смысле, под «агрессией» как раз и понимают массовое агрессивное поведение толпы. Один из многих, Дж. Роуэн определял агрессию как «неприкрыто насильственную, угрожающую, преднамеренную и не подчиняющуюся нормам силу», действия которой не спровоцированы аналогичными, противоречат обычаям, закону, ценностям[209].

Согласно принятым в западной цивилизации воззрениям, теоретически, каждый человек должен иметь право на самоутверждение, а лишенный его — на самозащиту, чтобы восстановить чувство своей значимости, необходимое для нормального существования. Блокирование права на самозащиту ведет к агрессивности, особенно если оно длительно (как это часто бывает, например, в отношении к национальным меньшинствам). Агрессия вторгается в сферу власти или престижа, или на территорию другого, и частично захватывает то, что удается. Если же агрессия блокирована, спираль ее принимает еще более крутую форму взрыв насилия происходит по причинам прежде всего психологическим, приобретая подчас экстатический характер, когда восстание становится самоцелью, вершиной жизни его участников (как, например, весной 1968 г. это было во Франции).

[209] *Rowan J.* Psychological aspects of society. — L., 1978. The structured crowd. — P. 34.

Как показывают исследования современных массовых беспорядков, волнений и восстаний, «важнейший лежащий в их основе фактор — чувство полного блокирования всех надежд»[210]. Тот же Дж. Роуэн приводит достаточно типовую схему событий — на примере расовых волнений в негритянском гетто в пригороде Лос-Анжелеса. Факторы, предшествующие агрессии, известны. Постоянная и массовая безработица одних, неинтересная и низкооплачиваемая работа других. Напряженные с обеих сторон отношения населения гетто и полиции. Незаконное требование полисмена к подозреваемому, его отпор, поддержанный группой близких. Вступление в действие дополнительного наряда полиции — превращение группы в толпу, а локального сопротивления властям — в восстание. Далее оно охватывает уже весь район со всеми присущими восстанию атрибутами- «Какое-либо действие, любое действие должно было в конце концов показать, что здесь человеческие существа, а не роботы»[211].

К условиям возникновения агрессии исследователи обычно относятся следующие. *Во-первых,* физиологические условия — алкоголь, наркотики. *Во-вторых,* психологические — уже упоминавшееся ощущение фрустрации, «невозможности исполнения никаких надижд». *В-третьих,* ситуационные в виде наличия лидеров, подходящих средств проявления агрессии (пресловутый «булыжник — орудие пролетариата») и т. п. В-четвертых, это провокационные действия властей или их отдельных представителей, иногда могущие спровоцировать агрессию.

Для развития агрессии обычно, *во-первых,* требуется некоторый конкретный повод, подчеркивающий психологическую безнадежность ситуации для людей. *Во-вторых,* требуются люди, готовые поддержать это ощущение безнадежности, но, одновременно, «качнуть» толпу против тех, кто в этом может быть обвинен. В-третьих, требуется конкретный объект агрессии — представитель власти, угнетающего большинства или просто символ властного института. Примерно эти условия совпали осенью 2000 г. в Белграде, когда конституционный суд объявил недействительными итоги выборов, на которых проиграл С. Милошевич. Собравшаяся перед парламентом оппозиционная и поначалу мирная толпа быстро стала агрессивной, смела полицейское заграждение и, по сути, осуществила революцию.

Среди наиболее важных для нашего понимания вариантов агрессивного поведения толпы, различаются экспрессивная, импульсивная, аффективная и враждебная агрессия. Из самого названия понятно, что экспрессивная агрессия — это устрашающе-агрессивное поведение, главной целью которого является выразить и обозначить свои потенциально агрессивные намерения, запутать оппонентов. Это не всегда и не обязательно выражается в непосредственно разрушительных действиях. Классические примеры экспрессивной агрессии — ритуальные танцы, военные парады, различного рода массовые шествия типа широко использовавшихся в свое время немецкими фашистами ночных факельных шествий.

Импульсивная агрессия — обычно, спровоцированное в результате действия какого-то фактора мгновенно возникающее и достаточно быстро проходящее агрессивное поведение. Такая агрессия может носить прерывистый («импульсный») характер, возникая как бы «волнами», в виде своеобразных «приливов» и «отливов» агрессивного поведения.

---

[210] Op.cit. — P.38.
[211] Op.cit. — P.39.

Аффективная агрессия — чисто эмоциональный феномен, практически полностью лишенный действенного компонента. Этим он отличается от экспрессивной формы агрессивной толпы. Аффективная агрессия, как правило, представляет собой наиболее впечатляющий, но с политической точки зрения, самый бессмысленный вид агрессии, В состоянии аффективной агрессии, толпы нападающих повстанцев, например, могут разбиваться о хорошо организованную оборону властей, и будут обречены на поражение. Это то, что иногда называется «агрессивным ажиотажем» — особое состояние, требующее немедленных, любой ценой, жертв и разрушений. Как правило, жертвы в таких случаях и превосходят достигаемые результаты.

В отличие от перечисленных выше форм, особняком стоят еще две. Во-первых, это враждебная агрессия, которая характеризуется целенаправленно-осознанный намерением нанесения вреда другому. Во-вторых, инструментальная агрессия, где цель действия субъекта нейнтральна, а агрессия используется как одно из средств ее достижения. Понятно, что обе эти формы относятся к числу организованных, хотя внешне они подчас могут маскироваться под стихийное поведение толпы, подчиняясь задачам управляющих ими сил.

«Для форм агрессии, развивающихся в массовых социальных и политических явлениях (террор, геноцид, расовые, религиозные идеологические столкновения), типичны сопровождающие их процессы заражения и взаимной индукции, стереотипизации представлений в создаваемом «образе врага»[212]. Однако особую роль в возникновении и поведении агрессивной толпы играет анонимность ее участников. Лабораторными и полевыми исследованиями доказано, что анонимность действует на толпу побуждающе и возбуждающе. Таким образом, в целом, массовая агрессия подчиняется всем основным законам массового поведения — в частности, описаным выше законам поведения толпы.

Соответственно, общим законам подчиняются и **механизмы воздействия** на агрессивную толпу. Так, в частности, известно, что лишение толпы анонимности с помощью средств массовой информации (крупные планы в теле репортажах, позволяющие фиксировать лица участников толпы) препятствуют росту ее агрессивности и даже способствуют ее организованности. В свое время изобретение несмываемой краски, которой полиция могла «метить» активистов таких толп, надолго искоренило сам феномен агрессивной толпы из политической практики.

Как и в любой толпе, важную роль в агрессивной толпе играют лидеры, Однако здесь есть одна существенная особенность. Роль лидеров велика прежде всего как инициаторов восстания. Она уменьшается по мере увеличения толпы и усиления ее агрессивности — в таких ситуациях толпа становится наименее управляемой. Роль лидеров, таким образом, велика лишь до тех пор, пока вокруг них не образуется толпа, далее действующая по законам собственного, стихийного поведения.

В заключение раздела приведем классический пример, одновременно иллюстрирующий проявления обоих рассмотренных феноменов — и массовой паники, и весовой агрессии.

Осенней ночью 1938 года в городишке Гроноверс-Милл, штат Нью-Джерси, согласно знаменитой радиоинсценировке фантастического романа английского писателя Г. Уэллса «Война миров», приземлился бело-желтый корабль марсиан. Радиоспектакль, осуществленный О. Уэллсом и актерами руководимого им театра «Меркьюри», был настолько реалистичным, что многие радиослу-

---

212 Психология: Словарь. — М., 1990. — С. 9—10.

шатели поверили в полную достоверность происходящего и в панике стали покидать свои дома, спасаясь тотальным бегством. Действительно, было от чего придти в ужас. Радиошоу началось без всякого предварительного объявления, вклинившись в программу обычных передач компании Си-би-эс. «Мы прерываем наши запланированные передачи, — услышали огорошенные радиослушатели, — чтобы передать специальное сообщение. На пересечении двух сельских дорог близ Гроверс-Милл, нарушив пасторальную тишину здешних живописных мест, приземлились кровожадные существа, прилетевшие к нам с планеты Марс...».

Далее шли интервью с полковником-командиром батареи артиллерийских орудий, прибывших к месту приземления марсиан с приказом их уничтожить; интервью с членами конгресса и сената, и т. д., и т. п. В итоге, эффект был достигнут потрясающий. Паника охватила миллионы жителей Нью-Йорка и десятков городов побережья. Бросая все и давя друг друга, люди бросились в бегство. Потребовалось несколько дней для того, чтобы их успокоить, несколько недель, чтобы вернуть по домам, и несколько месяцев, чтобы ликвидировать нанесенный этой паникой ущерб. Самое удивительное, что через 50 лет в Гроверс-Милл был поставлен бронзовый монумент, изображающий корабль марсиан и О. Уэллса у микрофона. На памятнике надпись: «Марсиане снова посетят наш город».

Величайшая паника века завершилась шуткой. Однако в середине этого пятидесятилетия была еще одна история. В 1958 году в Боливии решили сделать аналогичный радио спектакль — разумеется, с учетом негативного опыта. Были сделаны все необходимые предупреждения, а затем... в эфир был пущен перевод инсценировки О. Уэллса.. Уже через несколько минут перед зданием радиостанции собралась возмущенная толпа, потребовавшая остановить передачу. Когда руководство радиостанции отказалось это сделать, толпа превратилась в агрессивную, и разгромила здание радиостанции.

Так разные условия, разные политико-психологические ситуации оказались способными дать два принципиально разных варианта: от паники до агрессии.

NB

1. Политическая психология различает две основные формы поведения: зависящее от воли и сознания индивидов или независящее от них. В последнем случае говорят о стихийном поведении. Стихийное политическое поведение значительных масс людей — это неорганизованное, но аналогичное (подчас тождественное, хотя не всегда полностью одинаковое), и сравнительно необычное поведение большого количества людей. Анализ массового стихийного поведения подразумевает два основных направления. Во-первых, рассмотрение конкретных субъектов такого поведения. К ним относятся три вида общностей: 1) толпа, 2) «собранная публика» и 3) «несобранная» публика. Во-вторых, рассмотрение наиболее демонстративных форм стихийного поведения. К таким формам относятся стихийная массовая паника и массовая агрессия.
2. Среди общих механизмов, способствующих возникновению и развитию стихийных форм массового поведения, одним из важнейших является так называемая «циркулярная реакция». Та или иная эмоция, переживаемая контактной общностью, подхватываясь другими людьми, обычно возвращается к вам как бы по кругу. Так она может циркулиро-

вать определенное время, и это — первый этап формирования эмоциональной общности. Процесс циркуляции может прерываться, и тогда эмоция постепенно сойдет на нет. Однако при включении в общность новых людей она будет воспроизводиться заново, при условии актуальности и значимости для людей. Этим обеспечивается второй этап— своеобразное «эмоциональное кружение» данного психофизического состояния. В стихийно складывающейся общности та или иная эмоция как бы ходит по кругу, поддерживая и усиливая себя. Это этап эмоционального самоиндуцирования общности. Третий этап действия механизмов стихийного проведения — появление общего объекта внимания, на котором фокусируются эмоциональные импульсы, чувства и воображение людей. Часто новым объектом становится образ, создаваемый в процессе «эмоционального кружения». Такой продукт совместно. го творчества выступает в качестве объекта-побудителя совместного поведения. Завершающий этап в формировании субъекта стихийного поведения — активизация членов общности через дополнительное стимулирование, путем возбуждения импульсов, соответствующих общему воображаемому объекту. Такое стимулирование обычно осуществляется на основе прямого внушения.

3. Основным субъектом стихийного поведения является толпа— контактная, внешне не организованная общность, отличающаяся высокой степенью конформизма составляющих ее индивидов, действующих крайне эмоционально и единодушно. Психическое состояние индивида в толпе изменяется в стороны: 1) повышения эмоциональности восприятия, 2) повышения внушаемости и снижения критического отношения к себе, снижения способности рациональной переработки воспринимаемой информации, 3) подавления чувства ответственности за свое поведение, 4) появления чувства силы и сознания анонимности. В разных видах толпы изменения психического состояния будут различными. Среди основных видов толпы обычно выделяются 1) случайная, 2) экспрессивная, 3) «конвенциональнальная», 4) действующая толпа. Внутри последнего вида отдельно подразделяются агрессивная, паническая, стяжательская, мятежная или повстанческая разновидности толпы. Развитие толпы обычно идет по нарастающей, от случайной толпы к действенной. Соответственно, возможности управления толпой — в редукции ее вида к нижележащему, от действенной — к экспрессивной или даже случайной. «Собранная публика» — скопление людей, испытывающих сходное ожидание определенных переживаний или интересующихся одним и тем же предметом. Общая заинтересованность и поляризация установок вокруг одного предмета или события — основа ее обособления. Следующей чертой является готовность к реагированию некоторым сходным образом. Это сходство установок, ориентации и готовности к действию - основа объединения публики. По механизмам поведения « собранная» публика часто приближается к толпе. К «несобранной» публике относятся, например, читатели одних и тех же газет, слушатели одних и тех же радиопередач, зрители одних и тех же телевизионных программ, читатели одних и тех же журналов. Особым примером несобранной публики является действие избирательных кампаний и возникающее в результате электоральное поведение. Общие механизмы электорального поведения достаточно просты: в целом, оно продолжает оставаться в значительной степени стихийным поведе-

нием, подчиняясь его общим закономерностям. В конечном счете, электорат делится на две неравные части. Первая, меньшая часть — это организованный электорат, действующий на основе группового сознания и подчиняющийся управляющим этим сознанием институтам. Вторая, значительно большая для любой современной демократической страны часть, представляет собой неорганизованный электорат. Общим механизмом политического поведения несобранной публики являются массовые настроения.

4. Одним из наиболее заметных видов поведения толпы является паника — эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка, и проявляющееся в импульсивных действиях. На основе паники возникают панические толпы со специфическим поведением. Выделяются ситуационные, физиологические, психологические, идеологические и политико-психологические условия-предпосылки возникновения и развития паники. Собственно паническая реакция включает в себя 1) потрясение от восприятия некоего особого пугающего стимула, 2) замешательство, растерянность, 3) «циркулярную реакцию» и «эмоциональное кружение» реального или предвосхищаемого страха, 4) двигательную ажитацию в виде хаотичного поведения и схватания за соломинку», 5) бегство от источника страха.
5. Стихийная агрессия — это массовые враждебные действия, направленные на нанесение страдания, физического или психологического вреда или ущерба, либо даже на уничтожение массой других людей или общностей. Психологически, за внешней стихийной агрессией — разрушительным поведением, всегда стоит внутренняя агрессивность — эмоциональное состояние, возникающее как реакция на переживание непреодолимости каких-то барьеров (например, социально-политических) или недоступность чего-то желанного. Именно высоким эмоциональным накалом стихийная агрессия отличается от агрессии организованной, при которой солдаты атакующей армии, например, вполне могут не испытывать сильных эмоций к своим противникам, даже убивая их. На практике, стихийная агрессия всегда сопровождается еще и дополнительными сильными эмоциями негативного комплекса типа гнева, враждебности, ненависти и т. п. Выделяются физиологические, психологические, ситуационные условия-предпосылки агрессии, а также провокационные действия как особое условие. Для развития агрессии требуется конкретный повод, демонстрирующий недостижимость надежд и ожиданий людей; лидеры, способные «заводить» толпу; конкретный объект, на который направляется агрессия. Особую роль в развитии агрессии играет анонимность действий членов агрессивной толпы. Соответственно, среди механизмов воздействия на такую толпу особую роль играет лишение участников такой анонимности за счет крупных планов телерепортажей, использования полицией несмываемой краски и т. п. Различаются экспрессивные, импульсивная, аффективные и враждебные варианты агрессии. Соответственно, воздействия на эти варианты носят дифференцированный характер.

Для семинаров и рефератов

1. *Бзрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1998.

2. Ольшанский *Д.В.* Массовые настроения в политике. — М., 1995.
3. Основы социальной психологии и пропаганды. — М., 1982.
4. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. — М., 1979.
5. Социальная психология. — М., 1975.
6. *Barnes B.* The Nature of Power. — Cambridge, 1988.
7. *Lassswell R.* Psychopathology of Politics. — N. Y., 1932.

Глава 12
ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Широта и многообразие прикладных возможностей политической психологии. Основные сферы прикладного использования политико-психологического знания. Основные компоненты прикладной роли политической психологии.

Методы политико-психологических исследований. Конкретные методики и приемы исследования политической психологии личности: малых групп; больших групп; масс. Общие методы политической психологии. Имитационные игры и игровое моделирование — приемы на грани между исследованием и вмешательством психолога в реальную политику.

Методы психологического вмешательства в политику. Переговоры, формирование коалиций. Политические группировки и их взаимодействие.

Психологические приемы политического действия. Политическая интрига. Политический заговор. Политическая мимикрия. Психологическая война. Политический анекдот.

Прикладное значение политической психологии велико и многообразно. Собственно говоря, об этом, прямо или косвенно, речь шла во всех предыдущих главах. Как уже подчеркивалось, политическая психология имеет практический смысл везде, где действует человеческий фактор. И только там, где роль этого фактора уменьшается (прежде всего, в бюрократизированных структурах и жестко формализованных политических институтах), снижается значение и возможности применения политической психологии.

Если говорить в политико-хронологическом плане, то максимальное значение политическая психология имеет в кризисных ситуациях разрушения прежних структур и институтах. Революции, войны, кризисы, восстания, неустойчивые политические режимы — вот точки наибольшего значения психологического фактора. Со временем, обычно это значение минимизируется: чем более стабильна и упорядочена политическая система, тем меньшую роль играет в ней психологический фактор.

Рассматривая отдельные сферы политики, становится очевидным, что роль политической психологии особенно велика там, где речь идет о воздействии на людей. Из предшествующих глав ясно, что политическая психология имеет серьезное значение в плане воздействия на отдельную личность, будь то обычный человек или политический лидер, на малые группы и происходящие в них процессы, на большие группы и, наконец, на значительные массы людей.

Воздействие на эти четыре группы объектов наиболее важно в четырех основных сферах: во внутренней политике, во внешней политике, в военно-политической сфере и, наконец, в сфере массовых информационных процессов. **Во внутренней политике** политическая психология имеет прикладное значение

практически во всех ее основных измерениях: от борьбы лидеров за власть и психологии власти, до состояния массового сознания, обеспечивающего поддержку или, напротив, не принимающего власть. **Во внешней политике** политическая психология используется для изучения и воздействия на власть в иностранных государствах, а также на население этих стран, хотя ее возможности явно меньше, чем во внутренней политике. Тем не менее, здесь есть свои, специфические сферы: например, психология дипломатии, переговоров, всего механизма международного взаимодействия, включая деятельность международных организаций, урегулирование конфликтов и налаживание международного сотрудничества, и т. д. **В военно-политической сфере** политическая психология используется прежде всего для психологической войны с противником, для поддержания боевого духа своих войск, а также для пропагандистско-психологического обеспечения разных аспектов военных действий и т. п. **В сфере массовых информационных процессов** политическая психология особенно незаменима. Фактически, именно через эту сферу идет большая часть самого психологического воздействия. Соответственно, прикладная психология играет важную роль и внутри самой этой сферы. Прежде всего, это касается оптимизации действий средств массовой информации для их наиболее эффективного воздействия на аудиторию, организации и проведения информационной части избирательных кампаний, организации PR-воздействия на требуемую аудиторию, формировании той или иной «политической моды» и т. д.

Прикладная роль политической психологии складывается из трех основных компонентов. *Во-первых,* это прикладные политико-психологические исследования — их задачи обычно ставятся практикой, а результаты требуют практического внедрения. Соответственно, здесь большую роль играет арсенал методов прикладного политико-психологического исследования, дающего конкретное знание, практический результат. *Во-вторых,* это методы, находящиеся на грани между прикладным исследованием и реальным вмешательством психолога в политические процессы. Соответственно, здесь речь идет о психологическом обеспечении близких к политике или реальных политической процессов. Наконец, *в-третьих,* это психологические методы и приемы, используемые самими политиками в политической практике. Прежде всего, это те приемы борьбы за власть, которые требуют от политиков особой психологической интуиции или наличия точных знаний о том, как сделать эту борьбу эффективной с психологической точки зрения.

МЕТОДЫ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследовательские методы и приемы современной политической психологии достаточно разнообразны. Это объясняется, прежде всего, тем, что в политико-психологических исследованиях используются методы и приемы, заимствованные из целого ряда смежных наук: психологии, политологии, социологии, истории, а иногда и психолингвистики, этнографии, антропологии и других научных дисциплин. Многообразие и разнообразие методов связано с двумя основными нричинами. С одной стороны, в политической психологии пока еще отсутствуют общепризнанные жесткие теоретические схемы, которые могли бы диктовать строгую определенность методических процедур. Значит, у исследователя остается достаточное пространство для творчества. С другой стороны, сам сложный междисциплинарный характер объектов, изучаемых политической психологией, вынуждает строить исследование по междисциплинарному прин-

ципу, соединяя подходы нескольких дисциплин так, чтобы они наиболее адекватно отражали суть сложного и многоуровневого объекта — поведения человека в политике. В результате, торжествует своеобразный методический плюрализм. Таким образом, выбор методов диктуется самим конкретным объектом исследования. Соответственно, начнем с рассмотрения наиболее конкретных методик политико-психологического исследования, чтобы затем перейти к более общим методам.

Политическая психология личности

При исследовании политической психологии личности применяется целый ряд методов, прежде всего, заимствованных из арсенала психологии. Изучая личность обычного человека, применяют **анкеты**, разного рода **опросники**, специальные **тесты** на выявление и определение политических ценностей и предпочтений (типа тестов Рокича, Оллпорта-Вернона и др.). Ряд специальных тестов нацелены на оценку эмоций, возникающих по поводу политических персон и событий (например, модификации теста рисуночной фрустрации Розенцвейга). Специальные, обычно **лабораторные процедуры** позволяют изучать особенности политического восприятия — в частности, на примере зрительного восприятия политической символики. Специально разработанные А.А. Хвостовым[213] **задания на логичность мышления** политической направленности позволяют оценить степень логичности такого мышления, количество и качество логических ошибок и, в целом, уровень адекватности восприятия текстовой политической информации. Существуют и методики, позволяющие оценить политическую направленность психики и поведения личности в целом — например, на основе оценки уровня ригидности мышления, **Ф-шкала** Т. Адорно позволяет оценит! склонность личности к авторитаризму и, еще более кон кретно, к фашизму.

Исследуя личность политика, используются прожективные методики (например, метод незаконченных предложений, тест цветовых предпочтений Люшера, тесты Роршаха, ТАТ и т. д.), а также личностные **тесты-опросники** типа MMPI, многофакторного теста Кетелла и др. При изучении профессиональных политиков, а особенно, политических лидеров, многое зависит от терпимости самого политика к исследованию и от его согласия на методические процедуры, требующие достаточное количество времени и внимания. При наличии адекватного отношения политиков к исследованию, важную роль играют **интервью и беседы** с ними.

Беседа как метод отличается от интервью тем, что носит двусторонний характер. При опросе интервьюер заранее знает, о чем спрашивать респондента, какие ответы можно получить. В беседе участники находятся в сравнительно равном положении. Это позволяет изучать политика без заранее заданных схем, общаться с ним, сосредоточиться на его личности и личностном восприятии обсуждаемых проблем.

Особая разновидность методов изучения политиков — так называемые **дистантные методы**, которые не требуют прямого, «контактного» взаимодействия психолога с политиком. Сюда относятся разного рода **психобиографические методы**, включая интервью с его соратниками, родственниками и т. д. Широко применяется и **метод экспертных оценок**, позволяющий получить не-

---

[213] См.: *Хвостов А.А.* Психологические и логические основы политического мышления: Канд. дисс.— М., 1996.

кий «усредненный взгляд со стороны» на того или иного политика, причем глазами высококомпетентных в политике лиц — экспертов.

Очень важную роль играет также **анализ «продукции»** политического деятеля. К «продукции» политика относятся тексты, жесты, манера выступления и т. д. Вся эта продукция успешно изучается с помощью различных вариантов **метода контент-анализа**. В качестве материала для такого контент-анализа используются тексты, принадлежащие перу данного политика (статьи и книги), видео- и аудио-записи его выступлений. В качестве примера можно сослаться на опыт Д. Винтера и М. Херманн с соавторами, анализировавших методом контент-анализа тексты выступлений Президентов экс-СССР и США М. Горбачева и Дж. Буша в период установления их взаимоотношений для выявления ряда когнитивных характеристик и особенностей этих лидеров[214]. Исследовались такие компоненты политического мышления, как убеждения, понятийная сложность, представления о методах достижения целей и ряд других особенностей. Подчеркнем, что изучались прежде всего спонтанные, а не написанные заранее спичрайтерами тексты. Результаты сравнивались с данными аналогичных исследований политических лидеров разных стран, что позволило получить достаточно объективированные данные. Близок к этому способу анализа и особенно популярный в последнее время **метод составления личностных когнитивных карт** политиков. На их основе вырос и развивается более общий метод построения «личностных решеток» Келли — от особенностей мышления, он идет вглубь структуры личности политика, позволяя достаточно эффективно прогнозировать его поведение.

К числу дистантных методов относится и впервые примененное еще Г. Лассвелом[215] изучение медицинских карт политиков в одном из элитных санаториев, где их лечили от неврозов, алкоголизма и т. п. Так что история с охотой западных спецслужб за экскрементами Л. Брежнева, приведенная во введении к этой книге, имела под собой вполне реальную экспериментальную политико-психологическую основу. Наши собственные попытки в годы советской власти попытаться получить для исследования медицинские материалы о лидерах даже не первого или второго, а третьего-четвертого эшелонов показали, что в условиях тоталитарного режима это представляет собой одну из важнейших государственно-политических тайн. В последние годы начал развиваться генетический анализ личности политических деятелей.

Политическая психология малых групп

При исследовании политической психологии малых групп, большую роль до сих пор играют разнообразные **варианты социометрического метода**, разработанного еще Дж. Морено при исследовании политико-психологических последствий Первой мировой войны. Основанные на косвенном опросе предпочтений членов группы по отношению друг к другу, этот метод позволяет выявить неформальную структуру группы, опрделить ее лидеров, ведомых, и даже «отверженных».

Особенно эффективны социометрические опросы для выявления структуры партийных политических групп. Процедуры социометрического опроса дав-

---

[214] См.: Winter *D., Hermann* M., Vainfroub *W., Walker S.* The Leader as a projective scene. // Political Psychology.— 1991.— Vol. 12 — № 2.
[215] См.: *Lcisswell H.* Op. cit.

но и подробно описаны в соответствующей литературе[216]. Получаемые в результате этих опросов данные позволяют построить социометрическую матрицу и социограмму групп, а также рассчитать ряд существенных показателей — индексов групповой сплоченности, групповой экспансивности, а также групповой интеграции.

Многолетние социометрические исследования позволили выявить несколько базовых законов, особенно отличающих функционирование политических групп.

Во-первых, это так называемый социогенетический закон: высшие формы организации групп вытекают из простейших. Хотите понять политическую психологию всей партии — изучайте ее первичную организацию. Хотите понять политическую психологию общества — исследуйте особенности образующих его малых групп.

Во-вторых, социодинамический закон: в любой группе привязанности распределены неравномерно. То есть, всегда есть лидеры и ведомые, а также, по выражению самого Дж. Морено, «социометрический пролетариат» — «отверженные» или «парии».

В-третьих, закон социальной гравитации: сплоченность индивидов в группе прямо пропорциональна их влечению, притяжению или отталкиванию по отношению друг к другу, и обратно пропорциональна пространственной дистанции между ними (при условии, что возможности для общения константны).

Социометрические методы в свое время были настолько популярны в социально-политической науке и практике, что их создатель Дж. Морено предложил «простой способ» решения всех социально-политических проблем. Для этого, утверждал он, надо всего лишь переформировать малые группы в пределах страны или даже всего человечества так, чтобы во вновь сформированные группы входили только те люди, которых тянет друг к другу. «Социометрическая революция Морено придет на смену пролетарской революции Маркса!», — резюмировал автор этой, прямо скажем, утопической идеи. Однако, при всем утопизме таких глобальных проектов, социометрия продолжает играть полезную роль в конкретных исследованиях.

Другим методом, позволяющим исследовать политическую психологию групп, обладающих выраженными политическими ценностями, является **метод построения** их **психосемантического пространства**[217].

Используя варианты метода семантического дифференциала Ч. Осгуда, отечественные исследователи научились определять политические штампы и клише в лексике новых российских партий. Изучая партийные документы публичного характера, они сумели построить многомерную типологию сознания политических активистов.

Политическая психология больших групп

При исследовании политической психологии больших групп, широко используются, прежде всего, наблюдение и социологические опросные методы. **Наблюдение** может быть кратко-, средне- и долговременным. Последнее, как правило, ведется большими исследовательскими группами и требует значительных усилий по сбору материалов и созданию единой системы индикаторов, под-

[216] Например, см.: *Коломинский Я.Л.* Психология взаимоотношений в малых группах. — Минск, 1976.

[217] См.: *Петренко В.Ф, Митина О.В.* Семантическое пространство политических партий. // Психологический журнал. — 1991.— № 6.

лежащих фиксации в ходе наблюдения. В США, например, таким образом было изучено целое поколение людей на всех фазах его существования, от рождения и социализации до пенсионного возраста. Исследователь, ведущий наблюдение, изучает интересующую его ситуацию. Он может непосредственно участвовать в ней. **Метод включенного наблюдения** позволяет изнутри исследовать процесс зарождения и развития политического конфликта, эволюцию массового движения, деятельность политической партии и т. д. Для исследования ценностных ориентации советских рабочих 60-х годов прошлого века, например, отечественный социолог В.Б. Ольшанский определенное время работал слесарем на московском заводе Ильича. Его коллега И.Т. Левыкин, проживая в деревне, методом включенного наблюдения изучал психологию советского крестьянства того же периода. Американский психолог Т. Лири, войдя в доверие к членам банды уличных хулиганов — тинейджеров, чуть позже, уже в 70-е годы, изучал психологические ориентации популярного тогда молодежного движения хиппи.

Разного рода **социологические опросы и анкетирование**, проводимые по репрезентативной выборке, в самых разных масштабах, дают полезную информацию, которая поддается политико-психологической интерпретации при условии правильного составления анкет. Такого рода исследования незаменимы в ходе избирательных кампаний разных уровней — они дают возможность оценивать ход кампании и эффективность усилий кандидатов, а также прогнозировать возможные результаты.

Анкетные исследования и опросы населения получили широкое распространение в 30-е гг. XX века, когда Дж. Гэллап провел первый предвыборный зондаж политической ситуации. Сегодня широко используются обе главные группы опросных методов: интервью (предполагающее прямой контакт интервьюера с респондентом) и массовые анкетные опросы (не обязательно предполагающих такой контакт — типа почтовых опросов, публикации анкет в средствах массовой информации и т. п.). Как уже говорилось, это имеет значение для практики, а также для теории. Анализ факторов, влияющих на решение избирателя, изучение зависимости между социологическими характеристиками избирателя (возраст, образование, пол, профессия, уровень дохода и т. п.) и его декларируемым поведением на выборах дает очень важную политико-психологическую информацию.

Особую популярность в последние годы получили так называемые **фокусированные интервью**, образующие **метод фокус-групп**. Вместо того, чтобы проводить многотысячные опросы, собирается несколько небольших (7—10 человек) групп «типичных представителей» разных слоев общества, с которыми в течение нескольких часов фокусированно обсуждаются интересующие исследователей темы. В дополнение к количественным социологическим данным, это дает необходимый качественный материал.

Анализ всей возможной **статистической информации** открыл перед политической психологией новые возможности. Располагая соответствующей техникой анализа, из статистики можно извлечь массу полезных данных, проследить закономерности, выявить тенденции, подтвердить те или иные политико-психологические гипотезы. Достоинство данного метода в том, что он позволяет абстрагироваться от ограничений пространства и времени.

Еще один метод политической психологии — **изучение документов**. Он включает анализ официальных материалов, стенограмм заседаний парламента, программ партий, отчетов об официальных переговорах и т. д., а также личных документов, дневников, писем, мемуаров. Значительный интерес представляют кино- фото-, фонодокументы, плакаты, картины и т. п.

Политическая психология масс

При исследовании политической психологии масс значительную роль играет метод наблюдения. Когда речь идет о поведении толпы, иных методов исследования в режиме реального времени практически просто не существует. Для ретроспективного анализа используются описания современников, мемуары, а также документы. Если же дело касается «собранной» или «несобранной» публики, то их изучение включает экспертные опросы и анкетирование (для «собранной») и массовые социологические опросы (для «несобранной» публики).

При исследовании политической психологии практически всех объектов, помимо перечисленных конкретных эмпирических методов политико-психологического исследования перечисленных четырех групп объектов, также применяется ряд **общих методов политической психологии**. Они используются в отношении подавляющего большинства конкретных объектов,

Так, в частности, особую роль в политической психологии играет **эксперимент, имеющий специфическую форму игрового моделирования**. При таком моделировании исследуемый процесс или явление воспроизводятся в интересующих исследователя параметрах, через создание ситуации своеобразной игры. Поэтому другое название метода — **метод имитационных игр**. Имитируя в игровой форме развитие того или иного политического явления (конфликта, переговоров, заседания парла-ментаит. п.), исследователь Получает возможность предвидеть варианты развития реального процесса, а также вскрывать его внутренние, психологические механизмы.

Подобные игры применяются для разрешения спорных, конфликтных проблем отдельных стран и целых регионов. Их основная задача — предвидеть и устранить возможные или уже существующие конфликты. Выгоды такого моделирования понятны: нейтральные эксперты, имитируя поведение участников конфликта, дают возможность прогнозировать их поведение и предлагать им конкретные рекомендации. Если в игре участвуют представители сторон-участниц конфликта, то это позволяет уточнить особенности восприятия и понимания ими спорного вопроса. В свое время была очень успешной дискуссия такого рода между журналистами Сомали, Эфиопии и Замбии по поводу территориальных претензий этих стран друг к другу (1969 г.). В результате возникшего взаимопонимания нормализовался тон прессы внутри этих стран, успокоилось общественное мнение, что и способствовало урегулированию ситуации.

Если же в игре участвуют лица, могущие непосредственно влиять на ситуацию, то это ставит исследование на грань прямого влияния психологов на политику. Так, в начале 70-х гг. в Лондоне (организацией занимался известный в данной сфере немалыми достижениями Лондонский центр исследования конфликтов) была проведена серия встреч представителей руководства греческой и турецкой общин на Кипре в связи с обострением положения на острове. Группа психологов разработала «правила игры» и условия встреч, а также удерживала участников от взаимных оскорблений и конкретизировала дискуссию, уточняла позиции, не давала обсуждению уйти в общие рассуждения, помогала полнее и точнее воспринимать ситуацию и позиции друг друга. Тем самым реально была подготовлена платформа для заключения соглашения об урегулировании положения дел на острове.

Позднее, психологи активно участвовали в подготовке и проведении знаменитой встречи в Кэмп-Дэвиде, где радушный хозяин-посредник, президент США Дж. Картер, принимал лидеров конфликтовавших тогда стран, Израиля и

Египта. В результате, была прекращена война и достигнуты мирные договоренности.

Автору этой книги лично довелось организовывать аналогичные игры, которые привели, в результате, к выработке политики национального примирения в Афганистане во второй половине 80-х гг., а в итоге — к выводу советских войск из этой страны. Похожие приемы в рамках той же политики национального примирения привели к позитивным изменениям в конце 80-х гг. в Анголе, Польше и ряде других стран. В целом, это свидетельствует о безусловной эффективности метода игрового моделирования не только в качестве исследовательского приема, но и в гораздо более серьезном качестве метода особого, психологического вмешательства в реальную политику.

Помимо уже перечисленных, в отношении всех объектов своего исследования политическая психология активно использует **сравнительно-исторические методы**. К ним относятся методы исторического описания, конкретного анализа, сравнительный, периодизации, хронологический, проблемно-хронологический ретроспективный, прогностический, исторических аналогий и др. Сравнительно-исторические методы дают возможность изучать политико-психологические явления и факты в тесной связи с той исторической обстановкой, в которой они возникли и действовали, а также в их качественном изменении на различных этапах развития. Понятно, например, что механизмы лидерства менялись на протяжении истории — от пещерного вождизма до президентства. Однако уловить и зафиксировать эти изменения можно только при сравнительном политико-психологическом анализе. Он особенно необходим для анализа неоднократно повторяющихся в истории явлений, применим для сравнения политических процессов, имеющих генетическое родство, действующих в единой исторической ситуации, но не связанных прямо по происхождению. К такого рода примерам можно отнести, скажем, политическую психологию февральской и октябрьской (1917 г.) революций в России.

Сравнительно-исторические методы предостерегают исследователя от вульгаризации и других искажений политической психологии, позволяют обобщать современный и исторический опыт политики. Сравнение отдельных этапов и периодов политического процесса дает возможность выявить психологические закономерности его развития. Проблемно-хронологический метод предполагает расчленение более или менее широкой проблемы на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. Метод ретроспективного психологического анализа политических явлений способствует развитию прогностической функции политической психологии, поскольку возможность заглянуть в будущее тесно связана с умением делать адекватные выводы из предшествующего и современного развития, распознавать его законы.

В целом же, особое значение для политической психологии имеет наиболее общий, системный метод. Именно он позволяет изучать политику как комплексный процесс, выявлять на общем фоне развития того или иного политического явления наиболее существенные психологические компоненты, прослеживать их взаимозависимость между собой, а также их влияние на политические явления и процессы. Системный подход подсказывает и еще одну важную вещь. Изучая те или иные объекты, политический психолог должен уметь пользоваться не одним-двумя методами, а выстраивать целостную систему методов своего исследования.

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПОЛИТИКУ

Как уже говорилось выше, целый ряд методов политико-психологического исследования находится на грани прямого вмешательства политической психологии в реальную политику. Прежде всего, это относится к специфическим экспериментальным приемам, в частности, к методу игрового (имитационного) моделирования. Примером перехода этой грани является проблема психологии и психологического обеспечения реальных политических переговоров.

Переговоры

Переговоры — процесс обсуждения двумя или более сторонами проблем, представляющих взаимный интерес, как правило, с целью поиска путей их решения. В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества и интенсивности ведения переговоров в самых разных сферах (политика, дипломатия, торговля, разрешение трудовых споров, национальных конфликтов и т. п.). Соответственно, возрастает число специальных исследований психологической составляющей переговоров[218].

Согласно М.М. Лебедевой, посвятившей данной проблеме ряд работ[219], главное предназначение переговоров — разрешать споры и сотрудничать. Реально, это две стороны одной медали; переговоры, ориентированные на сотрудничество, вовсе не исключают того, что у сторон могут появиться серьезные разногласия, и на этой почве возникнет конфликт. Возможна и прямо противоположная ситуация, при которой урегулирование конфликта перерастет в сотрудничество с бывшим соперником. История знает немало примеров, когда даже военные противники впоследствии становились партнерами в торговых отношениях.

И при сотрудничестве, и при конфликте переговоры обычно нужны для принятия совместных решений с последующим их выполнением, хотя в действительности переговоры часто используются и для других целей, не связанных с решением проблем, а порой, даже противоречащих им. Например, для отвлечения внимания партнера, пропаганды собственных взглядов, выяснения точек зрения и т. п. В этом смысле, переговоры могут выполнять несколько различных функций.

В переговорах выделяют содержательный (что именно подлежит обсуждению) и процессуальный (каковы закономерности самого переговорного процесса, а также какова стратегия и тактика участников переговоров) аспекты. Одна из важнейших психологических характеристик переговорного процесса заключается в том, что это всегда совместная с партнером деятельность. Следствием этого является необходимость учета интересов партнеров, а также особенностей его восприятия проблемы.

Обычно стороны обращаются к переговорам в тех случаях, когда односторонние действия невозможны или невыгодны, а также нет предусмотренных в обычном, например, законодательном порядке процедур и регламентированных моделей решения. Когда хотя бы одна из сторон считает, что она способна более эффективно решить проблему самостоятельно, переговоры вряд ли состоятся. Не состоятся они и тогда, когда возникшие противоречия и разногласия можно

---

[218] Например, см.: *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения.— М.: Наука, 1990; Jonsson Ch. Communicatton in International Bargaining. — L., 1990, и мн. др.

[219] См.: *Лебедева* М.М. Вам предстоят переговоры. — М., 1993, и др.

легко преодолеть на основе нормативных актов, которым следуют обе стороны. В то же время, практика ряда стран показывает, что многие вопросы, связанные даже с гражданским правом, легче и быстрее решать не через судебные или иные правоохранительные инстанции, а еще в досудебном порядке, путем переговоров. Только в том случае, когда переговорные возможности исчерпаны, а согласия не достигнуто, стороны обращаются в суд. Причин избегания разбирательства в суде как минимум две. Во-первых, это необходимость платить судебные издержки. Во-вторых, что может быть более важным, решение суда — это чужое решение, обязательное к исполнению. Стороны же путем переговоров могут найти иное, свое решение, которое в большей степени удовлетворит каждую из них.

Другой характерной чертой переговоров является соотношение интересов партнеров, которые частично совпадают, а частично расходятся (взаимоисключающие и непересекающиеся интересы редко подлежат переговорам). Области совпадения и несовпадения интересов могут быть различными в зависимости от конкретной ситуации, однако они обязательно присутствуют при любых переговорах. Это отличает переговоры от многих иных видов деятельности как с чисто конфликтными интересами (например, спортивные состязания, войны и др.), так и с практически совпадающими (различные виды сотрудничества). При полном совпадении интересов участников, а также понимании путей достижения целей, обсуждение не требуется — стороны просто переходят к совместным действиям. При полном расхождении интересов наблюдаются конкуренция, состязание, противоборство, конфронтанция и, наконец, войны. Именно совпадение интересов делает переговоры возможными, а их расхождение побуждает к проведению переговоров.

От интересов участников переговоров необходимо отличать их позиции и переговорные концепции. Позиции на переговорах подразумевают то, как стороны сформулировали свои интересы и представили их партнеру. Позиции могут довольно значительно меняться в ходе переговоров. Переговорная концепция — менее изменчивый элемент. Под ней понимается общий подход к данным переговорам.

Согласование интересов составляет центральное психологическое звено переговорного процесса, их основной смысл. Оно может осуществляться на основе двух подходов: при так называемом «торге», или при совместном с партнером анализе проблемы. При торге переговоры рассматриваются сторонами как одно из средств реализации своих интересы в наиболее пол-йом объеме. Здесь каждый стремится получить максимально возможное, при этом интересы другой стороны игнорируются. Совместный с партнером анализ проблемы нацелен на разрешение противоречий и взаимное удовлетворение интересов.

Найденное в результате переговоров решение может быть двух основных типов: компромиссным, когда стороны делают уступки навстречу друг другу (по отдельным вопросам, или увязывая их в один пакет), и принципиально новым, когда участники снимают противоречия путем, например, включения данной проблемы в более широкий контекст. Так, появление глобальных проблем, усиление взаимозависимости мира совсем по-иному поставило перед членами мирового сообщества более частные вопросы.

В структуре переговорного процесса выделяется три основные стадии; подготовка к переговорам; их ведение; анализ результатов и выполнение достигнутых договоренностей. В свою очередь, стадия ведения переговоров предполагает прохождение ряда этапов: взаимного уточнения позиций, интересов, точек зрения; обсуждения возможных подходов к решению проблемы; согласо-

вания интересов. Этапы ведения переговоров реализуются через способы подачи позиции и различные тактические приемы.

Коалиции

Еще один пример частого психологического вмешательства в политику — создание коалиций. Без понимания психологической сути этого явления, как правило, коалиции оказываются неустойчивыми и быстро распадаются. Понятие «коалиция» — от лат. coalescere, объединяться, обычно используется в двух наиболее известных смыслах. Во-первых, это политический и военный союз двух и более государств против общего противника (Антанта в Первой, или антигитлеровская коалиция во Второй мировой войне). Во-вторых, это соглашение, выработанное партиями либо общественными деятелями для осуществления совместных действий. В обоих смыслах, мы видим внешнюю суть коалиции. За ней же, естественно, стоит суть внутренняя, психологическая.

С психологической точки зрения, в основе любой коалиции лежат несколько факторов. Во-первых, это осознание дефицита собственных ресурсов и желание воспользоваться чужими ресурсами для достижения своих целей. Во-вторых, это наличие общего врага, общей опасности. В-третьих, готовность закрыть глаза на существующие разногласия и противоречия с потенциальным партнером по коалиции в связи с важностью первого и второго факторов. Выдающимся психологическим мастером коалиций был И.В. Сталин. Вначале, имея в виду цели «мировой революции» и понимая недостаточность собственных ресурсов, он вступил в тайную коалицию с Германией против общего врага, мировой буржуазии. Для начала, он решал конкретную задачу, которую Красная армия не смогла решить раньше — захват и раздел Польши. Как известно, были выработаны и подписаны соответствующие протоколы («пакт Молотова-Риббентропа»). Принципиально важно, что была забыта вся предшествовавшая коминтерновская антифашистская риторика, закрыты глаза на все противоречия с фашизмом.

Затем, после того, как данная коалиция распалась и началась война с Германией, Сталин легко вступил в антигитлеровскую коалицию с «мировой буржуазией» в лице США и Великобритании. В основе этого лежали все те же факторы: понимание, что без «второго фронта» выиграть войну с Германией маловероятно, наличие общего врага в лице А. Гитлера и, наконец, легкая замена антибуржуазной риторики на антифашистскую. Любопытно, что абсолютно теми же факторами руководствовались и партнеры по новой коалиции — особенно Великобритания, обиженная на Гитлера за то, что он до этого нарушил мюнхенские соглашения. Впрочем, обижаться было не на что: и У. Черчилль, и А. Гитлер всего лишь показали себя не менее выдающимися мастерами политических коалиций. Обратим внимание на особую роль личности лидера в формировании коалиций. Для этого нужна особая психика и изощренное сознание.

Действию аналогичных факторов подчиняются не только внешнеполитические, но и внутриполитические процессы. Особе значение имеет формирование партийно-фракционных коалиций в парламентских странах для образования правящего большинства и, соответственно, формирования правительства. Так, в частности, Д.Д. Робертсон[220] разработал, на основе теории коалиций В. Райкера, типологию коалиционного лидерства (то есть, «парламентского» по Д.М. Бернсу). По его мнению, на стиль лидерства влияет тип правящей коалиции, кото-

[220] *Robertson J.D.* Coalition leadership. — In: Leadership and politics: new perspectives in political science. — Lawrence, 1989. — P. 244—266.

рый, в свою очередь, определяется конфигурацией политических партий, попадающих в коалицию, пропорцией мест в главной палате и количеством партий в коалиции. Как известно, главными типами коалиции во внутриполитическом измерении являются «коалиция меньшинства», «минимальная выигрышная коалиция» и «сверхбольшая коалиция».

Коалиция меньшинства порождает особое, «консультативное» лидерство, так как для получения поддержки, скажем, премьеру обычно необходимо проводить консультации за пределами коалиции. Минимальная выигрышная коалиция ведет к появлению лидера-гегемона который доминирует во всех сферах, по которым принимается решение. В сверхбольшой коалиции стиль премьера будет компромиссным, так как ему придется достигать консенсуса и примирять конфликтующие интересы внутри коалиции.

В специальных экспериментах Дж.К. Марнингхана[221] коалиции изучались в лабораторных условиях. Четыре модели коалиционных игр («минимальных ресурсов» Гамсона, «сделки» Комориты и Черткоффа, «взвешенной вероятности» Комориты и «модель Рофа-Шапли»), являвшихся моделями конфликтных ситуаций, исследовались с точки зрения их прогностического значения, фактора увеличения или уменьшения вероятности получения выигрыша, и проявлений феномена «сила в слабости». Оказалось, что игроки с меньшими ресурсами чаще включаются в выигрышные коалиции. Наиболее прогностически адекватными оказались модели «сделки» (торга за условия коалиции) и «взвешенной вероятности» (рационального конструирования коалиции). Феномен «сила в слабости» (роль игрока, обладающего небольшими ресурсами, оказывается решающей при его присоединении к той или иной коалиции, которая в результате становится выигрышной) возникал в ситуации легкой взаимозаменяемости таких игроков и повышенных ожиданий ими предложений от других. Слабость таких игроков оказывается «сильной», когда их несколько, и они пользуются спросом — тогда возникает торг. Однако их шансы на успех не очень велики. Скорее, они возрастают по ходу игры: увеличивающиеся в ходе игры ресурсы ведут к повышению вероятности включения игрока в выигрышную коалицию.

Во внутриполитической сфере в процессе и в результате формирования коалиций могут возникать различные политические группировки. Эти процессы также имеют свою, обычно скрытую, политико-психологическую основу.

Политические группировки и их взаимодействие

Понятие «группировка» в политике используется в трех значениях. Во-первых, это взаимодействие двух или более разнородных центров политической деятельности, на основе соглашений демонстративно общего характера. Во-вторых, взаимодействие на основе тайного сговора, тщательно скрываемого от общественности и не носящего характера формального соглашения или союза. В-третьих, это согласованные или совместные акции на основе временного (или кажущегося) совпадения их интересов. То есть, группировки делятся на демонстративные, тайные и временные. Решающим фактором является наличие общих интересов — только на их основе возможна совместная деятельность.

Без наличия действительно общих интересов, группировки в политике имеют тенденции к распаду. Однако, при определенных условиях (взаимная потребность участников друг в друге, необходимость сплотиться перед лицом общей опасности) они могут превращаться в относительно устойчивые коалиции и

[221] *Murninghan J.K.* Strength and weakness in four coalition situations. // Behavioral Sciencies. — 1978.— Vol. 23.— № 5. — P 195—208.

без позитивных общих интересов — скажем, достижения программных целей. Тогда сплачивает ситуация и негативные общие интересы — та же общая опасность, представляющая угрозу для реализации интересов. Классические примеры группировок — это предвыборные партийно-политические объединения. В них всегда понятен общий интерес как позитивного (пройти, скажем, в парламент), так и негативного свойства (не проиграть, не остаться «за бортом» политической жизни), В жизни каждой страны в любой момент можно найти примеры таких группировок, Российские выборы в Государственную Думу 1999 г. показали несколько таких объединений. К «демонстративным» можно отнести Союз правых сил, формально соединивший несколько мелких праволиберальных структур. К «тайным» — «Отечество — вся Россия». Создание группировок способствовало их успеху на выборах, однако вскоре они либо явно распались (ОВР), либо стали испытывать внутренние конфликты (СПС). Внутри Думы возникли новые группировки (особенно в период раздела постов и должностей между фракциями), которые также оказались достаточно временными. Подчеркнем, что в формировании всех перечисленных группировок в качестве консультантов участвовали и психологи, однако степень их прямого влияния в отечественной политике пока не очень существенна. Рекомендации психологов принимаются только в тех случаях, когда они совпадают с мнениями и целями лидеров группирующихся сил.

Более позитивным примером достаточно долговременной политической группировки можно считать НПСР во главе с КПРФ. Этот союз существовал, хотя и не без противоречий, с 1995 по 1999 гг. После перерыва наблюдались попытки его восстановления.

К сравнительно долговременным, обычно, как раз и относятся оппозиционные, особенно откровенно антиправительственные группировки. Это политические или военно-политические объединения групп, партий, движений, военных формирований, ставящие целью свержение правительства с помощью силы, либо принуждение его к выполнению определенных требований. Как правило, такие группировки возникают и действуют в условиях фактической гражданской войны или революции. Они ориентируются в основном на нелегальные, в том числе вооруженные средства борьбы, включающие террор и психологическую войну в ее наиболее жестких формах.

Политически, образование таких группировок может быть составной частью спланированного государственного переворота или локального военного мятежа, но возможна и стихийная партизанская форма ее зарождения. Социальная база таких группировок, в зависимости от конкретных условий страны, может быть различной, но обычно включает в себя маргинальные слои, люмпенство, а в полиэтническом обществе — соответствующие этнические группы, подвергающиеся дискриминации.

Психологически, ключевым мотивом возникновения и существования таких группировок является известный мотив: «Против кого будем дружить?». Чаще всего, такие группировки представляют собой коалиции совершенно разнородных сил, объединяемых только враждебностью к власти и экстремизмом в выборе средств борьбы. Отсюда их внутренняя неустойчивость и склонность к распаду после достижения позитивных целей — овладения властью. Классический пример — группировка большевиков с эсерами ради захвата власти в России в начале века. После достижения цели в октябре 1917 г., группировка вскоре распалась — начался дележ власти, правительственных постов, влияния на страну. Итогом стало «подавление левоэсеровского мятежа» и установление большевиками монополии на власть. Обратим внимание на то, что в то время

сами политики, включая лидеров группировавшихся сил, выполняли функции практических политических психологов, что достаточно отчетливо прослеживается по их опубликованным работам того периода.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Таким образом, от методов политико-психологического исследования, мы перешли к рассмотрению методов, находящихся на грани прямого вмешательства психологии в политику. Но это не предел для прикладной политической психологии. В заключительном разделе мы рассмотрим несколько примеров политических явлений, связанных с главной темой политики, борьбой за власть, которые требуют от политиков быть высоко-классными практическими психологами. Это примеры политических действий, акций, в основном базирующихся на прикладном использовании психологии.

Политическая интрига

Само понятие «интрига» происходит от франц. intrigue и еще более раннего лат. intrico, intricare, что имеет несколько значений. Во-первых, это скрытые действия, обычно неблаговидные, происки, козни для достижения чего-либо. Во-вторых, психологический способ построения фабулы, сюжета, схема развития событий при помощи сложных перипетий действия, переплетения и столкновения интересов персонажей, особенностей обстоятельств и их соотношения, обес-лечивающих динамичное развитие действия. В-третьих, реже, любовные отношения, любовная связь. Все три значения встречаются в контексте современной политической жизни и наполнены значительным психологическим содержанием.

В обычном употреблении политическая интрига — сложное, запутанное, подчас загадочное стечение обстоятельств, ведущее к плохо прогнозируемым для обыденного сознания, обычно неожиданным последствиям. Внешне, феноменологически, такая интрига представляет собой соединение во времени и пространстве ряда разноп о рядковых политических событий и процессов, создающее качественно новое направление развития политической ситуации. Внутренне, с точки зрения механизмов, интрига, как правило, является плодом целенаправленных усилий, политико-психологической игры политических сил и/или отдельных политических деятелей, ведущих течение событий к необходимым им результатам в условиях создания видимости вроде бы спонтанного, неожиданного, самопроизвольного развития этих событий, Наиболее отчетливо эти механизмы интриги проявляются в такой ее разновидности как политический заговор.

Значительно реже интрига является следствием действительно случайного стечения обстоятельств — в этом случае она обычно представляет собой такую игру политического случая, последствиями которой могут воспользоваться самые неожиданные силы и фигуры. Примером такого рода может служить сложная ситуация в ходе развития Великой французской революций, когда в итоге в заимоизнуряющей и запутанной борьбы различных политических сил возникла ситуация безвластия, и «кончиком шпаги» Бонапарта была поднята «лежащая в пыли» императорская корона.

Психологическая интрига — один из древнейших, традиционных способов борьбы за власть и влияние, элитарный способ «делания политики». Описания первых интриг присутствуют уже у античных авторов. Практика интриг была

широко развита в древневосточных государствах. Само понятие возникает в древнем Риме, политическая жизни которого в значительной степени строилась именно на интригах — так, в частности, наиболее известные примеры из того времени связаны с интригами египетской царицы Клеопатры в ее сложнейших взаимоотношениях с римскими императорами. В Италии родились и первые попытки аналитического осмысления места и роли интриги в политике — признанным теоретиком интриги считается Н. Макиавелли, а понятие «макиавеллизм» до сих пор служит синонимом обозначения выраженной склонности политика к интриге и интриганству.

Целенаправленная интрига представляет собой достаточно длительный, развивающийся процесс, включающий три компонента. Во-первых, это завязка (появление замысла, цели, идеи интриги). Во-вторых, кульминация (возникновение критической ситуации, сочетающей максимум запутанности, таинственности и, одновременно, готовности условий для достижения поставленных целей). В-третьих, разрешение (достижение инициаторами интриги цели, скрытой от большинства). По времени протекания и внутреннему динамизму различаются быстротечные (например, преследующие цели физического устранения того или иного политического персонажа или даже политической силы — типа заговора) и долгосрочные, латентные, направленные на постепенное изживание препятствующих целям интриги обстоятельств (например, целенаправленное и поэтапное ослабление влияния и подрыв авторитета политических оппонентов).

По преследуемым такой интригой целям выделяются интриги, направленные персонально- и социально-политически. К первой группе относятся интриги, преследующие целью физическую ликвидацию отдельного политического персонажа; отстранение его от власти, политическую дискредитацию и м орально-нравствен-ную компрометацию и т. д. Ко второй группе — интриги, ставящие задачи физического или символического устранения и компрометации не отдельного деятеля, а той или иной группы, причем независимо от ее размеров [от, скажем, расстрела «группы заговорщиков» или устранения представителей правящей династии до ликвидации целого социального слоя или даже класса — типа, например, «кулачества как класса»).

Традиционные инструменты интриги практически не претерпели изменения в истории политики с древнейших времен до наших дней. Это относится как к способам физического устранения, так и к приемам политической и моральной дискредитации. События последних десятилетий подтвердили действенность как террористического акта (например, покушение на Раджива Ганди в ходе интриги в период апофеоза предвыборной кампании в Индии в 1991 г.), так и обвинений в нарушении моральных норм и запретов типа склонности к алкоголизму и прелюбодеянию (например, интрига, направленная против американского сенатора Г. Харта для его дискредитации в качестве кандидата на президентский пост, и связанная с оглаской деталей его личной жизни; провал некоторых кандидатов президента США Дж. Буша на министерские посты в связи с обвинением их в скрытом алкоголизме и т.п.). Современность обогатила «инструментальный арсенал» интриг целенаправленным использованием процедур демократического общества: например, «организацией голосования» или подтасовкой его результатов. Для нашего времени характерно и то, что само по себе обвинение в «интриганстве» стало одним из сильнейших средств политической интриги.

Политическая интрига может носить как внутриполитический, так и внешнеполитический характер. Это определяется как поставленными целями, так и масштабами распространения и средствами достижения целей интриги. Если в

первом случае речь идет об изменении баланса политических влияний внутри отдельно взятого государства, то во втором — в региональном, континентальном или даже общемировом масштабе. Например, политическая интрига, связанная с подписанием конфиденциальных документов между Германией и СССР в конце 30-х гг. (так называемого «Пакта Молотова-Риббентропа» и секретных протоколов к нему, за которыми стояли лично Гитлер и Сталин), начавшись как интрига регионального значения (раздел Польши и «решение» Балтийского вопроса), вскоре переросла в континентальную, а затем вылилась в войну мирового масштаба.

Склонность к использованию интриги как основного инструмента политики в пропаганде обычно определяется как «интриганство», а политик (особенно из числа политических противников), склонный к интригам — как «интриган». Не касаясь оценочного звучания данных понятий, отметим, что за склонностью к интригам всегда стоит так называемый «психологический дар интриги», относящийся преимущественно к достоинствам политика в традиционной трактовке. Известными мастерами политической интриги были такие политики как кардинал и премьер-министр Франции А. де Ришелье; один из «отцов-основателей» британской секретной службы писатель Д. Дефо; часто выполнявший особо деликатные поручения французского двора М. Бомарше; министр ряда сменявших друг друга правительств А. Талейран и мн. др. В истории России свой след оставили обладавшие выраженным даром политической интриги Б. Годунов; граф Лесток — наперстник императрицы Елизаветы; министр трех императриц граф А. Бестужев и др. В истории XX в. признанными мастерами политической интриги считаются Сталин, Мао Цзедун, руководитель абвера немецкий адмирал Канарис и др.

Разумеется, политические интриги носят верхушечный, элитарный характер и плохо сопрягаются с интересами народных масс. Последние, в отдельных случаях, могут реально (например, спровоцированные бунты) или потенциально (угроза массовых выступлений) вовлекаться в политические интриги, однако они неизбежно являются объектами манипулятивного воздействия. Единственное, хотя и не всегда достаточное средство избегания этого — максимальная демократизация и широкая гласность политической жизни, создание специальных инструментов социального контроля в рамках гражданского общества.

Политический заговор

Понятие политического заговора означает тайное соглашение (уговор, сговор) нескольких лиц, выступающих в индивидуальном качестве или в качестве лидеров политических сил о совместных действиях против кого-либо или, реже, чего-либо для достижения каких-либо определенных политических целей. Политический заговор — особая разновидность политической интриги, отличающаяся максимально возможной конспиративностью и негативной, деструктивной, а не созидательной направленностью. Заговор всегда направлен «против», а не «за». Для того, чтобы быть успешным, тайное соглашение обязательно должно быть малочисленным. Поэтому бытующие подчас выражения типа «заговор реакционных сил» носят не аналитический, а исключительно образный, пропагандистско-идеологический характер.

Большая часть известных удавшихся в истории заговоров (учитывая, что механизмы самых успешных так и остаются тайными) носила индивидуально направленный характер и была нацелена против конкретных личностей — прежде всего, против индивидов - носителей власти. Как правило, заговоры, на-

правленные не против персоны, а против некой идеи, системы в целом, терпели неудачи — для реализации подобных масштабных целей требуются иные масштабы участников. Примером неудачного заговора такого рода является, скажем, заговор декабристов 1825 г., направленный не столько против личности Николая I, сколько против идей самодержавия и крепостничества. Заговор как специфический, наиболее персонифицированный вид политической интриги отличается требованием максимального соответствия между локальным числом участников и локальностью достигаемой цели.

Реальный заговор представляет собой одно из традиционно эффективных средств борьбы за власть и влияние в политике. Исторически первые заговоры были направлены на физическое устранение политического противника, что решало проблему кардинально — например, заговор Брута против Цезаря, будущей императрицы Екатерины II против своего супруга и т. п. С течением времени, демократизацией и гуманизацией политики заговоры стали носить более спокойный характер и видоизменили конечную цель: вместо физического устранения достаточным стало политическое отстранение оппонента. Ссылка и отставка стали доминирующими целями. Хотя они использовались и раньше, но, в основном, против второстепенных персонажей при специфическом стечении обстоятельств, уже ослабляющих степень их влияния (например, заговор против светлейшего князя А .Меньшикова, приведший к его опале и ссылке после смерти высокого покровителя — Петра I).

Со временем, именно такие варианты стали выходить на первый план в отношении первых лиц государства. Классический пример заговора такого рода в XX в. представляет собой история смещения Н.С. Хрущева с высших постов в КПСС и советском государстве в результате заговора Л.И. Брежнева и его окружения. Недавним примером неэффективного заговора стали целенаправленные действия ГКЧП по изоляции М.С. Горбачева в Форосе с целью последующего отстранения его от власти.

Смягчение целей и методов заговоров привело к изменению функциональных ролей его участников. Раньше, традиционно, достаточно четкую структуру участников заговора составляли три группы лиц: максимально заинтересованные идейные вдохновители, которые приобретали наибольшую выгоду в случае его успеха; организаторы-«разработчики» из числа их сторонников и помощников; а также непосредственные исполнители, которые редко знали о всей структуре заговора и своей подлинной роли, и мало чего приобретали в случае успеха заговора. В качестве примера можно взять широко известный заговор французского кардинала А. де Ришелье против английского премьер-министра герцога Бекингэма, приведший к убийству последнего.

С течением времени, однако, жесткие функциональные различия стали стираться: для сохранения тайны необходимо было сокращать невольно расширявшийся круг посвященных. Именно поэтому вдохновители были вынуждены становиться, одновременно, и организаторами, и даже непосредственными исполнителями. Так, например, это показал заговор ряда членов высшего советского руководства в 1953 г. против Берия: инициаторам этого заговора пришлось не только лично разработать все нюансы осуществления ареста противника, но и активно в нем участвовать самим. Известно, что в критический момент Н.С. Хрущев лично вытащил пистолет и приказал арестовать Л.П. Берия.

С другой стороны, в странах иных политических традиций, напротив, демократизация институтов власти привела к вынужденной необходимости включать в заговор значительное число людей — в частности, участников процедур, связанных с голосованием. Поскольку их посвящение в глубинные цели загово-

ра как правило невозможно, то это усиливает расслоение между вдохновителями и организаторами с одной стороны, и массой непосвященных исполнителей, участвующих в действиях против жертвы заговора, с другой. В целом, однако, и здесь можно говорить о стирании традиционного разделения обязанностей.

Роль заговора как психологического инструмента политики зависит от степени демократизации общества. Эта роль наиболее значительна в тоталитарных и авторитарных социально-политических системах, в которых вопросы власти и управления сконцентрированы в узкой среде политической элиты и решаются в рамках не столько и нституционализированного, правового, сколько межличностного, келейного взаимодействия. В таких системах, в силу небольшого числа действующих в политике лиц, наиболее распространены дворцовые перевороты и террористические акты, направленные против правителей, особое значение приобретают характер личных взаимоотношений между членами элиты, их личные амбиции и усилия по достижению власти. В силу неразвитости политической культуры, общество легко принимает такие явления и смиряется с их последствиями.

Напротив, при демократическом, правовом способе организации социально-политической жизни роль заговоров снижается. В таких обществах борьба за власть носит значительно более широкий и гласный характер, требует для успеха вовлечения большого числа людей, что невозможно в сравнительно узких рамках заговора. Уменьшение степени концентрации власти, разделение властей, появление структур представительной, регулярно сменяющейся власти неизбежно ведет к снижению опасности и эффективности заговоров и развитию «антизаговорщицкого» мышления.

Заговор, как инструмент политики, противостоит сознательному участию в ней широких масс. Общество, а котором заговоры играют значительную роль, не может считаться демократическим и находится в опасном положении. Устранение самой возможности заговоров — условие нормального социально-политического развития, связанного с гласностью и массовым участием членов общества в принятии политических решений.

Политическая мимикрия

Политическая мимикрия — от англ. mimicry, подражательство. В наиболее распространенной до недавнего времени отечественной политической трактовке беспринципное приспособление к окружающей социально-политической среде, к сложившимся условиям жизни ради достижения каких-либо выгод. В политической мимикрии и, еще более определенно, в хамелеонстве упрекали тех представителей господствовавших прежде классов и слоев после свершения революций, которые шли на сотрудничество с победившими силами, всячески скрывая и маскируя свое «социальное происхождение». В пропагандистском, политико-идеологическом смысле, обвинения в политической мимикрии типичны для классово-поляризованного, внутренне глубоко конфронтационного, вплоть до социального антагонизма общества, находящегося на этапе ожесточенной политической борьбы.

В более глубоком, аналитическом понимании политическая мимикрия означает сложный комплект защитных мер и приспособлений социально-политического характера, позволяющих выжить и сохраниться тем социальным группам, силам и слоям, для которых в обществе возникли невыносимые условия жизни и деятельности. Это вынужденное средство самозащиты в кризисных ситуациях. Подобными средствами, в частности, была вынуждена широко поль-

зоваться интеллигенция в советском обществе после победы октябрьской революции 1917 г. Само появление понятий типа «пролетарская (рабоче-крестьянская, трудовая, революционная и т. п.) интеллигенция», «пролетарий умственного труда» и т. д. означало выраженное вынужденное стремление приспособиться к сложившейся ситуации ради дальнейшего выживания. Поскольку общество не может существовать без выделения и определенного обособления той своей части, функцией которой является развитие духовности и умственный труд, то подобные способы политической мимикрии были, в целом, приняты победившими силами. Подобное принятие, однако, также было в значительной степени вынужденным, что нашло свое отражение в известной официальной марксистской позиции относительно «прослойки» и особого, маргинального статуса интеллигенции в обществе, делающего политическую мимикрию имманентно присущим ей отрицательным свойством.

Декларирование подобной позиции принижало роль интеллигенции и целенаправленно пробуждало «рабоче-крестьянскую бдительность», что до сих пор сохранилось в массовом обыденном сознании постсоветского общества в виде полупрезрительного, осуждающего смыслового оттенка в понятии «интеллигент». Тем не менее, социально-защитная функция политической мимикрии в данном случае была достаточно успешно реализована. Это убедительно подтвердили первые годы горбачевской перестройки, демократизации и гласности. Они продемонстрировали стремление сохранившейся, со своим автономным социальным самосознанием, интеллигенции к своего рода социально-политическому реваншу за прежнее униженное положение, и убедительными победами в открытой политической борьбе над представителями «гегемона» революции и последующего долтосрочного социалистического строительства, выходцами из среды рабочего класса и колхозного крестьянства.

Помимо обобщенно-политического, существует и конкретно-психологический ракурс рассмотрения поэтической мимикрии как тактического свойства тех или иных политических деятелей, сил, партий и движений менять свою идеологическую окраску, маскируясь под выразителей интересов того или иного слоя. Классическим примером такой ситуации был бурный успех национал-социалистов Германии в начале 30-х гг., успешно осуществивших мимикрию под борцов задело социализма, то есть, за интересы рабочего класса и всех трудящихся. В качестве неудачного примера мимикрии можно привести Народно-демократическую партию Афганистана 70-80-х гг. Эта партия городской интеллигенции и мелкой буржуазии левацкой ориентации пыталась, на фоне трудностей после захвата власти и наличия поддерживаемой массами оппозиции, расширить свою социальную базу в крестьянских слоях исламского большинства народа за счет мимикрии под выразителя чуть ли не религиозных интересов. Неудача подобной, явно тактической мимикрии принудила партию к вынужденному реформированию, хотя и новое название ГПартия Отечества) в определенном смысле стало приемом мимикрии — теперь уже под выразителей общепатриотических интересов.

Психология мимикрии в практической политике проявляется на уровнях отдельного индивида, малой группы и социально-политической организации. *В первом случае* говорят о мимикрии конкретного политического деятеля. Так, Наполеон Бонапарт, прежде чем провозгласить себя императором и основателем новой монархической династии, представлялся в качестве яростного защитника антимонархической революции. Во *втором случае* обычно имеется в виду мимикрия небольшой группы людей, пришедших к власти ради реализации собственных, как правило, корыстных интересов (например, военная хунта, осущест-

вившая насильственный антиконституционный переворот), но выдающих себя за поборников интересов всего народа. *В третьем случае* речь идет о политической организации, партии или общественно-политическом движении, использующих приемы политической мимикрии для завоевании массовой поддержки, «мандата доверия» для осуществления своих целей.

Наиболее распространенным приемом политической мимикрии в современной практике является демонстративный популизм — пропагандистская риторика и политические жесты, направленные на взвинчивание притязаний и ожиданий электората, на всевозможные, обычно нереальные обещания в ходе предвыборных кампаний. Многочисленные примеры такого рода дали процессы демократизации российского общества в последние годы.

Необходимость прибегать к приемам политической мимикрии и их эффективность связаны с уровнями политической культуры и политического сознания общества. При их достаточном развитии, в демократическом, хорошо информированном обществе с массовыми навыками понимания людьми собственных интересов и терпимостью к интересам других, с устоявшейся многопартийной плюралистической политической системой в рамках правового государства, необходимость в мимикрии как средстве выживания и самозащиты резко снижается. Это относится и к потенциальной эффективности и, соответственно, привлекательности приемов мимикрии для достижения узкоэгоистических, личных, групповых или корпоративных целей.

Психологическая война

В широком смысле, это целенаправленное и планомерное использование политическими оппонентами психологических и др. средств (пропагандистских, дипломатических, военных, экономических, политических и т. д.) для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и, в итоге, на поведение противника с целью заставить его действовать в угодных им направлениях. На практике, термин «психологическая война» чаще употребляется в более узком смысле: еще недавно он трактовался как совокупность идеологических акций западных стран против стран социализма, как подрывная антикоммунистическая и антисоветская пропаганда, как метод идеологической борьбы. Аналогичным образом, понятие «психологическая война» использовалось в рамках конфронтационного мышления на Западе как совокупность приемов, применяемых «восточным блоком» для подрыва психологического единства сторонников западной демократии.

Психологическая война как реальный политико-психологический процесс направлена на подрыв массовой социальной базы политических оппонентов, на разрушение уверенности в правоте и осуществимости идей противника, на ослабление психологической устойчивости, морального духа, политической, социальной и всех иных видов активности масс, находящихся под влиянием оппонентов. Конечной целью психологической войны является поворот массового сознания и массовых настроений от удовлетворенности и готовности поддерживать оппонентов, к недовольству и деструктивным действиям в их отношении. Достижение такой цели может выражаться в разных формах: от подготовки и провоцирования массовых выступлений для свержения политического режима до возбуждения интереса к социально-политическим и идеологическим конструкциям альтернативного характера.

Практически «психологическая война» означает перенос идейно-политической борьбы из сферы теоретического сознания в сферу сознания обы-

денного. В ней обращаются не к научным доводам и логическим аргументам, не к разуму и даже не к фактам, а к иррациональным явлениям. К ним относятся эмоции и инстинкты (социальной и национальной гордости, корыстной заинтересованности, державным амбициям, инстинкту социального и национального самосохранения и т. п.), предрассудки (расовые, национальные) и предубеждения (обычно традиционно-исторического характера). Сюда же относятся разнообразные социально-идеологические мифологические конструкции (от мифов о «русском медведе» до похожих штампов о «мировом империализме», «исламской угрозе», «масонском заговоре» и т. п.). Задача такого переноса борьбы из одной сферы в другую заключается в ее переводе на уровень повседневной, обыденной психологии — таким образом, чтобы эта борьба пронизывала все проблемы жизни людей и «объясняла» их через политическое противостояние. Это достигается за счет массированного внедрения в сознание людей множества ложных стереотипов восприятия и мышления, извращенных представлений о господствующих в их среде взглядах, происходящих в мире событиях и тенденциях их развития.

«Психологическая война», как непременный компонент всякой войны и вооруженного конфликта, проявляется в виде так называемой «спецпропаганды», рассчитанной на войска и мирное население реального противника. Здесь психологическая война становится средством военно-политической психологии. В силу особой закрытости, пока известны лишь два обширных проекта в истории этой сферы. Действуют «сроки секретности», а они достаточно велики. Так, например, психологический портрет А. Гитлера был создан по заданию ЦРУ У. Лангером в 1943 г. Однако опубликован он был только через тридцать лет, в 1972 г.

Проект «Кеймлот» был разработан в 60-е гг. XX века в США специальной организацией, во главе которой стоял до сих пор не известный психолог. Цель проекта: организация сбора информации о расстановке политических сил в ряде стран «третьего мира» с некапиталистическими режимами. Задача: прогнозирование «вспышек насилия», то есть, организация подрывной деятельности. Либо, в другом варианте, защита прозападных правительств от повстанцев. Первоначально «Кеймлот» нацеливался на правительство С. Альенде в Чили. Слухи о нем просочились в печать и, как будто, американское правительство от него отказалось. Однако последующие события в Чили общеизвестны.

Проект « Эджайл» был нацелен на изучен не эффективности мероприятий против повстанцев в Юго-Восточной Азии (в основном, Вьетнам). Цели: анализ мотивации коммунистов Северного Вьетнама, механизмов стойкости и сплоченности, психологических последствий различных военных и политических действий американцев во Вьетнаме. Среди реальных достижений — понимание отрицательного психологического воздействия массированных бомбардировок ДРВ. Справочно: до этого, решение президента США Л. Джонсона начать бомбардировки также опиралось на мнение психологов (из «РэндКорпорайшн»). Однако они ошибочно оценили и вероятную реакцию вьетнамского населения, и отношение американского общественного мнения к бомбардировкам.

В мирное время, в условиях силового противостояния с противником потенциальным, психологическая война выступает в качестве одного из ведущих компонентов политического противостояния. Примером такого рода является «холодная война» между Востоком и Западом, заполнившая десятилетия после Второй мировой войны и состоявшая из встречных потоков мифотворчества.

Наиболее распространенные приемы психологической войны делятся на 3 группы.

1. Приемы «психологического давления»

Это многократное повторение одного и того же ложного тезиса, ссылки на авторитеты в сочетании с различными спекуляциями (начиная от искажения цитат и кончая ссылками на несуществующие источники); манипуляция («игра») цифрами и фактами для создания видимости объективности и точности; тенденциозный подбор иллюстративного материала с упором на эффект «драматизирующего воздействия»; устрашающие «наглядные иллюстрации» пропагандистских взглядов и позиций, и другие аналогичные приемы, рассчитанные на создание эмоционального дискомфорта и нейтрализацию способности человека рационально оценивать предоставляемую информацию.

Примером такого психологического давления является так называемая «геббельсовская пропаганда», исходившая из циничной презумпции того, что ложь, дабы быть эффективной, должна быть массированной, крупномасштабной, беззастенчивой и непрерывной. В более утонченных вариантах, психологическое давление включает некоторые элементы истины, используемые в качестве прикрытия массированной дезинформации. Так, например, в период пика «холодной войны», в 1975 г., западногерманская газета «Франкфуртер рундшау» в течение двух месяцев в четырех номерах, развивая тему советской военной угрозы, последовательно увеличивала число социалистических танков в Европе: 13 500 танков — в номере от 8 октября, 15500 — от 12 декабря, 16 тыс. — от 16 декабря, 18 тыс. танков — от 17 декабря. Одновременно, количество «западных танков» за то же время уменьшилось с 6 до 5 тыс.

2. Приемы незаметного проникновения в сознание объекта воздействия

Это реклама своего (красивого и беззаботного) образа жизни, распространение желательных (обычно собственных) политических ценностей и стандартов своей массовой культуры через музыку, развлекательные телепрограммы и кинофильмы, а также через моду (на одежду, особенно с элементами политической символики, предметы быта, отдыха, туризма и т. п.). Сюда же относится массированное распространение слухов и сплетен в качестве альтернативы официальной пропаганде политического оппонента. Еще одна составная часть — конструирование и внедрение в массовое сознание политических анекдотов, сочинение псевдофольклорных («народных») поговорок и пословиц. Большая часть приемов незаметного проникновения в сознание объединяется понятием «социологическая пропаганда». Концепции социологической пропаганды ориентируются на постепенное подсознательное заражение как противников, так и потенциальных союзников наиболее привлекательными элементами предпочитаемого способа жизни. Будучи формально лишенной идеологических признаков и политических целей, такая пропаганда является эффективной в стратегическом отношении. Возбуждая потребности и интересы людей, она действует на долгосрочные факторы, определяющие поведение. Основываясь на детальном планировании и дифференцированном воздействии на различные социально-политические силы, такая пропаганда осуществляется «по нарастающей», через последовательные этапы воздействия.

3. Приемы, оснванные на скрытом нарушении и искажении законов логики

Сюда относятся подмена тезиса, ложная аналогия, вывод без достаточного основания, подмена причины следствием, тавтология и т. д. Психологическая война такого рода наиболее эффективна по отношению к малообразованным слоям общества, неспособным уловить рациональные перверсии и склонным принимать на веру чисто назывные конструкции. Примером может служить первоначальная успешность псевдосоциалистической пропаганды, использовавшейся антиколониальными, национально-освободительными силами в ряде развивающихся стран. Сумев увлечь за собой часть населения, позднее они столкнулись с многочисленными проблемами, связанными с принципиальными пороками таких приемов воздействия на людей. Оказываясь эффективными на некоторое время, эти методы носят лишь тактический характер, утрачивая действенность по мере развития сознания и роста информированности населения.

Психологическая война не является автономным аспектом в политической борьбе. Это один из компонентов системы политических отношений. Поэтому в качестве ее приемов и методов могут использоваться все элементы данной системы, оказывающие сильное психологическое воздействие. В свое время США исходили из того, что использование атомного оружия против Хиросимы и Нагасаки носит не столько военный, сколько психологический характер, причем множественной направленности — не только на японское, но и на советское руководство. Укоренившееся понятие «дипломатия канонерок», так же как «ядерный шантаж», отражает использование угрозы силы оружия в целях психологической войны.

Будучи компонентом системы политических отношений, психологическая война присутствует как во внешней, так и во внутренней политике. Во внешнеполитической сфере она включает применение против врага психологически эффективной пропаганды в комплексе с другими методами воздействия. Во внутренней политике она обычно ограничивается пропагандистским противостоянием политических оппонентов, хотя может приобретать, в отдельных случаях, и более сложный, комплексный характер. Внутриполитическими примерами психологической войны являются пропагандистские столкновения в ходе любой предвыборной кампании или борьбы за власть. Здесь психологическая война проявляется в разного рода аргументах, фальсификациях, а также политических действиях, направленных на ослабление политических оппонентов, подрыв авторитета их руководителей, дискредитацию их действий. Примерами «психологической войны» такого рода могут служить массированные кампании в США, связанные с «уотергейтским делом», что привело к импичменту президента Р. Никсона; компрометация Г. Харта; борьба оппонентов против Р. Рейгана в рамках скандала «Иран-контрас» и т.п. В современной России многочисленные примеры, встречающиеся в ходе избирательных кампаний, получили название «черного пи-ара», что, по сути, является синонимом более традиционного понятия «психологической войны».

Политический анекдот

Политический анекдот — от франц. anecdote (рассказик, забавная история), краткий смешной рассказ о какой-либо политической ситуации, поведении и чертах характера лидера или представителя какой-либо группы. Анекдот отличается намеренной гипертрофией черт и ситуаций, вплоть до абсурдизации, способствующей выразительному запоминанию и выявлению каких-то сторон политической жизни. Для их формулирования используются общеизвестные персонажи. Анекдот является острым средством политической борьбы. Его задачи

— дискредитация противников, формирование симпатий к сторонникам, прежде всего, к своим политическим лидерам. Сравним два коротких анекдота.

Первый: Брежнев (1980 г.) по бумажке открывает Олимпиаду: «О! О! О! О! ОЕ» (лист бумаги с его текстом начинается с пяти колец, олимпийской эмблемы).

Второй: «Вы слышали, Андропов руку сломал!» — «Кому?».

Соответственно, рисуются два разных образа руководителя с разным к ним отношением. Терпимо-благожелательное отношение к косноязычию Брежнева резко контрастирует с ожиданием жесткости от пришедшего ему на смену Андропова.

Часто анекдоты складываются спонтанно в массовом обыденном сознании, отражая соответствующее восприятие политики населением, и являются плодом коллективного творчества, частью городского, сельского и иного фольклора. Часто, однако, анекдоты конструируются или, по крайней мере, распространяются специально, для выполнения определенных политических функций.

В 80-е гг. нами была проведена серия специальных экспериментов. Так, в частности, в разгар кампании по принятию «социалистических встречных планов» в Москве был запущен совершенно искусственно (это видно по усложненной для массового сознания конструкции) сконструированный анекдот. Жена спрашивает мужа: «Ваня, тут на работе встречный план заставляют принимать, а что это такое?». — «Это просто, Маша. Вот ложимся мы в постель, и ты говоришь: «Ваня, давай разок!». А я отвечаю: «Нет, Маша, давай два разика!». Это и есть мой встречный план. Но на самом-то деле мы знаем, что больше одного раза все равно не сможем».

Уже на третий день пересказы этого анекдота были зафиксированы во Владивостоке. Опережая скорость движения поезда, он распространился по стране со скоростью самолетного перелета. Позднее выяснилось, что актуальность анекдота была настолько высока (это было в период массового увлечения «встречными планами», которые заставляли принимать повсеместно), что его пересказывали в междутородних телефонных переговорах.

Обычно среди слоев населения со значительным разрывом в уровне образования, культуры, а также в позициях в политической жизни, стихийно функционируют и укореняются разные типы анекдотов, отличающиеся заметным разбросом (и даже конфронтацией) политических оценок.

Завершим на этом набор иллюстраций — рассмотрение сфер, где наиболее явно проявляются психологические приемы политического действия. Хотя, безусловно, их перечень можно было бы продолжать достаточно долго. Так и просятся в строку такие разделы, как политические слухи, политическая игра, политическая провокация, политический блеф, политический шантаж, политическое зрелище, политическая демагогия, политический ритуал и т.д. Отдельные проблемы — психология политических переворотов и путчей, политического лоббизма и даже политических убийств. Это те сферы политики, которые обычно остаются глубоко в тени из-за их неприглядности и «ненормативности». Тем не менее, они имеют огромное, а подчас просто откровенно решающее значение.

Однако не нами сказано: нельзя объять необъятное. Оставим эти сюжеты для будущей книги о прикладной политической психологии. Представляется, что ее роль достаточно очевидна и заслуживает особого внимания. Тем более, что реальная политика давно использует прикладную политическую психологию, хотя и не всегда отдает себе в этом отчет. Зато мы, простые граждане, редко отдаем себе отчет в.том, как используется в политике наша психология. Значит, мы и заинтересованы в таком знании.

NB

1. Прикладное значение политической психологии связано с возможностями ее воздействия на основные объекты этой науки: личность, малую группу, большие группы и массы в политике. Воздействие на эти объекты наиболее важно в четырех сферах: во внутренней политике, внешней политике, в военно-политической сфере и сфере массовых информационных процессов. Во внутренней политике политическая психология имеет прикладное значение практически во всех ее измерениях: от борьбы лидеров за власть и психологии власти, до состояния массового сознания, обеспечивающего поддержку или, напротив, не принимающего власть. Во внешней политике политическая психология используется для изучения и воздействия на власть в иностранных государствах, а также на население этих стран. Здесь есть и специфические сферы: психология дипломатии, переговоров, всего механизма международного взаимодействия, включая деятельность международных организаций, урегулирование конфликтов и налаживание международного сотрудничества, и т.д. В военно-политической сфере политическая психология используется в целях психологической войны с противником, для поддержания боевого духа своих войск, для пропагандистского обеспечения разных аспектов военных действий и т.п. В сфере массовых информационных процессов роль политической психологии особенно велика: через эту сферу идет большая часть самого психологического воздействия. Соответственно, прикладная психология играет важную роль и внутри самой этой сферы. Это касается оптимизации действий средств массовой информации для эффективного воздействия на аудиторию, организации и проведении информационной части избирательных кампаний, PR-воздействия на аудиторию.
2. Прикладная роль политической психологии складывается из трех основных компонентов. Во-первых, это прикладные политико-психологические исследования — их задачи ставятся практикой, а результаты требуют внедрения. Здесь большую роль играет арсенал методов прикладного политико-психологического исследования, дающего конкретное знание и практический результат. Во-вторых, это методы на грани между прикладным исследованием и реальным вмешательством психолога в политические процессы. Соответственно, здесь речь идет о психологическом обеспечении близких к политике или реальных политических процессов. В-третьих, это психологические методы и приемы, используемые самими политиками в политической практике.
3. Методы прикладных политико-психологических исследований делятся на методы исследования личности, малой группы, больших групп и масс. Политическая психология личности обычного человека исследуется с помощью анкет, опросников, тестов восприятия и мышления, лабораторных процедур, личностных тестов. Личность политиков изучается посредством прожективных тестов, личностных опросников, методами интервью и беседы, психобиографическими методами, методом экспертных оценок, контент-анализом «продукции» политиков, методом составления личностных когнитивных карт и т. д. Политическая психология малых групп изучается с применением разнообразных вариантов социометрического метода, методом построения их семантического пространства и т. д. Политическая психология больших групп исследуется с помощью методов наблюдения, включая внешнее и включенное, социологических опросов и анкетирования, фокусированных интервью и фокус-групп, анализа статистической информации и изучения документов. Политическая психология масс изучается с опорой на наблюдение, анализ документов, экспертные и массовые опросы и т. д. Помимо перечисленных конкретных эмпирических методов, политическая психология использует и более общие методы. К ним относятся эксперимент в форме игрового моделирова-

ния, сравнительно-исторические и сравнительно-политологические методы. Наиболее общим является системный метод.

4. Ряд методов политико-психологического исследования находится на грани прямого вмешательства политической психологии в реальную политику. Прежде всего, это относится к специфическим экспериментальным приемам, в частности, к методу игрового (имитационного) моделирования. Примеры перехода или балансирования на этой грани — проблема психологии и психологического обеспечения реальных политических переговоров, формирования политических коалиций и группировок, а также организация их практического взаимодействия.
5. Психологические приемы прямого политического действия подразумевают политические процессы и явления, требующие непосредственного знания и использования прикладной психологии самими политиками. В первую очередь, это процессы и явления, связанные с личной или, реже, опосредованной, но прямой борьбой за власть. Сюда относятся такие «теневые» политические явления, как политическая интрига, политический заговор, политическая мимикрия, психологическая война в прямом и переносном смыслах, со всеми ее многочисленными компонентами.

Для семинаров и рефератов

1. История дипломатии. В 3-х тт. — М., 1956—1958.
2. *Макиавелли Н.* Государь. — М., 1980.
3. Политология: Энциклопедический словарь. — М., 1993.
4. *Лебедева М.М.* Вам предстоят переговоры. – М., 1993.
5. *Косолапов Н.А.* Социальная психология и международные отношения. — М., 1983.
6. A psychological examination of political leaders. / Ed. M. Hermann, T. Milburn. — N. Y., 1977.
7. *Dowers R., Huges J.* Political Sociology,. — Chichester, 1983.
8. *Hermann M.* Handbook for assessing personal characteristics and foreign policy orientations of political leaders. — Columbus, 1987.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вот и закончена наша книга. Мы рассмотрели основы политической психологии. В итоге, выяснилось, что это — пока еще только основы основ. Целый ряд важных вопросов удалось только обозначить или затронуть бегло. Более подробное изложение политико-психологических знаний потребовало бы значительно большего объема. Пока же, к сожалению, автору пришлось поневоле ограничивать себя. Однако будем надеяться, что это — временная трудность. Судя по всему, потребность в политико-психологической информации растет, и будет расти дальше. В том числе, и у реальных политиков.

Один из бывших помощников Л.И. Брежнева вспоминал: вскоре после прихода Л.И. Брежнева к власти, в конце 1964 г., в Кремле начали готовить доклад нового генерального секретаря ЦК КПСС на праздновании 50-летия победы в Великой отечественной войне. По традиции, члены высшего руководства партии и страны готовили свои материалы к этому докладу, высказывали разные предложения. И вот однажды помощник принес Л.И. Брежневу какие-то материалы, касающиеся переоценки роли И.В. Сталина в войне (до этого Сталин подвергался жесткой критике предыдущим руководством во главе с Н.С. Хрущевым). Л.И. Брежнев бегло просмотрел материалы, и отодвинул их в сторону помощника со словами: «Отправьте автору, передайте спасибо». И пояснил спе-

циально для помощника, который достался ему по наследству и, естественно, еще мало знал привычки нового хозяина: «Теория — это не мой конек. У меня два сильных качества — организация и психология». Так, загибая пальцы, новый генсек учил молодого помощника. Причем он был абсолютно искренне уверен в том, что эти его слова — затаенная, но сущая правда.

Действительно, многие профессиональные политики совершенно уверены в том, что уж что-что, а уж человеческую психологию они знают хорошо. Наверное, в чем-то они правы. Чтобы пробиться на высшие посты, надо уметь ладить с людьми, лавировать между ними, угадывать желания вышестоящих и уметь управлять нижестоящими. И так — десятилетиями. За длительное время работы с людьми, волей-неволей, начнешь понимать человеческую психологию. Однако что это за психология? Обыденная психология человеческих слабостей, психология выживания в борьбе за власть внутри бюрократических структур.

Наверное, это тоже необходимо профессиональным политикам. Жизнь есть жизнь, и от реальности никуда не деться. Однако приходится сожалеть о том, что часто только это знание и воспринимается политиками как настоящая политическая психология. Вот почему в коридорах и кабинетах власти до сих пор в особой чести так называемые «серые кардиналы» и «политтехнологи» — специалисты по откровенно «серым» и, часто, «черным» технологиям. Имеет ли это отношение к науке под названием «политическая психология» ?

Не будем изображать из себя белоручек и отрицать очевидное, якобы стремясь к «чистоте науки». Наука наукой, а практика— практикой. Только не надо их противопоставлять друг другу, пытаясь отделить «чистую» науку от «грязной» политической практики. Тут все едино, и все это — политическая психология. В ней же, как мы увидели, есть место и для заговоров, интриг, переворотов и путчей. В ней необходимо учитывать самые разные факторы, в том числе и самые неожиданные.

Один из бывших членов высшего руководства экс-СССР, руководитель одной из советских республик, лично знавший в свое время Б.Н. Ельцина, обсуждал со мной проблему влияния на его психику известной операции аорто-коронарного шунтирования (такая операция была проведена первому президенту России осенью 1996 г.). Он рассуждал: «Я так понимаю, что в результате этой операции расширяется просвет ранее суженных сосудов. Врачи говорят, некоторых сосудов — аж в четыре раза. Значит, в четыре раза возрастет поток крови, которую будет перекачивать сердце. И этот учетверенный поток пойдет в ту же самую голову?! Я же давно знаю Ельцина. Тут не сердце оперировать надо, а именно голову. А то ведь опасно для страны может быть». Понятно, что этот человек не был сторонником Б.Н. Ельцина — отсюда и тональность рассуждений. Но он был абсолютно прав в том, что реальная политическая психология обязана учитывать все — в том числе, и состояние здоровья, включая движение потоков крови в организме.

Другое дело, что реальная политическая психология не имеет права ограничиваться только этим. Профессиональные политики обязаны знать не только слухи и сплетни, но и научные психологические основы той сферы деятельности, которой они занимаются. Хотим мы или не хотим, но времена Н. Макиавелли прошли. И хотя нынешние «государи» не прочь прислушиваться к его советам и заповедям, им самим становится явно недостаточно только этого. Пример «сексуального скандала» с участием президента США Б. Клинтона показал: даже такой лихо закрученной политической интриги мало для того, чтобы отправить президента в отставку. Социологические опросы американского общественного мнения свидетельствовали о том, что люди уже научились отде-

лять личное от публичного. И прощать личные слабости такой публичной фигуре, какой является президент страны, если он эффективен в главном — в управлении этой страной. Это тоже реальная политическая психология — изменение сознания людей в восприятии политики.

Несмотря ни на что, в мире идет общий процесс; люди становятся умнее. Соответственно, должна развиваться и становиться умнее реальная политика. Ведь чтобы управлять все более умными людьми, политики тоже должны становиться все более умными и изощренными. Без научного знания этого добиться трудно.

Все очевиднее становится то, что в политике мало сделать что-то «за кулисами» — надо уметь убедительно разъяснить это сделанное населению. Мало овладеть рычагами власти и управления — надо достичь согласия людей подчиняться вашей власти. И здесь без науки — уже просто некуда деваться.

Сегодняшняя политическая психология пока еще иногда выглядит молодой и подчас слишком много обещающей, в буквальном смысле, наукой. Однако даже невооруженным глазом заметно, что она находится в процессе достаточно интенсивного развития. Это особенно отчетливо заметно на примере нашей страны. Согласимся: еще пятнадцать лет назад само ее название, сочетание слов «политическая психология» было в диковинку. Десять лет назад его уже знали — но только специалисты. Однако уже пять лет назад политическая психология стала непременным атрибутом всех политических, особенно избирательных кампаний. Без специалиста-психолога не мыслим сегодня штаб ни одного сколько-нибудь заметного российского политика, ни одной серьезной политической структуры или организации.

Как наука, политическая психология создает кафедры в университетах и занимает все большее место в учебных курсах. По оценкам экспертов, если хотя бы 10% времени, которое ведущие политические психологи тратят на практическую политику, и 10% средств, которые платят профессиональные политики за политико-психологические консультации и услуги, будет направлено на развитие самой науки, темпы ее развития возрастут в несколько раз.

Не будем делать секрета из того, что пока еще современная политическая психология во многом эксплуатирует то, что было наработано в предшествующие исторические периоды. Она как бы «стрижет купоны» с тех заделов, которые были сделаны ранее, приспосабливая уже известное к сегодняшней политике. Однако этот этап во многом уже исчерпал себя. И, опять-таки, это особенно заметно в современной России с ее быстро меняющимися политическими процессами. Значит, на пороге новые открытия и новые книги. На пороге — современная российская политическая психология.

Она крайне необходима и самой российской политике, и мировой политической психологии. Западный мир слишком привык жить стабильно. Соответственно, и западная политическая психология забыла, например, о том, что такое психология политических забастовок, или, скажем, просто психология политического кризиса. Из нее практически исчезли целые разделы, связанные с психологией поведения людей в критических ситуациях — например, политическая психология масс. И здесь российские уроки могут быть полезными всему миру.

Современная политическая психология призвана решать три главные задачи. Во-первых, ее задача состоит в том, что увидеть политико-психологический феномен, описать и объяснить его, раскрыв его внутренние механизмы. Во-вторых, задача состоит в точном прогнозировании развития политико-психологических явлений и процессов. Это не дело, когда лишь один-два научных центра в стране могут достаточно точно прогнозировать результаты прези-

дентских выборов с точностью до 1%, а другие выдают странные ошибки в 5% и более. Это не дело, когда вся страна оказывается в шоке от неожиданных решений, принимаемых политиками — скажем, от «новогоднего подарка» в виде досрочной отставки президента Б.Н. Ельцина 31 декабря 1999 г.

Политика должна быть прогнозируемой — только тогда она станет управляемой. А это и есть третья, причем самая главная задача политической психологии — управление политико-психологическими процессами. На основе понимания и прогнозирования развития процессов и явлений, надо уметь их направлять. Политическая психология — одно из средств особого, психологического управления поведением людей. Это должны понимать и ученые, развивающие ее, и политики, ею пользующиеся.

Этому надо учить, и этому надо учиться. Дело, разумеется, не легкое. Как нелегка для прочтения вся эта книга. Но не нами сказано: политика — это не прогулка по Невскому проспекту. Соответственно, и ее изучение не может быть развлекательным чтением баек и анекдотов про политиков.

Всем, кто хочет серьезно заниматься политической психологией, можно дать несколько важных советов. Во-первых, надо изначально понимать, насколько сложное это дело. И теоретически, и, тем более, практически. Нобелевские премии в политической психологии не присуждаются. И воспитать «идеального политика» еще никому не удалось. Однако стремиться к тому, чтобы политики понимали хотя бы психологические последствия своих действий и решений, необходимо. Как бы это не было сложно.

Во-вторых, надо быть реально готовым к тому, что далеко не все политико-психологические рекомендации принимаются «на ура». Более того, далеко не все вообще принимаются. Политики — сложная публика. Они тоже всего лишь люди. Это значит, что их личные интересы далеко не всегда носят научно обоснованный характер и, тем более, далеко не всегда совпадают с тем, как должна строиться политика «на научной основе». И ничего тут не поделаешь: надо понимать, что политическая психология относится к группе «политической обслуги» реальной политики.

В-третьих, надо обязательно уметь сочетать науку с практикой, проверять научное знание на адекватность быстро меняющимся политическим ситуациям. Любая наука о людях является непрерывно развивающейся наукой. Ведь люди сами совершают что-то, а потом изучают это что-то для того, чтобы совершать что-то новое. И так далее, до бесконечности. Это в физике можно до конца изучить свойства какого-нибудь камня — лежит себе мертвым грузом, и вода под него не течет. Однако и камни с годами меняются. Тем более, все непрерывно меняется в тех явлениях и процессах, которые осуществляются самими людьми. Вот почему надо уметь быть гибким и пластичным. Возможно, главная опасность для политической психологии — это опасность догматизированного знания, пусть верного вообще, но не применимого к конкретной ситуации. Упрямый Джордано Бруно твердил: «А все-таки она вертится!». И пошел на костер инквизиции. Более гибкий Галилей вовремя засомневался: дескать, смотря с какой стороны посмотреть... И остался жив.

Именно в таком, ироничном разрезе часто вспоминают политические психологи эту общеизвестную историю. Однако за иронией стоят серьезные вещи. Декартов принцип сомнения — основа развития любого, особенно гуманитарного знания. В полной мере он применим и к политической психологии.

И, наконец, совсем последнее. Политический психолог должен быть по возможности честным. Хотя бы в меру. Хотя бы перед самим собой. Занятия политической психологией — достаточно ответственная вещь. Очень часто поли-

тико-психологическое знание может стать непосредственно действующим политическим инструментом. Мы приводили примеры, методы и ситуации, когда наша наука может реально влиять на политику — а значит, на судьбы многих людей. Это надо иметь в виду.

Приложение

Программа курса «политическая психология»

ТЕМА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

Политическая психология как междисциплинарная наука на стыке политологии и социальной психологии. Ее истоки и автономный статус. Психологические и политологические корни политической психологии. Поведенческий подход как методологическая платформа политической психологии Основные вехи истории поведенческого подхода, его достоинства и недостатки.

Западная «политическая психология» и отечественная «психология политики» как относительно самостоятельные понятия, отражающие различные трактовки предмета и задач политической психологии.

Политика как особый вид деятельности людей. Психологическая структура такой деятельности. Понятие «психологических механизмов» этой деятельности и основные элементы этих механизмов. Возможности политологии и психологии в их понимании и практическом воздействии на них.

Предмет и задачи политической психологии. Психологические аспекты, факторы и «составляющие» политики как предмет политической психологии., Анализ, прогнозирование и управленческое влияние на политическую деятельность со стороны ее психологического обеспечения как три основных задачи политической психологии.

Основные объекты изучения политической психологии. Политическая психология внутренней политики. Политическая психология внешней политики и международных отношений. Военно-политическая психология.

Основные принципы политической психологии. Основные проблемы и методы политической психологии:

1) психология отдельной политической личности;
2) психология малых групп в политике;
3) психология больших групп в политике;
4) массовая психология и массовые настроения в политике.

Теоретическая и прикладная политическая психология.

Литература

1. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. — М., 1994.
2. Ольшанский *Д.В.* Политическая психология // Психологический журнал. — 1992. —№ 2. — С. 173—174.

3. Политическая психология. — Л., 1992.
4. Политология: Энциклопедический словарь. — М., 1993.
5. *Рощин С.С.* Политическая психология. // Психологический журнал. — 1981.— № I.— С. 113—121.
6. *Шестопал Е.Б.* Психология политики. — М., 1989.
7. Handbook of political psychology. / Knutson J. (ed.) — San Francisco, 1973.
8. Political psychology: contemporary problems and issues. — San Francisco, 1986.

ТЕМА 2. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Основные понятия и категории как логический и методологический аппарат политической психологи, ее собственный частно-научный «язык».

Политическое сознание: определение, содержание, междисциплинарная суть, связи с другими понятиями и категориями. История понятия и его изучения. Направления и методы исследования. Массовое, групповое и индивидуальное политическое сознание. Механизмы функционирования, динамика развития и функциональные формы политического сознания. Мотивационные и познавательные компоненты. Обыденные и теоретико-идеологизированные формы политического сознания.

Политическое самосознание, его субъекты. Когнитивный, эмоциональный и оценочно-волевой компоненты политического самосознания как целостного образа самого себя. Истоки формирования; механизм социального сравнения как главный фактор формирования политического самосознания, Политическое самосознание и политическое самоопределение. Проблема адекватности политического самосознания.

Коллективное бессознательное в политике. История понятия: трактовки К. Юнга, Э. Дюркгейма, В. Бехтерева. Структура коллективного бессознательного и массовое поведение. Влияние коллективного бессознательного на индивидуальное сознание. Его роль на разных этапах истории политики

Политическая культура. Содержание и история понятия. Основные определения политической культуры. Структура и базовая схема элементов: субъект — установка — действие — объект. Субъекты и основные Характеристики политической культуры. Ее динамичность и инерционность. Механизмы передачи и обновления. Основные типы политической культуры.

Политическая психика. Политическое восприятие. Политическое мышление. Политические эмоции. Инерция психики в политике. «Эскалация упрямства» как феномен психологической инерции в политике: причины и факторы. Многоуровневый характер проявлений инерции психики.

Политические установки и стереотипы. Понятие установки: определение. Истоки и содержание понятия «стереотип». История понятия. Двойственная роль стереотипов в политике. Основные факторы формирования стереотипов. Внутреннее строение и структура. Механизмы действия стереотипов и их использование в манипулятивных целях. Стереотипы, тоталитаризм и демократия.

Литература

1. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. — Пг., 1921.
2. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан. — М., 1985.

3. *Ольшанский Д.В.* Социальная психология «винтиков». //Вопросы философии. — 1989. —№ 8. —С. 91—103.
4. *Шерковин Ю.А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. — М., 1973.
5. *Юнг К.* Психологические типы. — М., 1924. *Eulau И.* Politics, self and society: A theme and varya-tion. — L., 1950.
6. *Himmelweit H. et al.* How voters decide. — L.,1985.
7. *Lane R.E.* Political thinking and consciousness: The private life of the political mind. — Chicago, 1968.

ТЕМА 3. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Предыстория политико-психологических идей. Их место в трудах древнегреческих, римских и восточных авторов. Политико-психологические идеи Аристотеля.

«Государь» Н. Макиавелли и его роль в развитии политической психологии Нового времени. Политико-психологические идеи эпохи Возрождения. Политическая психология эпохи Просвещения. Политическая психология масс и политических режимов; ее разработка в XIX веке. Психоанализ З. Фрейда и политическая психология начала XX века.

Разработка политико-психологической линии в первой половине XX века. Опыты конструирования политической психоистории. Становление Чикагской школы — предтечи современной политической психологии. Труды Г.Д. Лассуэлла как первые серьезные попытки прагматического соединения психологического и политического знания и формирования самостоятельного политико-психологического направления науки.

Развитие политико-психологических идей в XIX—XX веках в России. Работы Н.К. Михайловского, В.М. Бехтерева и др. Всплеск внимания к политико-психологическим проблемам в 20-е гг. Политические причины свертывания политико-психологических исследований в последующие годы. Новый подъем интереса к политико-психологическим подходам во второй половине 80-х гг.

Этапы и признаки конституирования политической психологии как самостоятельной науки на Западе. Основные вехи и направления развития западной политической психологии. Современное состояние политико-психологических исследований и их основные направления в России и за рубежом.

Литература

1. *Лебон Г.* Психология социализма. — СПб., 1908.
2. Макиавелли *Н.* Государь. — М., 1990.
3. Ольшанский *Д.В.* Политическая психология. // Психологический журнал. — 1992. —№ 2. — С. 173—174.
4. Политическая психология. / Под ред. Юрьева А.Д. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1992.
5. *Фрейд З.,* Буллит У. Т.В. Вильсон: 28-й президент США: Психологическое исследование. — М., 1992.
6. Handbook of political psychology. — San Francisco, 1973.
7. *Lass-well H.D.* Psychopathology and politics. — Chicago, 1931.
8. Political psychology: contemporary problems and issues. — San Francisco, 1986.

ТЕМА 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Человек и политика. Объектное и субъектное отношение к индивиду. Подчинение и интерес как основные понятия данных позиций.

Политическая социализация: становление личности. Индивид, индивидуальность, личность. Механизмы политической социализации на общесоциальном, социально-психологическом и индивидуально-психологическом уровнях. Основные возрастные стадии политической социализации и их особенности.

Генезис политического сознания и политического мышления по Дж. Адельсону: восемь основных новообразований 11—18 лет. Основные системы политической социализации: система целенаправленной социализации; стихийной социализации; самовоспитание и самообразование. Политическая активность. Политическая пассивность. Политическое отчуждение.

Политическое участие: позиции гражданина. Некоторые особенности политического участия в авторитарном, тоталитарном и демократическом обществе. Основные мотивы политического участия или неучастия граждан.

Политическая организация: появление лидера. Политический лидер и политическое лидерство: общие представления. Авторитет как условие лидерства. Авторитет ложный и истинный. Политический «образ» мира как стержень политической психологии лидера. Доминирование и подчинение как психологические факторы лидерства. Психологические механизмы воздействия лидера на ведомых. Типы лидеров. Личностно-психологические черты лидера. Многоуровневая структура личности лидера.

Психология политической элиты.

Литература

1. *Ашин Г.К.* Современные теории элиты. — М., 1985.
2. *Вятр Е.* Социология политических отношений. — М., 1979.
3. *Гозман Л.П., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. — Ростов-н/Д. 1996.
4. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. —М.,1994.
5. Шестопал *Е.Б.* Личность и политика. — М., 1988.
6. *Field G.L, Higley J.* Elitism. — L., 1980.
7. Greenstem F. Personality and Politics. — Princeton, 1985.
8. Handbook of Political Socialization. Theory and Research. — N. Y., 1977.

ТЕМА 5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГИЯ ЛИДЕРСТВА

Феномен лидерства как особая проблема политической психологии. Феномен лидерства как «человеческое измерение» важнейшей проблемы всей политической науки и практики — проблемы власти.

Ранние теории политического лидерства. Теории «героев» и «теории черт». Теории среды. Личностно-ситуационные теории. Теории взаимодействия-ожидания. «Гуманистические» теории. Теории обмена. Мотивационные теории.

Общие типологии и типы лидерства.

Политико-психологические типологии лидерства. Психопатологическая типология Г. Лассуэлла. Типология политических типов Д. Рисмана. Теория «макиавеллистской личности». Типология президентов Дж.Д. Барбера. Типология Д.М. Бернса; «трансформационное» и «трансдейственное» лидерство. Отечественные типологии политического лидерства.

Современные подходы к проблеме лидерства. Стили лидерства и психологический климат в группе (авторитарный, демократический и попустительский).

Анализ лидерства через четыре переменных Д. Катца. Обобщенные конструкции М. Германн («дудочник в пестром костюме», «торговец», «марионетка», «пожарник»). Культурологическая теория А.Вилдавского. Типология В.Д. Джоунса.

Литература

1. *Милованов Ю.Е.* Лидер и вождь: опыт типологии. — Ростов-н/Д., 1992.
2. Политология: Энциклопедический словарь.— М., 1993.
3. *Christie R., Gets F.* Studies in Machtavellianism. — N.Y.—L., 1970.
4. *Davies A.F.* Skills, outlooks and passions: a psychoanalytic contribution to the study of politics. — Cambridge, 1980.
5. Handbook of political psychology. — San Francisco, 1973.
6. Leadership and politics: new perspectives in political science. — Lawrence, 1989.
7. Political psychology: contemporary problems and issues, — San Fr., 1986,
8. Stogdill R. Handbook of leadership: a survey of theory and research. — N. Y., 1974.

ТЕМА 6. ПСИХОЛОГИЯ МАЛЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

Группа как субъект политики. Группы номинальные и реальные. Группы «большие» и «малые». Особенности малых групп в политике.

Типы и типологии малых групп в зависимости от 1) направленности основных действий группы; 2) степени групповой сплоченности (гомогенности) группы; 3) степени проницаемости группы; 4) своим собственным целям; 5) особенностям группового сознания; 6) структуры; 7) формы связи членов группы; 8) значимости членства в группе для ее участников; 9) продолжительности существования группы; 10) устоявшегося в группе способа принятия решений; 11) общей эффективности групповой деятельности.

Этапы формирования малых групп в политике, их основные характеристики на разных уровнях и стадиях развития: 1} «номинальная группа», 2) ассоциативная группа», 3) «кооперативная группа», 4) «корпоративная группа», 5) коллектив.

Внутренние механизмы становления политической группы: 1) знакомство, 2) появление первичных микрогрупп, 3) консолидация группы.

Лидер и группа. Основные критерии формирования малых групп в политике: принципы компетентности, единства взглядов, личной преданности лидеру и др.

Группы — «команды» лидера. Основные варианты «команд» в истории. Закон «трех команд» лидера: статика и динамика. «Парадокс лидера» и его варианты.

Литература.

1. Агеев *В.С.* Психология межгрупповых отношений. — М., 1983.
2. *Вятр Е.* Социология политических отношений. — М., 1979.
3. *Десев Л.* Психология малых групп. — М., 1979.
4. *Земляной С.* Людская аппаратура личной власти суверена. // Фигуры и лица. — Приложение к «НГ». — 2000.—№ 13.
5. Социальная психология. — М., 1975.
6. *НагеА.Р.* Handbook of Small Group Research. — N. Y., 1963.

7. *Mardon T.* Wm. The Small Group Methods and the Study of Politics. — Evanston, 1969.
8. *Thibault J.W.. Kelley H.H.* The Social Psychology of Groups, — N, Y,, 1967.

ТЕМА 7. ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ. БОЛЬШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Роль и место больших групп в политике. Социально-профессиональные группы, страты, классы и слои населения как разновидности больших групп в политике. Марксистский и веберианский подходы: их антагонизм и способ его преодоления.

Влияние принадлежности к большой социальной группе на психику человека. Обыденная групповая психология: истоки, содержательные компоненты, основные проявления. Роль социально-экономических условий жизни.

Групповое сознание как высший уровень развития групповой психологии.

Групповая идеология: механизмы формирования и распространения групповой идеологии; основные параметры содержания групповой идеологии и его особенности. Ценности, нормы и образцы поведения как основные компоненты групповой идеологии.

Диалектика развития: «группа в себе» и «группа для себя».

Политико-психологические уровни общности больших социальных групп и их характерные признаки: 1) наличие внешнего сходства («внешне-типологический» уровень), 2) развитие группового самосознания («внутренне-идентификационный» уровень), 3) появление общих интересов и ценностей, осознание их единства и появление единства действий («солидарно-действенный» уровень). Условия и факторы, влияющие на динамику политико-психологического развития больших социальных групп.

Некоторые черты политической психологии основных больших социальных групп.

Психологические особенности маргинальных групп и слоев населения. Психологические истоки политического радикализма. Психология люмпенства.

Литература

1. *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990.
2. *Дилигенский Г.Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии: Исследование по социальной психологии французского рабочего класса, — М., 1969.
3. Основы социальной психологии и пропаганды. — М., 1982.
4. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
5. Социальная психология. — М., 1975.
6. Социальная психология классов. Проблемы классовой психологии в современном капиталистическом обществе. — М., 1985.

ТЕМА 8. ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ. БОЛЬШИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Роль и место национально-этнических групп в политике. Основные виды национально-этнических групп: род, племя, народ, нации, национальности, расы и этносы.

Основные слагаемые национально-этнической психологии: национальный характер и национальное сознание, формирующие психический склад нации в целом. Национальный характер как эмоционально-чувственная «платформа»

национально-этнической психологии. Роль физических условий среды, биопсихических, социальных и культурных предпосылок становления национального характера. Структура национального характера, ее основные слагаемые: национальный темперамент, национальные эмоции, национальные чувства, первичные национальные предрассудки.

История изучения национального характера. Политико-психологическая сущность этноцентризма. Проблема национального характера в политической борьбе.

Национальное сознание — более рациональный уровень национально-этнической психологии. Обыденное национальное сознание, его структура и основные элементы. Национально-этнические стереотипы и установки. Национальные обычаи и традиции — «социальная память» национально-этнических групп. Психология национального меньшинства и национального большинства. Психологические механизмы распространения обыденного национального сознания. Национально-дискриминируюшис шутки и анекдоты, неосознанные предрассудки и предубеждения.

Теоретическое национальное сознание. Национальные и националистические политико-идеологические конструкции.

Национальное самосознание. Генезис национального самосознания, психологическая антитеза «мы» — «они». Проблема национально-этнической идентификации. Особенности стереотипов национального самосознания. Механизмы рационализации национально-этнической психологии. Противоречивая роль национального самосознания в политике. Национальное и националистическое самосознание.

Обострение национально-этнических проблем в современном мире: политико-психологические причины и следствия. Политико-психологические основы транс -и интернациональных политико-идеологических конструкций. Феномен глобализации. Национальные и межнациональные конфликты и их урегулирование. Национальное и межнациональное согласие и примирение.

Литература.

1. *Нефедова Н.К.* Проблемы национальной психологии. — М.,1988.
2. *Ольшанский Д.В.* Польша: массовые настроения на этапе национального примирения. — М., 1989.
3. ОльшансхийД.В. Национальное примирение: Методологические и теоретические аспекты мирового опыта. — М., 1991.
4. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. — М., 1966.
5. Социальная психология. — М., 1975.
6. *Deutsch K.W.* Tides among nations. — N.Y., 1979.
7. *Mead M., Metraiix R.* Aspects of the present. — N.Y., 1980.
8. *Pye L.* Politics, Personality and Nation-Building. — New Haven. 1962.

ТЕМА 9. ПСИХОЛОГИЯ МАСС О ПОЛИТИКЕ

Ведущая роль психологии масс в динамичных политических процессах. Принципиальные отличия масс и свойственного им массового сознания от больших групп, и присущего им группового сознания.

Массовое сознание. История изучения массового сознания. Психология «массового человека» в трудах Г. Тарда, Г. Лебона, X. Ортеги-и-Гассета, З. Фрейда, Т. Адорно, и др. Два основных подхода: массовое сознание как ипо-

стась обыденного общественного сознания и массовое сознание как самостоятельный феномен.

Массы и массовое сознание. Понятие «массы» как субъекта массового сознания. Основные виды масс: теоретические и практически-политические подразделения. Толпа, «собранная публика» и «несобранная публика» как конкретные разновидности «массы». Основные качества массы как носителя массового сознания. Основное содержание массового сознания с точки зрения его носителя. Ситуативность, гетерогенность и вариативность содержания массового сознания и др. свойства.

Массовая политическая психология, ее динамичность и, одновременно, инерционность Массовое политическое сознание, его генезис, структура, уровни и основные характеристики. Стихийное массовое политическое поведение и массовое политическое сознание. Эффективность воздействия на массу и механизмы такого воздействия. Основные свойства и качества массового политического сознания. Проблемы формирования и функционирования массового политического сознания. Субъект массового политического сознания. Типы и типологии массового политического сознания. Комплексная системная модель массового политического сознания. Ведущие критерии оценки и дифференциации основных типов массового политического сознания. Основные макроформы массового политического сознания: общественное мнение.

Индивид и массовое поведение. Явления деиндивидуализации в массе. Всевластие, анонимность и безответственность индивида в массе. Эффекты заражения и подражания. Внушаемость индивида в массе. Негативное и позитивное воздействие массы. Масса и ее вожаки, их основные типы.

Литература.

1. *Баталов Э.Я.* Массовое политическое сознание современного американского общества: Методология исследования. // Общественные науки. — 1981. — № 3. — С. 87—120.
2. *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. — М., 1987.
3. *Дилигенский Г.Г.* Марксизм и проблемы массового сознания. // Вопросы философии. — 1983. — № 11. — С.3—15.
4. *Ольшанский Д.В.* Актуальные тенденции в исследовании массового сознания. — М., 1989.
5. Современное политическое сознание в США. — М., 1980.
6. *Lippman W.* Publik Opinion. — N. Y., 1922.
7. *Risman D.* The Lonely Crowd. — N. Y., 1950.
8. *SmeIserNJ.* Theory of collective behavior. — N. Y., 1963.

ТЕМА 10. ПСИХОЛОГИЯ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИИ

Массовые настроения как политико-психологический феномен в жизни общества. Концептуальные вопросы взаимосвязи массовых настроений и политического сознания, политической культуры, политического поведения и политической системы.

Определение и природа массовых настроений. Механизм возникновения массовых политических настроений — расхождение притязаний (ожиданий) масс и возможностей их реализации в реальной жизни. «Позитивные» («конструктивные») и «негативные» («деструктивные»), активные и пассивные массо-

вые политические настроения. Основные политико-психологические характеристики массовых настроений. Динамика и основные этапы развития массовых политических настроений. Факторы, определяющие степень выраженности массовых настроений в политической жизни. Массовые настроения как основа массовых политических действий. Уровни экспрессивности массовых настроений.

Субъекты массовых политических настроений. Виды, разновидности массовых политических настроений, основные подходы к их классификации. Основные функции массовых настроений: субъективное обеспечение динамики политических процессов через формирование субъекта потенциальных политических действий; инициирование и регуляция политического поведения; выработка стратегической оценки, долгосрочного отношения к политической реальности — психологической основы идеологической убежденности.

Возможности воздействия на массовые политические настроения. Проблема прогнозирования развития массовых политических настроений.

Массовые настроения и массовые политические движения. Массовые настроения и процессы модификации политической системы. Массовые настроения и развитие политического мышления.

Литература

1. Ольшанский *Д.В.* Массовые настроения в политике. — М., 1995.
2. Политология: Энциклопедический словарь.— М., 1993.
3. *Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. — М., 1966.
4. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. — М.,1979.
5. *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969.
6. *Стефанов Н.И.* Общественного настроение. Същност и формиране, — София, 1975.
7. *Davies J.* Human Nature in Politics. The Dynamics of Political Behaviour.— Westport, 1972.
8. *Marsh A.* Protest and Political Consciousness. — L., 1978.

ТЕМА 11. ПСИХОЛОГИЯ СТИХИЙНЫХ ФОРМ. ПОВЕДЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

Стихийные массовые явления в политике. Проблема стихийного политического поведения, его на-строенческая и ситуативная обусловленность. Основные признаки стихийного поведения. Общие механизмы стихийного поведения: циркулярная реакция, эмоциональное кружение, появление общего объекта внимания и импульсивные действия по отношению к нему.

Основные виды субъектов стихийного поведения. Толпа и закономерности ее поведения. Человек в толпе, трансформация его сознания и поведения. Виды толпы и их политико-психологическая трансформация Проблема контроля за поведением толпы и управления им. Некоторые специфические черты митинга и демонстрации как проявлений политического поведения толпы и способы борьбы с ними.

«Собранная публика» и особенности ее поведения. Психология политических собраний и заседаний. Психология политических партий и общественно-политических движений.

«Несобранная» публика и особенности ее поведения. Электоральное поведение граждан.

Основные формы стихийного поведения: паника и агрессия. Паника и панические настроения в политике. Основные причины и факторы, усиливающие

паническое поведение. Панический ажиотаж. Психологические механизмы возникновения, развития и прекращения паники.

Агрессия и агрессивные настроения в политике, Основные причины и факторы, усиливающие агрессивное поведение. Агрессивный ажиотаж. Психологические механизмы возникновения, развития и снижения уровня агрессии.

Литература.

1. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1998.
2. Ольшанский *Д.В.* Массовые настроения в политике. — М., 1995.
3. Основы социальной психологии и пропаганды. — М., 1982.
4. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. — М., 1979.
5. Социальная психология. — М., 1975.
6. *Barnes B.* The Nature of Power. — Cambridge, 1988.
7. *Lasswell R.* Psychopathology of Politics. — N. Y., 1932.

ТЕМА 12. ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Широта и многообразие прикладных возможностей политической психологии, Основные сферы прикладного использования политико-психологического знания. Основные компоненты прикладной роли политической психологии.

Методы политико-психологических исследований. Конкретные методики и приемы исследования политической психологии личности; малых групп, больших групп; масс. Общие методы политической психологии. Имитационные игры и игровое моделирование — приемы на грани между исследованием и вмешательством психолога в реальную политику.

Методы психологического вмешательства в политику. Переговоры. Формирование коалиций. Политические группировки и их взаимодействие.

Психологические приемы политического действия. Политическая интрига. Политический заговор. Политическая мимикрия. Психологическая война. Политический анекдот.

Литература.

1. История дипломатии. В 3-х тт. — М., 1956—1958.
2. Макиавелли *Н.* Государь.— М., 1980.
3. Политология: Энциклопедический словарь.— М., 1993.
4. *Лебедева М.М.* Вам предстоят переговоры. — М., 1993.
5. *Косолапое Н.А.* Социальная психология и международные отношения. — М., 1983.
6. A psychological examination of political leaders / Ed. M. Hermann, T. Milbum. - N. Y., 1977.
7. Dowers *R; Huges J.* Political Sociology. — Chichester, 1983.
8. *Hermann M.* Handbook for assessing personal characteristics and foreign policy orientations of political leaders. — Columbus, 1987.

Содержание